Н. П. Остроумовъ.

Исламовѣдѣніе.

I. Аравія, колыбель ислама.

(جزيرة العرب)

ТАШКЕНТЪ.
Тип. при канц. Турк. Г.-Губернатора.
1910.

Печатается съ разрѣшенія начальства.

Двадцатое столѣтіе может быть названо „столѣтіемъ пробужденія ислама". По крайней мѣрѣ, въ первое десятилѣтіе этого столѣтія оч. рельефно обнаружилось повсемѣстное сознательное движеніе мусульманъ къ общечеловѣческому просвѣщенію и къ формамъ жизни, согласованнымъ съ современными понятіями о культурѣ и прогрессѣ. Неожиданныя перемѣны въ образѣ правленія Турціи и Персіи, развитіе мусульманской печати даже среди россійскихъ мусульманъ, стремленіе къ школьному образованію на автономныхъ началахъ и не всегда скрываемое недовольство существующими порядками управленія, въ связи съ несомнѣннымъ паденіемъ русскаго престижа въ глазахъ инородцевъ Россій,—все это должно побуждать русскихъ людей къ болѣе серьезному знакомству съ *міромъ ислама*, насчитывающимъ на всемъ земномъ шарѣ болѣе 200 милліоновъ послѣдователей.

Численность мусульманъ увеличивается и притомъ не за счетъ только нисшихъ расъ и нисшихъ религій, а наши познанія въ этой области мало подвигаются впередъ: мы мало знакомы и съ древнимъ исламомъ, а потому и на современное пробужденіе мусульманъ мало обращаемъ вниманія. Между тѣмъ, указанныя обстоятельства побуждаютъ насъ безотлагательно приняться за ознакомленіе съ этимъ колоссальнымъ міровымъ факторомъ, съ каковою цѣлью учреждены особые курсы востоковѣдѣнія въ Ташкентѣ.

Принявъ приглашеніе знакомить слушателей этихъ курсовъ съ исламовѣдѣніемъ, я на первыхъ же порахъ встрѣтился съ большимъ затрудненіемъ — отсутствіемъ *руководства* по названному курсу, что и побудило меня къ переизданію печа-

таемой книги*). При этомъ авторъ, безъ всякаго самовосхваленія, полагаетъ, что печатаемый трудъ его можетъ на первыхъ порахъ пополнить сознаваемый недостатокъ въ *руководствѣ* по исламовѣдѣнію для г.г. военныхъ офицеровъ, готовящихся къ занятію административныхъ должностей въ Туркестанскомъ краѣ, коренное населеніе котораго исповѣдуетъ мусульманскую религію и въ своей домашней и общественной жизни слѣдуетъ предписаніямъ шаріата. Въ тоже время печатаемая книга можетъ служить для справокъ каждому интересующемуся исторіей ислама и спеціально не изучавшему этотъ отдѣлъ всемірной исторіи, и пособіемъ для преподавателей средневѣковаго періода всемірной исторіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, избавивъ ихъ отъ труда подбирать изъ разныхъ книгъ необходимый для уроковъ матеріалъ.

Въ виду высказанныхъ соображеній, авторъ намѣренъ издать послѣдовательно нѣсколько выпусковъ своего труда, въ числѣ которыхъ печатаемая книга составляетъ *первый* выпускъ. Затѣмъ будутъ слѣдовать: очеркъ жизни Мухаммеда, основателя ислама; исторія текста Корана,—главной законодательной книги мусульманъ, съ изложеніемъ основныхъ вѣрованій и нравственныхъ обязанностей мусульманъ; очеркъ развитія мусульманскаго законовѣдѣнія съ краткимъ изложеніемъ разныхъ отдѣловъ его, по школѣ Абу-Ханифы. Планъ автора въ этомъ дѣлѣ таковъ: Аравія, Мухаммедъ и Коранъ—три имени, соединенныя между собою тѣсною внутреннею связью: безъ Аравіи не было-бы Мухаммеда и Корана, а безъ Мухаммеда и Корана Аравія не имѣла бы такой міровой извѣстности, какою она до сихъ поръ пользуется, и того значенія, какое она имѣетъ въ религіозной и политической жизни мусульманъ.

Высказанными соображеніями объясняется заглавіе печатаемаго выпуска, въ которомъ авторъ намѣренъ показать зависимость ученія Корана отъ географическихъ, историческихъ и

---

*) Въ первый разъ отдѣльныя главы этой книги были напечатаны въ видѣ журнальныхъ статей въ Казанскомъ Академическомъ журналѣ за 1896—1898 г.г. Настоящее изданіе является пополненнымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣненнымъ и снабженнымъ нѣсколькими рисунками.

этнографическихъ особенностей Аравіи и объяснить, какимъ образомъ это малоизвѣстное, не вездѣ оригинальное и притомъ не идеальное въ своемъ существѣ ученіе первоначально распространилось среди арабовъ, почему затѣмъ оно находило себѣ прозелитовъ преимущественно въ въ Азіи и Африкѣ и какое вліяніе оказываетъ на нихъ. Авторъ предполагаетъ распредѣлить содержаніе печатаемой книги по слѣдующимъ главамъ: 1) географическое описаніе Аравіи; 2) историческія свѣдѣнія о древней Аравіи; 3) древніе обитатели Аравіи; 4) домашній и общественный бытъ древнихъ арабовъ; 5) характеръ и нравы древнихъ арабовъ; 6) религіозныя вѣрованія древнихъ арабовъ; 7) арабскій языкъ—языкъ Корана; 8) Кааба и обряды хаджа у древнихъ арабовъ; 9) арабы и христіанство; 10) современное положеніе Аравіи въ связи съ распространеніемъ ислама.

Средства для изданія печатаемой книги, съ разрѣшенія Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, генералъ-лейтенанта Александра Васильевича Самсонова, даны автору Статистическимъ Комитетомъ Сыръ-Дарьинской области.

Приношу Статистическому Комитету и его превосходительству искреннюю благодарность за вниманіе къ моему посильному труду на пользу Туркестанскаго края, а также Владиміру Андреевичу Мустафину*), содѣйствовавшему разрѣшенію изданія печатаемой книги на указанныя средства.

Н. Остроумовъ.

18 августа 1910 года. Ташкентъ.

*) Управляющій канцеляріей Туркестанскаго Генералъ-Губернатора.

Современная Турецкая карта Аравіи.

I.

Географическое описаніе Аравіи.

Изображенная на прилагаемой турецкой картѣ Аравія занимаетъ югозападный полуостровъ Азіи, такъ называемый Аравійскій полуостровъ, находящійся между 12^0 и 30^0 с. ш. и между 35^0 и 60^0 в. д. отъ Гринича*), или между 50^0 и 76^0 отъ Ферро. Соединяясь на сѣверѣ съ европейско-азіатскимъ материкомъ, Аравійскій полуостровъ находился въ непосредственной близости къ Сиріи, Палестинѣ, Финикіи и Ассиро-Вавилоніи; съ восточной стороны Персидскій заливъ доставлялъ Аравіи удобное сообщеніе съ древнимъ Мидо-Персидскимъ государствомъ и въ то же время, соединяя ее съ Индійскимъ океаномъ, открывалъ путь въ богатую Индію; на западѣ, при посредствѣ Аравійскаго залива, Аравія примыкала къ древнему Египту и Еѳіопіи. Узкій перешеекъ соединялъ Аравію съ берегами Средиземнаго моря, вокругъ котораго развивалась древняя цивилизація.

Болѣе точныя границы Аравіи указываетъ извѣстный мусульманскій ученый конца XIII и начала XIV в., Абульфеда: „Человѣкъ который бы хотѣлъ прослѣдовать по границамъ Аравіи и который отправился бы отъ Айлы (Акаба) на югъ, по берегу моря, имѣлъ-бы море на правой рукѣ и проѣхалъ-бы послѣдовательно черезъ города: Мадіанъ, Янбо, Альбараэ, Джидду. Затѣмъ, вступивъ въ Еменъ, онъ проѣхалъ-бы чрезъ города Зебидъ и Аденъ. Далѣе онъ ѣхалъ бы по Емену, имѣя впереди востокъ, а справа—море, какъ прежде, и проѣхалъ бы по берегу Дафару (Зафару) и по берегу Махры. Затѣмъ, направляясь къ сѣверу и продолжая имѣть справа море, онъ оставилъ бы берегъ Махры, проѣхалъ бы чрезъ Оманъ, поравнялся бы съ островомъ Аваномъ и посѣтилъ-бы Алькатифъ, Кадеме и Басору (Бостра). Потомъ онъ сдѣлалъ-бы поворотъ и, удаляясь отъ моря, направился бы къ востоку: Ефратъ находился бы у него на правой рукѣ, и онъ

*) Въ „Живописномъ путешествіи по Азіи“ (перев. Е. Корша) границы Аравіи указаны такъ: 12^0 $40'$ и 34^0 $7'$ с. ш. и 30^0 $15'$ и 57^0 $30'$ в. д. (С.-Петербургъ, 1840 г. т. в., стр. 261).

послѣдовательно миновалъ бы города: Альсибъ, Куфу, Ану, Рахабу и Балесъ; онъ путешествовалъ бы по границамъ Алепской провинціи, затѣмъ проѣхалъ бы черезъ Саламію и Бельку и прибылъ бы въ гор. Айлу, изъ котораго отправился»*).

Древніе европейскіе географы, со временъ Птоломея (ум. въ 161 г. по Р. Хр.), раздѣляли Аравію на три части: *Каменистую Аравію*, занимавшую сѣв.-зап. часть Аравіи, лежащую на югъ отъ Палестины и обнимавшую такъ называемый Синайскій полуостровъ; *Пустынную Аравію*, лежавшую къ сѣверовостоку отъ Каменистой, съ гор. Пальмирой; *Счастливую Аравію*, составлявшую южную и юго-западную части Аравійскаго полуострова, съ городами: Меккой, Мединой, Аденомъ и др.[1]). Но такое дѣленіе Аравіи, удержанное средневѣковыми географами, не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію полуострова и объясняется недостаточнымъ знакомствомъ этихъ географовъ съ страной, которую они описывали съ чужихъ словъ[2]).

Со времени арабскихъ завоеваній Аравія сдѣлалась болѣе извѣстна, и мусульманскіе ученые, имѣвшіе особый интересъ изучать Аравійскій полуостровъ, извѣстный у нихъ подъ именемъ «*Джезирату-ль-арабъ*» т. е Полуостровъ арабовъ, принимали другое дѣленіе Аравіи. Такъ, Альмадаіни (ум. въ первой половинѣ IX вѣка по Р. Хр.) дѣлитъ аравію на слѣдующія пять частей: Тегама, Неджедъ, Хиджазъ, Арузъ и Еменъ. По объясненію этого автора, Тегама[3]) находится на югѣ Хиджаза, а Неджедъ[4]) лежитъ между Хиджазомъ и Иракомъ. Что касается до Хиджаза, то это—гористая страна, простирающаяся

---

*) Географія Аравіи. Перев. съ французскаго. Православный Собесѣдникъ за 1890 годъ. Апрѣль, стран. 512—513.

[1]) Прот. П. Солярскій. Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ. С.-Петербургъ. 1879 г. стран. 140—145 подъ сл. „Аравія“.

[2]) См. напримѣръ: Notitiae orbis antiqui, sive geographiae plenioris. Tomus alter, Asiam et Africam exponens. Christophorus Cellarius ex vetustis probatis que monumentis collegit... Lipsiae, MDCCVI. Caput XIV. De Arabia. Pag. 670—708.

[3]) Слово „Тегама“ означаетъ собственно низменное, жаркое и нездорове мѣсто. Это выраженіе преимущественно прилагается къ прибрежнымъ мѣстностямъ, не защищеннымъ отъ солнечныхъ лучей. Это и слѣд. примѣчанія заимствованы изъ цитированнаго перевода географіи Абульфеды.

Въ „Живописномъ путешествіи по Азіи“ Тегама описывается страной равной, песчаной, безплодной и чрезвычайно жаркой, не имѣющей ни одной рѣчки, въ которой сохранялась бы вода цѣлый, годъ. (Перев. Е. Корша С. П. Б. 1840 г. Т. 6., стр. 249).

отъ Емена до Сиріи. Въ ней находятся Медина и Оманъ[1]. Арузъ[2]) есть тоже, что Ямама—страна, доходящая до Бахрайна. Альмадайни объясняетъ названіе *Хиджазъ* тѣмъ, что онъ служитъ раздѣломъ между Наджомъ и Тегамою и добавляетъ, что Хиджазъ расположенъ отъ Медины до Табука и отъ Медины до Куфинской дороги. Страна, лежащая дальше на востокъ, до территоріи Бассоры, принадлежитъ къ Наджду. Къ Хидажзу, напротивъ, относится страна между Мединою и Меккою до отлогости Арджа (махбатуль-арджъ). Страна, лежащая дальше въ направленіи къ Меккѣ и къ Джиддѣ, составляетъ часть Тегамы.

Извѣстный багдадскій ученый путешественникъ (943—968 гг. по Р. Хр.) Ибнъ-Хаукалъ принялъ другое дѣленіе Аравіи, именно: 1) Хидзажъ, въ которомъ заключается Мекка, Медина и Ямама; 2) Наджъ (или возвышенную часть) Хиджаза, простирающійся отъ Хиджаза до Бахрайна; 3) открытыя равнины (*бадія*)[3]) Ирака, Джезиры и Сиріи; 4) Еменъ, въ которомъ заключается Тегама, Наджъ, Ямама, Оманъ, Махра, Хадрамаутъ, территоріи Санаа и Адена и большое число другихъ округовъ. Сообразно этому, Еменъ заключаетъ мѣстности, расположенныя

---

[4]) Слово *наджъ* означаетъ вообще мѣсто возвышенное и противопоставляется слову *гауръ* или низменности. У арабскихъ поэтовъ вѣтеръ Наджда противополагается горячему и сухому вѣтру песчаныхъ пустынь, такъ какъ Наджъ испещренъ плодородными оазисами и покрытъ по мѣстамъ травою и пахучими цвѣтками, такъ что Наджъ можетъ быть названъ *Аркадіей* арабовъ. Въ Наджѣ были извѣстны знаменитые поэты; поэты другихъ мѣстностей Аравіи давали нѣкоторымъ отдѣламъ своихъ стихотвореній заглавіе: „Наджинскія стихотворенія". (Примѣч. къ франц. перев. Географіи Абульфеды).

[1]) Оманъ означаетъ древнюю страну аммонитянъ, на востокъ отъ Мертваго моря. Абульфеда относитъ страну Оманъ къ Сиріи.

[2]) Слово *арузъ* употребляется о предметѣ, лежащемъ поперегъ. *Арузъ* заключаетъ въ себѣ Медину, Мекку и Еменъ; по другимъ только Мекку и Еменъ, а еще по другимъ—Мекку и Таифъ съ ихъ окрестностями. По нѣкоторымъ авторамъ, Арузъ противоположенъ Ираку.

[3]) Слово *бадія* у арабовъ употребляется о всякой вещи, остающейся подъ открытымъ небомъ. Въ примѣненіи къ землѣ, слово *бадія* означаетъ почву, свободную отъ культуры и осѣдлостей. Отъ того же корня происходитъ выраженіе „бедуинъ", то есть человѣкъ, живущій подъ открытымъ небомъ. Это же значеніе можно придавать слову „Сарацинъ", которое, вѣроятно, испорчено изъ персидскаго выраженія *„сахра-нишинъ"*, значущаго: обитатель пустыни. Это слово понынѣ употребляется персами, какъ синонимъ слова *кочевникъ*. Въ первыя столѣтія нашей эры парѳянскіе и сассанидскіе цари словомъ *„сахранишинъ"* называли арабскія племена, занимавшія берега Ефрата и Тигра и въ войнахъ противъ персовъ и римлянъ не разъ колебавшія побѣду.

отъ Альсеррайна (на Красномъ морѣ) черезъ территорію Елемлемъ до вершины горы Таифа, равно какъ Наджд отъ Емена до Персидскаго залива, съ восточной стороны «Йеменъ, прибавляетъ Ибнъ-Хаукалъ, занимаетъ почти 2/3 всего полуострова». Хиджазъ занимаетъ мѣстность, находящуюся между Альсеррайномъ на берегу Краснаго моря до Мадіана, затѣмъ заходитъ къ востоку черезъ Альхиджръ до горы Тай, на плоскогоріи Емамы. Къ Надјду принадлежитъ страна, находящаяся между Емамой въ окрестостяхъ Медины, до территоріи Бассоры и до Бахрайна. Равнины Ирака (бадіату-ль-Иракъ) содержатъ страны отъ Аббадана до Хайбара, вдоль Наджда и Хиджаза. Подъ именемъ равнинъ Джезира (бадіяту-ль-Джезира) нужно понимать страну, простирающуюся отъ Хайбара до Балеса, Таймы и Вади ль-кора (долины деревень). Наконецъ, равнины Сиріи (бадіяту-ль-Шамъ) заключаюкъ страну отъ гор. Балеса до Айлы, противъ Хиджаза и возлѣ территоріи Табука. Ибнъ-Хаукалъ говоритъ также, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, знакомыхъ съ предметомъ, Медина входитъ въ Наджд, а Мекка – въ Тегаму Емена[1]).

Береговая линія Аравійскаго полуострова, по словамъ Реклю, почти прямая и придаетъ ему почти правильную геометрическую фигуру продолговатаго прямоугольника[2]); общій рельефъ полуострова отличается такою же почти правильностію, какъ и очертанія береговой линіи. Горныя цѣпи, выдвигающіяся вдоль береговой линіи, замыкаютъ на востокѣ югѣ и западѣ правильнымъ валомъ (высотою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 2000 метровъ) находящуюся внутри ихъ возвышенность, центромъ которой служитъ *Наджъ* (высокая страна), по обѣ стороны отъ 25° с. ш.

При неопредѣленности сѣверной границы Аравійскаго полуострова, площадь его опредѣлялась и до сихъ поръ опредѣляется различно. Ибнъ-Хаукалъ вычисляетъ собственно окружность Аравіи такимъ образомъ: отъ Аббадана до Бахраина мѣсяцъ, до Омана мѣсяцъ, отъ Омана до Махры мѣсяцъ, отъ Махры до Адена мѣсяцъ, отъ Адена до Джидды мѣсяцъ, отъ Джидды до гавани Альджохфа три перехода, отъ Альджохфы до Альджара

---

1) Правосл. Собес. 1890 г. апрѣль, стр. 515—516 и 521–523

2) Гиббонъ менѣе точно считаетъ Аравійскій полуостровъ за обширный неправильный треугольникъ. См. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. V, стр. 466.

также три перехода и отъ Альджара до Айлы 20 переходовъ. Абульфера прибавляетъ, что отъ Айлы до горы Шарата (Ашшаратъ) [1]) считается около трехъ переходовъ, отъ Шарата до Белькаа около трехъ переходовъ, отъ Белькаа до машариковъ[2]) Хаурана почти шесть переходовъ, отъ машариковъ Хаурана до территоріи Дамаска около трехъ переходовъ, отъ машариковъ Дамаска до Саламіа ололо четырехъ переход въ, оттуда до Балеса около семи переходовъ, отъ Балеса до Куфы около 20 переходовъ, отъ Куфы до Бассоры около 12 переходовъ и отъ Бассоры до Аббадана почти два перехода[3]).

Площадь Аравійскаго полуострова Гельвальдъ опредѣляетъ въ 2.750 000 кв. килом., Реклю въ 3.100.000 кв. килом, считая въ томъ числѣ и Синайскій полуоствовъ[4]); въ Энциклопедическомъ словарѣ проф. Березина поверхность Аравіи опредѣляется около 48.000 кв миль[5]), а въ словарѣ проф Андріевскаго—въ 3 156 000 кв. килом[6]). Въ «Живописномъ путешествіи по Азіи» (перев. Е Корша) длина Аравіи опредѣляется въ 600 миль, ширина—въ 500 миль, вся поверхность до 80.000 кв миль съ 12 мил. жителей Болѣе двухъ третей всей поверхности Аравіи занимаютъ степи (С.-Петербургъ, 1840 г. Т. 6, стр 261).

По своему географическому положенію вообще, по устройству поверхности, по климату, флорѣ и фаунѣ, Аравійскій полуостровъ принадлежитъ въ одно и тоже время, какъ говоритъ Реклю, къ Азіи и Африкѣ, какъ переходная ступень между этими двумя частями свѣта; по контурамъ, по направленію горъ, по климатическимъ условіямъ,—это преимущественно Африканская земля; по скату же своихъ потоковъ, по смежности съ

---

[1]) Гора Сейръ—по Библіи.

[2]) Слово „*машарикъ*“ (множ. число отъ словъ „мишракъ“, или „*машрикъ*“) обозначаетъ мѣсто, освѣщаемое восходящимъ солнцемъ. Такія мѣста представляютъ изъ себя превосходныя пастбища и поэтому въ глазахъ кочевниковъ имѣютъ особую цѣнность. (Примѣч. къ франц перев географіи Абульфеды).

[3]) Абульфеда. Правосл. Собесѣдникъ. 1890, августъ, стр. 379—380.

[4]) Земля и люди. Т. IX, стр. 698.

[5]) Русскій энциклопед. словарь (Спб. 1874, томъ II), Аравія.

[6]) Энциклопедич. словарь (Спб. 1890, томъ I), Аравія.

бассейномъ Ефрата, на протяженіи слишкомъ 1000 километровъ, это, напротивъ, одна изъ странъ Азіи[1]). Крайнее сходство природы обоихъ береговъ Краснаго моря даетъ ученымъ основаніе предполагать, что на мѣстѣ этого моря и Аденскаго залива произошелъ нѣкогда разрывъ поверхности материка отъ вулканическихъ причинъ, на дѣйствіе которыхъ ясно указываютъ съ одной стороны вулканическіе острова Краснаго моря, а также—вулканическій поясъ, идущій отъ Хаурана до окрестностей Мекки (Гельвальдъ). Въ указанной родственности природы Аравіи съ Азіей и Африкой и нужно видѣть одну изъ причинъ, давшую исламу, возникшему на Аравійскомъ полуостровѣ, возможность успѣшнаго и широкаго распространенія на обоихъ названныхъ материкахъ стараго свѣта, какъ объ этомъ краснорѣчиво говоритъ современное распространеніе этой религіи.

Въ Коранѣ очень мало свѣдѣній о населенныхъ пунктахъ Аравіи: во всей этой книгѣ названы всего четыре города—Мекка, Медина, Саба и Табукъ. При полной *запретности* священной области для иновѣрцевъ и при физической затруднительности путешествій по Аравіи, только немногіе европейцы, съ огромными лишеніями и большимъ рискомъ, рѣшались проникать въ нѣкоторыя области ея и оставили описанія своихъ путешествій, описаній видѣнныхъ ими мѣстностей и вообще наблюденій и пережитыхъ впечатлѣній. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Нибуръ К. (1733—1815 г.), путешествовавшій по Емену въ 1763 г., Бурхгартъ (1784—1817 г), Пальгрэвъ (1826—1888 г.), Хургронье, жившій въ самой Меккѣ въ 1884-5 г.г. и немногіе другіе. На основаніи этихъ путешествій и другихъ авторовъ, можно составить довольно ясное представленіе о населенныхъ пунктахъ Аравійскаго полуострова.

Въ *Каменистой* Аравіи встрѣчаются развалины древнихъ городовъ съ христіанскими памятниками. Это—древняя Петрея, получившая свое названіе отъ главнаго города Петры, славившагося своею торговлею и богатствомъ, потому что онъ находился на большомъ караванномъ пути изъ Емена въ Сирію и др. страны. Это—познѣйшій Хиджръ, упомянутый въ Коранѣ. Историческія свѣдѣнія объ этой части Аравіи сообщаются во

*) Земля и люди, т. IX, стр. 693.

II главѣ настоящаго изданія. Въ этой же области находились Айла (Эла, Села, позднѣйшая Акаба) и Бостра (позд. Бассора).

Пустынная Аравія (Надждъ), тянущаяся къ востоку отъ Хиджаза, возвышенна, гориста и малодоступна. Страна эта была извѣстна при царѣ Соломонѣ по гор. Тадмору (Пальмира). Особую извѣстность пріобрѣла эта область въ 18-мъ столѣтіи, когда Абдулъ-Ваггабъ основалъ секту Ваггабитовъ, угрожавшую правовѣрному исламу*) и до сихъ поръ озабочивающую турецкое правительство.

По берегамъ, омываемымъ Персидскимъ заливомъ, рас положены торговые города: Кувейтъ, Расъ-аль-Кейма, Кятифъ и Маскатъ Близъ Кятифа устроена бухта и производится добыча жемчуга. Маскатъ, главный городъ Омана, окруженъ садами и финиковыми деревьями и славится своею пристанью. Онъ ведетъ большую торговлю со всѣми другими городами Персидскаго залива и съ Индіей. Къ сѣверу отъ Маската находится приморскій городъ Сахаръ съ хорошею пристанью.

Вдоль южнаго берега Аравіи располагается область Гадрамаута, составляющая вмѣстѣ съ Оманомъ и Еменомъ древнюю „Счастливую Аравію". Вдоль этого берега находится нѣсколько хорошихъ пристаней, а внутри полуострова тянутся извѣстные въ Коранѣ (46, 20) пески *Ахкафъ*, среди которыхъ жили древніе Адяне (см. гл. III). Въ древнее время въ южной Аравіи были извѣстны города: Наджранъ, Магрибъ (Саба , Саботъ, Зафаръ, Шаджаръ, Хаджаръ и Санаа, главный городъ плодоноснаго округа.

Югозападную часть полуострова, на западъ отъ Гадрамаута, занимаетъ Еменъ, описанный Нибуромъ, послѣ его путешествія по этой области въ 1763 году. Городъ Аденъ считается главною пристанью на южномъ берегу Аравіи.

По берегу Краснаго моря съ юга къ сѣверу расположены Саидъ и Моха (Мокка), считающійся главнымъ складочнымъ мѣстомъ кофе, произрастающимъ въ окрестностяхъ города Къ западу отъ Мокки лежитъ городъ Таасъ, изобилующій пшени-

---

*) Съ 1745 года по 1816 годъ ваггабиты наводили ужасъ на Аравію и Сирію; съ 1816 г. они ограбили Кербелу, въ 1802 г. овладѣли Меккой, въ 1804 г. взяли Медину и держали въ своей власти почти весь Еменъ и Сирію до Багдада.

цею и плодами. Къ сѣверу отъ Мокки расположена хорошая пристань Ходейда, торгующая кофе, а далѣе къ сѣверу же находится пристань Джидда, ведущая въ святую область Хиджаза Въ этой пристани ежегодно высаживаются на аравійскій берегъ многочисленные мусульманскіе богомольцы (хаджіи), слѣдующіе въ Мекку (др. Макораба) морскимъ путемъ. Недалеко отъ Мекки находится извѣстный въ жизни Мухаммеда Таифъ. Другою болѣе сѣверною пристанью для богомольцевъ служитъ пристань Янбугъ (Янбо), изъ которой они направляются въ другой священный городъ мусульманъ Медину, древній *Ятрибъ* (Ятриппа греч. географовъ). Недалеко отъ Медины находились еврейскія поселенія: Хайбаръ, Фадакъ, Тайма (Вадиль кора).

Оба священные города мусульманъ (Мекка и Медина) находятся внутри полуострова, расположены въ низменностяхъ, окруженныхъ горами и трудно доступныхъ съ моря и суши. Только въ прошломъ году до Медины была проведена желѣзная дорога отъ Дамаска

Сѣвернѣе Янбуга, на томъ же берегу находится пристань Ваджи съ укрѣпленнымъ замкомъ (Аль-ваджи каласы), славящаяся хорошею питьевой водой и запасомъ съѣстныхъ припасовъ. Къ сѣверо-западу отъ этого укрѣпленія, въ пустынѣ находится Табукъ извѣстный въ исторіи Мухаммеда*, и заливъ Акаба съ городомъ того же имени (древ. Айла, Эла, Села), въ которомъ стекаются богомольцы, слѣдующіе въ Аравію изъ Сиріи и Египта. Изъ этого пункта еврейскій царь Соломонъ отправлялъ свои торговыя суда въ Офиръ, на юго-западѣ полуострова**).

Колыбелью ислама была собственно Хиджазская область съ двумя большими ея городами: Меккою—родиной Мухаммеда и Мединой — городомъ смерти его, въ которомъ онъ былъ похороненъ и гдѣ до сихъ поръ находится его могила. Названіе «*Хиджазъ*» означаетъ собственно „страну раздѣла“ или потому, какъ говоритъ Риттеръ, что Хиджазскія горы отдѣляютъ приморскую область отъ внутреннихъ плоскогорій, или потому что

---

*) До этого города доходилъ Мухаммедъ съ своимъ войскомъ, во время похода въ 630 г. противъ византійскаго императора Ираклія.

**) См. подробныя свѣдѣнія о городахъ Аравіи въ Энциклопедическихъ словаряхъ Брокгауза, Крайя и Плюшара.

эта область отдѣляетъ Сирію отъ Емена, или наконецъ потому, что поверхность Хиджаза разрѣзана горными цѣпями на нѣсколько отдѣльныхъ долинъ. Горныя вершины этой страны не высоки (до 2000 метр.); гранитныя формаціи и горныя породы вторичнаго происхожденія, прерываются потоками лавы. Особеннаго вниманія заслуживаютъ встрѣчающіяся здѣсь поющія и издающія звуки горки. Это—такъ называемая музыка песковъ, извѣстная и въ другихъ мѣстностяхъ Аравійской пустыни. Основатель ислама, какъ извѣстно изъ его біографіи, неоднократно слышалъ голоса, которымъ придавалъ сверхъестественное происхожденіе. Скаты хиджазскаго плоскогорья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень пологи, и поверхность въ общемъ рельефѣ не представляется гористою. Хребетъ «Джебель-кора», проходящій на востокѣ отъ Мекки, въ предгорьяхъ своихъ, со стороны моря возвышается отъ 500 до 1000 метровъ; перевалъ этого хребта, черезъ который, по узкой тропинкѣ, нужно подняться, чтобы попасть въ ближайшій къ Меккѣ и хорошо извѣстный въ первоначальной исторіи ислама городъ Таифъ, стоитъ на высотѣ около 1600 метровъ, а гора Бени-Суфьянъ на юго-востокѣ полуострова возвышается не менѣе, какъ на 2000 метровъ. Къ самой Меккѣ, лежащей на покатости, въ равнинѣ, спускающейся на западъ къ городу Джидда, подъемъ весьма незначительный. Съ горъ по дну оврага, между глыбами гранита, пробиваются ручейки, которые отъ осеннихъ дождей такъ иногда увеличиваются, что заливаютъ улицы Мекки и внутренность двора Каабы а по дорогѣ къ Джиддѣ образуютъ силевые потоки, въ которыхъ тонутъ хаджіи и вьючныя животныя. Земледѣлія и садоводства въ Меккѣ и окрестностяхъ нѣтъ. Пищевые продукты здѣсь привозные. Такъ разсказывали автору Ташкентскіе хаджіи, возвратившіеся изъ Мекки.

Еменъ почти сплошь состоитъ изъ гористаго плоскогорья, по которому, параллельно Красному морю, тянутся горныя цѣпи, составляющія продолженіе Хиджазскихъ горъ. Городъ Санаа лежитъ на высотѣ 2130 метровъ. Въ долинахъ склоны горъ обработаны террасами и покрыты красивою зеленью. Въ продуктахъ земледѣлія и садоводства осѣдлые жители этой страны всегда находили главный источникъ своего благосостоянія, но для кочевой жизни здѣсь нѣтъ большихъ удобствъ.

Къ характиристикѣ всего западнаго побережья Аравійскаго состоятъ изъ породъ вулканическаго происхожденія и что неправильности въ береговой линіи, круто во многихъ мѣстахъ подни- полуострова нужно добавить и то, еще что горные хребты его мающейся отъ морского берега, обязаны разрыву почвы, подъ вліяніемъ вулканическихъ причинъ.

Южный берегъ Арав'йскаго полуострова, имѣщій протяженіе почти въ тысячу миль, большею частію довольно низменный, усѣянъ вулканическими горками и постепенно поднимается во внутрь страны террасами, имѣющими не болѣе 1000 метровъ высоты. По другую сторону этой горной цѣпи поверхность снова понижается по направленію къ большой внутренней равнинѣ. Находящіяса въ центрѣ Аравійскаго полуострова горы Наджда тянутся до горныхъ цѣпей, расположенныхъ по берегамъ Краснаго моря; въ нихъ встрѣчаются кратеры и застывшіе потоки лавы. Здѣсь въ области «Харра»[1]) находится пустыня и каменистая часть полуострова. Къ востоку отъ Мадіанской земли находится другая вулканическая мѣстность (Харра), изъ которой арабы добываютъ базальтовыя ступки и жернова. На сѣверо-востокѣ отъ Медины, близъ города Хайбара, находится такъ называемая «Огненная Харра», вулканическая дѣятельность которой проявлялась еще во времена историческаго періода Аравіи, именно—по преданію—за шесть столѣтій до Мухаммеда а также—въ правленіе второго халифа Омара. Извѣстная въ исторіи жизни Мухаммеда гора Оходъ[2]) принадлежитъ также къ вулканическимъ. Буркхартъ въ своемъ путешествіи изъ Мекки въ Медину имѣлъ случай замѣтить нѣсколько мѣстностей, казавшихся ему вулканическими. Что касается до Харры Мединской, то она расположена приблизительно въ 8 верстахъ къ востоку отъ этого города Буркхартъ приводитъ слѣдующій разсказъ объ изверженіи, предшествуемомъ землетрясеніемъ, въ 654 г. отъ Гиджры (1256 по Р. Х.): «Мухаммедъ сказалъ, что часъ, то есть конецъ міра, ознаменуется огнемъ, который отъ Хиджаза будетъ виденъ до Сиріи

---

[1]) *Харра* на арабскомъ языкѣ означаетъ каменистую почву, покрытую черными камнями, получившими черный цвѣтъ подъ вліяніемъ огня.

[2]) Указанія на эту гору см. въ Коранѣ гл. 3, ст. 117—122.

и который обольетъ шеи бассорскихъ верблюдовъ свѣтомъ». Вскорѣ послѣ смерти Мухаммеда, въ халифатство Омара, было, какъ говорятъ, изверженіе. Что касается изверженія 1256 года, то огонь, по нѣкоторымъ разсказамъ, показывался въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Мединскія женщины пряли по вечерамъ при свѣтѣ этого огня. Огонь выходилъ съ сѣверной стороны, двигаясь подобно муравью. Онъ пожиралъ камни и все, что ему попадалось на пути: только дерево противостояло ему. Два человѣка, приблизившіеся къ огню, не чувствовали большого жара; но когда одинъ изъ нихъ погрузилъ стрѣлу въ землю, желѣзо расплавилось; когда онъ погрузилъ стрѣлу другимъ концомъ, перья ея сгорѣли, но дерево осталось невредимымъ. Всѣ думали что свѣту—конецъ, и всѣ умы обратились къ Богу. Начальникъ Медины, въ надеждѣ умилостивить гнѣвъ неба, поспѣшно отмѣнилъ нѣсколько обременительныхъ податей и освободилъ своихъ рабовъ. Вѣрно то, что черезъ нѣкоторое время мединская мечеть стала жертвою страшнаго пожара и что татары взяли Багдадъ и ниспровергли халифатъ. Оба эти событія были сочтены мусульманами за предостереженіе неба.—Огонь расплавилъ горы, находившіяся на его пути. Долина Шаза была завалена лавою. Вода, не имѣя болѣе стока, стала прибывать и образовала озеро, берега котораго терялись изъ виду; казалось, что это—Нилъ во время разлитія Впослѣдствіи долина еще разъ была завалена лавою и опять очистилась отъ нея[1]).

Въ промежуткѣ горныхъ кряжей Заіорданской страны, Идумеи и различныхъ Харръ на западѣ, горы Шаммаръ на югѣ и равнинъ Ефрата на востокѣ заключается огромное пространство въ полмилліона слишкомъ кв. километровъ, называемое «Аравійскою пустынею» (Бадіату-ль-арабъ) Большая часть этого пространства представляетъ собою степь, на которой кочующіе бедуины находятъ въ изобиліи траву для своихъ стадъ; но, за исключеніемъ такихъ пространствъ, остальная поверхность представляетъ собою отчасти каменистую, отчасти песчаную пустыню, по которой знаменитый предводитель арміи

---

[1]) Правосл. Собесѣд. 1890 г. апрѣль, стр. 519.

Мухаммеда Халидъ (въ 634 г.) совершилъ небывалый ни ранѣе, ни послѣ походъ въ Тадморскій оазисъ, гдѣ и разбилъ византійскія войска.

На три стороны (за исключеніемъ западной) отъ горы Шаммара и Наджда простираются пустынныя песчаныя пространства (Нафудъ), составляющія продолженіе большой Аравійской пустыни, простирающейся на юговостокъ между Наджомъ, Хадрамаутомъ и Оманомъ и заниимающей почти четверть всего полуострова. Сѣверная окраина этой пустыни камениста и напоминаетъ покинутый водами берегъ, а остальная часть песчаная, покрытая крупнымъ пескомъ краснаго, почти малиноваго цвѣта, придающаго ей видъ кроваваго или огненнаго моря, на поверхности котораго отъ дѣйствія вѣтра поднимаются „пламенныя волны", приводящія въ содроганіе путешественника[1]). Подъ вліяніемъ вѣтровъ, дующихъ съ сѣвера на югъ, а равно подъ вліяніемъ вращательнаго движенія земли, пески, отставая отъ земного вращенія, перемѣщаются здѣсь отъ востока къ западу и образуютъ волнообразныя возвышенія, достигающія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до ста метровъ въ высоту. Вотъ что говорить позднѣйшій англійскій путешественникъ по Аравіи, Дж. Пальгрэвъ объ этой мѣстности; «Мы шли по громадному океану сыпучаго красноватаго песку, казавшемуся безграничнымъ и покрытому громадными песчаными кряжами, которые тянулись отъ сѣвера къ югу, параллельно одинъ другому, волна за волной. Каждый холмъ имѣлъ двѣсти или триста футовъ средней высоты, отлогіе берега и круглую вершину, изборожденную во всѣхъ направленіяхъ причудливыми вѣтрами пустыни. Въ глубинѣ ущелья среди этихъ холмовъ, путешественникъ чувствуетъ себя какъ бы заключеннымъ въ душную песчаную яму, обставленную горячими стѣнами со всѣхъ сторонъ. Взбираясь на склонъ ихъ, онъ видитъ внизу обширное море, вздымающееся подъ напоромъ муссона и раздробляемое поперечнымъ дуновеніемъ на мелкія краснознойныя

---

[1]) У Гиббона замѣчено, что вѣтры въ Аравіи не только не освѣжаютъ, но распространяютъ вредные и даже смертоносные песочные бураны; они вздымаютъ песочныя горы, которые можно сравнивать съ высоко поднимающими волнами океана; въ этихъ песочныхъ вѣтрахъ нерѣдко погибали цѣлые караваны и цѣлыя арміи (?!). Т. V, стр. 468

волны. Нѣтъ ни убѣжища, ни отдыха для глазъ или членовъ среди этихъ потоковъ свѣта и зноя, льющихся съ высоты и отражаемыхъ внизу съ такимъ же нестерпимымъ блескомъ

«Прибавьте къ этому утомительность пути въ длинные лѣтніе дни Мы подвигались съ трудомъ или лучше – перебирались въ бродъ по жидкой и жгучей почвѣ на спотыкавшихся и полуодурѣлыхъ верблюдахъ, засыпая ночью только на нѣсколько прерываемыхъ часовъ и не имѣя днемъ никакого отдыха, по совершенному отсутствію пристанища. У насъ было мало запасовъ пищи, а еще менѣе питья, и при томъ теплая и утратившая свой цвѣтъ вода въ бурдюкахъ быстро убавлялась не столько отъ употребленія, сколько отъ испаренія. Вертикально падавшее солнце жгло до того, что одежда, багажъ, попоны,—все принимало горѣлый запахъ и едва допускало прикосновеніе. Шумная веселость бедуиновъ скоро истощилась; разсѣянные въ безпорядкѣ, кто впереди, кто сзади, они продолжали свой путь въ молчаніи, прерываемомъ только гнѣвнымъ ворчаніемъ верблюдовъ при частомъ понуканіи своихъ погонщиковъ»[1])

Кромѣ этихъ песчаныхъ бугровъ, въ Аравійской пустынѣ встрѣчаются еще глубокія воронкообразныя пропасти (фульджи), глубину которыхъ новѣйшіе путешественники по Аравіи опредѣляютъ отъ 70 – 80 до 240 метровъ глубины. На сѣверѣ Хадрамаута до сихъ поръ сохранилось еще названіе песчаной пустыни Аль-ахкафъ, упомянутой выше

Песчаная пустыня Аравіи въ сѣверной своей части, при всей своей безжизненности, не совершенно лишена растительности: весной среди песковъ въ ней, кромѣ кустарника *гата* и дикаго виноградника, въ достаточномъ количествѣ растутъ сочныя травы, и кочевники по цѣлымъ недѣлямъ кормятъ ими свои стада, но зато сами могутъ довольствоваться только верблюжьимъ молокомъ, какъ на большихъ песчаныхъ пространствахъ Средней Азіи (*кара-кумы и кызыль-кумы*), кочующіе со своими стадами киргизы и туркмены проводятъ весну, находя среди песковъ достаточно корма для своего скота. Какъ ни

---

[1]) Джиффортъ Пальгрэвъ. Путешествіе по Средней и Восточной Аравіи. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875, стр. 65.

странно представлять себѣ, чтобы такія безжизненныя пространства могли производить возвышенное впечатлѣніе на человѣческій духъ, однако несомнѣнно, что арабы, по отзывамъ европейскихъ путешественниковъ, страстно любятъ жить въ пустынѣ, гдѣ они чувствуютъ себя вполнѣ довольными, какъ и наши среднеазіатскіе кочевники на просторѣ почти голой степи чувствуютъ себя гораздо свободнѣе и бодрѣе, чѣмъ вблизи культурныхъ мѣстностей.

Въ отношеніи орошенія Аравійскій полуостровъ почти исключительно зависитъ отъ югозападныхъ муссоновъ, которые приносятъ иногда на его поверхность дожди; но эта влажность значительно растрачивается на своемъ пути отъ экваторіальныхъ морей черезъ обширный африканскій материкъ, такъ что на долю собственно Аравіи остается немного ливней, чтобы поддерживать въ ней растительность. Въ Аравіи совсѣмъ нѣтъ рѣкъ въ нашемъ смыслѣ; тамъ рѣки замѣняются горными потоками. Въ горахъ значительное количество воды удерживается изъ облаковъ долѣе и изливается оттуда или въ видѣ постоянныхъ источниковъ и ручьевъ, жадно поглащаемыхъ накаленной почвой; по мѣрѣ удаленія отъ горъ эти благодѣтельныя струи живительной влаги быстро уменьшаются и теряются наконецъ въ равнинахъ въ видѣ небольшихъ струекъ. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля арабскій земледѣлецъ получаетъ нѣсколько ливней, которые и поддерживаютъ его земледѣліе и садоводство. Не безъ причины на эти ливни обращено вниманіе въ Коранѣ: „Пусть обратитъ человѣкъ взоръ свой на то, чѣмъ питается онъ. Мы (т. е. Богъ) проливаемъ воду ливнями, потомъ заставляемъ землю растрескиваться трещинами, выращаемъ на ней хлѣбъ, виноградъ, овощи, маслины, пальмы, сады, обильные деревами, плоды и злаки, въ продовольствіе вамъ и скоту вашему“ (гл. 80, ст. 24—30). И въ другомъ мѣстѣ: «Мы (т. е. Богъ) ниспосылаемъ съ небесъ благословенную воду: ею Мы возращаемъ сады, хлѣбъ на нивахъ, высокія пальмы для пропитанія людямъ; ею оживляемъ омертвѣвшую страну (гл. 50, ст. 9—11). Ливни выпадаютъ обыкновенно въ сильныя жары, наступающія въ разныхъ мѣстахъ полуострова въ разное время года, соотвѣтственно различнымъ географическимъ условіямъ этихъ мѣстностей: въ Хиджазѣ, напримѣръ, дожди преимущест-

венно выпадаютъ въ декабрѣ; въ Еменѣ—въ концѣ іюня и іюлѣ, въ Оманѣ—въ декабрѣ и январѣ. Но вообще получаемой изъ атмосферы влажности въ Аравіи далеко не достаточно для всѣхъ нуждъ ея жителей: «Часто, читаемъ у Реклю, населенія ждутъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ живительной воды; то и дѣло смотрятъ на небо, вопрошаютъ вѣтеръ и всѣ явленія атмосферы; обычныя дѣла прерываются; даже война пріостанавливается между племенами. Всѣ жители деревни, отъ мала до велика, собираются гдѣ-нибудь на открытомъ мѣстѣ, чтобы внимательно слѣдить за облакомъ, образующимся на горизонтѣ, и когда оно разрѣшится дождемъ, когда вода заструится въ оврагахъ и песчаное ложе наполнится быстрымъ потокомъ, собравшаяся толпа привѣтствуетъ это событіе пѣснями и радостными криками Народъ бѣжитъ въ перегонку съ наводненіемъ, образуя кортежъ, сопровождающій давно желанный потокъ, точно какое-нибудь божество.

„Но при выходѣ изъ горъ земледѣльцы располагаютъ лишь частью выпавшей съ неба воды. Гдѣ начинаются пески и каменистыя пространства пустыни, тамъ потоки исчезаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ снова выходятъ на поверхность въ низинахъ или лощинахъ и образуютъ оазисы когда вода не насытилась солью въ нѣдрахъ земли; есть и такіе, которыя скопляются въ озера, постоянныя или временныя, въ глинистыхъ впадинахъ. Когда вода въ этихъ бассейнахъ испарится, одни изъ нихъ являются бѣлыми отъ покрывающаго ихъ соляного налета; другіе, которые были наполнены прѣсной водой, представляютъ лишь бурую поверхность опорожненнаго водовмѣстилища, изборожденную правильными трещинами; но съ небольшого разстоянія виденъ еще свѣтъ, отражающійся какъ бы отъ жидкой площади: нигдѣ миражъ воды не является чаще и не производитъ болѣе полной иллюзіи, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ естественно нужно было расчитывать найти воду, то есть въ бассейнахъ высохшихъ горъ; можно сказать, что, испаряясь, озерная поверхность оставляетъ по крайней мѣрѣ свой образъ»[1])

Аравія—одна изъ знойныхъ странъ земного шара, въ которой часто отъ солнечнаго зноя даже камни трескаются и

---

[1]) Реклю. Т. IX, стр. 717—718.

распадаются. Солнечное лучеиспусканіе въ пустынѣ настолько велико, что бедуины, дорожащіе своею обувью, вынуждены бываютъ надѣвать послѣ полудня обувь, такъ какъ прикосновеніе босыхъ ногъ къ песку чрезвычайно болѣзненно,—до такой степени онъ наколяется солнечными лучами,—а болѣе темные камни бываетъ невозможно взять въ руки даже въ перчаткахъ. Вслѣдствіе сильнаго нагрѣванія, частицы камней расширяются и нѣсколько удаляются одна отъ другой: ночью эти частицы охлаждаются и снова сближаются, чтобы днемъ, подъ солнечными лучами, разъединиться вновь. Но такъ какъ нагрѣваніе въ пустынѣ гораздо сильнѣе охлажденія, то съ теченіемъ времени въ каменной массѣ образуются щели, которыя облегчаютъ работу дождевымъ ливнямъ. Послѣ этого совершенно понятно, почему Мухаммедъ, описывая предъ своими слушателями райское блаженство, такъ часто и увлекательно говорилъ, что въ райскихъ садахъ будуть протекать ручьи свѣжей, чистой воды и под. Въ такой жгучей атмосферѣ даже туземцы страдаютъ всякаго рода недугами, въ числѣ которыхъ слѣпота особенно часто поражаетъ прибрежныхъ жителей полуострова; только населеніе Наджда, благодаря значительной высотѣ его поверхности, болѣе счастлива и пользуется здоровымъ климатомъ. Къ числу тяжелыхъ климатическихъ условій Аравіи относятся сильные и разушительные вѣтры, какъ напримѣръ, изсушающій, смертоносный самумъ*). Европейскіе путешественники описываютъ ужасающія картины, какими сопровождаются движенія вѣтровъ въ Аравійской пустынѣ Такъ у С. Ворисгофера мы находимъ слѣдующія строки:

„Послѣ полудня первыя завыванія бури потрясли воздухъ. Песокъ поднялся, какъ сѣрый колеблемый вѣтромъ парусъ, столбомъ взвился къ небу и посыпался на людей и животныхъ, вызывая невыносимый зудъ въ кожѣ; за первымъ порывомъ вѣтра послѣдовалъ второй; верблюды потупили головы и остановились Начальникъ каравана подалъ знакъ передовымъ всад-

*) О вѣтрахъ упоминается въ Коранѣ нѣсколько разъ. Они считаются знаменіями: или предвѣщаютъ радость, потому что поднимаютъ дождевыя тучи, разрѣшающіяся благотворнымъ дождемъ; или же превращаются въ желтый ураганъ. Самумъ будетъ составлять одно изъ адскихъ мученій грѣшниковъ (Коранъ, 52, 27; 56, 41).

никамъ, и весь поѣздъ остановился; бедуины закутали лица, обвязали животнымъ головы и стали снимать съ нихъ вьюки. Всѣ шептали молитву...

«Присматривайтесь хорошенько къ туземцамъ,—шепнулъ сэръ Аустинъ своимъ,—и подражайте имъ во всемъ. Они въ точности исполнили его совѣтъ. Каждый изъ бедуиновъ легъ ничкомъ на песокъ рядомъ со своимъ верблюдомъ; завываніе бури смѣшивалось съ голосами, бормотавшими молитвы, а по временамъ раздавались крики ужаса, когда массы песку грозили засыпать и задавить кого-нибудь изъ несчастныхъ. Никто не видалъ другъ друга, никто не рѣшался поднять голову. Въ каждую скважину проникала раскаленная пыль, возбуждая невыносимую жажду, головокруженіе и обморокъ. Въ воздухѣ раздавался грохотъ и вой вѣтра, но среди живыхъ существъ наступила гробовая тишина, не прерываемая ни крикомъ верблюдовъ, ни воемъ собакъ; люди цѣпенѣли отъ ужаса при сознаніи своей безусловной беззащитности. Іоганнъ впалъ въ полусознательное состояніе: ему грезился родительскій домъ и онъ не зналъ, что такъ невыносимо жгло его глаза—слезы ли, горячей волной подступавшія къ горлу, или раскаленная пыль? Какой жалкій, ужасный конецъ! Онъ припоминалъ, что въ древности цѣлая римская армія была засыпана самумомъ; вѣдь и теперь могло повториться тоже самое. Черезъ него безпрестанно проносились горячія волны. Сколько времени продолжалась эта пытка? Онъ потерялъ сознаніе времени и ему показалось, что прошла цѣлая вѣчность. Мысли путались, какъ въ горячкѣ, всѣ смѣшивались въ одинъ смутный хаосъ. Дыханіе становилось все тяжелѣе, воспаленіе рта и горла все усиливалось, и Іоганну казалось, что приближается смерть. Другіе испытывали то же самое. Докторъ лежалъ, какъ мертвецъ, съ посинѣвшимъ лицомъ, и не могъ пошевельнуться. Бедуины выдерживали съ гораздо большимъ успѣхомъ. Али-Сіабъ (?) поднялъ голову и оглядѣлся. Не убѣжать ли ему теперь? Онъ тихонько выпрямился во весь ростъ; буря все еще бушевала, но порывы вѣтра стали рѣже и слабѣе. Бедуинъ стряхнулъ съ себя песокъ, окликнулъ своего верблюда и уже хотѣлъ вскочить на него, но нѣсколько товарищей тоже встали; онъ увидалъ

передъ собой нѣсколько озлобленныхъ лицъ и услыхалъ жестокія слова. Несчастный уныло опустилъ руки и покорился своей судьбѣ. Наконецъ, люди стали постепенно подниматься изъ песка, но доктора и Іоганна пришлось съ трудомъ приводить въ чувство"[1]).

Другой путешественникъ разсказываетъ, какъ въ іюнѣ 1862 года они были застигнуты въ пустынѣ самумомъ:

„Мы постепенно подвигались впередъ, какъ однажды случилось приключеніе, которое чуть не положило конца и путешествію, и путешественникамъ Это былъ самумъ. Было около полудня,—полудня лѣтняго солнцестоянія на безоблачномъ небѣ Аравіи, раскинувшемся надъ опаленною пустынею, когда внезапные и жгучіе порывы вѣтра начали дуть съ юга; въ то-же время удушливость воздуха усиливалась съ каждымъ мгновеніемъ, такъ что я и мой товарищъ спрашивали другъ друга: что бы это значило и что можетъ изъ этого выйти? Мы повернулись, чтобы спросить проводника, но тотъ уже укуталъ свое лицо плащемъ и, припавъ къ шеѣ своего верблюда, не отвѣчалъ ни слова. Его товарищи, двое шераратскихъ бедуиновъ, сдѣлали тоже и также молчали. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ вопросовъ, проводникъ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на нихъ прямо, указалъ на маленькую черную палатку, находившуюся, къ счастію, въ недальномъ разстояніи впереди насъ, говоря: „позаботьтесь, чтобы ваши верблюды не остановились и не легли". Затѣмъ, давъ своему собственному верблюду нѣсколько сильныхъ ударовъ, онъ вновь погрузился въ молчаніе.

„Мы съ безпокойствомъ смотрѣли по направленію къ палаткѣ: она была еще во ста, или болѣе, шагахъ отъ насъ. Между тѣмъ порывы вѣтра становились все жарче и сильнѣе, и намъ стоило большого труда заставить своихъ верблюдовъ итти впередъ. Горизонтъ быстро потемнѣлъ до фіолетоваго цвѣта и, казалось, охватывалъ насъ, подобно занавѣсу, со всѣхъ сторонъ, тогда какъ въ то же время удушающее дуновеніе точно изъ какой-то огромной печи, обращенной своимъ жерломъ какъ разъ на нашу дорогу, непрерывно обдавало насъ

---

[1]) С. Ворисгоферъ. Черезъ дебри и пустыни. Стр. 428—429.

зноемъ среди этого сумрака. Наши верблюды, несмотря на всѣ наши понуканія, начали безпокойно вертѣться и склонять колѣни, чтобы лечь. Самумъ сильно дѣйствовалъ на нихъ.

«Разумѣется, мы послѣдовали примѣру своихъ арабовъ, укутавъ свои лица, и ударами и пинками заставляли шатавшихся верблюдовъ итти впередъ, къ единственному близкому пристанищу. Атмосфера была такъ сильна, зной былъ до того жгучъ что казалось, самъ адъ поднялся изъ земли и хлынулъ на насъ сверху. Но мы еще имѣли время, и въ тотъ моментъ, когда ядовитый вѣтеръ достигъ наибольшей силы и сосредоточенности, мы уже всѣ лежали, растянувшись внутри шатра, укутавъ головы; мы почти задыхались, но находились въ безопасности. Наши верблюды лежали точно мертвые, вытянувъ свои длинныя шеи на пескѣ.

«При нашемъ прибытіи мы нашли въ шатрѣ одинокую бедуинку, мужъ которой, со своими верблюдами, находился въ отсутствіи. Не говоря ни слова, проводникъ растянулся на полу. Всѣ молча послѣдовали его примѣру

«Въ такомъ положеніи мы оставались около пяти минутъ, во время которыхъ чувствовали только сильный жаръ, точно раскаленное докрасна желѣзо медленно двигалось надъ нами. Затѣмъ стѣны палатки начали трепетать отъ возратившихся порывовъ вѣтра, и это было признакомъ, что самая худшая сторона самума миновала. Полумертвые отъ истощенія, мы встали и открыли свои лица. Мои товарищи были похожи болѣе на трупы, чѣмъ на живыхъ людей; таковъ же, вѣроятно, былъ и я. Однакоже, несмотря на предостереженіе, я не удержался отъ того, чтобы не выйти изъ шатра—посмотрѣть на верблюдовъ; они все еще лежали пластомъ, точно убитые. Воздухъ все еще былъ сумраченъ, но скоро просвѣтлѣлъ до своей обычной ослѣпительной ясности. Во все продолженіе дѣйствія самума атмосфера была совершенно свободна отъ песка и пыли, такъ что я не въ состояніи объяснить ея странной темноты въ это время*)".

---

*) Заимств. изъ „Правосл. Благовѣстника" № 24 за 1907 г. Ст. „Аравійская пустыня и ея обитатели".

Обиліе влаги въ атмосферѣ является, по словамъ Реклю, первымъ преимуществомъ климата Емена, а затѣмъ болѣе умѣренная, вслѣдствіе влажности, температура. Населеніе болѣе высокихъ мѣстностей пользуется постоянно умѣреннымъ климатомъ, тогда какъ въ низовьяхъ раскаленный песокъ жжетъ ноги путниковъ. Естественные продукты этихъ болѣе высокихъ областей также сильно отличаются отъ производства степей и соотвѣтствуютъ иному образу жизни обитателей: до нѣкоторой высоты надъ уровнемъ моря проникаютъ еще кочевники-пастухи со своими стадами, но выше (нѣкоторыя террасы поднимаются на 2000 и болѣе метровъ, а хребты на 3000 метр.), на склонахъ обитаютъ уже земледѣльцы, живущіе исключительно отъ плодовъ земныхъ. Для правильнаго зеледѣлія имъ приходилось задерживать воду на склонахъ, устраивать резервуары и подземные акведуки. Такой тяжепый и упорный трудъ поддерживалъ и содѣйствовалъ развитію умственныхъ силъ населенія. Трудъ осѣдлыхъ жителей хорошо вознаграждался; произведенія земли, даже дикія растенія служили дорогими предметами торговли съ дальними странами, и это содѣйствовало благосостоянію населенія и повышало уровень цивилизаціи. Эта область Аравіи съ давнихъ поръ славилась растеніями, выдѣляющими ароматическія вещества и цѣнныя смолы, а также лѣкарственными растеніями. Съ саммыхъ древнихъ временъ изъ юго-западной Аравіи вывозили въ другія страны: александрійскій листъ, кассію, мирру, ладанъ[1]), камедь и Celastrus edulis, употребляемый въ качествѣ кофе и опьяняющій, какъ гашишъ, но въ болѣе слабой степени. Кромѣ того, тамъ же разводились разныя пряности и красильныя вещества[2]).

Изъ хлѣбныхъ растеній на плоскогоріяхъ Аравіи успѣшно воздѣлываются; пшеница, кукуруза, рисъ, просо, чечевица, а изъ садовыхъ растеній: виноградъ и разные плодовыя деревья и кустарники, какъ напримѣръ: гранаты, померанцы. Хлопчат-

---

[1]) Объ аравійскомъ ладонѣ писалъ еще Плиній въ своей Hist. Natur. XII, 42, а Мильтонъ въ четвертой пѣснѣ своей поэмы упоминаетъ „о пріятныхъ благоуханіяхъ Сабеи, доносимыхъ восточнымъ вѣтромъ съ береговъ аравійскихъ“. См. Потерянный Рай. перев. Писарева, стр. 115 (Москва 1871).

[2]) Э, Реклю. Человѣкъ и земля. Томъ второй, стр. 118–120 (С.-Петербургъ, 1906).

никъ и сахарный тростникъ также извѣстны Аравіи Но въ Хиджазѣ самымъ цѣннымъ и распространеннымъ деревомъ была и остается финиковая пальма, имѣющая въ этой области болѣе ста разновидностей. Она, вмѣстѣ съ виноградомъ, доставляетъ жителямъ любимую пріятную пищу. По преданію, основатель ислама, уроженецъ Хиджаза сказалъ: «финиковое дерево—ваша мать». Въ одномъ мѣстѣ Корана основатель ислама, рисуя картину домашняго довольства, разсказалъ слѣдующую причту о двухъ человѣкахъ: одному изъ нихъ Богъ возрастилъ два сада изъ виноградныхъ лозъ и обсадилъ ихъ кругомъ пальмами, а между ними засѣялъ нивы. Оба сада приносили плоды, въ которыхъ не было никакой порчи Внутри садовъ Богъ повелѣлъ протекать рѣкѣ..... И сказалъ хозяинъ этихъ садовъ своему другу, разговаривавшему съ нимъ: «Я богаче тебя имуществомъ и счастливѣе семействомъ» (гл 18, ст. 31—32).

Финиковая пальма много разъ упоминается въ Коранѣ „Изъ плодовъ пальмъ“—говорится въ этой книгѣ—„вы достаете себѣ упоительную влагу и прекрасную пищу: въ этомъ знаменіе для людей разсудительныхъ“. (Гл. XVI, ст. 69). Чтобы представить всѣ выгоды, доставляемыя пальмою жителямъ пустыни, нужно имѣть въ виду, что каждое финиковое дерево даетъ въ среднемъ 600—800 фунтовъ плодовъ. Цвѣтеніе его начинается обыкновенно въ концѣ декабря, а созрѣваніе плодовъ продолжается съ іюля до ноября. Изъ 100 частей плода 10 частей приходится на косточку, 5—на кожицу и 85 на плодовое мясо. Въ 100 частяхъ финиковой мякоти заключается: 30 частей воды, 36 сахара, 23 бѣлковыхъ веществъ, 1 часть клѣтчатки, 0,75, лимонной кислоты и другихъ минеральныхъ веществъ и особенно такъ называемаго кумарина, которому финики обязаны своимъ превосходнымъ вкусомъ.

„Арабы приготовляютъ себѣ изъ финиковъ весьма разнообразныя блюда: плоды употребляются ими какъ въ свѣжемъ видѣ, такъ и въ сушеномъ, вяленомъ и вареномъ. Финнки остаются свѣжими въ теченіе трехъ мѣсяцевъ,, и такъ какъ ихъ періодъ созрѣванія весьма различенъ для разныхъ сортовъ, которыхъ здѣсь насчитывается болѣе шестидесяти, то и блюда бываютъ весьма разнообразны. Всѣ европейскіе путешественники,

посѣтившіе оазисы, какъ Фогель, Бартъ, и др., единогласно подтверждаютъ, что опытныя хозяйки-аравитянки готовятъ изъ финиковъ въ теченіе мѣсяца ежедневно разныя блюда, такъ что ни одно блюдо ни разу не повторяются въ теченіе сказаннаго времени.

„По словамъ извѣстнаго изслѣдователя центральной Африки - Рольфса, самымъ любимымъ блюдомъ арабовъ-пустынножителей являются свѣжіе финики, которые они обмакиваютъ въ растопленное сливочное масло· но подобняя роскошь доступна только наиболѣе самостоятельнымъ; лица же средняго достатка замѣняютъ сливочное масло сывороткой изъ-подъ сбитаго масла (пахтаньемъ), которою они запиватъ съѣдаемые плоды; самые бѣдные запиваютъ водою для утоленія возбуждаемой финиками жажды. Пока семья араба обѣдаетъ, собаки поодаль дожидаются, когда имъ кинуть порченные или недозрѣвшіе плоды, которые онѣ съ жадностью съѣдаютъ; для овецъ и козъ приготовляется лакомый кормъ, состоящій изъ толченыхъ финиковыхъ косточекъ. Этимъ же кормомъ питаются въ Сахарѣ лошади ослы и верблюды.

«Часть плодовъ въ вяленномъ видѣ, предварительно освободивъ отъ косточекъ, укладываютъ въ корзины, плотно сжимаютъ и, такимъ образомъ, получается «финиковый хлѣбъ» —чрезвычайно вкусныя лепешки, легко сохраняющіяся въ теченіе многихъ лѣтъ. Продающаяся въ Каирѣ арабами, такъ называемая, „финиковая колбаса“ есть не что иное, какъ финиковый хлѣбъ, къ которому жители пустыни примѣшиваютъ извѣстную часть сладкаго и горькаго миндаля. Наконецъ высушенные до твердаго состоянія финики арабы превращаютъ въ муку, которую ѣдятъ просто, сваривъ на водѣ, или же съ прибавленіемъ ячменной муки и масла. Изъ этой муки и оливковаго масла арабы пекутъ оладьи, соусомъ къ которымъ служить сиропъ или, вѣрнѣе, сгущенный сокъ изъ свѣже-вываренныхъ финиковъ.

„Верхушечныя почки и цвѣточныя чашечки также идутъ въ пищу: изрубленными,—съ приправою оливковаго масла, ихъ ѣдятъ подъ названіемъ „пальмовой капусты“, а сваренными со сгущеннымъ финиковымъ сокомъ онѣ являются любимымъ блюдомъ, которое арабы называютъ «пальмовымъ сыромъ».

Наконецъ молодые побѣги на самой вершинѣ короны весьма вкусны, напоминаютъ орѣхи. Если къ этому прибавить, что сушеныя и размолотыя ядра финика даютъ весьма вкусный кофе, то обзоръ пищевого значенія этой пальмы будетъ исчерпанъ, но не будетъ законченъ обзоръ прочихъ полезныхъ примѣненій, как'я находитъ себѣ это удивительное растеніе.

„Окруженный безбрежной и безжизненной пустыней, по которой вѣчно несутся песчаныя волны, движимыя вѣтромъ, и гдѣ кромѣ неба и песка, ничего нѣтъ, арабъ пустынножитель естественно явился бы вполнѣ безпомощнымъ, если бы не существовали эти пальмы. Не только пищу себѣ и кормъ для животныхъ добываетъ человѣкъ съ одного и того же дерева, но и всю обстановку. Изъ огромныхъ и крѣпкихъ листьевъ онъ изготовляетъ себѣ всю домашнюю утварь, ковры, цыновки и попоны; изъ стебельныхъ волоконъ и тоненькихъ стеблей вьютъ веревки, вяжутъ мѣшки и сумки, приготовляютъ прочную ткань холстъ и нитки. Изъ сшитыхъ листьевъ образуется навѣсъ и крыша надъ домами, которые строятъ изъ пальмоваго же дерева Изъ древесныхъ волоконъ приготовляютъ мочалу, которую здѣсь, въ этой страшной по температурѣ странѣ, приходится безпрестанно примѣнять при купаньѣ; изъ нихъ изготовляются также невода для рыбной ловли, плетутся сандаліи и туфли, а подошвы для нихъ выдѣлываются изъ пальмовой коры. Оттюда ясно, что арабы не даромъ называютъ это дерево „Божьимъ благословеніемъ“[1])

Кромѣ пальмъ въ Аравіи встрѣчаются: гада, таль, исбая, акація, лиственница, чема а также мярхъ, гафаръ, маслина, смоковница, тамариндъ, бананы, виноградъ и гранаты[2]). Описывая прелести райской жизни, Мухаммедъ говорилъ: «Тѣмъ, которые боятся Господа своего будутъ два сада, обильные деревами... Но кромѣ тѣхъ двухъ есть еще два сада—темнозеленые и въ обоихъ два многоводные источника .. Въ обоихъ плоды, пальмы, гранаты». (Гл. 55, ст. 46—68).—Наконецъ зерна

---

[1]) Правит, Вѣстн, 1894 г,

[2]) О нѣкоторыхъ изъ этихъ породъ растительнаго царства упоминается по нѣскольку разъ въ Коранѣ. См. приложенія къ переводу Корана Г, Саблукова, вып, 1-й стр. 69—70.

кофейнаго дерева, растущаго въ окрестностяхъ Мокки состав ляютъ также предметъ торговли; и современные арабы охотно разводятъ это дерево, но арабамъ эпохи Мухаммеда кофе не былъ извѣстенъ[1]).

Бѣдность флоры Аравійскаго полуострова отражается и на бѣдности его фауны. Дикимъ звѣрямъ нѣтъ достаточной пищи въ Аравіи и убѣжища въ обширныхъ открытыхъ пространствахъ полуострова; тѣмъ не менѣе въ Аравіи были извѣстны: изъ хишныхъ звѣрей—львы; леопарды, гіены и лисицы, а изъ дикихъ травоядныхъ – каменный баранъ, козерогъ, антилопы, газели и дикіе ослы; изъ домашнихъ животныкъ въ Аравіи съ давнихъ временъ разводились: овцы и козы, составляющія цѣлыя стада кочевниковъ, а также коровы; но особенно славились: верблюды и ослы, а позднѣе—лошади[2]). Въ Оманѣ водятся самые быстрые дромадеры, а въ горахъ Гадрамаута верблюды, отличающіеся особенной смышленостью. Порода верблюдовъ въ Аравіи имѣетъ очень много разновидностей, но всѣ они одинаково любимы мѣстными жителями, потому что они удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ жителей, не только какъ вьючное, но и какъ верховое животное. На верблюдахъ осѣдлые арабы выѣзжали даже на войну, Реклю приводитъ арабскую легенду, по которой „верблюдъ и финиковая пальма были сотворены Богомъ изъ той же змели, какъ и Адамъ; они были въ земномъ раю вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ, они будутъ сопровождать его также и въ будущій міръ, какъ это символизировалъ древній обычай, требовавшій, чтобы верблюда оставляли умирать съ голоду подлѣ могилы его умершаго хозяина. Этотъ жестокій обычай не соблюдается болѣе со временъ Мухаммеда; но если арабъ теперь уже не пріобщаетъ верблюда къ своей смерти,

---

[1]) Родиной кофе считаютъ Абиссинію, откуда въ XV столѣтіи кофейное дерево было пересажено въ Аравію и Константинополь, а въ XVII вѣкѣ по Европѣ. Гор. Мокка находится въ Еменѣ, на берегу Краснаго моря, въ 74 км. къ С. отъ Бабельмандебскаго пролива. Первоначально кофе продавалось по 300 фр. за килогр. (Энциклоп. словарь Брокгаузъ и Ефронъ, подъ сл. Кофе и Мокка).

[2]) Въ Коранѣ между прочимъ упоминаются кони быстробѣгущіе съ пыханіемъ и выбивающіе искры, пускающіеся въ набѣгъ съ ранняго утра, поднимающіе пыль и врѣвающіеся въ средину толпы (гл. 100, ст. 1—5). Достойно замѣчанія то, что Мухаммедъ клялся такими конями, то есть что онъ придавалъ имъ большое значеніе въ глазахъ арабовъ.

то онъ заставляетъ его дѣлить съ нимъ существованіе, допускаетъ его къ своимъ празднествамъ и даже къ религіознымъ обрядамъ: когда толпа пилигримовъ собирается у подошвы горы Арафатъ, съ высоты верблюда раздаются поученія проповѣдника. Первая мечеть была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ легла на ночлегъ верблюдица пророка во время бѣгства его изъ Мекки въ Медину—событія, отъ котораго мусульмане ведутъ свое лѣтосчисленіе (хиджра). Новорожденнаго верблюженка арабъ носитъ на рукахъ: „у насъ родился ребенокъ!“ радостно кричатъ члены семьи, какъ будто дѣло идетъ о появленіи на свѣтъ новаго сочлена, человѣческаго младенца: за нимъ также заботливо ухаживаютъ, какъ за роднымъ сыномъ или дочерью; ему навѣшиваютъ на шею амулетъ, чтобы отвратить отъ него дурной глазъ. Никогда арабъ не ударитъ своего верблюда; на ходу онъ подбадриваетъ его только голосомъ и пѣніемъ; онъ говоритъ съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и разсказываетъ ему длинныя исторіи и сказки; онъ никогда не позволитъ оскорбить его и смотритъ, какъ на личную обиду, на всякое браное слово, сказанное его любимому животному. Какъ братъ въ семьѣ, вѣрное животное можетъ сдѣлаться причиной родовой мести: кровь верблюда требуетъ крови человѣка. Шесть сотъ именъ и эпитетовъ по Бурхгарту, тысяча по Шардену,—обозначаютъ и прославляютъ верблюда. Арабъ пустыни платитъ свой долгъ признательности животному, безъ котораго онъ не могъ бы бѣжать въ пустынныя пространства и сохранить свою гордую независимость. Если бы у него не было верблюда, онъ тоже подпалъ бы подъ иго завоевателей; безъ верблюда и арабъ былъ бы приниженъ до уровня тѣхъ презрѣнныхъ феллаховъ, которые пашутъ землю на берегахъ Нила или Оронта“ [1])

Наряду съ верблюдомъ въ Аравіи, какъ вьючное животное, считается оселъ, а какъ верховое—лошадь. Съ арабскимъ осломъ, по физическимъ качествамъ и по смышлености, не можетъ идти въ сравненіе нашъ туркестанскій оселъ, а „арабская лошадь“ извѣстна всему міру[2]). По словамъ гр Врангеля,

[1]) Реклю, т. IX, Аравія, стр. 737.

[2]) По свидѣтельству Винера, лошади еще не были извѣстны арабамъ во время Моисея; во времена Страбона лошади были тамъ рѣдки; Амміанъ первый упоминаетъ о конныхъ арабахъ (Вейсъ, I, 125).

чистокровныя лошади не имѣютъ болѣе благороднаго представителя, чѣмъ чистая арабская лошадь; она стоитъ на границѣ между естественными и культурными расами и, въ качествѣ благороднѣйшаго животнаго въ мірѣ, одинаково приводитъ въ восхищеніе и естествоиспытателя, и знатока лошадей, и поэта... Въ глазахъ арабовъ лошадь самое благородное изъ всѣхъ животныхъ и потому она пользуется почти такимъ же уваженіемъ, какъ знатный человѣкъ, и большимъ, чѣмъ обыкновенный смертный .. Она необходима арабу въ жизни, для существованія; съ помощью ея онъ кочуетъ, путешествуетъ; верхомъ на ней пасетъ свои стада; благодаря ей блистаетъ въ битвахъ, на празднествахъ, общественныхъ собраніяхъ; арабъ живетъ, любитъ и умираетъ на своемъ конѣ. Любовь къ лошади — чувство, врожденное арабу, особенно бедуину; онъ всасываетъ съ молокомъ матери уваженіе къ этому животному. Это благородное созданіе — самый надежный товарищъ воина, самый вѣрный слуга властелина, любимецъ всего семейства. Вотъ поэтому-то арабъ и наблюдаетъ за лошадью съ тревожною заботливостью, изучаетъ ея нравъ, потребности, воспѣваетъ ее въ стихахъ, прославляетъ въ пѣсняхъ, находитъ въ ней самый пріятный предметъ блюда „Когда Творецъ пожелалъ создать коня — поучаютъ арабы - Онъ сказалъ вѣтру: Я хочу, чтобы отъ тебя родились существа, назначенные для того, чтобы носить Моихъ поклонниковъ. Это существо должно быть любимо и почитаемо Моими рабами. Оно должно внушать страхъ всѣмъ тѣмъ, которые не слушаются моихъ заповѣдей". И Богъ создалъ лошадь и воззвалъ къ ней: „Я создалъ тебя совершенною. Всѣ сокровища земли лежатъ передъ твоими глазами. Ты будешь повергать подъ свои копыта Моихъ враговъ и носить на спинѣ Моихъ друзей. Ты будешь сѣдалищемъ, съ котораго будутъ возносить ко Мнѣ молитвы По всей землѣ ты должна быть счастлива и почитаема больше всѣхъ остальныхъ созданій, такъ какъ тебѣ будетъ принадлежать любовь господина земли. Ты должна летать безъ крыльевъ и побѣждать безъ меча"... Хорошо воспитанная породистая арабская лошадь неутомима.

Блентъ, хорошо знакомый съ качествами арабской лошади, говоритъ:

„Арабская лошадь—смѣлый скакунъ, можетъ быть, самый смѣлый въ всемъ свѣтѣ“... Вотъ какія похвалы арабы расточаютъ своей лошади: „Не говори, что это животное—моя лошадь; скажи, что это—мой сынъ. Она бѣгаетъ быстрѣе бурнаго вѣтра, быстрѣе, чѣмъ взглядъ скользитъ по равнинѣ; она чиста какъ золото; ея взоръ ясенъ и зрѣніе такъ остро, что она видитъ волосокъ въ темнотѣ; она догоняетъ на бѣгу газель; орлу она говоритъ: «я мчусь по воздуху такъ-же, какъ ты». Когда она слышитъ пѣніе дѣвушекъ, то ржетъ отъ радости, а свистъ пуль подымаетъ ея духъ; изъ рукъ женщинъ она выпрашиваетъ себѣ подачку, а врага бьетъ копытами въ лицо. Когда она можетъ бѣжать по желанію сердца, то проливаетъ изъ глазъ слезы радости. Для нея все равно—чисто-ли небо, или бурный вѣтеръ пылью застилаетъ солнце, такъ какъ благородный конь презираетъ ярость бури. На этомъ свѣтѣ нѣтъ лошади, ей равной. Она несется съ быстротой ласточки; она такъ легка, что могла бы танцовать на груди твоей возлюбленной, а та не ощутила бы ея тяжести. Поступь ея такъ спокойна, что на полномъ скаку ты можешь выпить на ея спинѣ полную чашку кофе, не проливъ ни капли. Она понимаетъ все, какъ сынъ Адама: ей не достаетъ лишь языка“*).

За такія выдающіяса качества арабскія лошади считаются друзьями своихъ хозяевъ и никогда не видятъ отъ нихъ ничего, кромѣ ласки и добраго слова; за то и конь никогда не лягнетъ своего хозяина и не сброситъ его, а въ минуту опасности не щадитъ себя Въ древней арабской поэзіи конь занимаетъ если не первое, то одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. И это понятно: древній арабскій рыцарь (Фарисъ) безъ коня немыслимъ, и всѣ его подвиги безуловно обязаны превосходнымъ качествамъ этого благороднаго животнаго.

Изъ птицъ въ Аравіи извѣстны: орлы, соколы, коршуны, вороны удоды, а также—горлицы, куры и фазаны; но самое видное мѣсто принадлежитъ страусу, этому верблюду въ царствѣ птицъ. Перья страуса составляютъ цѣнный предметъ торговли. Изъ пресмыкающихся насѣкомыхъ въ Аравіи водятся также:

---

*) А. Брэмъ. Жизнь животныхъ. Изд. Товар. „Обществ. польза“ С.-Петербургъ 1900 г. Томъ первый, стр. 534—539.

змѣи, ящерицы, скорпіоны, пауки и саранча. Послѣднюю бедуины охотно употребляютъ въ пищу (ср. Еванг. разсказъ о пищѣ св. Іоанна Предтечи).

Изъ металловъ въ Аравіи добывались золото[1]), желѣзо, мѣдь, позднѣе свинецъ, а изъ драгоцѣнностей — жемчугъ, яхонты и кораллы.

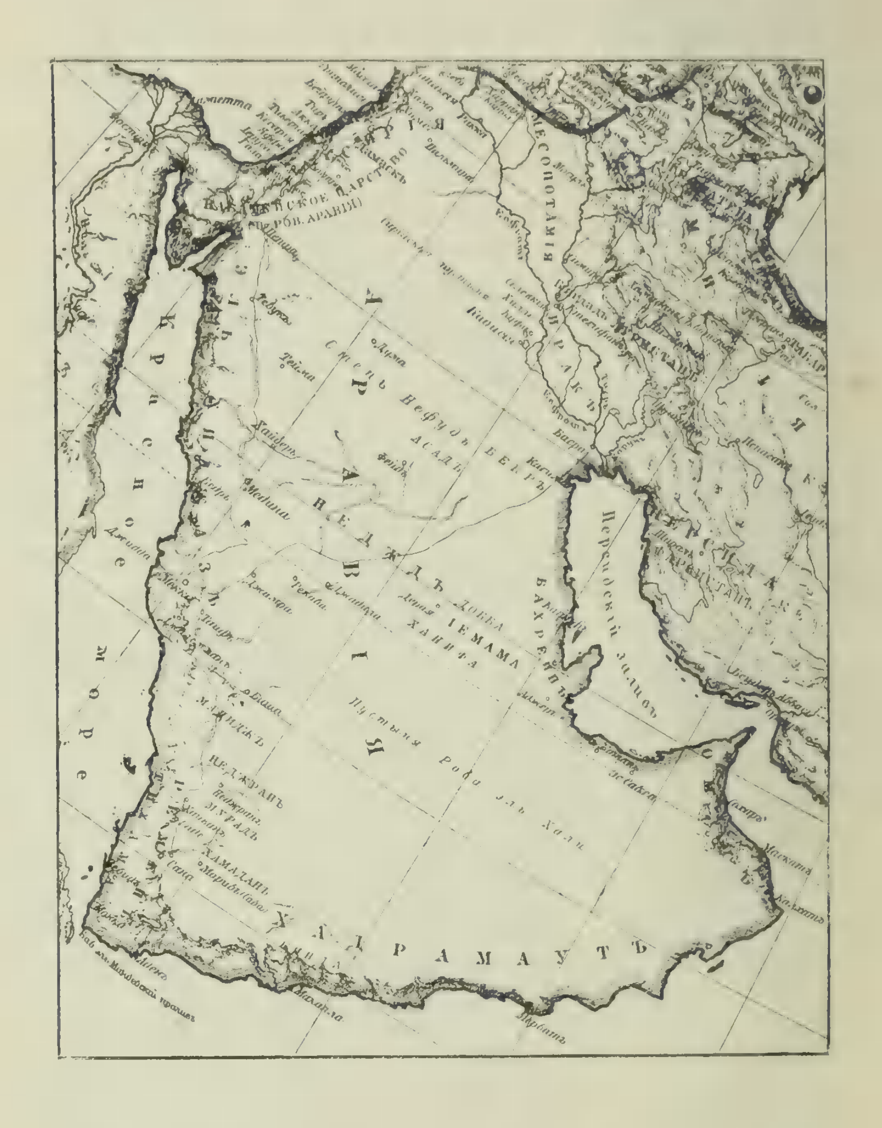
Отправленіе товаровъ къ разнымъ торговымъ пунктамъ производилось караваннымъ способомъ при помощи верблюдовъ, характерно называемыхъ „кораблями пустыни". Основатель ислама и самъ принималъ участіе въ караванной торговлѣ, сначала вмѣстѣ съ своимъ дядей, а потомъ, какъ довѣренный первой своей жены Хадиджи. Путешествія эти познакомили Мухаммеда съ религіознымъ и политическимъ состояніемъ Аравіи, а также и съ природою страны. Родясь внутри полуострова, онъ во время своихъ торговыхъ путешествій доходилъ до береговыхъ границъ Аравіи; путешествія дали ему много новыхъ мыслей. Пользуясь во время своей жизни верблюдомъ, Мухаммедъ отдавалъ должное значеніе и водяному пути, считалъ море благодѣяніемъ Божіимъ для арабовъ: «Богъ отдалъ во власть вамъ море, говорится въ Коранѣ, чтобы изъ него вы питались свѣжимъ мясомъ, чтобы доставали изъ него украшенія для себя, какія есть на вашей одеждѣ. Видимъ, какъ корабли съ шумомъ разсѣкаютъ море, чтобы доставить вамъ блага отъ Бога и побудить васъ къ благодаренію» (гл. 16, ст. 14; ср. гл. 34, ст. 13). Въ другомъ мѣстѣ онъ поучаетъ невѣрующихъ картиною волнующагося моря: „Дѣла невѣрующихъ подобны мраку надъ морской пучиной, когда волны покрываютъ ее, поднимаясь одна надъ другой, а надъ ними туча; слои мрака одинъ другого темнѣе, такъ что протянувшій свою руку едва видитъ ее (гл. 24, ст. 40). Или, вотъ болѣе полная картина природы Аравіи, какъ изобразилъ ее Мухаммедъ въ Коранѣ: «Богъ творитъ скотъ: отъ него вамъ теплая одежда и другія полезныя вещи; отъ него вамъ также и пища; отъ него вамъ пріятность въ то время, когда вечеромъ загоняете его въ стойла, и въ то время, когда утромъ выпускаете его на пастбища. Вамъ переноситъ онъ тяжести въ тѣ страны, въ

---

[1]) Кн. Псалмовъ, 71 ст. 15.

которыя вы могли бы достигать только съ усиліемъ для себя: Господь вашъ истинно благъ, милосердъ. Онъ творитъ коней, муловъ. ословъ, чтобы вамъ ѣздить на нихъ и щеголять ими. Онъ творитъ и то, чего вы не знаете... Онъ посылаетъ съ неба воду: отъ нея вамъ питье, отъ нея растенія и трава, на которой вы пасете стада свои Ею возращаетъ Онъ для васъ хлѣбные посѣвы, маслины, пальмы, виноградныя лозы и всякіе плоды; въ этомъ знаменіе для людей размышляющихъ. Онъ поставилъ на службу вамъ день и ночь, солнце и луну; звѣзды служатъ вамъ по Его повелѣнію: въ этомъ знаменія для людей разсуждающихъ. Что разсѣялъ Онъ для васъ на землѣ! какъ разнообразна она своими цвѣтами! Въ этомъ знаменіе для людей понимыющихъ. Во власть вамъ Онъ далъ море чтобы изъ него питались вы свѣжимъ мясомъ, изъ него доставали себѣ украшенія, какія на вашей одеждѣ Видишь, какъ корабли съ шумомъ разсѣкаютъ его, чтобы доставить вамъ благотворенія Его и возбудить васъ къ благодарности. Онъ поставилъ на землѣ горныя твердыни, чтобы она съ вами не колебалась; рѣки и дороги, чтобы ходить вамъ прямыми путями. Горныя вершины вмѣстѣ со звѣздами указываютъ вамъ прямые пути. Такъ, ужели Тотъ, Кто творитъ, таковъ же, какъ тотъ, кто не творитъ? Ужели вы не понимаете этого? Если станете перечислять благодѣянія Божіи, то вамъ вполнѣ не исчислить ихъ» (гл. 16, ст. 5—18).

Современная Мухаммеду карта Аравіи.



Заимствована изъ соч. „Исторія человѣчества“ Винклера, Нибура и Шурца (т. 3,). Перев. подъ редакціей В. Вл Бартольда и Б. А. Тураева.

II.

Историческія свѣдѣнія о древней Аравіи.

Аравійскій полуостровъ, по своему географическому положенію, находится на древнемъ торговомъ пути передней Азіи съ богатой Индіей; поэтому торговыя сношенія Аравіи, особенно южной части полуострова, съ Индіей восходятъ къ самымъ древнимъ временамъ исторіи[1]. Предметами этой торговли служили не только вывозимыя изъ Индіи и добываемыя на африканскомъ берегу драгоцѣнности, но и произведенія южной Аравіи: ѳиміамъ, мирра, ладанъ, ониксъ, агатъ и нѣкоторые металлы: золото, желѣзо, мѣдь, свинецъ. Долгое время торговля передней Азіи съ Индіей производилась сухимъ путемъ, при помощи каравановъ, такъ какъ плаваніе по Красному морю, особенно при несовершенной конструкціи древнихъ судовъ, было крайне затруднительно и весьма опасно. Еменскіе караваны, направляясь къ сѣверу, обыкновенно слѣдовали вдоль береговъ Краснаго моря и доходили до древней Макорабы (поздн. Мекка), отсюда до Янбо и Гавары, проходили Ятрибъ (поздн. Медина) и достигали Селы[2], откуда уже развозились въ Сирію, Палестину, Финикію и другія страны[3]) Изъ Хадрамаута и Омана торговые караваны проходили черезъ пустыню Данъ и по высокому плоскогорью Наджда доходили до Хиджаза и затѣмъ продолжали путь по дорогѣ еменскихъ каравановъ[4]).

Не удивительно поэтому, что Аравія, по предѣламъ кото рой проходили эти торговые караваны, была извѣстна древнимъ

---

1) Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Соч. Фл. Ленормана. Русскій переводъ. Кіевъ, 1878. Томъ второй, выпускъ первый. Арабы. Стран. 30.

2) Села - еврейское названіе города древней Идумеи; по гречески этотъ городъ назывался Петра, а по арабски Хиджръ. Находится въ Каменистой Аравіи не далеко отъ Еланитскаго залива Мертваго моря. См. „Библейскій словарь“ прот. П. Солярскаго. Т. 3, стр. 206—207, подъ сл. „Петра“ и Коранъ, гл. 15, ст. 80.

3) 3 Царствъ, гл. X; Іезек. XXVII, 21—24.

4) Фр. Ленорманъ. Т. I, вып. 3. Финикіяне. Стран. 496 и 524—525.

народамъ Азіи — вавилонянамъ, ассиріянамъ, египтянамъ, евреямъ, финикіянамъ, персамъ и отчасти абиссинцамъ, а позднѣе народамъ Европы —грекамъ, римлянамъ и византійцамъ. Почти всѣ эти народы стремились, если не овладѣть богатыми странами Аравіи, по подчинить своему вліянію преимущественно южную Аравію. Торговые интересы были при этомъ на первомъ планѣ. Только евреи и финикіяне не домогались имѣть политическаго обладанія Аравіей. Сѣверныя и южныя области Аравіи обращали на себя особое вниманіе персовъ и византійцевъ, по соображеніямъ чисто политическимъ, а потому объ этихъ областяхъ находимъ болѣе извѣстій у древнихъ писателей. Внутреннія же области Аравіи извѣстны въ исторіи гораздо менѣе, такъ какъ принимали незначительное участіе въ древней индійской торговлѣ и, по своему географическому положенію, были менѣе доступны для иноземныхъ завоевателей. Не славились эти страны Аравіи богатствомъ и потому на нихъ меньше обращали вниманіе сосѣдніе съ Аравіей народы. Сѣверныя области Аравіи почти непосредственно примыкали къ Палестинѣ и болѣе живо сохранили въ памяти общія съ евреями генеалогическія преданія, сходившіяся въ лицѣ Ноя и сыновъ его (Быт. гл. 10) и особенно въ лицѣ Авраама и сына его Измаила, которымъ въ Коранѣ приписывается построеніе главнаго святилища арабовъ—Каабы (гл. 2, ст. 118—125). Общія генеалогическія преданія и историческія обстоятельства сближали древнихъ арабовъ съ евреями, и въ Библіи находятся частыя упоминанія о жителяхъ не только сѣверной, но и южной Аравіи. Впослѣдствіи евреи имѣли даже свои поселенія въ Аравіи, съ которыми Мухаммедъ долженъ былъ вести упорную борьбу, окончившуюся торжествомъ ислама[1]).

Историческія свѣдѣнія о древней Аравіи начнемъ съ библейскихъ сказаній, которыми пополняются сказанія другихъ народовъ[2]). Приэтомъ необходимо замѣтить что свести разныя историческія свѣдѣнія о древнихъ арабахъ къ одной общей

---

[1]) См. соч. А. Свѣтлакова „Исторія Іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана“ (Казань, 1875 г.).

[2]) Собрать всѣ историческія свѣдѣнія, касающіяся древней Аравіи, очень затруднительно, особенно въ Ташкентѣ, по неимѣнію подъ руками необходимыхъ пособій и источниковъ.

хронологіи довольно трудно, такъ какъ нѣкоторые писатели имѣли обыкновеніе ставить свои отличительныя хронологическія даты, иные на хронологію не указывали, а у другихъ писателей встрѣчаются хронологическія неопредѣленности и неточности. Въ виду такихъ затрудненій настоящая глава является опытомъ группировки историческихъ свѣдѣній объ Аравіи и ея жителяхъ,—свѣдѣніи, встрѣчаюшихся у разныхъ древнихъ народовъ, находившихся въ соприкосновеніи съ арабами разныхъ областей Аравіи и въ разныя историческія эпохи.

Въ св. книгахъ ветхаго завѣта Аравія упоминается, какъ „Земля Восточная" или просто—„Востокъ". Такъ, объ Авраамѣ (за 2000 лѣтъ до Р. Хр.), въ книгѣ Бытія говорится: „А сынамъ наложницъ, которыя были у Авраама, далъ Авраамъ подарки и отослалъ ихъ отъ Исаака, сына своего, еще при жизни своей, на Востокъ, въ Землю Восточную (гл. XXV, ст. 6). По объясненію ученыхъ, здѣсь подъ „Землей Восточной" разумѣется Аравія, жители которой извѣстны были подъ именемъ «Сыновъ Востока» (Бени-Кедемъ[1]). Измаилъ, сынъ Авраама[2]), жилъ въ сѣверной Аравіи и былъ, по общепринятому мнѣнію, родоначальникомъ нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ. Моисей[3]) жилъ въ землѣ Мадіамской, на сѣверо-западѣ Аравійскаго полуострова, и путешествовалъ съ евреями послѣ исхода изъ Египта по пустынѣ въ Каменистой Аравіи Во времена еврейскаго царя Соломона, начало царствованія котораго относится за 1020 лѣтъ до Р. Хр., въ Библіи, кромѣ царицы Савской, упоминаются цари аравійскіе, которые приносили Соломону золото и серебро (2 Парал. гл IX, ст. 14) Царица Савская[4]), извѣстная въ арабскихъ пре-

---

[1]) Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣка. Г. Властова. Спб. 1875. Стр. 289. Ср. „Опытъ библ. словаря" протоіер. П. Солярскаго (Спб. 1879) подъ слов. „Аравія".

[2]) Рожденіе Измаила относится къ 1906 г. до Р. Хр.

[3]) Рожденіе Моисея относится къ 1691 г. до Р. Хр.

[4]) Саба—особое царство на югѣ Аравіи съ гор. Магребомъ (греч. Маріаба). Позднѣе здѣсь водворились химьяриты. Очевидно, царица Савская слышала о славѣ еврейскаго царя Соломона отъ лицъ, участвовавшихъ въ караванной торговлѣ, путь которой пролегалъ вблизи владѣній Соломона. Несомнѣнно, что часть драгоцѣнныхъ товаровъ продавалась въ Іерусалимѣ. Фактъ посѣщенія Соломона царицей Савской извѣстенъ и въ Коранѣ (гл. 27, ст. 23—45), куда онъ занесенъ на основіи не однихъ только еврейскихъ, но и арабскихъ преданій.

даніяхъ подъ именемъ Балкисы или (Билкисы), услышавъ о славѣ Соломона, прибыла въ Іерусалимъ, чтобы испытать загадками мудрость царя евреевъ. Прибыла она въ Іерусалимъ съ весьма большимъ богатствомъ: съ верблюдами навьюченными благовоніями, великимъ множествомъ золота и драгоцѣнными камнями. И подарила она царю Соломону сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовоній и драгоцѣнные камни. И никогда не было у Соломона такихъ благовоній, какія подарила ему царица Савская[1]). Соломонъ заключилъ договоръ съ Тирскимъ царемъ Хирамомъ II (3 Цар. V, 26) и даже женился на дочери Хирама[2]). По заключеніи союза, Соломонъ и Хирамъ установили прямое морское сообщеніе съ Индіей (чрезъ Офиръ), но и при этомъ торговля ихъ не обходилась безъ посредства Южной Аравіи, такъ какъ суда ихъ выгружались въ Еменѣ и товары слѣдовали далѣе по Аравіи караваннымъ путемъ. По смерти Соломона, морской путь по Красному морю былъ совсѣмъ закрытъ для финикіянъ усилившимися на берегахъ этого моря египтянами. Не смотря на это, сухопутная торговля съ Аравіей продолжалась еще цѣлыя столѣтія, какъ объ этомъ можно судить изъ словъ пр. Іезекіиля (за 600 лѣтъ до Р. Хр.), опредѣленно говорившаго о торговлѣ Аравіи съ Тиромъ, гл. гор. Финикіи: „Аравія и всѣ князья Кедара производили торговлю съ тобой... Купцы изъ Сабы и Раемы[3]) торговали съ тобой... (гл. XXVII, ст. 21 и 22“.

Іудейскому царю Іосафату (921 г. до Р. Хр.) аравитяне привозили въ даръ мелкій скотъ: овновъ семь тысячъ семь сотъ и козловъ семь тысячъ семьсотъ (2 Пар., XXVII, 11). Въ царствованіе сына его Іорама (900 л. до Р. Хр.) аравитяне напали на Іудею и захватили все имущество царя, женъ его и сыновей его, кромѣ младшаго Охозіи (2 Паралип. XXI, 16—17; XXII, 1). Іудейскій царь Озія (за 809 л. до Р. Хр.) имѣлъ столкновеніе съ аравитянами, жившими на Гуръ-Ваалѣ, и одержалъ надъ ними верхъ (2 Паралип. XXVII, 7).

---

[1]) 3 Цар., X, 1—10. Ср. Кор., гл. XXVII, ст. 23—45,

[2]) Это было около 1017 года до Р. Хр., такъ какъ къ этому времени относится основаніе храма Соломонова

[3]) Раема лежала въ Юго-восточной Аравіи, близъ Персид. зал., въ теперешней области Оманъ.

Въ книгѣ пророка Нееміи упоминается, что аравитяне вмѣстѣ съ другими народами сговорились итти войною на Іерусалимъ, чтобы воспрепятствовать возстановленію стѣнъ его. «Услышавъ это, Санаваллатъ, Хиронитъ и Товія (Аммонитскій рабъ) и Гешемъ аравитянинъ смѣялись надъ евреями и сговорились вмѣстѣ всѣ пойти войною на Іерусалимъ и разрушить его (гл II, ст. 19; гл. IV, ст 7 8). Это было въ царствованіе Артаксеркса I, въ 445 г. до Р Хр. Во время Маккавеевъ, аравитяне упоминаются въ Библіи нѣсколько разъ Такъ, объ Іудѣ Маккавеѣ говорится, что онъ поразилъ 5500 арабовъ сирійскихъ и по ихъ просьбѣ заключилъ съ ними миръ (1 Мак. гл XII, ст. 10—12; братъ Іуды, Іонаѳанъ разбилъ также сирійскихъ арабовъ и взялъ съ нихъ добычу (2 Мак. гл. XII, ст. 31). Эти два случая относятся къ 165 и слѣд годамъ до Р Хр. Въ концѣ жизни сирійскаго царя Антіоха Епифана, современника Маккавеевъ, упоминается въ Библіи аравійскій князь Арєѳа (по араб. произн. Харисъ), у котораго Антіохъ былъ въ заключеніи 2 Мак гл V, ст. 8). Іосифъ Флавій передаетъ, что Антіохъ погибъ въ сраженіи съ аравитянами и что послѣ смерти его въ Дамаскѣ укрѣпился Арєѳа, который ходилъ войною на Іудею и побѣдилъ Александра Гиркана у крѣпости Аддиды Александръ, оправившись отъ этого пораженія, снова воевалъ съ Ареѳой и отнялъ у него 12 городовъ. Но сынъ Александра, Гирканъ 2-й, споривш й съ братомъ своимъ Аристовуломъ 2-мъ изъ за власти, долженъ былъ обратиться за помощію къ тому же Ареѳѣ и возвратить ему города, отнятые отцомъ его Александромъ. Аристовулъ разбилъ войско Ареѳы и Гиркана, что было уже во времена Помпея[1]). Иродъ, сынъ Антипатра (37 г. до Р. Хр.), имѣлъ друга въ лицѣ аравійскаго князя Малха, которому дѣлалъ много одолженій и между прочимъ давалъ денегъ взаймы. Но Малхъ былъ другомъ во время нужды, а когда пришло время отблагодарить Ирода своею помощію, онъ отказалъ въ помощи и не пустилъ даже Ирода въ свои предѣлы, чтобы не возвращать ему и долга

[1]) Іосифа Флавія Древности іудейскія. Съ латинскаго на россійскій языкъ преложенныя придвор. свящ. Мих. Самуиловымъ. Часть II. Спб. 1781 г. Стран. 340—341 и 357—359.

своего[1]). Иродъ Антиппа (1—43 г. по Р. Хр.), также былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ сирійскими арабами: онъ былъ женатъ на дочери аравійскаго князя Ареѳы[2]), который владѣлъ Дамаскомъ во дни апостола Павла (2 Коринѳ гл XI, ст. 32). Когда же Иродъ вступилъ въ незаконную связь съ Иродіадой, женой брата своего, тогда тесть его Ареѳа выступилъ противъ него съ войскомъ, нанесъ ему жестокое пораженіе и тѣмъ отомстилъ развратному зятю за оскорбленіе своей дочери, отвергнутой Иродомъ послѣ вступленія въ связь съ Иродіадой[3].

Замѣчательны такимъ образомъ постоянныя, не прерывавшіяся почти сношенія Аравіи съ Палестиной со временъ Авраама, общаго родоначальника евреевъ и арабовъ-измаелитовъ, что, конечно, должно было отражаться и на вѣрованіяхъ арабовъ, слѣды которыхъ такъ ясны въ Коранѣ.

Изъ древнѣйшихъ народовъ, имѣвшихъ завоевательныя стремленія въ отношеніи Аравіи, прежде всего упоминаются египтяне. Въ правленіе Гатасу, дочери фараона Тутмеса I (иначе Тутмозисъ), былъ завоеванъ Еменъ, который въ надписяхъ на храмѣ въ Ѳивахъ упоминается подъ именемъ страны Пунъ. Обладаніе Еменомъ оставалось за Египтомъ во все царствованіе Тутмеса III [4]) одного изъ могущественнѣйшихъ фараоновъ XVIII династіи. [5]). Власть Тутмеса III простиралась на Абиссинію, Суданъ, Нубію, Сирію, Месопотамію, Иракъ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 404—405.

[2]) Это былъ царь Набатеевъ. См. ниже, гл. III.

[3]) А. Лопухинъ. Руководство къ Библейской исторіи Новаго Завѣта. Спб. 1889 г. стр. 444.

[4]) См. Правит. Вѣстникъ. 1900 г. № 101. Царствованіе его началось въ 1730 г. до Р. Хр. и ознаменовалось славными походами и мудрымъ тридцатишестилѣтнимъ управленіемъ. Этотъ государь, даровалъ счастіе и благоденствіе своему народу. Онъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ фараоновъ XVIII династіи,.. Тутмесъ III прославился также своими походами въ Сирію, Эѳіопію и Месопотамію и заслужилъ отъ своего народа прозвище „благодѣтеля міра". Особенно онъ обезсмертилъ себя сооруженіемъ „Зала предковъ", въ память своихъ предмѣстниковъ. Этотъ величественный памятникъ древне-египетскаго зодчества былъ воздвигнутъ 3.630 лѣтъ тому назадъ; надъ постройкою его работали тысячи людей въ продолженіе многихъ лѣтъ. Послѣ изгнанія изъ Египта пастушескихъ царей „гиксовъ", Тутмесъ III былъ первымъ фараономъ, проникшимъ въ Азію во главѣ египетскихъ войскъ.

[5]) Этотъ фараонъ царствовалъ до Моисея, жизнь котораго протекала отъ 1691 до 1570 г. до Р. Хр.

арабскій, Еменъ, Курдистанъ и Арменію. Въ надписи, открытой Маріеттомъ въ Карнакѣ, находится слѣдующее изреченіе Амона, бога Ѳивъ: „Я пришелъ, я позволилъ тебѣ разбить народы Востока; ты шелъ по землямъ Аравіи; я показалъ имъ твое величіе, подобное солнцу, во время солнцестоянія, бросающему теплоту своихъ лучей и распространяющему росу". Во время мятежей, происходившихъ при преемникахъ Тутмеса, Еменъ возвратилъ свою независимость; но при Рамзесѣ II [1]), египетскій флотъ снова утвердилъ власть фараоновъ надъ Ememомъ, богатымъ драгоцѣнностями. По предположенію Ленормана, эта страна оовободилась изъ-подъ египетской власти въ правленіе слабыхъ фараоновъ XX династіи[2] .

Съ усиленіемъ политическаго и торговаго могущества Ассиріи, Аравія неизбѣжно сдѣлалась цѣлью завоевательныхъ стремлен:й ассирійскихъ царей. На колоннѣ Салманассара IV) хранящейся въ Британскомъ музеѣ, упоминаются сто верблюдовъ араба Джандиба, участвовавшихъ въ битвѣ при Каркарѣ. Теглатфалассаръ, царь ассирійскій, называлъ своими данницами двухъ царицъ арабской области Думы — Зибиби и Шамсію. Въ 732 г. до Р. Хр. этотъ царь, чтобы наказать возставшихъ арабовъ Думы, взялъ ихъ городъ перебилъ много жителей и получилъ большую дань волами, овцами и верблюдами. Царица Шамсія убѣжавшая въ пустыню, просила *амана* (помилованіе) у ассирійскаго царя и получила. Въ 715 г. та же царица отправила торжественное посольство къ другому ассирійскому царю Саріукину или Саргону, слава котораго распространилась по всей Аравіи[3]). Тогда же и царь сабейскій Ятааамеръ или Исамаръ посылалъ пословъ съ подарками къ ниневійскому царю Саргону, какъ объ этомъ упоминается въ одной ассирійской клинообразной надписи, относимой къ 715 г. до Рожд Хр.: «Я получилъ подать

---

[1]) По новѣйшимъ изысканіямъ, Рамзесъ II царствовалъ въ Египтѣ ококо 1348—1281 гг. до Р. Хр. См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1896 г. мартъ Ст. „Палессина въ XV вѣкѣ до нашей эры при свѣтѣ новѣйшихъ открытій". Стр. 57.

[2]) Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Кіевъ, 1876 г. Выпускъ первый. Египтяне.

[3]) Такимъ образомъ посольства арабскихъ царицъ къ иностраннымъ царямъ были въ обычаѣ.

отъ Исамара сабейца, – золото, травы востока, рабовъ лошадей и верблюдовъ» 1) Это было время самаго большого развитія караванной торговли Емена съ Сиріей, давшей пророку Исаіи поводъ и образъ сказать о будущемъ величіи Іерусалима, что „всѣ жители Сабы придутъ и принесутъ тебѣ золото и ладанъ и возгласятъ хвалебныя пѣсни Господу; всѣ овцы кидарскія будутъ собраны къ тебѣ; овны набатейскіе послужатъ для твоихъ жертвъ“ (гл. LX. ст. 6—7). Вскорѣ послѣ 711 г., вавилонскій царь Меродахбаладанъ напалъ на арабскія племена, занимавшія восточную часть полуострова и подчинилъ своей власти Бахраинъ. Къ этому событію историки относятъ пророчество Исаіи [2]) объ Аравіи, высказанное пророкомъ въ гл. XXI, ст. 13—17[3]): «Жители страны Ѳемоновой выносятъ воду навстрѣчу жаждущему съ хлѣбомъ встрѣчаютъ бѣгущаго, потому что бѣгутъ отъ мечей, отъ изощреннаго меча, и отъ натянутаго лука, и отъ тягости войны, потому что Господь сказалъ мнѣ такъ: черезъ годъ, равный году наемничему, вся слава Кидара исчезнетъ и остатокъ отъ числа храбрыхъ стрѣлковъ Кидарскихъ уменьшится». — Сеннахерибъ (705—681 г. до Р. Хр.), въ концѣ своего царствованія, завоевалъ городъ Думу и часть жителей ея увелъ въ плѣнъ. Сынъ Сеннахериба Ассаргаддонъ, между 681 и 688 или 672 гг. до Р. Хр. прошелъ съ войскомъ до самаго центра Аравіи и оттуда двинулъ свои войска въ южныя страны полуострова. Такъ онъ самъ писалъ объ этомъ походѣ своемъ: «Городъ Ад — Думу, городъ могущества арабовъ, взятый раньше Сеннахерибомъ, царемъ ассирійскимъ, отцемъ, родившимъ меня, я снова осадилъ, и я увелъ оттуда плѣнныхъ жителей въ Ассирію. Посолъ арабской царицы со множествомъ подарковъ явился въ Ниневію и склонился передо мной. Онъ умолялъ

---

[1]) См. исторію Ассиріи, стр. 377.

[2]) Въ Исторіи ислама А. Мюллера (Спб. 1895) читаемъ, что этотъ же самый Исамара, сабеецъ, встрѣчается въ надписяхъ южно-арабскихъ, гдѣ онъ называется Іаса'маромъ, княземъ Сабы. Изъ этого, по словамъ А. Мюллера, можно заключить, что царство сабеевъ процвѣтало въ VIII вѣкѣ до Р. Хр., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Библія (т. I, стр. 25).

[3]) Пр. Исаія выступилъ на пророческое служеніе за 759 л. до Р. Хр. и продолжалъ свое служеніе болѣе 60 лѣтъ. См. Библ. Словарь прот. Солярскаго. Т. II. стр. 97.

меня возвратить ему боговъ его. Я исполнилъ его просьбу и возстановилъ образы этихъ боговъ которые были повреждены. Я приказалъ писать на этихъ изображеніяхъ хвалу богу Ассуру и славу своего имени. Потомъ я приказалъ принести ихъ и отдалъ ихъ ему. Я назвалъ царицей арабовъ женщину, по имени Табую, взятую изъ моего гарема. Какъ цѣну за боговъ, отданныхъ мною этой странѣ, я увеличилъ подать, платившуюся моему отцу 60-ю верблюдами".

По поводу этой надписи Ленорманъ замѣчаетъ, что въ ней сохранилось послѣднее упоминаніе о царствѣ Думы въ Аравіи, которое, очевидно, прекратило свое существованіе при послѣдовавшихъ затѣмъ смутахъ въ Аравіи.

Изъ дальнѣйшихъ событій, происходившихъ въ Аравіи, укажемъ на то, что, одновременно съ завоеваніемъ царства Думы, Ассаргаддонъ подчинилъ своей власти царство Хиджазское, возвелъ на престолъ Яна, сына Хасана, престарѣлаго правителя Хиджаза, и потомъ проникъ во внутреннія страны Хадрамаута убилъ восемь царей и унесъ въ Ассирію ихъ боговъ, ихъ жатвы, ихъ сокровища и ихъ подданныхъ». Завоеванныя области нѣкоторое время терпѣливо сносили чужеземнее иго и даже помогали Ассурбанипалу во время его похода на Египетъ, но затѣмъ воспользовались смутами на Ефратѣ и отложились. Ассурбанипалъ сначала усмирилъ ближайшихъ бунтовщиковъ, взявъ Сузу, а потомъ двинулся противъ возмутившихся арабовъ Хиджаза, гдѣ въ то время былъ царемъ Ивете, сынъ Нурая. Ассурбаниналъ сдѣлалъ три похода противъ арабовъ. Во время похода, предпринятаго въ 659 г. до Р. Хр., онъ, перейдя Ефратъ, завоевалъ семь городовъ: Азранъ, Удумъ, Ябрудъ, Бейтъ-нени, Мукатъ, Карджея и Сутакъ. Всѣ эта города, по предположенію Ленормана, находились недалеко отъ Ефрата, и одинъ изъ нихъ можетъ быть отожествленъ съ извѣстнымъ позднѣе городомъ *Гирой*[1]).

Упрочивъ занятіемъ этихъ городовъ операціонный базисъ на арабской территоріи Ассурбаниналъ въ слѣдующемъ (658) году двинулся до границъ Ямамы. Овладѣвъ городами:

---

[1]) По приведеннымъ названіямъ трудно догадаться, о какихъ городахъ здѣсь говорится.

Нарамъ-Истарамъ, Гадатмай (Гадиссай[1]) на Ефратѣ и Сурибамъ (на границѣ аравійской пустыни по направленію къ Гирѣ), завоеватель, сопровождаемый многочисленными верблюдами, навьюченными кожанными мѣхами съ водой, направился далѣе въ пустыню по тому пути, по которому и до сихъ поръ слѣдуютъ персидскіе богомольцы въ Мекку, т. е. по направленію изъ Мешхедъ-Али въ Наджлъ. Переходъ «областей жажды» (выраженіе клинообразной надписи) былъ дологъ и труденъ, пока наконецъ ассирійское войско въ Куриранѣ «пило воду источника». Отсюда ассирійскій царь направился на городъ Ярену, взялъ его приступомъ и затѣмъ, слѣдуя въ юго-восточномъ направленіи, прибылъ въ страну Баръ и овладѣлъ столицей ея—Азаллагомъ. Пройдя пустыню Наджлъ, Ассурбанипалъ подчинилъ своей власти городъ Яшаммегъ (с з. часть Наджда) и, пройдя другую пустыню, онъ достигъ округа и города Кирассида (Эль-Кара, на границѣ Наджда и Тегамы) и подчинилъ своей власти все пройденное пространство.

Въ третій походъ (въ 657 г) ассирійское войско въ короткое время прошло отъ Карассидда до города Джидды, расположеннаго на морскомъ берегу. Овладѣвъ этимъ городомъ, Ассурбанипалъ двинулся далѣе въ сѣверномъ направленіи и послѣдовательно завоевалъ другіе два города Хиджаза—Янбо и Ятрибъ и тѣмъ окончилъ свой завоевательный походъ противъ возмутившагося хиджазскаго царя Ивете, котораго онъ помиловалъ, но увеличилъ платимую имъ дань. Казнивъ двухъ шейховъ, руководившихъ защитой своей страны (съ нихъ живыхъ была содрана кожа и отправлена въ Ниневію) и возстановивъ свою власть въ Аравіи, Ассурбанипалъ возвратился въ Ниневію чрезъ страну Набатеевъ, которые не имѣли силы воспрепятствовать побѣдоносному шествію его [2]).

Въ 625 г до Р. Хр., послѣ паденія Ниневіи, арабы получили независимость и продолжали свою торговлю съ Финикіей, пока ихъ не постигло еще большее бѣдствіе отъ

---

[1]) Позднѣе Эдесса.

[2]) Фр. Ленорманъ. Арабы. Т. II, вып. I, стр. 77—83.

вавилонскаго царя Навуходоносора[1]), какъ объ этомъ предсказалъ еврейскій пророкъ Іеремія: „На Кидаръ и царства Асорскія, которыя поразилъ Навуходоносоръ, царь вавилонскій, такъ сказалъ Господь: вставайте, выступайте противъ Кидара и раззорите Сыновъ Востока. Шатры ихъ и стада ихъ будутъ взяты; занавѣсы, и всю домашнюю утварь ихъ, и верблюдовъ ихъ заберутъ себѣ, и будутъ кричать имъ: „ужасъ отовсюду!" Бѣгите, спѣшите, какъ можно скорѣе, скройтесь въ норахъ, жители Асора, говоритъ Господь; ибо Навуходоносоръ, царь вавилонскій, держитъ совѣтъ на васъ и составилъ умыселъ на нихъ. Вставайте, выходите противъ народа безпечнаго, живущаго беззаботно, говоритъ Господь; ни дверей, ни запоровъ нѣтъ у нихъ; они живутъ уединенно И верблюды ихъ отданы будутъ на расхищеніе и множество скота въ добычу; и по всѣмъ вѣтрамъ разсѣю ихъ, стригущихъ волосы на вискахъ, и со всѣхъ сторонъ наведу на нихъ бѣдствіе, изрекъ Господь[2])". Арабы не подавали повода къ нападенію вавилонскаго царя, но онъ не могъ не видѣть выгодъ въ обладаніи Аравіей, по примѣру своихъ предшественниковъ, изъ-за ея торговли. Покоривъ Тиръ въ 573 году, Навуходоносоръ съ большимъ войскомъ напалъ на Хиджасъ и распространилъ по странѣ раззореніе и смерть Въ окрестностяхъ Мекки потомокъ Измаила, Аднанъ собралъ защитниковъ родной страны и рѣшился защищать Каабу; но въ кровавой борьбѣ арабскіе воины потерпѣли пораженіе, были разсѣяны и спаслись бѣгствомъ въ сосѣднія равнины и горы. Большую часть захваченныхъ жителей Хиджаза Навуходоносоръ отвелъ плѣнниками въ Вавилонъ. Этотъ опустошительный походъ не имѣлъ однако продолжительнаго вліянія на политическую свободу Аравіи, которая со смертію Навуходоносора опять получила независимость.

Киръ, царь персидскій, не пытался утверждать свою власть надъ Аравіей, хотя подчинилъ себѣ всѣ сосѣднія съ Аравіей владѣнія Вавилона. И преемники Кира не задавались мыслію подчинять себѣ арабовъ, всегда отличавшихся духомъ

---

[1]) По Шлоссеру, Навухоносоръ объявилъ себя независимымъ правителемъ около 600 г. до Р. Хр., а по Ванъ-Денъ-Бергу съ 604 г. по 561 г. до Р. Хр.

[2]) Кн. прор. Іереміи, гл. XLIX, ст. 28—32.

независимости, поддерживаемымъ въ нихъ географическими условіями занимаемой ими страны[1]).

Греческій историкъ Геродотъ (495—425 гг до Рожд Христ.) упоминаетъ объ Аравіи и арабахъ нѣсколько разъ[2]). Говоря о походѣ Камбиза въ Египетъ, Геродотъ описываетъ обрядъ заключенія послами Камбиза договора съ арабскимъ царемъ, съ цѣлію предоставленія персидскому войску безопаснаго прохода чрезъ аравійскую пустыню Договоръ былъ заключенъ, и арабскій царь наполнилъ водою мѣхи изъ верблюжьей кожи, навьючилъ ими всѣхъ своихъ верблюдовъ и затѣмъ выступилъ въ пустыню, гдѣ дожидался прихода Камбизова войска[3])

Страбонъ, (жившій въ эпоху Помпея, Цицерона, Ю. Цезаря, Августа и Тиверія), на основаніи разсказовъ Аристобула, говоритъ, что Александръ Македонскій провелъ каналъ на сѣверной границѣ Аравіи и сдѣлалъ это между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы Аравія не оказалась совершенно недоступной черезъ болота и озера, окружавшія ее, какъ островъ. Онъ помышлялъ о завоеваніи этой богатой страны, для чего приготовилъ было уже флотъ и назначилъ пункты для его отправленія; онъ заказалъ корабли въ Финикіи, въ отдѣльныхъ частяхъ или сколоченными вмѣстѣ (которые были доставлены семидневнымъ путемъ въ Өапсакъ, а оттуда по рѣкѣ перевезены къ Вавилону), частью же въ Вавилоніи, гдѣ они были сооружены изъ кипарисовыхъ деревьевъ рощи боговъ и увеселительныхъ садовъ По разсказу Аристобула, Александръ объявлялъ поводомъ къ войнѣ то обстоятельство, что изъ всѣхъ народовъ

---

1) Фр. Ленорманъ. Т. II, вып. I, стр. 83—86.

2) Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго Ө. Мищенко. Т. I. Москва. 1885 г. Книга II, 8, 11, 12, 15, 16 и 18 (стран. 116 – 122).

3) При этомъ Геродотъ передаетъ разсказъ о томъ, что въ Аравіи есть большая рѣка Корисъ, вливающаяся въ такъ называемое Еритрейское (Красное) море. Какъ разсказываютъ, арабскій царь велѣлъ сшить изъ сырыхъ бычачьихъ и другихъ кожъ водопроводъ, доходившій отъ рѣки до пустыни, и провелъ изъ рѣки черезъ него воду въ пустыню, гдѣ велѣлъ выкопать обширныя вмѣстилища, которыя принимали въ себя и сохраняли эту воду. Отъ рѣки до пустыни было двѣнадцать дней пути. Воду царь будто бы провелъ тремя водопроводами въ три пункта. (Кн. III, VIII и IX, стран. 214—215). Разсказъ этотъ мало вѣроятенъ и во всякомъ случаѣ преувеличенъ.

одни арабы не посылали къ нему пословъ; на самомъ же дѣлѣ ему хотѣлось владычествовать надъ ними[1]). Когда онъ узналъ, что арабы чтятъ только двухъ боговъ,—Зевса и Діониса, то возымѣлъ надежду, что арабы, въ случаѣ побѣды его надъ ними, станутъ считать его третьимъ божествомъ за то, что онъ дозволилъ имъ пользоваться давней самостоятельностью. Но намѣренія Александра Македонскаго не осуществились по причинѣ внезапной его смерти[2])

По смерти Александра, арабамъ не угрожала опасность отъ иноземныхъ завоевателей въ теченіе трехъ вѣковъ, и арабскіе кочевники имѣли возможность заходить во время своихъ кочевокъ, особенно въ зимнее время, въ предѣлы плодоноснаго Ирака (персид. провинціи), который отъ того получилъ названіе арабскаго Ирака (Иракъ-араби), и образовали особое царство съ главнымъ городомъ Хира (или Гира). Но съ наступленіемъ всемірнаго владычества римлянъ, Кесарь Августъ возымѣлъ рѣшительное намѣреніе или покорить арабовъ, или сдѣлать ихъ своими друзьями, такъ какъ южные арабы (въ Еменѣ) съ давнихъ поръ считались богатымъ народомъ, вымѣнивавшимъ золото и серебро на свои благовонія и драгоцѣнные камни. Августъ надѣялся такимъ образомъ или пріобрѣсти въ Еменскихъ арабахъ богатыхъ друзей, или покорить богатыхъ враговъ, какъ говоритъ Страбонъ. Съ этой цѣлью въ Южную Аравію былъ снаряженъ походъ подъ начальствомъ Элія Галла[3]). Элій соорудилъ сто тридцать грузовыхъ судовъ, на которыхъ и переправился съ десятью тысячами римской пѣхоты, находившейся въ Египтѣ, и союзниковъ. Въ числѣ послѣднихъ было пятьсотъ іудеевъ и тысяча набатеевъ[4]), подъ командою набатейца Силлая. Претерпѣвши много бѣдъ, Галлъ только на пятнадцатый день прибылъ въ деревню Бѣлую, большое

---

[1]) Онъ задумывалъ было сдѣлать Аравію своею резиденціей, по возвращеніи изъ индійскаго похода, какъ говорится у Страбона. Очевидно, имѣлась въ виду Счастливая Аравія.

[2]) Географія Страбона. Русскій переводъ Ѳ. Мищенко. Кн. 16, гл. I, 11 и гл. IV, 27. Стран. 757—758 и 802.

[3]) Въ 25 году до Рожд. Хр.

[4]) Главный городъ у набатеевъ былъ Петра, на сѣверѣ Аравіи, называвшейся „Петрейской". (т. е. Каменистой). Развалины этого города еще въ долинѣ Муса, въ двухъ дняхъ пути къ С. В. отъ Акабы и отъ Мертваго моря.

торжище набатеевъ. Онъ потерялъ множество кораблей и нѣсколько изъ нихъ вмѣстѣ съ экипажемъ, вслѣдствіе несчастнаго плаванія, а не отъ нападенія враговъ. Причиной этихъ бѣдствій было недоброжелательство Силлая, утверждавшаго, что войско не можетъ быть проведено сухимъ путемъ въ деревню Бѣлую, между тѣмъ какъ купцы совершаютъ здѣсь путь безопасно и удобно съ такимъ количествомъ людей и верблюдовъ, что караваны ихъ не отличаются отъ арміи. «Случилось это такъ потому, что царь Обода не обращалъ большого вниманія на общественныя дѣла и въ особенности на военное дѣло,— общая слабость арабскихъ царей. Онъ предоставилъ все произволу своего намѣстника Силлая, а этотъ послѣдній велъ всѣ дѣла съ коварствомъ и старался изслѣдовать страну и покорить вмѣстѣ съ римлянами нѣкоторые города и племена арабовъ, а потомъ, по истребленіи римлянъ голодомъ, болѣзнями, трудами и другими бѣдами, приготовленными для римлянъ съ помощью хитрости, сдѣлаться самому всеобщимъ повелителемъ. Итакъ, Галлъ дошелъ до деревни Бѣлой, когда войско его заболѣло уже цынгой и слабостью ногъ,—двѣ мѣстныя болѣзни; у однихъ солдатъ былъ параличъ рта, у другихъ параличъ ногъ, вслѣдствіе особенныхъ свойствъ воды и травъ. Все это заставило Галла провести въ той деревнѣ лѣто и зиму для поправленія здоровья солдатъ... Выступивши съ войскомъ изъ деревни Бѣлой, Галлъ проходилъ, слѣдуя указаніямъ вѣроломныхъ проводниковъ, по такимъ мѣстностямъ, что даже вода была везена на верблюдахъ. Много дней спустя послѣ этого, Галлъ прибылъ въ землю Ареты, царя Набатеевъ, который (см. ниже, гл III), былъ сыномъ царя Ободы. Хотя Арета принялъ его дружелюбно и одарилъ подарками, но измѣна Силлая затруднила римскому войску переходъ чрезъ эту страну. Въ теченіе тридцати дней шелъ Галлъ по мѣсностямъ безъ дорогъ и доставлявшимъ только полбу, немного финиковъ и масло изъ оливы. Ближайшая страна, въ которую онъ пришелъ, населена была кочевниками, а большею частью совершенно пустынна: называлась она Арареной, а царь ея Сабомъ. На переходъ и чрезъ эту землю, также не имѣвшую путей сообщенія, потребовалось пятьдесятъ дней, пока онъ не прибылъ въ городъ Неграны, въ мирную и плодородную

область[1]). Царь бѣжалъ, и городъ былъ взятъ при первомъ приближеніи къ нему. На шестой день послѣ этого войско достигло рѣки. Вступившіе здѣсь въ сраженіе варвары, въ числѣ тысячъ десяти, потерпѣли пораженіе отъ римлянъ, которыхъ было двѣ тысячи: варвары, народъ совершенно невоинственный, не умѣли пользоваться оружіемъ, именно луками, копьями, мечами и пращами; большая часть ихъ была вооружена обоюдоострыми топорами. Вскорѣ послѣ того завоеванъ былъ также покинутый царемъ городъ Аска. Отсюда Галлъ перешелъ къ городу Аѳрулѣ, который былъ взятъ безъ боя и снабженъ гарнизономъ. Запасшись хлѣбомъ, финиками и другими предметами, онъ прибылъ къ городу Маріабѣ[2]), принадлежавшему народу рамманитовъ, подчиненному царю Иласару[3]). Послѣ шестидневной осады, Галлъ вынужденъ былъ по недостатку воды отступить. Здѣсь онъ находился, какъ говорили плѣнные, на разстояніи двухъ дней отъ земли, доставлявшей благовонія По винѣ проводниковъ, Галлъ прошелъ этотъ путь только въ шесть мѣсяцевъ. Объ обманѣ проводниковъ онъ узналъ поздно, только на возвратномъ пути, который онъ совершилъ по другому направленію. На девятый день Галлъ пришелъ въ Неграны[4]), гдѣ произошло сраженіе; оттуда, одинадцать дней спустя, онъ прибылъ къ семи источникамъ въ мѣстность, названную такъ по количеству источниковъ. Отсюда, черезъ мирную область, Галлъ перешелъ къ деревнѣ Хааллѣ, а потомъ къ другой, лежащей на рѣкѣ Малоѳѣ. Дальнѣйшій путь шелъ черезъ скудно орошенную пустыню до деревни Егры, которая лежитъ у моря въ землѣ Ободы. Весь обратный путь онъ совершилъ въ шестьдесятъ дней, употребивши въ началѣ на тотъ же путь шесть мѣсяцевъ. Отъ Егры войско прибыло въ Мышиную гавань черезъ одиннадцать дней; оттуда Галлъ перешелъ въ Коптъ и наконецъ спустился въ Александрію со всѣми способными къ военной службѣ людьми; остальные солдаты его погибли не отъ враговъ, но отъ болѣзней, трудовъ, отъ голода и дурного

[1]) Въ Еменѣ, гор. Наджранъ.
[2]) Магребъ. См. ниже.
[3]) Елизвой царь Абиссиніи.
[4]) Наджранъ, упомян. выше.

состоянія дорогъ, отъ войоы погибло только семь селовѣкъ. По этимъ причинамъ походъ мало принесъ пользы для изслѣдованія этихъ земелъ, хотя всетаки нѣкоторая польза была»[1]).

При императорѣ Траянѣ (98—117 по Р. Хр.) у римлянъ была снова попытка овладѣть Аравіей, но и на этотъ разъ полководецъ Авлъ Корнелій могъ покорить только Каменистую Аравію зъ 107 году, но внутрь полуострова проникнуть не рѣшился. По другимъ, Корнелій Авлъ въ 105 г. взялъ главный городъ Набатеевъ — Петру и тѣмъ положилъ конецъ царству ихъ, которое было присоединено къ Сирійской провинціи. Подчиненіе Каменистой Аравіи власти римлянъ сдерживало набѣги сосѣднихъ арабскихъ племенъ и обезпечивало свободу торговыхъ путей изъ Сиріи къ Ефрату. И вообще торговыя предпріятія Востока не могли уже избѣгнуть, какъ говоритъ А. Миллеръ[2]), подавляющаго вліянія всемірной имперіи римлянъ. Направленіе древняго торговаго пути измѣнилось: складочные пункты внутри Аравіи были оставлены, а корабли направлялись отъ берега ладана въ египетскую гавань Міосъ-Гомросъ[3]). Рслѣдствіе этого дворцы Сабы обезлюдѣли и искусственное орошеніе, превращавшее пески въ плодоносныя поля, постепенно приходило въ упадокъ. Знаменитая Магребская плотина (въ столицѣ Сабы), обусловливавшая плодородіе всего Емена, по арабскому сказанію, вдругъ прорвалась, и сдерживаемыя его воды затопили городъ Магребъ (древ. Маріаба) и его окрестности. Катастрофа эта, относимая историками къ срединѣ второго вѣка по Р. Хр., произвела такое опустошеніе въ странѣ, что значительная часть еменскаго населенія выселилась на сѣверъ Аравійскаго полуострова и далѣе къ Сиріи, гдѣ на берегахъ рѣки Хасана (или Гасана) уже существовало особое царство Хасанидское или Гассанидское, находившееся подъ вліяніемъ римлянъ. Одинъ ли только порывъ Магребской плотины повлекъ за собой обезлюденіе древняго южно-арабскаго царства Сабы, современнаго Соломону, или же

---

[1]) Страбонъ, кн. XVI, глава IV, 23—24; стр. 797—799.

[2]) Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. А. Мѣдникова. Спб. 1895 г. Т. I, стр. 27.

[3]) По Страбону—Хармоѳа. Кн. XVI, гл. IV, 18. Русскій переводъ. стран. 794.

это зависило отъ новаго направленія индійской торговли по морскому пути вмѣсто, прежняго караваннаго—неизвѣстно; но уже въ первомъ столѣтіи по Р. Хр., рядомъ съ сабейцами, упоминаются химьяриты арабы южнаго побережья полуострова, и столицей этого новаго государства былъ ближайшій къ морю городъ Зафаръ. Позднѣе имя Сабы уже не встрѣчается, а прежнія владѣнія этого богатаго царства считаются принадлежащими химьяритамъ Но химьяритское царство никогда не достигало такого богатства и славы какъ древняя Саба. Зафаръ былъ только промежуточной станціей для индійской торговли, и торговля стала теперь болѣе доступна иноземному вліянію. Торговля еменскимъ золотомъ уменьшалась, а торговля кожей (начиная съ VI в. по Р. Хр.) не могла дать странѣ первенствующаго значенія. Тѣмъ не менѣе мѣновая торговля еменскими товарами съ Сиріей продолжалась и по старинному караванному пути черезъ Мекку, до времени появленія ислама, что имѣло вліяніе на развитіе Мухаммеда.

Переселеніе южно-арабскихъ племенъ на сѣверъ Аравіи ослабило могущество химьяритовъ, и мало по мало они подпадали подъ власть Византіи и Персіи. Начиная со второго вѣка по Р Хр., на южную Аравію нападали абиссинцы-христіане, которые въ четвертомъ вѣкѣ появились уже въ столицѣ химьяритовъ—въ Наджранѣ[1]), и въ Аденѣ также устраивали христіанскія церкви. Въ началѣ шестого вѣка византійскіе императоры Юстинъ I и Юстиніанъ I (518—527 гг.), въ видахъ противодѣйствія персамъ, поддерживали абиссинскаго вассала Аксума въ Еменѣ. Между тѣмъ туземные химьяритскіе князья (Тобба) старались противодѣйствовать христіанскому вліянію абиссинцевъ и съ своей стороны поддерживали іудейство въ Еменѣ, а Тобба Зу-Навасъ[2]) возбудилъ даже кровавое преслѣдованіе противъ христіанъ города Наджрана. Извѣстный христіанскій агіографъ св. Симеонъ Метафрастъ повѣствуетъ, что когда въ греческой землѣ царствовалъ Іустинъ[3], а въ Еѳіопіи

---

[1]) Въ гор. Наджранѣ христіанство утвердилось при импер. Констанціи (361 г.).

[2]) Въ толкованіи на Коранъ (Рухуль-баянъ) сказано, что собственное имя его было Юсуфъ, а Зу-Навасъ—прозвище, данное ему за длинные волосы. По другимъ источникамъ, онъ былъ выходцемъ изъ Медины и воспитанъ евреями.

[3]) Нужно подразумѣвать Іустина II, царств. въ 565—578 гг. по Р. Хр.

(Абиссиніи) Елезвой, цари православные въ то время[1]) въ омиритской (химьяритской) землѣ возсталъ беззаконный царь, по имени Дунаанъ (Зу Навасъ), жидовинъ, невѣрный хульникъ имени Іисуса Христа и великій гонитель христіанъ. У него всѣ совѣтники, слуги и войска были набраны изъ іудеевъ и язычниковъ. Онъ старался изгнать изъ своей области всѣхъ христіанъ и истребить въ химьяритской странѣ самую память имени Христова и потому жестоко преслѣдовалъ—мучилъ и убивалъ христіанъ, не покорявшихся его велѣнію и не хотѣвшихъ съ нимъ жидовствовать. Когда услышалъ объ этомъ еѳіопскій царь Елезвой, то очень опечалился и, собравъ свои войска, пошелъ войной на Зу-Наваса. Одержавъ побѣду надъ Зу-Навасомъ, Елезвой сдѣлалъ его своимъ данникомъ и возвратился въ свою страну. Но Зу-Навасъ въ скоромъ времени[2]) снова возсталъ противъ Елезвоя Собравъ войско, онъ перебилъ всѣхъ Елезвоевыхъ воиновъ, которые оставлены были охранять города (гарнизоны), и еще съ большею силой возсталъ противъ христіанъ, объявивъ повсюду, что христіане или должны принять іудейскую вѣру, или же безъ милосердія будутъ избиваемы. Послѣ этого повелѣнія въ царствѣ Зу-Наваса не было никого, кто бы осмѣлился исповѣдывать христіанство; только въ одномъ городѣ Наджранѣ имя Іисуса Христа прославлялось.

Когда Зу Навасъ услышалъ, что жители Наджрана не повинуются повелѣнію его, то пошелъ противъ нихъ со всею своею силой и разсчитывалъ уничтожить христіанъ въ своей области и тѣмъ досадить Елезвою, царю еѳіопскому. Подошедши къ городу, Зу Навасъ обложилъ его со всѣхъ сторонъ и окопалъ рвомъ и хвалился скоро взять его, а жителей всѣхъ избить. Онъ говорилъ жителямъ Нарджрана: «если хотите получить отъ меня милость и остаться въ живыхъ, то свергните изображенія креста съ вашихъ церквей и отрекитесь отъ имени распятаго на немъ Христа». Воины его ходили вокругъ города и кричали; „покоритесь царю, если хотите оставаться живыми и дары получить отъ него; если же нѣтъ, то погибнете отъ огня и меча“. Самъ Зу-Навасъ продолжалъ злобствовать и хулить имя Христово.. Но осажденные христіане отвѣ-

---

[1]) Въ концѣ 5 в. по Р. Хр.
[2]) Около 521 г. по Р. Хр.

чали ему: «ты хвалишься отвратить насъ отъ Христа, или всѣхъ насъ погубить; поистинѣ, ты скорѣе погубишь всѣхъ насъ, но не отвратишь отъ Христа Спаса нашего, за Котораго всѣ мы готовы умереть»... Отъ такого отвѣта Зу-Навасъ пришелъ еще въ большую ярость и, налегая на городъ, думалъ, что если не возметъ его силой, то изморитъ жителей голодомъ. Въ то же время онъ находилъ въ окрестностяхъ города (въ селеніяхъ и пустыняхъ) христіанъ и частью убивалъ ихъ, частію употреблялъ на работы.

Долго осаждалъ Зу-Навасъ Наджранъ и не могъ взять, его силой. Наконецъ, онъ рѣшился на хитрость: съ клятвою обѣщалъ онъ осажденнымъ, что не хочетъ причинять имъ зла и отвращать ихъ отъ христіанской вѣры, а только желаетъ получить отъ нихъ обычную дань, и потому проситъ отворить городъ. Христіане повѣрили клятвенному обѣщанію врага, отворили городскія ворота и впустили въ городъ осаждающихъ. Зу-Навасъ вошелъ въ городъ съ войскомъ и занялъ своими воинами стѣны и ворота. Осмотрѣвъ затѣмъ городъ и, видя его благоустройство, похвалилъ гражданъ. Затаивъ въ сердцѣ своемъ злую месть, онъ отдохнулъ въ городѣ и вышелъ въ лагерь, пригласивъ къ себѣ всѣхъ почетныхъ мужей и властителей городскихъ. Тогда всѣ старѣйшины и власти городскія, почетные и богатые горожане отправились въ лагерь Зу-Наваса, вмѣстѣ съ своимъ шейхомъ Аревой. Это былъ благочестивый старецъ, имѣвшій 95 лѣтъ отъ рожденія и считавшійся самымъ главнымъ лицомъ въ Наджранѣ[1]). Ему ввѣрено было управленіе городомъ; его совѣтами руководились горожане, храбро защищая городскія стѣны отъ нападенія осаждавшихъ. Прибывъ къ Зу-Навасу, горожане воздали ему должное почтеніе и благодареніе за то, что онъ, согласно своей клятвы, не причинилъ имъ бѣдъ. Но злобствовавшій врагъ не сдержалъ далѣе своей клятвы: приказалъ всѣхъ пришедшихъ къ нему христіанъ схватить, заковать и держать подъ стражей. Онъ

---

[1]) Эти подробности повторяются и въ толкованіи на Коранъ (Рухульбаянъ), но вмѣсто Аревы въ этомъ толкованіи названъ Абдулла бинъ-Тамаръ, человѣкъ благочестивый и послѣдователь Христіанской вѣры; Арьятъ же представляется начальникомъ войска абиссинскаго царя; Абраха былъ въ войскѣ Арьята.

надругался надъ похороненнымъ два года назадъ прахомъ епископа Павла (тѣло его сожгли и пепелъ развѣяли) и умертвилъ 427 христіанъ (священниковъ, иноковъ, инокинь и дѣвицъ), приказавъ бросить ихъ въ огонь. Послѣ того его глашатаи ходили по городу и кричали, чтобы всѣ отреклись отъ Христа и принимали жидовство, какъ и царь. Приведены были предъ царя препод. Ареѳа съ прочими узниками и послѣ долгихъ увѣщаній отречься отъ Христа они были обезглавлены въ числѣ 340 человѣкъ.

Прекративъ, по совѣту своихъ бояръ и князей, избіеніе христіанъ Наджрана, Зу-Навасъ собралъ много тысячь младенцевъ и дѣвицъ изъ этого города и всего округа Наджранскаго и часть ихъ оставилъ при дворѣ своемъ для работъ, а часть роздалъ своимъ вельможамъ и воинамъ и возвратился въ свою столицу. Отсюда онъ послалъ пословъ къ персидскому царю Кободу[1]) съ предложеніемь избить всѣхъ христіанъ, находящихся въ Персіи, и къ сѣверно-арабскому князю Аламундару[2]), которому обѣщалъ много золота за избіеніе христіанъ, жившихъ въ его странѣ. Въ письмѣ къ нему, Зу-Навасъ похвалялся своею жестокостью, проявленною въ отношеніи христіанъ, жившихъ въ Зафарѣ и Наджранѣ.

Греческій императоръ Іустинъ, когда узналъ объ этомъ, умолялъ эѳіопскаго царя Елезвоя итти войной на Зу-Наваса, такъ какъ предѣлы ихъ владѣній были близки. Елезвой и самъ уже зналъ о звѣрствахъ Зу-Наваса, который избилъ въ химьяритскихъ владѣніяхъ эѳіопскіе гарнизоны. Поэтому онъ собралъ 120 тысячъ войска и 130 кораблей, кромѣ исправленныхъ старыхъ, и выступилъ въ походъ. Часть войска онъ отправилъ сухимъ путемъ, а самъ съ остальнымъ войскомъ двинулся моремъ къ предѣламъ владѣній Зу-Наваса, котораго онъ разсчитывалъ окружить съ моря и суши. Зу-Навасъ, услышавъ объ этомъ, также собралъ войско и выступилъ на встрѣчу къ кораблямъ Елезвоя. Часть войска Елезвоя высадилась на берегъ выше стоянки Зу-Наваса, напала на его столицу — Фаре[3])

---

1) Царств. съ 487 по 537 г. по Р. Хр.

2) Такъ называется у византійскихъ писателей Аль-Мунзиръ, правитель Гиры, на сѣверѣ Аравіи.

3) Очевидно, искаженное Зафаръ.

и захватила въ плѣнъ царицу и сокровища, а затѣмъ и главныя силы Зу-Наваса были разбиты, причемъ Зу-Навасъ палъ отъ меча Елезвоя въ 529 г. по Р. Хр.[1]). Въ гор. Наджранѣ было возстановлено христіанство. Сына мучен. Ареѳы Елезвой назначилъ правителемъ города, а царемъ химьяритскимъ абиссинца Авраамія, человѣка благочестиваго и добраго, и затѣмъ отплылъ въ Эѳіопію[2]). Новопоставленный намѣстникъ Іемена Авраамій извѣстенъ у мусульманскихъ писателей подъ именемъ Абрахи. Онъ имѣлъ попытку ввести христіанство въ самой Меккѣ и съ этою цѣлію предпринялъ походъ въ Мекку, окончившійся неудачей вслѣдствіе появленія въ его войскѣ оспы. Годъ этого похода извѣстенъ у арабовъ подъ именемъ «года слона», и соотвѣтствуетъ году рожденія Мухаммеда, т. е. 570 или 571 г. по Р. Хр. И воины Абрахи съ тѣхъ поръ назывались „людьми слона", такъ какъ въ его войскѣ были слоны. Въ Коранѣ (гл. 105) разсказывается объ этомъ случаѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Не вспоминалъ ли ты (т. е. Мухаммедъ), какъ поступилъ Господь твой съ людьми слона? Не обратилъ ли Онъ умысла ихъ къ ихъ погибели? Онъ послалъ на нихъ стаи птицъ: онѣ бросали въ нихъ камни изъ обожженныхъ глиняныхъ глыбъ. Такъ Онъ сравнялъ ихъ съ потравленной нивой". Арабское проданіе сохранило слѣдующій разсказъ въ объясненіе неудачнаго похода Абрахи. Онъ, какъ христіанинъ, построилъ великолѣпный храмъ, имѣя въ виду отвлечь Іеменскихъ арабовъ отъ посѣщенія Меккской Каабы. Но корейшиты (жители Мекки, замѣтивъ уменьшеніе числа богомольцевъ, послали одного араба изъ племени Кенанъ осквернить построенный Абрахой храмъ, что тотъ и исполнилъ. Раздраженный этимъ Абраха поклялся въ свою очередь разрушить Каабу и отправился на Мекку съ большимъ войскомъ, при которомъ были слоны, данные Абрахѣ эфіопскимъ царемъ. Жители Мекки, узнавъ о приближеніи войска Абрахи, испугались и убѣжали изъ города въ окрестныя горы, но Самъ Богъ

---

[1]) По другимъ извѣстіямъ, Зу-Навасъ, послѣдній туземный царь въ Южной Аравіи, былъ казненъ Елезвоемъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Зу-Навасѣ можно читать въ соч. А. Свѣтлакова „Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана", стр. 50 60.

[2]) Книга житій святыхъ. Москва, 1855. Мѣсяцъ октомврій, 24 день „Страданіе св. мученика Ареѳы и иже съ нимъ".

защитилъ Каабу: когда Абраха подступилъ къ Меккѣ и намѣревался вступить въ городъ, слонъ, на которомъ сидѣлъ царь, заупрямился и не хотѣлъ идти далѣе; когда же слона понуждали, онъ становился на колѣни. Въ то же время надъ войскомъ появились (ласточки) птицы абабиль, у которыхъ въ клювахъ и въ каждой ногѣ было по камню, которые птицы и бросали въ воиновъ Абрахи и поражали ихъ[1]). Затѣмъ Богъ послалъ наводненіе, которое смыло тѣла убитыхъ воиновъ, а нѣкоторыхъ живыми снесло въ море. Оставшіеся невредимыми бѣжали отъ Мекки къ Емену, но погибли на пути, такъ что въ столичный городъ Сану возвратился одинъ Абраха, гдѣ скоро умеръ и похороненъ въ основанномъ имъ монастырѣ. По смерти Авраамія (Абраха), царствовавшаго въ Еменѣ около 42 лѣтъ, и со смертью архіепископа Григорія[2]), химьяритскіе христіане, не окрѣпшіе въ православіи, начали отпадать отъ православной церкви и уклонялись въ разныя ереси[3]), чему способствовали политическія смуты страны.

Подъ управленіемъ персовъ, въ Еменѣ распространилось поклоненіе огню и солнцу. Персы, желая на будущее время обезпечить свое вліяніе въ Аравіи, рѣшили выдворить абиссинцевъ изъ Емена. Хосрой Ѳуширванъ (531—579) послалъ, подъ начальствомъ Вахриза, флотъ съ войскомъ, которое по Персид. заливу прибыло въ Аденъ. Въ то время въ Еменѣ явился

---

1 По догадкамъ ученыхъ, войско Абраха погибло отъ оспы. См. примѣч. на гл. 105 корана въ переводѣ Сейля и въ соч. М. Миропіева „Религіозное и политическое значеніе Хаджа (Казань, 1877) стр. 37 и слѣд. Въ толкованіи на Коранъ, извѣстномъ подъ именемъ „Рухуль-баянъ“ говорится, что пораженіе Абрахи произошло въ половинѣ Мухаррама, т. е. въ половинѣ перваго мѣсяца года рожденія Мухаммеда, а рожденіе Мухаммеда послѣдовало въ мѣсяцѣ Рабигуль-авваль, т. е. черезъ 55 дней послѣ пораженія Абрахи. „Годъ слона“ считается 53 годомъ до гиджры, т. е. годомъ рожденія Мухаммеда.—Имя Абрахи съ абиссинскаго языка толкуется въ „Рухуль-баянѣ“, какъ имѣющій бѣлое лицо, но ему усвоено прозвище (лякабъ) „отрубленный носъ“ (ашрамъ).

2) Житіе его см. въ Четьи-Минеяхъ подъ 19 декабря.

3) Несторіанство, гностицизмъ, докетизмъ. Въ 626 году Мухаммедъ заключилъ съ еменскими христіанами договоръ, о которомъ упоминается въ Коранѣ (гл. 5, стр. 17); но послѣ они принимали участіе въ возстаніи, возбужденномъ Мусайламой, на что могутъ служить намекомъ слова Корана (гл. 44, стр. 36). Христіане гор. Наджрана были въ сторонѣ отъ этого движенія; они подчинялись несторіанскому католикосу Селевкіи, и у нихъ въ 630 году упоминается епископъ Ареѳа, а въ 637 году, при халифѣ Омарѣ, былъ правитель Саидъ, съ именемъ котораго прекращаются свѣдѣнія о христіанахъ въ Южной Аравіи.

претендентъ на Еменскій престолъ изъ потомковъ химьяритовъ,—Сейфъ, приверженецъ іудейства. Онъ произвелъ возстаніе среди Еменскихъ арабовъ и былъ посаженъ персами на престолъ. Сдѣлавшись царемъ Емена, Сейфъ сталъ преслѣдовать абиссинцевъ, но былъ скоро умерщвленъ ими, и Еменъ снова подпалъ подъ власть абиссинцевъ. Тогда персидскій полководецъ Вахризъ вторично явился въ Еменъ съ сильнымъ войскомъ, прогналъ абиссинцевъ и сталъ управлять страной на правахъ намѣстника персидскаго царя, имѣя мѣстопребываніе въ главномъ городѣ области,—Санѣ. Съ тѣхъ поръ Еменъ оставался подъ владычествомъ персовъ: управленіе было предоставлено отдѣльнымъ князьямъ изъ рода древнихъ князей Еменскихъ. Страна успокоилась и была довольна, какъ говоритъ А. Миллеръ; но самостоятельной политической роли персидскіе намѣстники въ Еменѣ не имѣли[1])

У Пококка еменскіе цари перечисляются въ такомъ порядкѣ: 1—Кахтанъ, т. е. Іоктанъ, сынъ Евера. Онъ первый царствовалъ въ Еменѣ и надѣвалъ діадему; 2—Яарабъ, сынъ Кахтана. Онъ первый говорилъ по-арабски, и его сыновья впервые стали привѣтствовать его поцарски; 3—Яшрабъ, сынъ Яараба; 4 - Абду-Шамсъ, сынъ Яшраба. Онъ устроилъ въ странѣ Магрибъ знаменитую плотину и самый городъ Магрибъ, который послѣ былъ городомъ Сабы; 5—Химьяръ, сынъ Сабы. Онъ изгналъ Тсамудянъ изъ Емена въ Хиджасъ. Его считаютъ первымъ изъ химьяритскихъ царей, возложившимъ на свою голову золотой вѣнецъ; 6—Ваиль, сынъ Химьяра; 7—Ас-Саксакъ, сынъ Ваиля; 8—Яафаръ, сынъ Ас-Саксака; 9 Зу-Ріашъ; 10—Ан-Нуманъ, сынъ Яафара; 11—Асмахъ, сынъ Нумана; 12—Шаддадъ, сынъ Ада; 13—Лукманъ, братъ Шаддада; 14—Зу-Сададъ, братъ Лукмана; 15—Аль-Харетсъ, сынъ Зу-Садада, прозванный Раяшемъ. Онъ первый принялъ царскій титулъ *тобба*; 16—Зуль Карнайнъ Асаабъ, сынъ Харетса Раяша; 17—Зуль-Манаръ Абраха, сынъ Зуль-Карнайна; 18—Африкасъ, сынъ Абрахи; 19—Зуль-Азгаръ-Амру, братъ Африкаса; 20—Шар-

1) Исторія ислама. Томъ 1, стр. 30—31.
2) См. ст. Игумена Арсенія „Судьбы христіанства въ Южной Аравіи отъ временъ апостольскихъ до утвержденія въ ней магометанства" (Православн. Обозрѣніе 1868 г. Томъ 25. стр. 308—326).

хабиль, изъ потомковъ Саксака; 21—Аль-Худхадъ, сынъ Шархабиля; 22—Балкисъ, дочь Худхада. Современница еврейскаго царя Соломона. Она царствовала 20 лѣтъ; 23—Нашируль-Наамъ, сынъ Шархабиля; 24—Шамаръ-Яраашъ, сынъ Нашира; 25—Абду-Маликъ, сынъ Шамара; 26—Имранъ, сынъ Амира; 27—Амру, братъ Имрана; 28—Аль-Акранъ, сынъ Абу-Малика; 29—Зу-Хабшанъ, сынъ Акрана. Онъ изгналъ племя Тасмъ и Джадисъ изъ Емена; 30—Тобба, сынъ Акрана; 31—Куляйкарбъ, сынъ Тоббы; 32—Абу-Карибъ-Асадъ. Онъ прославился за 700 лѣтъ до Мухаммеда и первый покрылъ Каабу завѣсой. При немъ начало распространяться іудейство въ Еменѣ; 33—Хасанъ, сынъ Тоббы; 34—Амру, сынъ Тоббы, извѣстный подъ именемъ Зуль-Авадъ; 35—Абдъ-Куляль, сынъ Зуль-Авада; 36—Тобба-Хасанъ; 37—Аль Харетсъ, сынъ Амру. Онъ былъ преданъ іудейству; 38—Марсадъ, сынъ Куляля; 39—Вакія, сынъ Мурсада; 40—Абраха, сынъ Ас-Сабаха; 41—Сабханъ; 42—Зу-Шанатиръ. Это былъ нечестивѣйшій человѣкъ, занимавшійся педерастіей; 43—Зу-Навасъ. Онъ бросалъ въ ровъ всѣхъ тѣхъ, которые отказывались исповѣдывать іудейство; 44—Зу-Джаданъ былъ послѣднимъ изъ царей химьяритскихъ, правленіе которыхъ по Абульфедѣ продолжалось 2020 лѣтъ, а по другимъ—болѣе 3000 лѣтъ. Послѣ Зу-Джадана Еменомъ управляли восемь царей изъ Эѳіопіи, Абиссиніи и Персіи; 45—Арьядъ эѳіоплянинъ; 46—Абраха-Аль-Ашрамъ, упоминаемый въ гл. 105 Корана; 47—Яксумъ, сынъ Абрахи; 48—Масрукъ, сынъ Абрахи. Онъ былъ послѣднимъ царемъ Емена изъ эѳіоплянъ. Власть эфіопскихъ царей надъ Еменомъ продолжалась около 72 лѣтъ: Арьядъ правилъ Еменомъ 20 лѣтъ, Абраха—около 50 лѣтъ, Яксумъ—2 года; 49—Саифъ-Ибнъ Зи-Язанъ былъ изъ химьяритовъ. Онъ былъ современникомъ Ануширвана, царя персидскаго, при помощи котораго и захватилъ въ свои руки власть надъ Еменомъ. По смерти его, Еменомъ правили ставленники персидскихъ царей. Послѣднимъ правителемъ Емена былъ Базанъ, современникъ Мухаммеда, обратившійся въ исламъ. Сынъ Базана, Шахръ получилъ власть надъ частью Емена уже отъ Мухаммеда (Specimen historiae arabum, p. 56—67).

На сѣверо-востокѣ Аравіи персидскіе монархи также должны были постоянно оберегать свои пограничныя владѣнія

отъ хищническихъ набѣговъ арабскихъ кочевниковъ. Съ этой цѣлію персы содержали вдоль Ефрата особые кордоны, подъ управленіемъ князей Хиры1), извѣстныхъ подъ именемъ *Лахмидовъ*, т. е. принадлежащихъ къ племени Лахмъ. Первымъ князьямъ Хиры, получившимъ отъ персидскаго царя Шапура I (241—272 по Р. Хр:) права и власть надъ арабами Ирака, былъ Амръ Ибнъ Адія. Около 380 г. по Р. Хр. династія Лахмидовъ прекратилась на время, но около 400 г. снова является правителемъ страны Нуманъ I, а около 420 г. сынъ его Аль-Мунзиръ, извѣстный у византійцевъ подъ именемъ „короля сарациновъ Аламдороса" Нуманъ III, сынъ Асвада, съ своими лучшими войсками сражался подъ знаменами Персіи съ византійцами и умеръ въ 503 году. Въ 506 г. княземъ Хиры былъ Мунзиръ III, отличавшійся жестокостью и побѣдившій предводителя кindитовъ Харитса. Мунзиръ съ своими ордами бедуиновъ постоянно нападалъ на византійскія провинціи и немилосердно грабилъ ихъ, пока не былъ убитъ. Сынъ его Амръ управлялъ Хирой въ 554—569 гг. и, по преданію, подъ вліяніемъ своей матери христіанки Хинды, самъ принялъ христіанство. Братъ его Мунзиръ IV былъ также христіаниномъ. Сынъ Мунзира Нуманъ V былъ послѣднимъ княземъ Хиры. Онъ управлялъ въ 508—602 гг., отличался любовью къ поэзіи и оказывалъ особенное вниманіе арабскому поэту Набигѣ. По смерти Наумана, пало и Персидское царство подъ оружіемъ мусульманъ [2].

Правители Хиры перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1 — Малекъ; 2—Амру, братъ Малека; 3—Дзу-Дайма, сынъ Малека, прозванный Аль-Абрашемъ; 4—Амру, сынъ Али; 5--Амруль-Кайсъ, сынъ Амру, прозванный Альбада, т. е. первый; 6—Амру, сынъ Амруль-Кайса; 7—Аусъ, сынъ Каляма; 8—Нѣкто эмалекитянинъ, имя котораго неизвѣстно; 9—Амруль-Кайсъ, сынъ Арму, прозванный Аль-Мухрикомъ: 10—Аль-Нуманъ Аль-Агваръ, сынъ Амруль-Кайса; 11—Аль-Мундаръ сынъ Нумана; 12—Аль-Асвадъ, сынъ Аль-Мундара; 13—Аль-

[1]) Хира находилась подъ 32° с. ш. на сѣверо-восточной границѣ Аравіи, недалеко отъ мѣстоположенія позднѣйшей Куфы. См. K V. Spruner. Hand-Atlas zur Geschichte Asiens etc. Gotta 1885. Самое названіе Хиры на ассирійскомъ языкѣ означало „военный лагерь", какъ замѣчаетъ А Мюллеръ.

[2]) А Мюллеръ. Исторія ислама. Т. I, ст. 17—23.

Мундаръ, братъ Аль-Асвада; 14 — Алкама Аль-Замьяли; 15 — Амруль Кайсъ, сынъ Нумана, внукъ Амруль-Кайса Аль-Мухрика; 16 — Аль-Мундаръ, сынъ Амруль-Кайса и Мавіи, прозванный за красоту Мау-с-Самаи; 17 — Аль-Харетсъ, сынъ Амра Киндійца, современникъ Ануширвана; 18 — Амру, сынъ Аль-Мундара отъ Хинды. Въ восьмой годъ его правленія родился Мухаммедъ, значитъ, онъ сдѣлался княземъ Хиры въ 562 г. по Р. Хр.; 19 — Кабусъ, братъ Амру; 20 — Аль-Мандаръ, другой братъ Амру; 21 — Аль-Нуманъ, сынъ Аль-Мундара, названный также Абу-Кабусомъ, христіанинъ; 22 — Айясъ. Въ шестой мѣсяцъ его правленія выступилъ Мухаммедъ на свою проповѣдь; 23 - Задавайя, сынъ Махана; 24 — Аль-Мундаръ, сынъ Нумана, внукъ Мундара, правнукъ Мундара, праправнукъ Мау-с Самаи (см. № 16) прозванный Аль-Магруромъ. Онъ правилъ Хирой до завоеванія ея Халидомъ Ибнь Валидомъ (Pocock, Specimen historiae arabum, р. 67—76).

Въ пограничной съ Аравіей Сиріи управляли арабы Хасаниды или Гассаниды. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Харитсъ V, правившій сирійскими арабами отъ 530 до 570 г. по Р. Хр. Императоръ Юстиніанъ желая поднять власть Харитса въ глазахъ арабовъ, назвалъ его, по византійскому обычаю, княземъ «патрикіосомъ», но князь Харитсъ думалъ не столько объ интересахъ императора, сколько о своихъ личныхъ выгодахъ. Въ арабскихъ преданіяхъ Харитсъ считается жестокимъ и низкимъ человѣкомъ. Знаменитый арабскій поэтъ Амруль-Кайсъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Константинополь, передалъ еврейскому князьку Самуилу на сохраненіе свое имущество и въ томъ числѣ пять драгоцѣнныхъ кольчугъ. Самуилъ торжественно обѣщалъ сохранить ввѣренное ему имущество до возвращенія Амруль-Кайса. Во время проѣзда Амруль-Кайса чрезъ владѣнія Харитса, послѣдній узналъ, что драгоцѣнныя кольчуги арабскаго героя оставлены на сохраненіе Самуилу; и когда Амруль Кайсъ на возвратномъ пути изъ Константинополя умеръ, то Харитсъ во время одного изъ своихъ набѣговъ потребовалъ отъ Самуила выдачи кольчугъ[1]) Вѣрный слову Самуилъ отказалъ Харитсу въ его требо-

[1]) Самуилъ жилъ въ сѣверо-западной Аравіи, близъ Теймы, въ мѣстечкѣ Аблакъ.

ваніи, но Харитсъ, захватившій Самуилова сына Адію, уже взрослаго юношу, когда тотъ возвращался съ охоты, сталъ грозить отцу насильственною смертію сына его. Самуилъ и тогда не нарушилъ своего слова. Жестокій Харитсъ умертвилъ Адію, но кольчугъ Амруль-Кайса не получилъ. . Послѣ «побоища Халимы»[1]) Харитсъ въ 566 г. самъ ѣздилъ въ Константинополь и произвелъ на тамошній дворъ сильное впечатлѣніе, въ родѣ того, какое могъ бы произвести кавказскій Шамиль, или Афганскій ханъ Абдурахманъ на современные европейскіе дворы. У Харитса былъ сынъ Аль-Мунзиръ, который въ 570 г. (годъ рожденія Мухаммеда) разбилъ Кабуса, князя Хиры. Затѣмъ изъ Гассанидовъ упоминаются: Амръ IV, Нуманъ VI и Харитсъ VII, которые хотя и покровительствовали арабскимъ поэтамъ своего времени, но политическаго значенія, подобнаго Харитсу V, уже не имѣли. Послѣднимъ Гассанидомъ былъ Джабалъ VI, сынъ Айхама, начальствовавшій надъ сирійскими арабами во время вторженія мусульманъ въ эту страну[2]).

У Пококка Гассанидскіе князья перечисляются въ слѣд. порядкѣ: 1—Джафна, сынъ Амра; 2—Амру, сынъ Джафны; онъ устроилъ въ Сиріи много монастырей; 3—Тагляба, сынъ Амру; 4—Аль-Харетсъ, сынъ Таглябы; 5—Джабала, сынъ Аль-Харетса; 6—Аль-Харетсъ, сынъ Джабалы; 7—Аль-Мондаръ Аль-Акбаръ, сынъ Аль-Харетса, 8 – Аль-Нуманъ, братъ Аль-Мондара; 9—Джабала, второй братъ; 10—Аль-Айхамъ, третій братъ; 11—Амру, четвертый братъ; 12—Джафна Аль-Асгаръ, сынъ Аль-Мондара Аль-Акбара. Онъ сжегъ городъ Хиру. 13—Аль-Нуманъ Аль-Асгаръ, братъ Джафны; 14—Аль-Нуманъ, сынъ Амра, внукъ Аль-Мондара; 15—Джабала, сынъ Аль-Нумана. Онъ велъ войну съ правителемъ Хиры Аль-Мондаромъ Мау-с-Самаи. 16—Аль Нуманъ, сынъ Аль-Айхама; 17—Аль Харетсъ, братъ его; 18—Аль-Нуманъ, сынъ Аль Харетса; 19—Аль Мондаръ, сынъ

---

[1]) Такъ называется побѣда Харитса надъ Мунзиромъ III, княземъ Хиры, въ 554 г. Халима, дочь Харитса, была красавица и, по приказанію отца, намастила своими руками головы воиновъ отца (чтобы разжечь ихъ воинственный пылъ) любимыми у арабовъ духами—*халукъ*, при чемъ одинъ изъ воиновъ поцѣловалъ ее въ лобъ и получилъ отъ красавицы пощечину. Но отецъ, въ виду предстоящей битвы, посовѣтовалъ дочери не обращать вниманія на это оскорбленіе дерзкаго араба (Исторія ислама А. Миллера).

[2]) А. Миллеръ. Исторія ислама, т. I, стр. 17.

Аль-Нумана; 20—Амру, братъ его; 21—Хаджаръ, другой братъ Аль-Мондара; 22 - Аль Харетсъ, сынъ Хаджара; 23—Джабала, сынъ Аль-Харетса; 24—Аль-Харетсъ, сынъ Джабалы; 25—Аль-Нуманъ, сынъ Аль-Харетса, называвшійся также Абу-Карибомъ и Кутамомъ; 26—Аль-Айхамъ, сынъ Джабалы. Онъ правилъ также и Тадморомъ; 27—Аль Мондаръ, братъ Аль Айхама; 28—Шарахилъ, второй братъ Аль-Айхама; 29—Амру, третій братъ; 30—Джабала, сынъ Харетса, внукъ Джабалы; 31—Джабала, сынъ Аль-Айхама. Онъ былъ послѣднимъ правителемъ Сиріи изъ Гассанидовъ и во время Халифа Омара принялъ исламъ, а затѣмъ отправился въ Константинополь и тамъ объявилъ себя христіаниномъ. Относительно продолжительности всего періода правленія Гассанидовъ въ Сиріи существуетъ разногласіе: одни опредѣляютъ этотъ періодъ въ 400 лѣтъ, а другіе въ 600 лѣтъ. Многіе Гассаниды носили имя Ареты (Харитсъ). Нѣкоторые считаютъ первымъ сирійскимъ правителемъ Арету, сына Амра, извѣстнаго также подъ именемъ Ибнъ-Аби-Шамара. За нимъ слѣдовали 37 правителей, которые держали власть въ своихъ рукахъ въ теченіе 616 лѣтъ до послѣдняго изъ нихъ Джабалы. При этомъ предположеніи, упоминаемый во второмъ посланіи ап. Павла къ Коринѳянамъ (гл. XI, ст. 32) сирійскій князь Арета и былъ однимъ изъ первыхъ гассанидскихъ правителей Сиріи (Specimen historiae arabum, p. 77—79).

Въ сѣверной Аравіи послѣ Р. Хр. на нѣкоторое время возникла своеобразная федерація изъ нѣсколькихъ арабскихъ племенъ, подъ главенствомъ сильнаго племени Киндитовъ. Союзныя племена, въ числѣ которыхъ были Бикриты и Таглебиты, угрожали своими набѣгами византійскимъ провинціямъ. Въ 480 году власть этого союза простиралась до границъ Хиры, но послѣ внутренняя связь этого союза то ослабѣвала, то снова укрѣплялась. Въ числѣ правителей Киндитовъ извѣстны Аль-Худжръ, сынъ его Амръ и особенно сынъ Амра-Харитсъ, сдѣлавшій въ 496 г. набѣгъ на Палестину и причинившій много хлопотъ византійцамъ, которые въ 503 году должны были вступить съ нимъ въ переговоры, причемъ императоръ Анастасій обязался уплатить Харитсу большую сумму денегъ, чтобы обезопасить свои сирійскія границы, но

въ тоже время выговорилъ условіе, что Харитсъ направитъ свои воинственныя полчища противъ правителей Хиры, находившихся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Персіи. Мунзиръ III, правившій въ Хирѣ, разбилъ Харитса на голову. а затѣмъ, въ 529 г., захватилъ сына Харитсова и казнилъ его. Сыновья Харитса безплодно старались возстановить союзъ Киндитовъ. Одинъ изъ нихъ Худжръ былъ умерщвленъ арабами-асадитами, и тогда сынъ его, знаменитый поэтъ Амруль-Кайсъ[1]) поклялся отомстить за смерть отца. Онъ переходилъ отъ одного племени къ другому и возбуждалъ ихъ на мщеніе, но успѣха не имѣлъ. Съ отрядомъ всадниковъ-удальцовъ онъ нашелъ было помощь у Химьяритовъ, но его противникамъ оказали помощь войска Нуширвана. Въ стычкѣ съ персидской кавалеріей Амруль-Кайсъ потерпѣлъ пораженіе и едва спасся бѣгствомъ. Снова переходя отъ племени къ племени, онъ рѣшилъ наконецъ отправиться въ Константинополь и просить помощи у императора. Здѣсь онъ свелъ будто любовную интригу съ замужнею дочерью императора Юстина II, бывшею замужемъ за главнымъ дворцовымъ интендантомъ. Находившійся въ то время въ Константинополѣ арабъ изъ враждебнаго ему племени Асадитовъ разсказалъ объ этой интригѣ, и императоръ-отецъ послалъ своему гостю въ подарокъ плащъ, пропитанный ядомъ, отъ котораго знаменитый арабскій герой-поэтъ умеръ въ Анкирѣ (Ангора) и погребенъ у подошвы горы Асибъ[2]). По словамъ А Миллера, Амруль-Кайсъ „поэтъ и король", какъ назвалъ его Рюккертъ[3]), переведшій на нѣмецкій языкъ его стихотворенія, страстно желалъ отомстить асадитамъ за смерть своего отца и возстановить славу своего дома, но, не находя удовлетворенія своему честолюбію, не зналъ покоя и внутренняго мира. При всемъ этомъ онъ не обнаруживалъ унынія и не преклонялся предъ своими несчастіями Онъ скоро забывалъ свои неудачи и несчастія, не упуская случая воспользоваться

---

[1]) Это тотъ самый поэтъ-герой, который оставилъ свои кольчуги еврею Самуилу на сохраненіе, когда самъ отправился въ Константинополь.

[2]) Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Спб. 1862 г. т. IV, стр. 169.

[3]) Amrilkais der Dichter unb König. Sein Leben dargestellt in seinen Liedern. Ausо dn Arabischeu übertragen von Friedrich Ruckert Stuttgart und Tubingen, 1843.

удовольствіями любви, и снова бросался въ водоворотъ отчаянной борьбы съ своими врагами.

Что касается собственно Хиджаза, пограничной области на Аравійскомъ полуостровѣ, прилегающей къ Красному морю, то она-то и была центромъ новаго религіознаго движенія, завершившагося объединеніемъ Аравіи подъ эгидой ислама. Въ Хиджазѣ именно находятся два города—Мекка и Медина, съ именами которыхъ было связано это движеніе и которые до сихъ поръ считаются у мусульманъ священными (альхарамеинъ). Съ давнихъ поръ по этой области, благодаря ея географическому положенію и физическому строенію, пролегалъ торговый караванный путь изъ Сабы, славившейся своими естественными богатствами, чрезъ Макорабу (Мекка) и Ятсрибъ (Медина), и оба эти города служили наиболѣе удобными пунктами для остановокъ торговыхъ каравановъ на ихъ длинномъ и трудномъ пути съ юго-запада на сѣверъ полуострова. Незначительное плоскогорье Хиджаза, изрѣзанное въ разныхъ направленіяхъ невысокими горными кряжами, представляло для движенія каравановъ единственно удобный путь и потому съ давнихъ поръ главныя мѣста остановокъ каравановъ постепенно заселялись и значеніе ихъ среди малонаселенной вообще Аравіи постепенно возрастало.

Эл. Реклю, разсуждая о мѣстахъ древнѣйшихъ встрѣчъ народовъ, говоритъ: «Съ того времени какъ, человѣкъ оставляетъ первобытное, дикое состояніе, въ которомъ каждая группа людей живетъ исключительно для себя лично, у него пробуждается интересъ къ другимъ людямъ, пробуждается влеченіе къ нимъ и сознаніе необходимости взаимной помощи. Вслѣдствіе этого, отдѣльныя группы людей стараются устроиться такъ, чтобы видѣться съ другими; люди посѣщаютъ другъ друга, преодолѣвая даже въ этомъ всякія препятствія... Большая часть сосѣднихъ народовъ избираетъ обыкновенно для своихъ встрѣчъ мѣста, удободостижимыя, по естественнымъ путямъ сообщенія—по рѣкамъ, горнымъ проходамъ или ущельямъ. На этихъ мѣстахъ справляются празднества, происходятъ переговоры и ведется мѣновая торговля предметами, которыхъ нѣтъ у одного племени и которые въ изобиліи имѣются у другого. Случается также, что для мѣновой торговли и для

мирныхъ встрѣчъ избираются мѣста, извѣстныя тѣмъ, что они необитаемы, ни кому не принадлежатъ и ни къ чему не пригодны.. Въ прочемъ человѣкъ руководствуется въ своей жизни не одними лишь матеріальными интересами: страхъ предъ неизвѣстнымъ, священный ужасъ передъ тайной приковываетъ иногда также населеніе къ мѣстамъ, сосѣднимъ съ тѣми, которыя связываютъ эти чувства; человѣкъ чувствуетъ какъ бы нѣкоторое притяженіе къ тому мѣсту, котораго онъ страшится (напримѣръ, камень упавшій съ неба),— всѣ такія мѣста освящаются религіей, на нихъ возникаютъ святилища, къ которымъ толпами устремляются вѣрующіе, и въ томъ случаѣ, когда такое святое мѣсто въ другихъ отношеніяхъ расположено выгодно, оно можетъ превратиться въ Мекку или въ Іерусалимъ»... Съ другой стороны во всѣ времена и во всѣхъ странахъ интересы мѣновой торговли побуждали различныя племена, даже враждебныя между собой, назначать особыя мѣста для торговыхъ встрѣчь (ярмарки) и обставлять ихъ обоюднымъ обязательствомъ не нападать другъ на друга, не мстить и т. д. Такъ получились у арабовъ особые священные мѣсяцы, въ продолженіе которыхъ они могли безопасно посѣщать ярмарки и мѣста поклоненія [1]).

Исторія не сохранила точныхъ и подробныхъ свѣдѣній объ основаніи главныхъ двухъ городовъ Аравіи, но несомнѣнно, что населеніе ихъ, особенно Медины, было смѣшанное и что пришлые элементы, привлекаемые сюда не одними только торговыми выгодами, постепенно арабизировались и въ свою очередь оказывали вліяніе на аборигеновъ страны, какъ въ ихъ образѣ жизни, такъ и въ самыхъ воззрѣніяхъ на жизнь и въ религіозныхъ идеяхъ. Близкое сходство въ этнографическихъ чертахъ арабовъ и евреевъ, какъ принадлежавшихъ къ одному семитическому племени, и неблагопріятныя историческія причины побуждали евреевъ въ разное время переселяться въ Аравію, какъ страну малодоступную иноземнымъ завоевателямъ и обѣщавшую переселенцамъ спокойствіе и довольство въ жизни. Особенно послѣ разрушенія Іерусалима и въ эпоху

---

[1]) Человѣкъ и земля. Исторія человѣчества во времени и въ пространствѣ. С.-Петербургъ. Томъ I, стр. 182—186 и 197—199.

послѣдовавшихъ затѣмъ кровавыхъ преслѣдованій іудеевъ, іудеи массами бѣжали въ Аравію и селились здѣсь навсегда. Цѣлыя племена іудеевъ поселились близъ Хайбара и Ятсриба, а другія пошли далѣе на югъ и основались въ Еменѣ. Чтобы обезпечить себя отъ случайныхъ нападеній особенно кочевыхъ арабовъ, іудейскіе переселенцы окружали свои жилища глинобитными стѣнами[1]), которыя и дали европейскимъ ученымъ поводъ считать подобныя загородни „замками“ въ родѣ средневѣковыхъ рыцарскихъ замковъ. За стѣнами такихъ укрѣпленій, хорошо извѣстныхъ и въ средней Азіи, арабскіе евреи могли спокойно предаваться своимъ занятіямъ и при этомъ сохраняли во всей силѣ преданія отцовъ. Особенно ревниво они оберегали свои вѣрованія. Подражая арабамъ во внѣшней жизни, евреи не чуждались и языка арабовъ, охотно сами говорили по-арабски, но отнюдь не поступались своими религіозными идеями, въ пользу политеизма арабовъ, а наоборотъ старались проводить въ среду арабовъ вѣрованія, вынесенныя изъ Палестины. Предпріимчивые въ практической жизни и стойкіе въ своихъ вѣрованіяхъ еврейскіе переселенцы легко устраивались среди полудикаго туземнаго населенія Аравіи и скоро пріобрѣтали въ странѣ господствующее положеніе. Только гордая независимость арабскаго характера спасала арабовъ отъ полнаго поглошенія евреями, а своеобразное великодушіе и гостепріимство арабовъ давали возможность пришельцамъ – евреямъ устраивать свою жизнь согласно древнимъ традиціямъ и привычкамъ, сложившимся во времена пророковъ. Такое положеніе хорошо напоминаетъ намъ поселеніе татаръ и сартовъ въ средне-азіатскихъ киргизскихъ степяхъ. Пользуясь сходствомъ въ языкѣ и нѣкоторыми общими генеалогическими преданіями, татары и сарты легко вообще и до сихъ поръ устраиваются въ степи, среди наивныхъ степняковъ и постепенно распространяютъ на нихъ свое вліяніе. Путемъ подобнаго же вліянія евреевъ на древнихъ номадовъ Аравіи, среди послѣднихъ укоренялись древнія, общія евреямъ и арабамъ, преданія, которыя значительно помогли потомъ основателю ислама, при обнародованіи имъ новой вѣры. Къ числу такихъ

[1]) Курганча въ Туркестанскомъ краѣ.

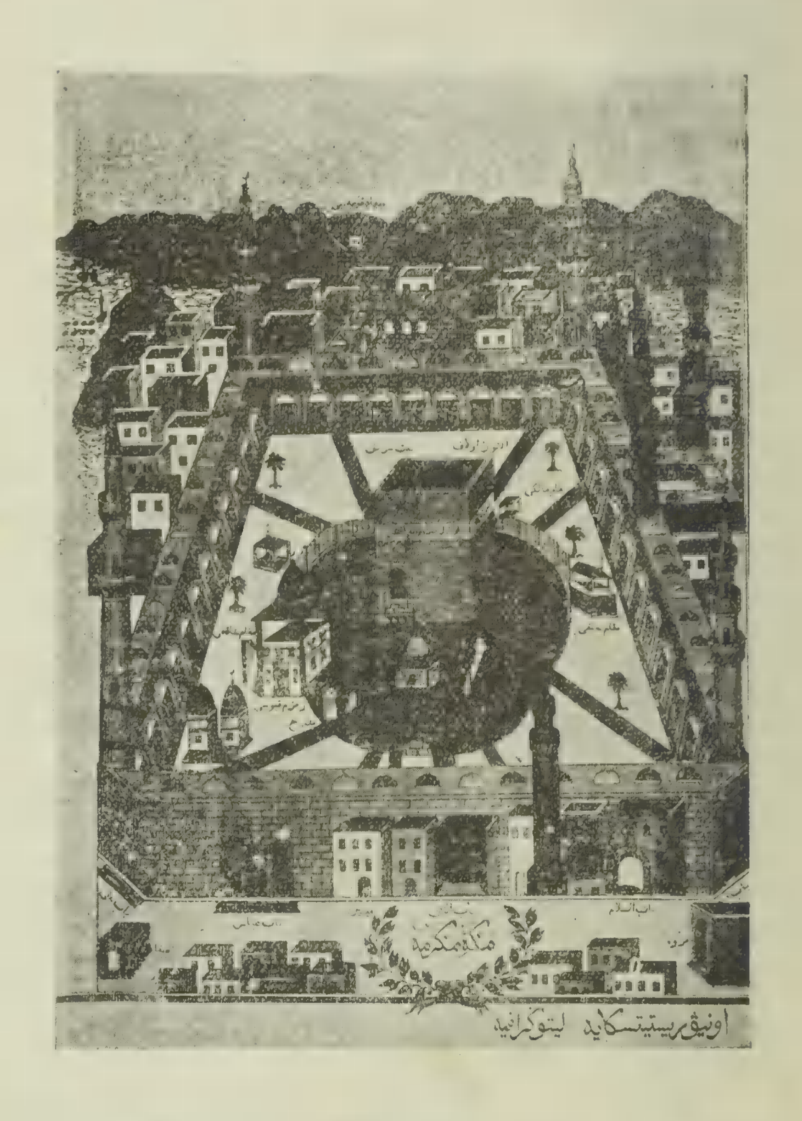
преданій относятся неоднократныя упоминанія его объ Авраамѣ, въ лицѣ котораго и евреи и арабы одинаково чтили своего родоначальника, первые чрезъ Исаака, а вторые чрезъ Измаила. Такими же соображеніями нужно объяснять и поклоненіе древнихъ арабовъ камню въ Меккѣ, составлявшему и до сихъ поръ составляющему святыню меккскаго святилища арабовъ, Каабы. Въ Коранѣ Богъ представляется говорящимъ Аврааму: „Мы назначили этотъ домъ въ сборище и убѣжище людямъ: держите для себя мѣсто Авраамово мольбищемъ. Мы заповѣдали Аврааму и Исмаилу: оба вы внушите, чтобы домъ Мой[1]) благоговѣйно чтили совершающіе вокругъ его обходы, проводящіе въ немъ время въ благочестивыхъ думахъ, преклоняющіеся и поклоняющіеся до земли“. И когда Авраамъ сказалъ: Господи! сдѣлай эту страну безопасною, надѣли плодами жителей ея, тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ вѣровать въ Бога и въ послѣдній день,—Онъ сказалъ: „и тѣмъ, которые будутъ невѣрнымъ, дамъ насладиться немного, а послѣ ввергну ихъ въ муку огненную“. Какъ страшно это пристанище! И вотъ Авраамъ, вмѣстѣ съ Исмаиломъ, положилъ основаніе этому дому. «Господи нашъ, призри на насъ! Ибо ты слышащій, знающій. Господи нашъ! сдѣлай и насъ покорными Тебѣ, и наше потомство—народомъ, покорнымъ Тебѣ: научи насъ священнымъ обрядамъ и будь жалостивъ къ намъ: ибо Ты жалостливъ, милосердъ. Господи нашъ! воздвигни среди нихъ посланника изъ нихъ самихъ, чтобы онъ читалъ имъ знаменія Твои, научилъ ихъ Писанію и мудрости, и сдѣлалъ ихъ чистыми: ибо Ты силенъ, мудръ[2])“.

Мусульманскія преданія пошли далѣе Корана: въ нихъ основаніе Каабы возводится ко временамъ Адама, а возстановленіе ея послѣ всемірнаго потопа ко временамъ Ноя[3]); но это нисколько не разъясняетъ дѣйствительной исторіи Меккскаго храма. Первоначально это былъ, какъ правдоподобно можно предпологать, каменный жертвенникъ, подобный тому, какой

---

[1]) Т. е. Каабу.
[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 119—123.
[3]) См. Geschichte der Stadt Mekka und ihres Tempels, von Cutb-ed-Din Muhammed Ben Ahmed el-Nahrawali. Herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. Leipzig. 1855. (Арабскій текстъ и нѣмецкій переводъ).

Изображеніе Меккской мечети съ Каабой.



Рисунокъ изготовленъ по татарской гравюрѣ.

воздвигъ въ свое время Іаковъ въ Веѳилѣ (Быт., гл. 36). На это указываетъ и обыкновенное имя Каабы—*Байтулла*, т. е. *домъ Божій*, что и на еврейскомъ языкѣ означаетъ *бетиль* (Веѳиль), а затѣмъ, когда арабы хотѣли обособиться отъ сосѣднихъ іудеевъ, то стали утверждать (въ связи съ преданіемъ объ Измаилѣ), что этотъ жертвенникъ устроенъ, по повелѣнію Божію, Авраамомъ и Измаиломъ. Замѣчательно, что у арабовъ есть и другое преданіе, близко напоминающее разсказъ Библіи о томъ, какъ Іаковъ за чечевичную похлебку выпросилъ себѣ право первородства у старшаго брата своего Исава (Быт. XXV, 27—34), именно: когда Кааба перешла отъ корейшитовъ въ руки хузаитовъ, то корейшитъ Косай (Зейдъ сынъ Килаба) рѣшилъ возвратить своимъ одноплеменникамъ права храненія ключа отъ Каабы и съ этою цѣлію напоилъ до пьяна Абу-Губшана, у котораго хранился ключъ, а затѣмъ, когда Абу-Губшанъ, уже пьяный, сталъ просить еще вина, то хитрый Косай выпросилъ у него ключъ отъ Каабы за вино и удержалъ его у себя силой, причемъ хузаитовъ выдворилъ изъ Мекки, корейшитовъ же размѣстилъ въ городѣ по отдѣльнымъ кварталамъ. Косай считается пятымъ предкомъ Мухаммада[1]) и жилъ около 400 г. по Рожд. Хр., а около половины пятаго столѣтія въ Меккѣ были построены первые дома[2]).

А. Мюллеръ, такъ выясняетъ постепенное упроченіе значенія Мекки въ глазахъ сѣверныхъ и центральныхъ арабскихъ племенъ: „Обезопасить себя отъ хищническихъ поползновеній сыновъ пустыни, которые ежеминутно и легко могли спуститься съ горъ на торговый путь, съ цѣлью напасть на тянущіеся къ сѣверу караваны, было главнѣйшей заботой жителей Мекки и ея окрестностей. Всѣ помышленія ихъ устремлены были къ тому чтобы поставить торговлю подъ покровительство чуждаго вначалѣ для бедуина и страшнаго, а потому и внушающаго глубокое уваженіе храма. Вотъ и основало купеческое сословіе союзъ

---

[1]) Косай, Абдъ-Манафъ, Хатимъ, Абдулъ-Муггалибъ, Абдалла и Мухаммадъ.

[2]) См. у А. P. Cossin de Perseval'я въ его „Essai sur l'Histoire des Arabes avant l'Islamisme“ tom. I, p. 74 et 179. Поэтому-то городъ Мекка (Макораба) и не упоминается у Страбона; Діодоръ Сицилійскій (Βιβλιοθήκη ἱστορική, lib. II, cap. 49 et cet. lib. III, cap. 42) также не называетъ Мекку, что подтверждаетъ Коссенъ-де Персеваля.

племенъ Хиджаза, который имѣлъ своимъ религіознымъ средоточіемъ пунктъ всеобщаго почитанія, Каабу. Союзу этому удалось постепенно держать невѣрующихъ вначалѣ, но суевѣрныхъ бедуиновъ въ субординаціи и даровать имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность вступленія въ члены союза. Ежегодно праздновался съ большимъ торжествомъ, внутри и въ окрестностяхъ Мекки, праздникъ весны, какъ это встрѣчается у большинства семитовъ. Обычай этотъ перенесенъ сюда съ сѣвера древнѣйшими переселенцами. На празднества приглашались и остальныя племена. Дабы привлечъ ихъ, устраивались вмѣстѣ съ религіозными церемоніями большія ярмарки, которыя открывались во многихъ мѣстностяхъ, по сосѣдству Мекки, до и послѣ періода празднествъ. Здѣсь же сыны пустыни обмѣнивали выдѣланныя кожи своихъ вьючныхъ животныхъ и вообще все то, что въ теченіе года получалась отъ ихъ пастбищъ, загородями обнесенныхъ, на разнаго рода продукты цивилизаціи—драгоцѣнныя ткани Сиріи, разныя украшенія, выдѣлываемыя въ большомъ количествѣ искусными іудеями сѣвернаго Хиджаза и многое другое, что считалось между полуварварскими номадами рѣдкостью и предметомъ вожделѣній. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже бедуины поняли, въ какой мѣрѣ подобнаго рода отношенія требуютъ съ обѣихъ сторонъ миролюбія и прекращенія излюбленныхъ ими хищническихъ набѣговъ хотя бы на время ярмарокъ. И горожанамъ Мекки еще за нѣкоторое время до Мухаммада удалось установить, чтобы, въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ въ году, царствовалъ миръ, не только въ области торговой конфедераціи Мекки, но и почти повсемѣстно, по всей Аравіи. Въ это свободнее время отдѣльныя племена могли посылать своихъ делегатовъ въ Мекку, для устройства дѣлъ. Возвращались они назадъ, никѣмъ не обижаемые. А при замѣчательныхъ церемоніяхъ торжественнаго богослуженія и жертвоприношеній могли присутствовать и посторонніе. Иноземцы не могли не замѣчать, что подобная образцовая набожность жителей Мекки даровала имъ благословеніе свыше, благоденствіе и успѣхъ. Поэтому многіе стали вскорѣ обдумывать, какъ бы и себѣ самимъ доставить такія же осязательныя выгоды. Мало по малу начали участвовать и посторонніе въ религіозныхъ обрядахъ, которые своею

необычайною торжественностію должны были съ перваго раза производить сильное впечатлѣніе на людей простыхъ. Доселѣ лишь изрѣдка, когда имъ ужъ очень плохо приходилось, обращались они со своимъ безъискусственнымъ личнымъ моленіемъ къ какому-нибудь грубому идолу, метеориту или священному дереву. Умные купцы Мекки были готовы сдѣлать все, лишь бы облегчить арабамъ доступъ къ установившимся меккскимъ обычаямъ. Купцы Мекки охотно ставили и внутри и возлѣ Каабы, кромѣ своихъ собственныхъ, также и изображенія идоловъ чуждыхъ имъ племенъ. Такимъ образомъ, мало по малу, мекканцы достигли того, что всякій арабъ, не слишкомъ далеко живущій отъ Мекки, признавалъ въ храмѣ Мекки и свою святыню. Божество Каабы хотя бы арабъ и рѣдко прибѣгалъ къ нему, становилось въ концѣ концовъ его собственнымъ, ибо надъ сонмомъ идоловъ, даже въ Аравіи, всѣ предчувствовали высшаго «невѣдомаго бога», всюду царилъ древній богъ семитовъ *Иль* или *Иляхъ*, какъ звали его арабы сѣвера. Вѣроятно, благодаря вліянію іудейскому, онъ былъ въ родѣ *всеотца* боговъ предковъ, почитаемый не непосредственною молитвой и богослуженіемъ, но пребывающій въ сознаніи арабовъ, какъ бы невидимо присутствовавшій въ качествѣ властителя Каабы. Такъ началось богопочитаніе послѣ того, какъ могушество древнихъ Сабеевъ оказалось недостаточнымъ для поддержанія безопасности караваннаго пути, идущаго на сѣверъ. Такъ постепенно, хотя и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, зерно гражданскихъ порядковъ Мекки сдѣлало ее первенствующимъ городомъ не только Хиджаза, но и отчасти большинства арабскихъ племенъ[1]). Замѣтимъ съ своей стороны, что такое значеніе Мекка могла пріобрѣсти только въ вѣкъ, предшествовавшій эпохѣ Мухаммада, потому что, кромѣ преданія о походѣ Еменскаго царя Абрахи въ Мекку, въ Коранѣ нѣтъ указаній на ея древнее заселеніе; въ противномъ случаѣ основатель ислама, безъ сомнѣнія, не приминулъ бы указать на древность своего отечественнаго города; напротивъ, въ Коранѣ говорится

[1]) Исторія ислама. Томъ I, стр. 32—34. Въ приведенномъ отрывкѣ сдѣланы исправленія русскаго перевода, вслѣдствіе крайней его шероховатости. Авт.

что область Мекки не удобна для хлѣбныхъ посѣвовъ (гл. 14, ст. 40) и что продовольствіе для ея жителей доставлялось изъ сосѣднихъ областей (гл. 28, ст. 57). А это само собою говоритъ не въ пользу древности заселенія города. И если область эта была безопасна (гл. 29, ст. 67), то только ради молитвеннаго мѣста, по договору окрестныхъ жителей[1]).

Точно также и Медина не можетъ возводить свою исторію далѣе перваго вѣка предъ Р. Хр. и по Р. Хр. когда въ окрестностяхъ этого города и отчасти въ самомъ городѣ поселились іудеи. Но разсказы мусульманскихъ писателей о первыхъ заселеніяхъ Медины не менѣе баснословны, чѣмъ разсказъ Корана о построеніи Каабы Вотъ эти разсказы:

По сотвореніи Мекки Богъ создалъ Медину, потомъ Іерусалимъ, а черезъ 1000 лѣтъ всю землю заразъ... По разсказу Аль-Кальби, Ной съ семействомъ высадился изъ ковчега близъ Бабиля (Вавилона). Ихъ было 80 душъ, поэтому и мѣсто ихъ высадки названо „рынкомъ восьмидесяти“ (*Сюк-ус-самашинъ*). Бабиль имѣлъ въ длину десять дневныхъ переходовъ, а въ ширину 12 фарсанговъ[2]). Тамъ они жили до того времени, когда воцарился Нимвродъ, сынъ Ханаана, сынъ Хама. Въ наказаніе за ихъ отступничество отъ истинной вѣры произошло смѣшеніе языковъ: ихъ языкъ распался на 72 языка. Внуки Сима отъ Бога узнали арабскій языкъ. Изъ ихъ числа Абиль поселился въ Ятсрибѣ (Railинѣ). Потомство его, вытѣсненное оттуда амаликитянами, перешло по направленію къ Меккѣ, гдѣ и осѣло въ 6 миляхъ отъ моря. Это мѣсто получило названіе «пучины» (аль-джухфа), потому что, по прибытіи туда, они были настигнуты ливнемъ, затопившимъ всю мѣстность.

Первыми жителями Медины, обработавшими поля ея, насадившими пальмы и построившими дома и загородки[3]),—Якутъ называетъ амаликитянъ, потомковъ Амалика, внука Сима Они, распространяясь, заняли всю страну отъ Аль-Бахрейна и Омана

---

[1]) См. соч. М. Миропіева. Религіозное и политическое значеніе Хаджа. Казань, 1877. Стр. 12 и сл.

[2]) Около 8 верстъ каждый.

[3]) Подъ этимъ словомъ нужно разумѣть четырехугольныя пространства, обнесенныя стѣнами, внутри которыхъ размѣщались домашнія постройки. Въ Туркестанѣ такія загороди назывались „курганчами“ Авторъ.

до Хиджаза, Сиріи и Египта. Цари Сиріи и фараоны Египта происходили отъ нихъ. Въ Мединѣ жили ихъ роды Бяну-Хафъ и Бяну Матравиль. Существуетъ преданіе, что когда Моисей въ сопровожденіи нѣсколькихъ израильтянъ совершилъ пилигримство въ Мекку, нѣкоторые изъ нихъ, на обратномъ пути, остались въ Мединѣ, такъ какъ имъ показалось, что это то самое мѣсто, гдѣ долженъ появиться послѣдній изъ пророковъ. Израильтяне поселились, вмѣстѣ съ нѣсколькими аравитянами, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ рынокъ Бяну-Кайнука.

Однако преобладающее мнѣніе то, что амаликитяне были древнѣйшими жителями Медины. Два рода ихъ Санъ (или Салъ) и Фалехъ подверглись нападенію Давида, который отнялъ у нихъ 100.000 женщинъ. Всѣ эти женщины померли отъ эпидеміи, а именно отъ гніенія горла. Ихъ могилы находятся въ 3 миляхъ отъ Медины, въ равнинѣ, около мѣстности Альджухфъ. Только одна женщина, по именни Зухра, осталась въ живыхъ, но и она померла послѣ отъ той же болѣзни тамъ же, когда пожелала вернуться на родину.

Ибнъ-Забала разсказываетъ со словъ Орвы-бенъ-эзь Зубайра: „Амаликитяне распространились; они населями Мекку, Медину и весь Хиджазъ, но стали надменны. Моисей, побѣдивъ Фараона, покоривъ Сирію и истребивъ кананитовъ, послалъ войско въ Хиджазъ съ приказаніемъ не оставлять въ живыхъ ни одного амаликитянина достигшаго зрѣлаго возраста. Это войско дѣйствительно перебило всѣхъ, не исключая царя Аль-Аркамъ-бенъ-Абулъ-Аркамъ; но евреи пощадили одного изъ сыновей его вслѣдствіе его юности и красоты, предполагая предоставить рѣшеніе его судьбы самому Моисею. Евреи повезли его съ собою, но тѣмъ временемъ Моисей умеръ, а израильтяне, остававшіеся дома, объявили воинамъ слѣдующее: вы ослушались приказанія, даннаго устами нашего пророка, и мы не пустимъ васъ въ нашу страну. Войско отвѣчало: коли вы насъ гоните отъ себя, то намъ нѣтъ лучшей земли, чѣмъ та, изъ которой мы только что пришли“.—И такъ, войско израильтянъ поселилось въ Хиджазѣ, въ которомъ въ то время было много воды и деревьевъ.

Табари, въ противорѣчіе съ этимъ разсказомъ, говоритъ, что израильтяне пришли въ Хиджазъ только тогда, когда

Навуходоносоръ покорилъ ихъ страну и разрушилъ Іерусалимъ.

Ибнъ-Забала продолжаетъ: „Войско израильтянъ заняло въ Мединѣ столько земли, околько душѣ хотѣлось, въ Зухрѣ,— гладкой равнинѣ между Эль-Харра и Ас-Сафила, гдѣ послѣдняя граничитъ съ Эль-Кафъ. Но ихъ главное селеніе было Ятсрибъ (Медина), на стеченіи водныхъ путей, гдѣ съ нимъ граничитъ Загаба. Ятсрибъ была длинная стоянка, на которой собирался авангардъ ихъ войска. По вечерамъ въ слободѣ, относящейся къ Ятсрибу, собиралось 70 однихъ только бурыхъ верблюдовъ, не считая верблюдовъ прочихъ мастей.

Къ арабамъ, жившимъ въ Мединѣ, совмѣстно съ іудеями, раньше чѣмъ изъ Емена туда пришли роды Аусъ и Хазраджъ, относились роды: а) Бану-Онейфъ, который, по другому мнѣнію, состоялъ изъ остатковъ амаликитянъ, б) Бану Музейдъ в) Бану-Джадзма и другіе. Сила жителей Медины заключалась въ ихъ огороженныхъ стѣнами постройкахъ, воздвигнутыхъ для защиты отъ непріятелей[1]).

Изъ этихъ разсказовъ видно, что іудеи главнымъ образомъ дѣлали исторію Хиджаза, а это особенно важно при выясненіи характера ученія Корана. Возводить начало заселенія Хиджаза къ такимъ отдаленнымъ временамъ, на которыя указываютъ мусульманскія преданія, нѣтъ основаній, тахъ какъ объ этихъ предполагаемыхъ населеніяхъ нѣтъ извѣстій вполнѣ достовѣрныхъ. Если во время Соломона были извѣстны жители Сабы на югѣ аравійскаго полуострова съ ихъ царицей, то какимъ образомъ о евреяхъ Хиджаза, которые были ближе къ Палестинѣ, не сохранилось извѣстій отъ того времени?..

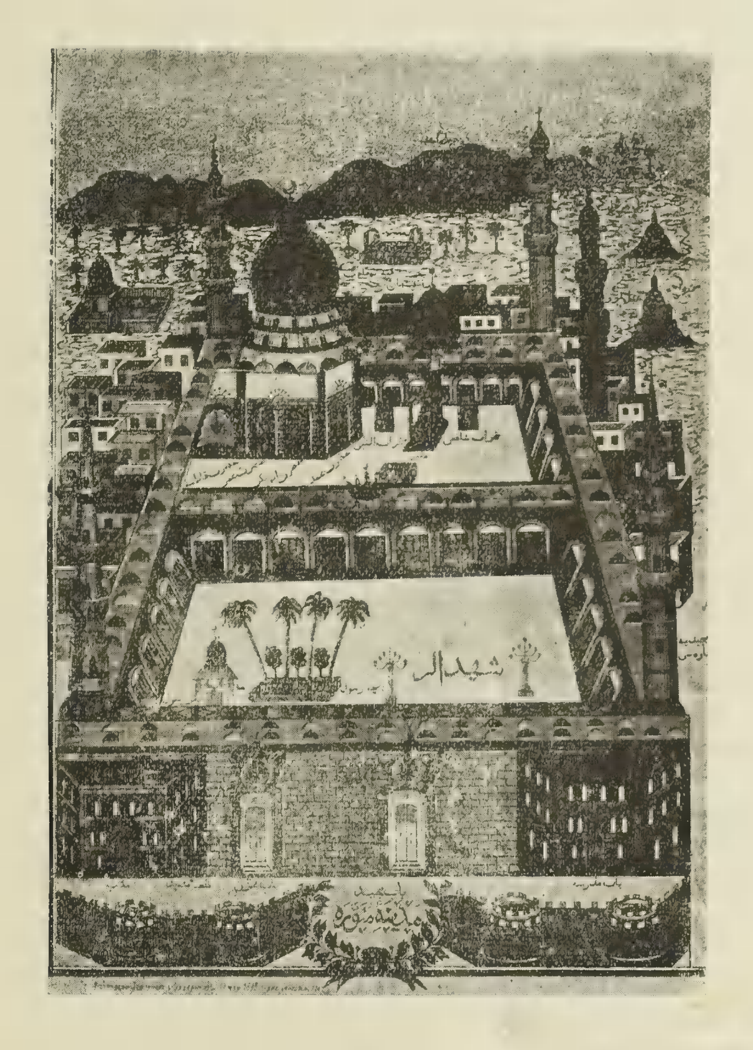
Приведенныя въ настоящей главѣ историческія извѣстія, при всей ихъ немногочисленности, указываютъ, что Аравія была всегда страной малодоступной для чужеземныхъ народовъ, а это обстоятельство, безъ сомнѣнія, задерживало умственное, нравственное и соціальное развитіе ея обитателей. Ни древніе азіатскіе завоеватели, ни греки, ни римляне, проникавшіе въ эту страну, не могли оставлять тамъ слѣдовъ своей культуры,

---

[1]) См. Geschichte der Stadt Medina. Im Auszuge aus dem Arabischen des Samhudi von Ferdinand Wüstenfeld. Göttingen, 1860, Ss. 12. 25 et cet. На рус. яз. см. сочин. свящ. Анд. Свѣтлакова; „Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана“. Казань, 1875. стр. 17—32.

которая только на югѣ полуострова, въ счастливой Аравіи, достигла нѣкотораго развитія, но была во всякомъ случаѣ непрочна и не обезпечивала дальнѣйшаго прогресса, какъ это будетъ видно изъ слѣдующихъ главъ.

Изображеніе Мединской мечети.



Рисунокъ изготовленъ по татарской гравюрѣ.

III.

Древнія обитатели Аравіи.

Самыми древними обитателями Аравіи были двѣ главныя отрасли Ноева потомства—Симиты и Хамиты, иначе называемыя Кушитами Эти двѣ отрасли, происходя отъ двухъ родныхъ братьевъ, — Сима и Хама, — не могли существенно отличаться одна отъ другой, тѣмъ болѣе, что въ тѣ отдаленныя времена жизнь человѣка и сама по себѣ была несложна и близка къ природѣ и не могла еще рѣзко обособиться вслѣдствіе одинаковости духовныхъ и физическихъ потребностей. Нельзя поэтому согласится съ Ленорманомъ, утверждающимъ, что въ отдаленной древности глубокія этнографическія и лингвистическія особенности раздѣляли народности, населявшія различныя части обширной Аравіи, и что нѣсколько различныхъ расъ являлись тамъ послѣдовательно одна за другой, чтобы доставить населенію полуострова элементы, между которыми смѣшеніе произошло очень поздно. Ихъ духъ, нравы, цивилизація, вслѣдствіе самой противоположности своей, по его словамъ, показывали будто бы, что эти народы не принадлежали къ одной и той же крови[1]). Скорѣе было на оборотъ: въ началѣ заселенія аравіи именно сходствомъ крови отличались арабскія племена, и въ нравахъ этихъ племенъ не было замѣтно рѣзкихъ противоположностей. Съ теченіемъ времени, конечно, арабскія племена обособлялись постепенно, но и тогда единство крови ихъ не уничтожалось совершенно и не забывалось самими народами, какъ это подтверждается позднѣйшими арабскими преданіями. Ко времени Авраама и сына его Измаила, древнія арабскія племена не успѣли особенно много обособиться; иначе самое смѣшеніе ихъ, на которое указываютъ историки, не могло бы состояться и такъ прочно, органически, окрѣпнуть. Въ сущности, въ древней Аравіи происходили послѣдовательныя, но однородныя наслоенія, упоминаемыя въ Коранѣ и подтверждаемыя Библіей, а совсѣмъ не столь различныя, какъ говоритъ объ этомъ Ленорманъ, основывающійся главнымъ образомъ на Коссенъ-де-Персевалѣ. Въ противномъ случаѣ основателю ислама было бы невозможно столь быстро (въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ) достигнуть политико-

1) Руководство къ др. исторіи Востока, т. II, вып. 1, стр. 6.

религіознаго объединенія Аравіи, если бы населеніе разныхъ частей ея было несходно до глубокихъ этнографическихъ и лингвистическихъ отличій. Въ древнія времена, какъ и въ нашъ вѣкъ, объединиться могутъ только однородныя племена въ обширномъ смыслѣ слова, а разноплеменные народы или очень трудно поддаются объединенію, или же вовсе не соединяются между собою. Примѣромъ могутъ служить наши разноплеменные инородцы. Поэтому-то и позднѣйшая формула арабскихъ наслоеній: арабы первичные, вторичные и третичные выражается терминами оного корня: *ариба*, *мутаарриба* и *мустарриба*. Подъ первыми нужно разумѣть первоначальныхъ *симитовъ*, подъ вторыми симитовъ-іоктанидовъ[1]), смѣшанныхъ съ хамитами, а подъ третьими *измаилитовъ*. Въ Коранѣ нѣтъ и не могло быть такого дѣленія; тамъ обитатели Аравіи просто дѣлятся на древнія поколѣнія и новыя поколѣнія. Къ древнимъ поколѣніямъ въ Коранѣ отнесены: Адяне, Тсямудяне, владѣтели Расса, Айканцы, Мадіанитяне, народъ Тоббы. Мухаммадъ обыкновенно заявлялъ, что всѣ эти и многія другія древнія поколѣнія, жившія въ Аравіи, были истреблены Богомъ за ихъ нечестіе[2]). Въ числѣ неупомянутыхъ въ Коранѣ древнихъ обитателей Аравіи мусульманское предавіе называетъ еще два племени Тасмъ и Джадисъ, а Страбонъ[3] упоминаетъ еще о Набатеяхъ, Минаяхъ, Герраяхъ и др. Разсмотримъ эти преданія и разсказы.

Адяне[4]) происходили, по преданію, отъ правнука Симова Ада сына Уца, сына Арама[5]), и жили въ песчаной долинѣ

[1]) Іоктаниты—потомки Іоктана, сына Евера. Ярабъ (يعرب), сынъ Іоктана (Кахтана), былъ первымъ царемъ Емена и говорилъ *по-арабски*, а братъ его Джорхамъ (جرهم) былъ первымъ царемъ Хиджаза. Двѣнадцатымъ царемъ Хиджаза былъ Мизазъ (или Мазазъ) (مضاض), сынъ Амра. Дочь Мазаза была выдана за Авраамова сына Измаила. Этотъ бракъ установилъ кровную связь измаилитовъ съ іоктанидами. См. у Пококка, стр. 79—80.

[2]) Коранъ, гл. 25, ст. 40; гл. 50 ст. 13 и др.

[3]) Географія, кн. 16.

[4]) قوم عاد Коранъ, гл. 7, ст. 63—70; гл. 11, ст. 52—63; гл 26, ст. 123—139 и др.

[5]) По Библіи у Сима были сыновья: Еламъ, Ассуръ, Арфаксадъ, Лудъ. Арамъ. У Арама былъ сынъ Уцъ. О сыновьяхъ Уца въ кн. Бытія, не упоминается. См. Быт. гл. 10, ст. 22—29.

„Ахкафъ“[1]) въ южной Аравіи, гдѣ имѣли укрѣпленное мѣсто *Ирамъ* (Коранъ гл 89, ст. 6). По преданіямъ, сохранившимся у арабовъ, Адъ имѣлъ двухъ сыновей: Шаддада и Шаддида, которые, по смерти отца своего, царствовали вмѣстѣ; но когда Шаддидъ умеръ братъ его Шаддадъ остался единовластнымъ правителемъ. Услышавъ о небесномъ раѣ, онъ приказалъ устроитъ садъ, въ подражаніе райскимъ садамъ, въ пустынѣ Адена[2]) и назвалъ его Ирамомъ по имени прадѣда своего Арама Въ этой мѣстности адяне построили себѣ укрѣпленіе, подобныхъ которымъ не было въ той странѣ. На каждой возвышенности они строили затѣйливые жилища[3]) для своего развлеченія и имѣли во всемъ изобиліе—въ садахъ, источникахъ, скотѣ и сыновьяхъ—и гордились своимъ богатствомъ и могуществомъ, говоря: «Кто превосходитъ насъ силой?» Они не думали, что Богъ, который сотворилъ ихъ, превосходитъ ихъ силой, и отвергли знаменія Божіи[4]).

По вѣрѣ Адяне были многобожниками и покланялись четыремъ божествамъ, которыя ниспосылали имъ дождь и обезпечивали пищу, спасали отъ болѣзней и всякаго бѣдствія.

1] Коранъ, гл. 46, ст. 20. Выраженіе *Ахкафъ* есть множественное число отъ *хакфъ* песокъ. Путешествовавшій по южной Аравіи Вреде разсказываетъ, что пустыня „Аль-ахкафъ“ не имѣетъ ни одного деревца, ни одной былинки; съ высоты плато (около 300 метровъ), господствующаго надъ песчанымъ пространствомъ, видишь только волну за волной на необъятномъ морѣ песковъ; нигдѣ не замѣтно ни малѣйшаго слѣда растительности; ни одна птица не летаетъ надъ безмолвной, безжизненной равниной. Въ этомъ океанѣ дюнъ мѣстами открываются страшныя бездны, называемыя „Бахруль-Сафи“, т. е. Море-Сафи, по имени царя, который будто бы былъ поглощенъ здѣсь песками со всѣмъ своимъ воинствомъ. Бедуины говорятъ, что на днѣ этихъ пропастей находятся несмѣтныя сокровища подъ охраной геніевъ, но что они, бедуины, не только не пытаются овладѣть сокровищами, но даже избѣгаютъ этихъ песчаныхъ топей, легко узнаваемыхъ по ослѣпительной бѣлизнѣ песковъ, которые составляютъ рѣзкій контрастъ съ желтоватымъ пескомъ окружающихъ дюнъ. По разсказамъ бедуиновъ, извилистая цѣпь пропастей продолжается на протяженіи восьми дней ходьбы по окраинамъ пустыни (Реклю. Земля и Люди. Т. IX, стр. 715—716).

2) На юго-западномъ берегу Аравіи.

3) Въ жаркихъ странахъ это обычное явленіе. Въ Туркестанскомъ краѣ и въ настояще время еще сохранились остатки огромныхъ земляныхъ насыпей, на которыхъ были устроены жилища ихъ владѣтелей. Изслѣдованіе этихъ насыпей составляетъ предметъ занятій Туркестанскаго кружка любителей археологіи.

4) Коранъ, гл. 89, ст. 6 7; гл. 41, ст. 14.

Чтобы обратить ихъ на путь истиннаго богопочитанія, Богъ воздвигъ среди нихъ пророка Гуда[1]), который говорилъ имъ: „Не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно, я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу съ васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ. Посмотрите, на каждой возвышенности вы строите какое-либо затѣйливое жилище для своей забавы; заводите себѣ великолѣпныя зданія, какъ будто вы будете жить вѣчно; когда властвуете,—властвуете, употребляя насиліе. Убойтесь же Бога и повинуйтесь мнѣ. Убойтесь Того, кто вамъ далъ обиліе въ томъ, что знаете вы у себя: далъ вамъ обиліе въ скотѣ, сыновьяхъ, садахъ, источникахъ. Право, боюсь наказанія, какое будетъ вамъ въ великій день суда.—Они сказали: для насъ все равно: увѣщевалъ ли бы ты насъ, или не былъ бы увѣщевателемъ; это одни только вымыслы прежнихъ людей. Наказаны мы никогда не будемъ!—Они почли пророка лжецомъ, и за то Мы погубили ихъ[2])". Въ другомъ мѣстѣ Корана пророкъ Гудъ представляется говорящимъ своему народу такъ: „Народъ мой! поклоняйтесь Богу: кромѣ Его, у васъ нѣтъ другого Бога: ужели вы не будете богобоязливы?—Старѣйшины невѣрныхъ въ народѣ его сказали: видимъ, что ты въ безразсудствѣ, и думаемъ, что ты одинъ изъ лжецовъ.—Онъ сказалъ: народъ мой! во мнѣ нѣтъ безразсудства; но я посланникъ отъ Господа міровъ. Я передаю вамъ то, съ чѣмъ послалъ меня Господь мой: я вамъ искренній совѣтникъ. Ужели вамъ удивительно, что къ вамъ отъ Господа вашего приходитъ ученіе чрезъ человѣка изъ среды васъ, для того, чтобы онъ училъ васъ? Вспомните, что Онъ поставилъ васъ намѣстниками послѣ народа Ноева, далъ вашему росту чрезвычайную величину. Потому, помните благодѣянія Божіи: можетъ быть,—будете счастливы.—Они сказали: для того ли ты пришелъ къ намъ, чтобы мы покланялись Богу, только Ему одному, и оставили тѣхъ, которымъ поклонялись отцы наши? Такъ представь же то, чѣмъ грозишь намъ, если ты изъ числа правдивыхъ.—Онъ сказалъ: скоро поразитъ васъ гроза и казнь Господа вашего; будете ли

---

[1]) У Байзави,—Гудъ считается сыномъ Шалиха, сына Арфахшада, сына Симова.

[2]) Коранъ, гл. 26, ст. 124—139.

спорить со мной объ именахъ, какими наименовали ихъ вы и отцы ваши? Богъ не ниспослалъ свыше никакого подтвержденія о нихъ. Ждите; вмѣстѣ съ вами и я буду въ числѣ ожидающихъ. И Мы[1]) по милости нашей спасли Гуда и тѣхъ, которые были съ нимъ, и истребили до послѣдняго человѣка всѣхъ тѣхъ, которые считали наши знаменія ложными и были невѣрующими[2])".

По преданію, адяне были наказаны трехлѣтнею засухой и тогда послали избранныхъ людей въ Мекку, чтобы умолить божество о ниспосланіи дождя. Правитель Мекки столь гостепріимо принялъ пришельцевъ, что они забыли о главной цѣли своего путешествія, но когда вспомнили и просили божество о дождѣ, предъ ними появились три облака: красное, бѣлое и черное. Они выбрали для своего народа черное облако, считая его дождевымъ, но изъ этого облака появилось страшная буря, которая всѣхъ адянъ истребила. Въ гл. 69, ст. 6—7 Корана говорится, что Адяне были уничтожены шумнымъ, бурнымъ вѣтромъ, который семь дней и восемь ночей непрерывно дулъ на нихъ и истребилъ ихъ: пораженные ураганомъ адяне лежали какъ стволы пальмъ, вырванныхъ съ корнемъ.

Эту—катастрофу Ленорманъ, основываясь на авторитетѣ Коссенъ де-Персеваля, относитъ къ концу XVII вѣка до Р. Хр.[3]) и задаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли подъ ураганомъ, истребившимъ адитовъ, подразумѣвать нашествіе іектанидскихъ племенъ, которыя принуждены были слѣдовать по этому пути, чтобы вступить въ Еменъ, и которыя являются тамъ въ эпоху постигшей адитовъ катастрофы? По его соображенію, около XVIII вѣка до нашей эры, іектаниды вошли въ южную Аравію и къ тому времени, когда была написана X-я глава книги Бытія, они успѣли уже распространиться во всѣхъ частяхъ Емена, Хадрамаута и Махры, гдѣ поселились среди кушитовъ, первобытныхъ жителей страны. Безъ сомнѣнія, ихъ поселенія не могло произойти безъ борьбы. Трудно думать, чтобы сабеяне кушитской крови спокойно позволили нахлынувшей волнѣ чуждыхъ пришельцевъ раздѣлить съ собой плодоносныя земли, единственными обладателями которыхъ были они до тѣхъ поръ.

---

[1]) Т. е. Богъ.
[2]) Коранъ, гл. 7, ст. 63–70.
[3]) Около XVIII вѣка.

Чтобы найти историческую причину разрушенія перваго царства адитовъ, въ дѣйствительности котораго сомнѣваться невозможно, не смотря на баснословный характеръ обстоятельствъ, окружающихъ эти преданія, Ф. Ленорманъ считаетъ напраснымъ дѣломъ подъискивать фактъ, который могъ бы быть примѣненъ сюда болѣе подходящимъ образомъ, чѣмъ это вторженіе іектаниковъ, выступающее, кажется, весьма опредѣленно, какъ эпоха. А намъ кажется, что нѣтъ никакой надобности давать такое искусственное толкованіе катастрофѣ адитовъ, которая могла послѣдовать отъ причинъ физическихъ, и что нашествіе іектанидскихъ племенъ представляло собой фактъ самостоятельный. И вообще не представляется никакого основанія считать адитовъ, вопреки Библіи и Корану, потомками Хама отъ Куша, а не потомками Сима отъ Арама. Потомки Куша (Кушиты) могли поселиться въ Еменѣ независимо отъ адитовъ.

Т*сямудяне*[1]), т. е. потомки Тсямуда, сына Еверова, сына Арама[2]), сына Сима, сына Ноева, жили въ долинѣ Аль-Хиджръ, лежащей между Хиджазомъ и Сиріей[3]), а у арабскихъ географовъ извѣстной подъ именемъ Ямамы. Это были своего рода троглодиты, которые высѣкали себѣ жилища въ скалахъ, имѣли засѣянныя поля, пальмовые сады съ фонтанами и жили въ полнѣйшей безопасности (Коранъ, гл. 15, ст. 146—149). Для обращенія ихъ къ истинному богопочитанію, Богъ воздвигъ изъ среды ихъ пророка Салиха, потомка Тсямуда въ шестомъ колѣнѣ (по Байзави), отождествляемаго съ сыномъ Евера—Фалекомъ[4]) Салихъ увѣщевалъ Тсямудянъ оставить идолопоклонство и поклониться богу единому. Онъ говорилъ: «не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно, я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу у васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ. Смотрите, вы остаетесь здѣсь безопасными среди того,

---

[1]) Тсямудъ (ثمود) у г. Саблукова передано чрезъ Ѳ: Ѳемудъ, Ѳемудяне.

[2]) По Библіи у Арама, сына Симова, были сыновья: Уцъ, Хулъ, Геѳеръ и Машъ (Быт. гл. X, ст. 23).

[3]) См. Толкованіе на Коранъ Казы Байзави гл. 15, ст. 80.

[4]) Быт. гл. X, ст. 25 и гл. XI, ст. 16.

что тутъ есть: среди садовъ, источниковъ, среди нивъ, пальмъ съ густыми завязями плодовъ; въ горныхъ скалахъ высѣкаете себѣ домы, высказывая затѣйливость. Убойтесь же Бога и повинуйтесь мнѣ. Не повинуйтесь требованiямъ неумѣренныхъ, которые распространяютъ на землѣ зло и не дѣлаютъ добра. Они сказали: ты изъ такихъ, которые подверглись очарованiю; ты только человѣкъ, какъ и мы. Представь намъ какое-либо знаменiе, если ты правдивъ. Онъ сказалъ: имъ будетъ верблюдица: въ извѣстный день—ей пить, и *въ извѣстный день*—вамъ пить. Никакого вреда не дѣлайте ей, чтобы васъ за то не постигло наказанiе въ великiй день[1])». Для подкрѣпленiя своей проповѣди Салихъ вывелъ изъ каменной скалы верблюдицу, которая и напомнила Тсямудянамъ о могуществѣ единаго истиннаго Бога и объ истинности воздвигнутаго среди нихъ пророка (Салиха). Толковники Корана поясняютъ: „Когда Тсямудяне настояли на томъ, чтобы имъ было дано знаменiе, то пригласили Салиха на свое пиршество съ тѣмъ, чтобы онъ призвалъ Бога своего, а они своихъ боговъ. Долго Тсямудяне взывали къ своимъ идоламъ безъ всякаго успѣха, и князь ихъ Кодаруль-Омаръ указалъ на камень и сказалъ Салиху, чтобы онъ вывелъ изъ этого камня верблюдицу беременную и торжественно обѣщалъ, что если Салихъ сдѣлаетъ это, то онъ, князь, и народъ его увѣруютъ въ Бога. Послѣ того Салихъ обратился съ молитвой къ Богу, и вдругъ камень началъ двигаться и распался, выпустивъ изъ себя верблюдицу, которая также породила вдругъ верблюдицу уже вздоенную, величиною съ себя. Увидѣвъ это чудо, нѣкоторые изъ жителей увѣровали въ пророка, но большая часть Тсямудянъ остались въ своемъ невѣрiи. О верблюдицѣ толковники Корана разсказываютъ, что когда она выходила пить, то пила до тѣхъ поръ, пока не оставалось воды въ колодцѣ или рѣкѣ, и послѣ этого позволяла доить себя столько, сколько угодно было народу. Нѣкоторые говорятъ, что она ходила по городу и кричала: „кому надобно молока?“. Не смотря на это, только немногiе Тсамудяне приняли проповѣдь Салиха, а большинство, надѣясь на свои жилища, укрѣпились въ скалахъ, отвергли его и подрѣзали верблюдицѣ

[1]) Коранъ, гл. 26, ст. 142—156.

жилы на ногахъ[1]). По другому разсказу, эта необыкновенная верблюдица устрашала скотъ Тсямудянъ необычайнымъ своимъ ростомъ и сгоняла животныхъ съ пастбища. Тогда одна богатая женщина Ониза Оммъ-Ганемъ, которая имѣла четырехъ дочерей, нарядила ихъ, привела къ Кодаруль-Омару и сказала, что онъ можетъ взять любую изъ нихъ, только бы убилъ верблюдицу. Кодаруль-Омаръ выбралъ одну изъ представленныхъ ему дѣвицъ и съ помощію другихъ восьми человѣкъ убилъ верблюдицу; затѣмъ, погнался за молодымъ верблюдомъ, который побѣжалъ въ горы, догналъ его, убилъ и раздѣлилъ его мясо между своими товарищами-охотниками. Третьи разсказываютъ, что верблюженокъ не былъ убитъ, такъ какъ скала разсѣлась и скрыла его. Черезъ три дня Богъ поразилъ Тсямудянъ казнію: страшная буря и землетрясеніе[2]) среди дня разрушили ихъ жилища, и невѣрующіе были истреблены.

Ленорманъ сопоставляетъ имя Кодаруль-Омара, убившаго верблюдицу, съ упоминаемымъ въ Библіи Кодорлагоморомъ, царемъ Эламскимъ, но Кодорлагоморъ былъ современникомъ Авраама[3]), поразившимъ Хорреевъ въ мѣстѣ ихъ жительства близь горы Сеиръ, на которой впослѣдствіи жили потомки Исава, сына Сеира, бывшіе старѣйшинами Хорреевъ[4]). У Діодора (lib. III, cap. XLIV) упоминаются Θамудены (Θαμουδηνοί), которыхъ должно отожествить съ Тсямудянами Корана.

Асхабу-р-расъ[5]) или владѣльцы колодца, по толкованію, изложенному въ „Рухуль баянъ“, принадлежали къ потомкамъ израильтянъ, жили прежде Соломона и были идолопоклонниками, чтившими сосну (*Санабаръ*), посаженную на берегу одного источника Іафетомъ, сыномъ Ноя. Изъ этого источника вытекала большая рѣка, подобной которой не было въ

1) Въ гл. 7-й Корана, ст. 71—77, говорится вообще о верблюдѣ, который служилъ знаменіемъ Божіимъ для Тсямудянъ и котораго они не должны были касаться; но Тсямудяне подрѣзали поджилки верблюду и похвалялись: „выполняй теперь твои угрозы, если ты посланникъ Божій!“.

2) Въ гл. 7, ст. 76 говорится только о землетрясеніи, а въ гл. 41, ст. 16 упоминается буря.

3) См. Быт., гл. XIV.

4) Быт. гл. XXXVI, ст. 8, 20—21.

5) آصحاب الرس. Коранъ, гл. 40, ст. 25.

мірѣ, а по берегамъ рѣки находились 12 городовъ. Жители этихъ городовъ разводили сосны изъ сѣмянъ той сосны и поклонялись имъ. Царемъ у нихъ былъ одинъ изъ потомковъ Нимрода, сына Канана[1]). Царь не позволялъ жителямъ пить воду изъ того источника, на берегу котораго Іафетомъ была вырощена первая сосна, потому что вода этого источника считалась Божіей. По своему языческому обычаю, Асхабу-р-расъ каждый мѣсяцъ приходили на поклоненіе священному дереву, украшали его приносили въ жертву животныхъ и мясо ихъ бросали въ разведенный костеръ. Когда дымъ отъ костра подымался кверху и закрывалъ небо, тогда Асхабу-р-расъ падали на землю и обращались къ священному дереву съ молитвами, а изъ дерева шайтанъ провозглашалъ имъ: «я доволенъ вами, молитва ваша будетъ услышана». Тогда они снова дѣлали поклоненіе и затѣмъ пили и веселились отъ радости, что божеству угодны ихъ молитвы.

Прошло много лѣтъ. Асхабу-р-расъ не отступали отъ своего идолопоклонства, и Богъ послалъ къ нимъ пророка изъ потомковъ Іуды, сына Іакова. По одному преданію, пророкъ этотъ назывался Шуаибомъ, а по другому преданію Ханзалябенъ - Сафванъ. Онъ жилъ прежде Моисея, и пригласилъ народъ къ вѣрѣ въ истиннаго Бога, но идолопоклонники не склонились къ его проповѣди; увѣровали только немногіе. Тогда, по молитвѣ пророка, высохъ ручей, и священное дерево засохло. Идолопоклонники, уразумѣвъ, что ихъ священное дерево погибло по молитвѣ пророка, схватили его, бросили въ колодецъ и завалили камнями, такъ что пророкъ умеръ въ колодцѣ. Тогда Богъ сказалъ Ангелу Гавріилу: „Асхабу-р-расъ не боится Меня и убили посланнаго къ нимъ пророка. За это Я отомщу имъ“. Былъ посланъ на невѣрующихъ горячій вѣтеръ, который согналъ ихъ въ одно мѣсто, гдѣ земля была покрыта сѣрой[2]). Затѣмъ на небѣ появилось черное облако, изъ котораго упалъ огонь на землю, воспламенилъ сѣру и всѣ Асхабу-р расъ погибли въ этомъ пламени. По другому

---

1) По Библіи, Нимродъ былъ сынъ Хуша, сына Хамова. Царство его было въ Сеннаарѣ съ городомъ Вавилономъ. См. Быт. гл. X, ст. 8—10.

2) Въ Сеннаарѣ, владѣніи Нимрода, земляная смола (нефть) служила жителямъ вмѣсто извести. Быт, гл. XI, ст. 3.

разсказу, Богъ прежде истребленія Асхабу-р-расъ послалъ на нихъ страшную птицу Анка [1]), которая похищала и пожирала дѣтей идолопоклонниковъ. Въ отмщеніе за это идолопоклонники убили пророка и затѣмъ сами были истреблены Богомъ[2]).

Толковники Корана не указываютъ опредѣленно мѣста жительства Асхабу-р-расъ: одни полагаютъ, что Асхабу-р-расъ жили близъ Мадіана; другія думаютъ, что колодецъ, въ которомъ погибъ пророкъ, находится близь Антіохіи, а иные, наконецъ, предполагаютъ, что они жили близъ колодца, оставшагося послѣ Тсямудянъ, на сѣверо-западѣ Аравійскаго полуострова. Ленорманъ, на основаніи Ибнъ-Хальдуна, говоритъ, что подъ именемъ «Рассъ» была извѣстна въ Еменѣ мѣстность, населенная Гадурами, потомками Кахтана отъ Гидарама, которые были наказаны Богомъ за свое ослѣпленіе и жестокость: они предали смерти пророка Шуаиба, посланнаго Богомъ для уничтоженія ихъ идолопоклонства и для возвѣщенія имъ истинной религіи[3]). Но съ этимъ замѣчаніемъ нельзя согласить вышеприведенныхъ толкованій Корана, по которымъ «Асхабу-р-расъ» имѣли царемъ одного изъ потомковъ Нимрода. Значить, они были Хамиты, а не Симиты, и жили они близь Мадіана, а не въ Еменѣ, въ которомъ могла быть другая мѣстность съ тѣмъ же названіемъ.

Мадіанитяне [4]) жили въ Каменистой Аравіи, имѣли городъ Мадіанъ или Мадьянъ и соотвѣтствуютъ библейскимъ Мадіанитянамъ[5]). О нихъ въ Коранѣ упоминается нѣсколько разъ[6]). У Мадіанитянъ жилъ нѣсколько лѣтъ Моисей[7]), а потомъ къ нимъ былъ посланъ Богомъ пророкъ Шуаибъ, происходившій изъ ихъ племени. Въ „Рухуль-баянъ“ Шуаибъ

---

1) См. объ этой птицѣ въ моемъ изданіи „Сарты“, вып. второй, или по второму изданію „Сказки сартовъ“ приложеніе.

2) Многіе подробности въ приведенномъ толкованіи опущены мною.

3) Ф. Ленорманъ. Руков. къ др. ист. востока. Т. 2, вып 1, стр. 16.

4) آصحاب مدين или اهل مدين.

5) Кн. Судей, гл. VI—VIII. Въ атласѣ Шпрунера гор. Мадіана показанъ подъ 32° с. ш.

6) Коранъ, гл. 7, ст. 83 и слѣд. гл. 9, ст. 71; гл. 11, ст. 85; гл. 22, ст. 43; гл. 28, ст. 21—29; гл 29, ст. 35.

7) Коранъ, гл. 20, ст. 42; гл. 28, ст. 21—29; ср. Исходъ, гл. II, ст. 15—25; гл, III, ст. 1.

считается внукомъ Авраама отъ сына его Мадьяна[1]) и дочери Лота. Онъ говорилъ Мадіатянамъ: „Народъ мой! поклоняйтесь Богу; кромѣ Его для васъ нѣтъ никого достопокланяемаго. Не уменьшайте мѣры и вѣса. Я вижу, что вы въ благосостояніи; но я боюсь, что въ нѣкоторый день охватить васъ казнь. Народъ мой! соблюдайте вѣрность въ мѣрѣ и вѣсѣ; не дѣлайте людямъ ущерба въ имуществѣ ихъ; не злодѣйствуйте распространяя на землѣ нечестіе. Немногое, оставленное вамъ Богомъ, лучше для васъ, если вы вѣрующіе, а я не стражъ за вами. Они сказали: „Шуаибъ! не благочестіе ли твое внушаетъ тебѣ, чтобы мы оставили то, чему поклонялись отцы наши, и чтобы мы не поступали съ нашимъ имуществомъ, какъ хотимъ? Да, ты кротокъ, правдивъ.—Онъ сказалъ: народъ мой! ты видишь: если я опираюсь на ясное указаніе Господа моего и Онъ доставилъ мнѣ отъ себя хорошій достатокъ: то мнѣ какъ не желать удержать васъ отъ того, отъ чего Онъ васъ уклоняетъ? Я желаю только исправленія, сколько могу: помощь мнѣ только отъ Бога; на Него надѣюсь, и къ Нему съ сокрушеннымъ чувствомъ обращаюсь. Народъ мой! мое разногласіе да не послужитъ къ увеличенію виновности вашей, такъ чтобы постигло васъ подобное тому, что постигло народъ Ноевъ, народъ Гудовъ, народъ Салиховъ. Народъ Лотовъ не далекъ отъ васъ. Просите прощенія у Господа вашего и съ раскаяніемъ обратитесь къ Нему: потому что Господь мой милосердъ, любящій. Они сказали: Шуаибъ! мы не понимаемъ многаго изъ того, что говоришь ты Но мы видимъ, что ты между нами слабъ; если бы не твоя семья... мы побили бы тебя камнями Ты для насъ не дорогъ. Онъ сказалъ: народъ мой! семья ли моя для васъ дороже Бога? А Его считаете такимъ, что бросить стоитъ назадъ себя, за спину? Господь мой обнимаетъ своимъ вѣдѣніемъ то, что дѣлаете. Народъ мой! дѣлайте по своему душевному настроенію, и я буду дѣлать... Скоро узнаете, кто тотъ, на кого придетъ казнь и кого посрамить она, и кто лжецъ. Ждите; вмѣстѣ съ вами и я буду ждать. И когда пришло отъ насъ повелѣніе, Мы по милости Нашей спасли Шуаиба и

---

[1]) По Библіи, Мадіанъ былъ сынъ Авраама отъ Хеттуры. Быт. гл. XXV, ст. 1—2.

вмѣстѣ съ нимъ тѣхъ, которые увѣровали. Буря схватила нечестивыхъ, и на утро они въ жилищахь своихъ лежали ницъ лицемъ, какъ будто они никогда не обитали тамъ. Смотри, сгинулъ Мадіамъ, какъ сгинулъ Ѳемудъ"[1]), (т. е. Тсямудяне, о которыхъ сказано выше).

Кромѣ Мадіанитянъ, исторія которыхъ гораздо обстоятельнѣе изложена въ Библіи, въ Коранѣ упоминается Айканцы, жители лѣса[1]), которые также считали посланнаго къ нимъ Богомъ пророка лжецомъ. Пророкъ Шуаибъ сказалъ имъ: «не убоитесь ли вы Бога? Дѣйствительно, я къ вамъ вѣрный посланникъ; а потому, убойтесь Бога и повинуйтесь мнѣ. Не прошу съ васъ за это никакой награды; награда мнѣ только у Господа міровъ. Мѣряйте правильно и не будьте обманщиками; вѣшайте вѣсами вѣрными, и не причиняйте убытка людямъ ни въ чемъ, принадлежащемъ имъ. Не злодѣйствуйте, распространяя по землѣ нечестіе. Убойтесь Того, кто сотворилъ

---

[1]) Въ главѣ 7, ст. 83—91 этотъ разсказъ передается въ такой формѣ: „Народъ мой! поклоняйтесь Богу: кромѣ Его, у васъ нѣтъ другого Бога; отъ Господа вашего пришло къ вамъ ясное указаніе: соблюдайте вѣрность въ мѣрѣ и вѣсѣ; не вредите людямъ убавленіемъ принадлежащаго имъ; не распространяйте разстройства по землѣ послѣ того, какъ она приведена въ благоустройство. Это послужитъ къ вашему благу, если вы будете вѣрующими. Не дѣлайте засадъ нигдѣ при дорогахъ, устрашая и удаляя отъ пути Бога вѣрующихъ въ Него, и дерзко усиливаясь искривить его. Вспомните, что вы были не многочисленны и Онъ васъ размножилъ; также посмотрите, каковъ былъ конецъ распространителей нечестія. Если часть изъ васъ увѣровала въ то, съ чѣмъ я посланъ, и часть не увѣровала, то терпѣливо ждите времени, когда Богъ разсудитъ насъ: Онъ наилучшій изъ судей. Старѣйшины, считавшіеся великими въ народѣ своемъ, сказали: или мы выгонимъ изъ нашего города тебя, Шуаибъ, и вѣрующихъ съ тобою, или возвратитесь къ нашему вѣроученію. Онъ сказалъ: уже ли и тогда, какъ мы имѣемъ къ нему отвращеніе? Мы будемъ думать ложно о Богѣ, если возвратимся къ вашему вѣроученію послѣ того, какъ Богъ избавилъ насъ отъ него. Тогда только мы можемъ возвратиться къ нему, когда захочетъ того Богъ, Господь нашъ. Господь нашъ обнимаетъ все своимъ знаніемъ: на Бога уповаемъ. Господи нашъ! разрѣши нашъ споръ съ народомъ нашимъ, указавъ истину: Ты наилучшій разрѣшитель. Старѣйшины невѣрныхъ въ народѣ его сказали: если послѣдуете Шуаибу вы навѣрно, погибнете! Тогда землетрясеніе поразило ихъ, и на утро они въ своихъ жилищахъ лежали поверженными ницъ лицемъ. Считавшіе Шуаиба лжецомъ, какъ будто бы не обитали тамъ; считавшіе Шуаиба лжецомъ погибли. А онъ отошелъ отъ нихъ, сказавъ: народъ мой! я передалъ вамъ то, съ чѣмъ послалъ меня Господь мой; я былъ для васъ совѣтникомъ. Какъ жалокъ народъ невѣрный! "

[2]) آصحاب الأيكة, Коранъ, гл. 26, ст. 176.

васъ и всѣ прежнія поколѣнія. Они сказали: ты одинъ изъ такихъ, которые подвергаются очарованію; мы считаемъ тебя только лжецомъ Вели упасть на насъ какому-либо обломку отъ неба, если ты справедливъ. Онъ сказалъ: Господь мой вполнѣ знаетъ, что дѣлаете вы. Они почли его за обманщика, и за то казнь постигла ихъ, когда появилось *надъ ними* черное облако. День казни ихъ былъ страшнымъ»[1]).

Айканцы жили въ лѣсной мѣстности, на что указываетъ самое слово «Айка», въ арабскомъ языкѣ означающее лѣсъ, рощу. Мѣстность эта находилась близъ гор. Мадьяна. Къ Айканцамъ былъ посланъ пророкъ Шуаибъ, который прежде того проповѣдывалъ Мадіанитянамъ и происходилъ изъ племени Мадіанитянъ, а для Айканцевъ онъ былъ иноплеменникомъ. Значитъ, и сами Айканцы не были родственны Мадіанитянамъ. Шуаибъ увѣщевалъ Айканцевъ принять истинную вѣру и отстать отъ своихъ злоупотребленій въ торговлѣ—обмѣриванія и обвѣшиванія, но Айканцы не только не исправились, но еще больѣе ожесточились и стали болѣе прежняго допускать обманъ въ торговлѣ. Тогда Богъ послалъ на нихъ сильный зной, который продолжался семь дней и ночей; въ колодцахъ и ручьяхъ вода изсякла и самимъ жителямъ было трудно переносить этотъ зной. Они сначала укрывались отъ зноя въ домахъ, а потомъ подъ тѣнью деревьевъ и, наконецъ, вышли въ степь и, увидѣвъ на небѣ черное облако, подъ его тѣнью почувствовали прохладу. Обрадовавшись они начали звать другъ друга и сбѣгались подъ тѣнь этого облака; но когда они всѣ собрались, изъ облака ниспалъ огонь, и они всѣ изжарились, подобно саранчѣ, положенной въ котелъ съ масломъ[2]). Принимая во вниманіе мѣстожительство Айканцевъ и занятія ихъ торговлей, можно подъ ними разумѣть древнихъ Набатеевъ (см. ниже), такъ какъ самое названіе Набатеевъ происходитъ отъ арабскаго существительнаго *набатъ*—растительность, какъ и *айка* значитъ въ арабскомъ языкѣ лѣсистое мѣсто, рощу.

---

[1]) Коранъ, гл. 26, ст. 177—189.

[2]) См. عريس المجالس. Арабы ѣдятъ саранчу, которую поджариваютъ въ котлѣ.

Подъ *народомъ Тоббы* (Тубба), упоминаемымъ въ Коранѣ[1]), должно разумѣть жителей Емена, подданыхъ царей—Химьяритовъ, происходившихъ отъ Кахтана (Іоктана), сына Еверова, перваго царя Еменскаго. Реклю, на основаніи археолог. открытій Пинтена, полагаетъ что наиболѣе древнимъ властителемъ Емена былъ Хамурабби, который, будучи Химьяритскаго происхожденія, завоевалъ Вавилонъ во времена Еламитскаго царя Кадаръ-Лаомера, современника Авраама, и прославился потомъ своими законами (Человѣкъ и Земля, томъ 2, стр. 122. Ср. Быт., гл. 14). Пятнадцатый царь Емена Аль-Харисъ, сынъ Зу-Садада, первый принялъ титулъ *Тоббы,* соотвѣтствующій латинскому *цезарь*, персидскому *кисра.* Носившіе этотъ титулъ цари Еменскіе владѣли Хадрамаутомъ, Сабой и Химьяромъ и наслѣдовали одинъ другому, а потому носили титулъ Тоббы, подобно тому, какъ преемники Мухаммеда назывались *Халифами.* Въ „Рухуль-баянѣ“ замѣчено, что въ Коранѣ упомянутъ *народъ* Тоббы, а не *самъ* Тобба, и это потому, что царь (Тобба) Асадъ-Химьяръ былъ христіанинъ, а подданные его были язычники и покланялись огню, за что и погибли. Въ примѣчаніи Сейля къ переводу Корана говорится, что въ Коранѣ въ приведенномъ мѣстѣ разумѣется жившій за 700 лѣтъ до Мухаммада Абу-Карибъ-Асадъ, который принялъ іудейство и распространилъ его въ Еменѣ, за что и былъ убитъ своими подданными[2]). Очевидно, Мухаммедъ не зналъ хорошо исторіи южно-аравійскихъ племенъ и потому ограничился простымъ упоминаніемъ о народѣ Тоббы.

Кромѣ перечисленныхъ въ Коранѣ древнихъ племенъ, обитавшихъ въ Аравіи, у арабскихъ писателей встрѣчаются свѣдѣнія еще о племенахъ Тасмъ и Джадисъ. У Табари и Пококка говорится о нихъ слѣдующее: Тасмиты (по Абульфедѣ) были потомками Луда, сына Симова, а Джадисы—потомками Евера, внука Симова[3]). Оба эти племени жили въ Аравіи

---

[1]) قوم تبع. Коранъ, гл. 44, ст. 36; гл. 50, ст. 12—13.

[2]) У Пококка онъ считается 32-мъ царемъ Еменскимъ. Онъ именно подразумѣвается и въ Коранѣ (Specimen, pag. 61).

[3]) См. Быт. гл. X, ст. 22 и 24. У Ленормана, напротивъ. говорится' что племя Тасмъ и Джадисъ были потомками Геѳера, сына Арама, сына имова. По его словамъ, племя Тасмъ жило на сѣверо-востокѣ Надждa

совмѣстно и мирно, при чемъ главенство принадлежало Тасмитамъ. Амлюкъ, захвативъ власть, сталъ дѣлать насилія Джадисамъ: дѣвицы Тасмитовъ, выдаваемыя въ замужество за Джадисовъ, должны были поступать въ распоряженіе Амлюка (jus primae noctis). Такое насиліе раздражало Джадисовъ, и они, по совѣту Асадъ-бенъ-Афвана, условились пригласить на пиръ къ себѣ царя Амлюка и знатнѣйшихъ Тасмитовъ и перебить ихъ заранѣе приготовленными и скрытыми мечами. Такъ Джадисы и сдѣлали—избили большую часть Т смитовъ. Оставшіеся въ живыхъ Тасмиты обратились съ жалобой къ Еменскому царю (Тобба) и просили его отомстить Джадисамъ. Еменскій царь послалъ войско, и племя Джадисъ было истреблено. Такимъ образомъ оба племени были истреблены въ междуусобицахъ, а затѣмъ и самая память о племенахъ Тасма и Джадиса почти исчезла[1]). У Табари передаются слѣдующія подробности: нѣкто Рабахъ донесъ египетскому царю объ избіеніи Тасмитовъ Джадисами. Когда египетскій царь рѣшилъ послать войско для наказанія Джадисовъ, Рабахъ сказалъ: „среди нихъ есть у меня родственница—дѣвица по имени Азрука Ямами, которая обладаетъ столь острымъ зрѣніемъ, что можетъ различать предметы на разстояніи трехъ дней пути. Если она замѣтитъ приближающееся войско, то предупредитъ Джадисовъ, и они разбѣгутся и избѣгнутъ твоего мщенія“. Царь спросилъ: что нужно сдѣлать въ предупрежденіе этого? Рабахъ посовѣтовалъ царю, чтобы его воины взяли въ руки большія вѣтви и двигались бы по степи, держа вѣтви предъ собой: тогда Азрука не будетъ въ состояніи разсмотрѣть воиновъ за движущимися деревьями. Царь сдѣлалъ такъ, какъ совѣтовалъ Рабахъ.—Когда войско стало приближаться къ Джадисамъ, Азрука издали замѣтила ихъ и сказала: «вижу много деревьевъ, которыя движутся, какъ люди»... Чрезъ нѣсколько времени Азрука снова посмотрѣла съ возвышенія по направленію къ двигающимся предметамъ и разсмотрѣла, что за движущимися деревьями идутъ воины, которые ѣдятъ на ходу, отрывая зубами мясо отъ

(Джофскій округъ), гдѣ жило до III в. по Р. Хр., а племя Джадисъ, упоминаемое Птоломеемъ (Іодизиты) жило въ Ямамѣ (Руков. къ др. ист. Востока, т. II, вып. 1, стр. 12).

1 Specimen historiae arabum, p. 38. Cp. Caussin de Perseval, t. I, p. 28—30.

костей. Джадисы не повѣрили ей и никакихъ предосторожностей не предприняли противъ нападенія. Между тѣмъ войско пришло и всѣхъ Джадисовъ истребило, а дѣвицу Азруку доставили къ царю. Царь спросилъ ее: отчего у тебя такое сильное зрѣніе? Она сказала: отъ того, что я каждую ночь намазываю свои глаза сурьмой. Царь приказалъ сначала выколоть ей глаза, а потомъ убить, что и было исполнено".

Вслѣдствіе баснословнаго характера сохранившагося о Джадисахъ преданія, у арабовъ вошло въ обычай называть „сказками Джадиса" всякій невѣроятный разсказъ[1]).

Изложенныя арабскія преданія о древнихъ обитателяхъ Аравіи очень мало уясняютъ древнюю исторію этой страны и послѣдующія событія. Какое вліяніе имѣли Адяне, Тсямудяне, обитатели Рассъ и Айка на умственный, нравственный и экономическій прогрессъ жителей обособленнаго географически полуострова,—судить объ этомъ на основаніи разсказовъ Корана трудно. Одно можно сказать, что почти всѣ эти народы жили близкой къ природѣ жизнію и въ полной зависимости отъ окружающей ихъ мѣстности, были мало развиты умственно и нравственно и почти ничего не могли оставить въ наслѣдіе послѣдующимъ поколѣніямъ, кромѣ смутныхъ, а иногда и баснословныхъ о себѣ воспоминаній. И самъ проповѣдникъ новой религіи (уммій), пересказывая наивныя преданія арабовъ, не могъ осмыслить ихъ, а говорилъ только, что всѣ древніе обитатели Аравіи погибли за свое нечестіе и за то, что не внимали проповѣди посланныхъ къ нимъ пророковъ: Гуда, Салиха, Шуаиба и Ханзяля. Неопредѣленность этихъ преданій и однообразіе ихъ до послѣдней степени утомительны, такъ какъ повторяются почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ (см. Коранъ. гл. 26, ст. 123 -189).

Въ дополненіе къ Корану, мы находимъ нѣсколько свѣдѣній о древнихъ обитателяхъ Аравіи въ Библіи и у Страбона. Въ Библіи упоминаются Набатеи[2]), потомки Набаіота, старшаго

---

1) У Страбона (кн. 16, гл. 4, 18) упоминаются Мараниты, частью земледѣльцы, частію кочевники. Ихъ коварнымъ образомъ истребило во время пятилѣтняго праздества сосѣднее племя Гарандаи. Можетъ быть, въ преданіи о племенахъ Тасмъ и Джадисъ слышится отголосокъ преданія, записаннаго Страбономъ. Авт.

2) Исаіи, гл. 60, ст. 7. 1 Мак. гл. V, ст. 25; гл. IX, ст. 35.

сына Измаилова (Быт XXV. ст. 13), какъ объ этомъ говоритъ I. Флавій[1]). Они жили въ Каменистой Аравіи и были извѣстны грекамъ и римлянамъ По Страбону, Набатеи занимались частію земледѣліемъ, частію скотоводствомъ, а также *садоводствомъ и торговлей*[2]). Было много у нихъ пастбищъ, на которыхъ паслись бѣлорунныя овцы; быки ихъ отличались крупнымъ размѣромъ; недостатокъ въ лошадяхъ пополнялся верблюдами на которыхъ хозяева работали. Со своими стадами Набатеи кочевали отъ Аравійскаго залива до Евфрата, а съ другой стороны, до Сиріи и принимали участіе въ южно-аравійской торговлѣ, такъ какъ главный городъ ихъ Петра, лежавшій на древнемъ караванномъ пути, служилъ передаточнымъ пунктомъ для товаровъ, направляемыхъ въ Сирію и Палестину. Городъ Петра (тоже Села) былъ расположенъ на равнинѣ, окруженной скалами[3]), давшими ему имя (πέτρα скала) и снабжавшими равнину ключевой водой, необходимой для жителей, садовъ и полей. Поэтому Набатея была хорошо заселена и многолюдна. Жители ея въ прежнее время занимали и сосѣдніе острова, но были изгнаны оттуда египтянами за грабежи, какіе позволяли себѣ въ отношеніи египтянъ. Набатеи были язычники и сохраняли свою независимость до 105 г. по Р. Хр. Римскій полководецъ Трояна, Корнелій Пальма взялъ столичный городъ ихъ Петру[4]) и тѣмъ положилъ конецъ ихъ царству.

Аѳинодоръ' видѣлъ въ Петрѣ много римлянъ и другихъ иностранцевъ, которые тѣмъ отличались отъ туземцевъ, что вели частыя тяжбы между собою, тогда какъ туземцы жили въ совершенномъ согласіи и жалобъ другъ на друга не допускали. Но къ иностранцамъ Набатеи относились недружелюбно и склонны были вѣроломно обманывать ихъ, какъ это показалъ правитель ихъ Силлай, намѣстникъ царя Обода, во время похода Элія Галла (см. выше гл. II). Въ числѣ хорошихъ качествъ Набатеевъ Страбонъ упоминаетъ о ихъ воздержности,

---

1) Древности, кн. 1, гл. 12.

2) Какъ и айканцы. См. выше стр. 90.

3) Въ этихъ скалахъ древніе обитатели высѣкали лабиринты и храмы, какъ показано у Реклю (Человѣкъ и Земля, томъ первый, стр. 172).

4) Въ то время гор. Петра былъ роскошной столицей, полной блеска и величія, съ замѣчательными лабиринтами, украшенными статуями и надписями, а въ настояще время это коллосальное кладбище.

хотя и это само по себѣ хорошее качество поддерживалось среди нихъ страхомъ публичнаго наказанія и надеждой на награду за увеличенія имущества. Рабовъ у нихъ было не много и потому въ услуженіи состояли большею частію родственники (разумѣется—бѣдняки). За неимѣніемъ родственниковъ—помощниковъ въ работахъ, Набатеи помогали другъ другу, или все дѣлали сами. Такой патріархальный обычай простирался даже на царей. У Набатеевъ было въ обычаѣ устраивать общественные обѣды, группами по тринадцати человѣкъ, при чемъ на каждой пирушкѣ были два музыканта. Обычай этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что такой же точно обычай до сихъ поръ поддерживается среди туркестанскихъ сартовъ, которые по очереди устраиваютъ (послѣ уборки хлѣба, когда поспѣваютъ фрукты, до времени новыхъ полевыхъ работъ) собранія знакомыхъ, группами въ 9 и болѣе человѣкъ и проводятъ время во бесѣдахъ, угощеніяхъ и другихъ забавахъ, смотря по возрасту, образованію и общественному положенію. Такія собранія называются у сартовъ *гапъ* (бесѣда), а самый кружокъ—*джура* т. е. общество, компанія. Царь Набатеевъ устраивалъ въ своемъ обширномъ дворцѣ частыя и продолжительныя попойки и до такой степени былъ близокъ къ народу, что не только обходился во время пира безъ прислуги, но и оказывалъ взаимныя услуги прочимъ гостямъ. Часто онъ давалъ отчетъ предъ народомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а иногда и самый образъ жизни его подвергался изслѣдованію.—Жилища Набатеевъ устраивались изъ камня, но города не были укрѣплены стѣнами, вслѣдствіе мирныхъ отношеній съ сосѣдними народами. Одеждой у мужчинъ служилъ простой фартукъ, а обувью туфли (сандаліи?). Даже цари ходили въ туфляхъ. На мертвые тѣла они смотрѣли, какъ на навозъ, и даже царей хоронили подлѣ навозныхъ кучъ. Поклонялись солнцу, въ честь котораго воздвигался на домѣ алтарь; на этомъ алтарѣ ежедневнс совершались возліянія и дымился ладанъ. Товары у Набатеевъ были только привозные, именно: мѣдь, желѣзо, пурпуръ, стираксъ, шафранъ, бѣлая корица, предметы рѣзной работы, картины и статуи; золото серебро и большая часть ароматовъ добывались на мѣстѣ[1]).

---

[1]) Географія, книга 16, гл. 4.

Христ. писатель III вѣка, Бл. Іеронимъ, въ житіи св. Иларіона упоминаетъ, что Петрейскіе арабы (Набатеи) поклоняются Венерѣ, подъ видомъ утренней звѣзды, въ особомъ храмѣ, въ который собирались въ дни торжествъ. Современникъ Іеронима, Нилъ Синайскій записалъ, что эти арабы не признаютъ Бога, не представляютъ Его духовно, а молятся утренней звѣздѣ и приносятъ ей въ жертву, когда она восходитъ, лучшую часть изъ своей добычи, — преимущественно благообразныхъ и здоровыхъ юношей, которыхъ закалаютъ на особо сложенныхъ для того камняхъ. Когда такой жертвы они принести не могутъ, то кладутъ на камни бѣлаго и непорочнаго верблюда, трижды обходятъ его кругомъ, съ пѣніемъ въ честь утренней звѣзды, и затѣмъ закалаютъ его своими мечами, пьютъ его кровь, а затѣмъ рѣжутъ на куски и съѣдаютъ, такъ что при захожденіи утренней звѣзды отъ жертвы уже ничего не остается[1]). Италянскій поломникъ VII в. Антонинъ упоминаетъ, что арабы при-Синайскіе поклонялись мраморному идолу.

Прозоровскій, на основаніи историческихъ и нумизматическихъ данныхъ[2]), перечислилъ 12 царей набатейскихъ и выяснилъ, къ кому изъ нихъ относятся указанія св. книги Маккавеевъ и посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ (2 Коринѳ. гл. XI, ст 32). Въ виду новости этого вопроса и непосредственнаго отношенія его къ предмету нашего изслѣдованія, приводимъ выдержку изъ статьи г. Прозоровскаго:

1) Около 166 г. Р Хр у Набатеевъ былъ царемъ *Арета*, во владѣніяхъ котораго скитался изгнанный іудейскій первосвященникъ Іасонъ или Іисусъ[3]).

2) Послѣ него упоминается *Малхъ*. На его попеченіи Александръ оставилъ своего сына Антіоха, котораго онъ впослѣдствіи выдалъ Трифону, по усиленнымъ убѣжденіямъ послѣдняго. Въ 1 Маккав кн. (гл. XI, ст. 39) царь этотъ именуется *Емалкуемъ*.

---

[1]) Исторія избіенія отцевъ Синая и Раиѳы, гл. 4. (см. Правосл. Обозр. 1870 г. Второе полугодіе, стр. 48, ст. Арх. Арсенія „Христіанство въ Сѣверной Аравіи.

[2]) Ст. „о Набатеяхъ и нхъ монетахъ“ въ Запискахъ Императ. русск. Археол. Общества, т. II, выпускъ второй. Спб., 1886 г., стр. 49—59.

[3]) 2 Маккав, кн., гл. V, ст. 8.

3) Царю *Завдїилу*. по 1 Маккав. кн. (гл. XI, ст. 17), называемому у I. Флавія[1]) Завиломъ, приписываютъ убійство Александра Бала, бѣжавшаго къ нему послѣ несчастнаго сраженія съ Птоломеемъ Филометоромъ и Димитріемъ Никаторомъ въ 144 году до Р. Хр. Діодоръ Сицилійскій (кн. XXXII) смѣшалъ царей Малха и Завдіила, которые царствовали въ одно время, но въ разныхъ мѣстахъ.

4) Почти за 100 лѣтъ до Р. Хр цавь *Оведъ* поразилъ іудейскаго царя Александра Яннея, устроивъ ему засаду близъ Гадары[2]). Іосифъ Флавій называетъ этого царя *Оводіемъ*, а городъ Гавланіею[3]).

5) Царь *Зилъ* вмѣстѣ съ Парфянами былъ призванъ въ помощь верійскимъ тираномъ Стратономъ, вооружившимся противъ Димитрія Евкера, царствовавшаго въ 95 году до Р. Хр. По предположенію г. Прозоровскаго, Александръ Янней, іудейскій царь, отдалъ Зизу землю, завоеванную у Моавитовъ и Галадитовъ[4]).

6) Царь *Арета* обѣщалъ городу Газѣ помощь, когда Александръ Яней напалъ на этотъ городъ; но Арета не поспѣлъ на помощь во-время. Вскорѣ послѣ этого, въ 85 г. до Р. Хр., Арета былъ призванъ въ Дамаскъ на царство.

7) Къ царю Аретѣ, владѣвшему Петрой, бѣжалъ іудейскій первосвященникъ Гирканъ, подговоренный Антипатромъ. Арета согласился вспомоществовать Гиркану въ возвращеніи престола, занятаго Аристовуломъ, а бѣглецы обѣщали за то возвратить Аристовулу отнятую ими прежде у арабовъ область съ двѣнадцатью городами. Арета пошелъ на Аристовула съ 50,000 войска и, одержавъ побѣду, осадилъ Іерусалимъ, но Аристовулъ освободился отъ засады при содѣйствіи Помпеева полководца Скавра, а потомъ и самъ напалъ на Арету, разбилъ его при мѣстечкѣ Папиронѣ. Помпей шелъ уже войною на Набатеевъ, какъ вдругъ, недовольный Аристовуломъ, обратился на него, взялъ Іерусалимъ и ушелъ въ Киликію, оставивъ для дальнѣйшихъ предпріятій Скавра, который въ 62 году

---

1) Древн. Іуд., кн. XIII, гл. IV, 8.
2) Древн. Іуд., кн. XIII, гл. XIII, 5.
3) Древн. Іуд., кн. I, гл. IV, 4.
4) Древн. Іуд., кн. XIII. гл. XIV, 2, 3.

предъ Р. Хр., хотя и подступилъ къ набатейской столицѣ Петрѣ, но не могъ взять ее, а успѣлъ только убѣдить Арету откупиться отъ опустошенія его владѣній 300 талантами. Потомъ другой римскій полководецъ Габиній побѣдилъ Набатеевъ. Г. Прозоровскій полагаетъ, что у І. Флавія разумѣется этотъ самый Арета подъ названіемъ царя аравійскаго, съ которымъ подружился Антипатръ, женатый на идумеянкѣ изъ знатной арабской фамиліи и имѣвшій отъ нея, въ числѣ другихъ дѣтей—Ирода, въ послѣдствіи царя іудейскаго, прозваннаго Великимъ. Можетъ быть, по родству, Антипатръ ввѣрилъ Аретѣ своихъ дѣтей, когда велъ войну съ Аристовуломъ[1]).

8) Царь *Малхъ* состоялъ въ дружбѣ съ Иродомъ, когда послѣдній не былъ еще царемъ. Удаляясь отъ Антигона, Иродъ хотѣлъ искать убѣжища у Малха, въ Петрѣ, но тотъ его не принялъ, и Иродъ отправился въ Египетъ. Хотя Малхъ и раскаялся въ своемъ поступкѣ, но уже не могъ догнать Ирода, чтобы поправить свой промахъ Сношенія Малха съ Гирканомъ были причиною, по которой Иродъ велѣлъ казнить послѣдняго[2]). І. Флавій называетъ этого Малха *Малихомъ* и описываетъ войну, веденную съ нимъ Иродомъ, по повелѣнію Антонія. Около Діосполя, Иродъ одержалъ побѣду надъ аравитянами, а при Кенаѳѣ былъ самъ разбитъ, за что отплатилъ побѣдою при Филаделфіи, гдѣ аравитянами предводителствовалъ Ельфемъ. По словамъ І. Флавія[3]), Клеопатра побуждала Антонія погубить Ирода и Малха, изъ которыхъ послѣдній дѣйствительно и погибъ.

9) Царь *Оводъ* (Ободъ), безхарактерный правитель Набатеевъ, находившійся подъ вліяніемъ своего любимца Силлая[4]), пріѣзжавшаго къ Ироду, который чрезъ этого вельможу ссудилъ Оводу въ долгъ 60 талантовъ За неплатежъ этихъ денегъ и за невыдачу разбойниковъ, Иродъ началъ войну съ Оводомъ,

---

1) Древн. Іуд., кн. XIII, гл. XIII, 3; гл. XV, 2; гл. XVI, 2; – кн. XIV, гл 1, 4; гл. II, 1, 3; гл. V, 1; гл, гл. VI, 4; гл. VII, 3; гл. VIII, 1; Ср. О войнѣ Іуд., кн, 1, гл. IV, 7.

2) Древн. Іуд., кн. XIV, гл. XIII 1, 6; кн. XV, гл. VI, 2, 3.

3) О войнѣ Іуд., кн. 1, гл. XIII, 8; гл. XIV, 1. 2; гл. XV, 1; гл. XVIII, 4; гл. XIX; гл. XXIII, 3.

4) Этотъ Силлей, упоминаемый у Страбона подъ именнемъ Силлая, сопутствовалъ Элію Галлу въ его походѣ въ Аравію и былъ причиною неуспѣшности этого похода. См. выше гл. II.

взялъ и разрушилъ крѣпость Раепту и разбилъ аравійскаго полководца Нацеба. Такъ какъ Силлей, бывшій тогда въ Римѣ, нажаловался на Ирода Кесарю, то послѣдній наложилъ опалу на іудейскаго царя.

10) Царь *Арета*, сынъ Овода[1]), былъ названъ такъ при воцареніи, по смерти своего отца, а до того времени носилъ имя *Е ея.* Онъ обвинялъ Силлея въ умерщвленіи ядомъ Овода и въ убійствѣ многихъ знатныхъ людей города Петры. И такъ какъ Арета принялъ власть безъ Кесарева разрѣшенія, то Кесарь объявилъ ему за то свой гнѣвъ, но потомъ утвердилъ его на царствѣ. Арета былъ во враждѣ съ великимъ Иродомъ. изъ ненависти къ которому сдѣлался другомъ Римлянъ. Когда, по смерти Ирода, произошло въ Іерусалимѣ возмущеніе, для усмиренія котораго спѣшилъ въ Іудею сирійскій правитель Варъ съ легіонами, то Арета далъ ему въ помощь значительное войско На дочери этого Ареты былъ женатъ тетрархъ Иродъ Антипа. Когда онъ вступилъ въ связь съ женою своего брата Филиппа, Иродіадою, умертвившею Іоанна Крестителя, то жена Ирода удалилась къ своему отцу, и между Аретою и Иродомъ возникла изъ-за этого вражда. Враги воспользовались первою причиною къ войнѣ, и когда полководцы Ареты совершенно разбили войско Ирода, то Иродъ жаловался на Арету Тиверію. Тиверій приказалъ сирійскому проконсулу Вителію объявить войну царю Набатеевъ, но предпринятый Вителіемъ походъ къ Петрѣ не состоялся по случаю смерти Тиверія[2]. По всей вѣроятности, объ этомъ Аретѣ упоминаетъ св. апостолъ Павелъ[3]).

11) *Авія*, по приглашенію Адіавинянъ, недовольныхъ своимъ царемъ Изатомъ за принятіе имъ іудейскаго закона, напалъ на Адіавину и, будучи разбитъ Изатомъ, умертвилъ самъ себя, чтобы не отдаться въ плѣнъ[4]). Это происходило уже въ царствованіи Клавдія (41—51 гг. по Р. Хр.).

---

[1]) См. выше гл. II.

[2]) Др. Іуд., кн. XVI, гл. VII, 6; гл. IX, 1, 4; гл. X. 8, 9; -кн. XVII, гл. III, 2; гл. X, 9; кн. XVIII, гл. VI;—О войнѣ Іуд., кн. I, гл. XXIV 6; кн. II, гл. V, 1,

[3]) 2 Коринѳ, гл. 11, ст. 32.

[4]) Флавій Древн. Іуд., кн. XX, гл. IV, 1.

Въ южной части Арав. полуострова Страбонъ помѣщаетъ: Минаевъ подлѣ Краснаго моря, съ городомъ Карной[1]) или Карнаной; Сабаевъ съ главнымъ городомъ Маріабой[2]), Каттабановъ съ главнымъ городомъ Тамной въ юго-западномъ углу полуострова; Хатрамотитовъ, жившихъ къ востоку отъ Катабановъ и имѣвшихъ городъ Сабатъ[3]) и Герраевъ съ гор. Геррою[4]). Каждая область занимала пространство, больше египетской дельты. Города управлялись монархически, находились въ цвѣтущемъ состояніи и роскошно украшались храмами и царскими дворцами. Дома жителей своею постройкой напоминали египетскіе дома. Царская власть наслѣдовалась не сыномъ отъ отца, но первымъ родившимся въ какомъ-либо знатномъ родѣ послѣ назначенія царя. Поэтому, лишь только царь вступалъ на престолъ, беременныя жены знатныхъ мужей записывались, и къ нимъ для наблюденія приставлялась стража; мальчика, прежде всѣхъ родившагося отъ какой-либо изъ этихъ женщинъ, принимали, согласно закону, и воспитывали по царски, какъ наслѣдника престола.

Каттабанія производила ладонъ, а Хатрамотида (Хазрамаутъ) смирну. Эти благовонія продавались купцами въ обмѣнъ; купцы прибывали къ нимъ изъ Айланы[5]) въ Минаю семидесятидневнымъ путемъ, а Герраи приходили въ Хатрамотиду въ сорокъ дней.

Область Сабаевъ[6]) Страбонъ называетъ благодатнѣйшею и многолюднѣйшею. Тамъ произрастали смирна, ладонъ и

---

1) Подъ 20° с. ш., южнѣе Макорабы (Шпрунеръ).

2) Подъ 15° с. ш., почти на одной широтѣ съ гор. Сабой. При этомъ городѣ была извѣстная плотина, дававшая населенію воду во время засухи и обезпечивая урожаи. Плотина эта была разрушена напоромъ горныхъ потоковъ (Сайль-арамъ)во второмъ или третьемъ столѣтіи по Р Хр., послѣ чего владѣнія Химьяритовъ постепенно пустѣли, такъ какъ жители переселились въ сѣверную Аравію. Дата Реклю относительно этого событія (1750 г. до Р. Хр.) явно несообразна.

3) У Шпрунера показанъ гор. Тафаръ.

4) Подъ 26° с. ш., въ 200 стадіяхъ отъ Персидскаго залива.

5) Айла, Эла на сѣвер. берегу Эланитскаго залива, позд. Акаба.

6) Иначе: Сабеи, Савеи. У нихъ былъ городъ Саба. По Реклю, сабеяне поклонялись небеснымъ свѣтиламъ и особенно планетамъ, которымъ приписывалось чрезвычайное вліяніе на судьбы людей и царствъ. Такой культъ небесныхъ свѣтилъ имѣлъ особенно много шансовъ развиться именно въ горахъ Емена, съ ихъ чистымъ безоблачнымъ небосклономъ, усѣяннымъ яркими звѣздами и распростертомъ въ видѣ шатра надъ безграничною поверхностью океана и песковъ пустыни. [Человѣкъ и Земля, томъ 2, стр. 122].

корица, а на берегу бальзамъ и другое растеніе, очень душистое, но быстро теряющее запахъ Тутъ были также душистыя пальмы и тростникъ. Вслѣдствіе излишка плодовъ, населеніе было лѣниво и въ образѣ жизни легкомысленно. Простой народъ спалъ на срѣзанныхъ сучьяхъ деревьевъ. Что касается торговли, то обыкновенно товары продавались ближайщимъ сосѣдямъ, которые передавали ихъ слѣдующимъ за ними жителямъ и такъ далѣе до Сиріи и Месопотаміи. Теряя сознаніе отъ благовоній, Сабеи удаляли безпамятство куреніемъ асфальта и козлобородника. Городъ Сабеевъ, Маріаба (позд. Магребъ), былъ расположенъ на покрытой деревьями горѣ. Въ немъ жилъ царь Цари Савскіе упоминаются въ псалмахъ Давида (пс. 71, 10), а во времена Соломона у Сабеевъ была царица (3 цар. X, 1—10), разрѣшавшіе тяжбы и другія дѣла. Выходить изъ царскаго замка не дозволялось; въ противномъ случаѣ лицо, согласно изрѣченію оракула, немедленно подвергалось побіенію камнями народной толпой. Царь и окружающіе его проводили жизнь въ женскихъ наслажденіяхъ. Народъ занимался или обработкой земли, или торговлей благовоніями, какъ съ туземцами, такъ и съ лицами, пріѣзжавшими изъ Эѳіопіи, къ которымъ Сабеи переплывали въ кожаныхъ лодкахъ черезъ проливы. У Сабеевъ было такое изобиліе благовоній, что въ качествѣ прутьевъ для поджиганія какого-либо дерева они употребляли киннамомъ, кассію и другія благовонныя растенія. Въ ихъ странѣ произрасталъ также ларимнъ, благовоннѣйшая курительная трава. Благодаря торговлѣ, Сабеи и Герраи были очень богаты, владѣли большимъ количествомъ золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, какъ напримѣръ, дивановъ, треножниковъ, чашъ и стакановъ; дома ихъ отличались роскошнымъ убранствомъ: двери, стѣны, потолки были украшены слоновой костью, золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями[1]).

---

[1]) Географія, кн. 16, гл. 4. Въ п. 25 той-же главы, Страбонъ, очевидно, слѣдуя Геродоту (кн. 3), передаетъ мало вѣроятные разсказы о нравахъ жителей Счастливой Аравіи, въ родѣ того, что братья имѣли одну жену и что у нихъ допускалось будто бы сношеніе съ матерями, при чемъ прелюбодѣи [изъ другого рода] наказывались смертью. Очень вѣроятно, что такіе разсказы выдумывались съ цѣлію напугать предпріимчивыхъ путешественниковъ въ интересахъ охранить богатства страны, какъ предполагаетъ Реклю.

Герраевъ Страбонъ считаетъ халдеями, изгнанными изъ Вавилона. Они вели сухопутную торговлю арабскими товарами и благовоніями, но Аристобулъ утверждаетъ, что Герраи сплавляли свои товары въ Вавилонъ на плотахъ, спускаясь по Ефрату до Өапсака, а потомъ развозили свои товары въ разныя страны сухимъ путемъ[1]). Главный городъ Герраевъ— Герра находился противъ острова Бахреина въ Персидскомъ заливѣ. Въ этомъ „городѣ страданія и скитанія" купцы встрѣчались съ химьяритскими купцами[2]).

У Шпрунера въ атласѣ показаны еще нѣсколько племенъ, обитавшихъ въ южной Аравіи предъ Р. Хр., какъ напр., Джобариты, Сахалиты, Катаниты (Кахтаниты=Іектаниты) и др., а въ сѣверо-восточной Аравіи—Измаилиты.

По Библіи и араб. преданіямъ, арабы-измаилиты происходили отъ Измаила, сына Авраама. Авраамъ удалилъ отъ себя Агарь, когда она стала кичиться предъ бездѣтной Саррой сыномъ своимъ Измаиломъ[3]). „Авраамъ всталъ рано утромъ,—разсказывается въ Библіи,—и взялъ хлѣба и мѣхъ воды, и далъ Агари, положивъ ей на плеча, и отрока, и отпустилъ ее. Она пошла, и заблудилась въ пустынѣ Вирсавіи. И не стало воды въ мѣхѣ, и она оставила отрока подъ однимъ кустомъ. И пошла, сѣла вдали, въ разстояніи на *одинъ* выстрѣлъ изъ лука. Ибо она сказала: не *хочу* видѣть смерти отрока. И она сѣла противъ, подняла вопль и плакала. И услышалъ Богъ голосъ отрока; и Ангелъ Божій съ неба воззвалъ къ Агари и сказалъ ей: что съ тобою Агарь? не бойся: Богъ услышалъ голосъ отрока оттуда, гдѣ онъ находится. Встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу отъ него великій народъ. И Богъ открылъ глаза ея, и она увидѣла колодезь съ водою, и пошла, наполнила мѣхъ водою и напоила отрока. И Богъ былъ съ отрокомъ; и онъ выросъ, сталъ жить въ пустынѣ и сдѣлался стрѣлкомъ изъ лука. Онъ жилъ въ пустынѣ Фаранъ; и мать его взяла ему жену изъ земли Египетской[4])".

---

1) Географія, кн. 16, гл. 3, п. 3.

2) Эл. Реклю, Человѣкъ и Земля. Т. 2. стр. 116.

3) Измаилъ родился за 1926 лѣтъ до Р. Хр.

4) Кн. Бытія, гл. XXI, ст. 14—21.

Въ арабскихъ преданіяхъ[1]) объ удаленіи Агари изъ дома Авраамова разсказывается такъ: „на Авраамовомъ челѣ находился свѣтъ Мухаммеда. Этотъ свѣтъ Авраамъ обѣщалъ Саррѣ: пусть-де онъ будетъ у сына, тобою рожденнаго. Но Сарра наконецъ состарилась,—ей было уже 90 лѣтъ, а дѣтей она не рождала: у нея не было ни дочерей, ни сыновей. И вотъ она сама предложила Аврааму рабыню свою, Агарь. Когда Агарь зачала во чревѣ, свѣтъ Мухаммеда направился съ чела Авраама въ утробу Агари. Сарра увидѣла, что свѣтъ уходитъ съ Авраамова чела и сильно разгнѣвалась на Авраама изъ зависти къ Агари. Досадуя на Авраама, Сарра ухватила пророка за воротъ его одежды. Тогда явился Гавріилъ и сказалъ: Авраамъ! скажи Саррѣ, пусть она потерпитъ. Авраамъ исполнилъ совѣтъ небожителя, но Сарра отвѣчала: какъ же я стану терпѣть! 80 лѣтъ назадъ, Авраамъ обѣщалъ этотъ свѣтъ мнѣ, а теперь онъ оказывается у моей рабыни. Сарра поклялась обезобразить Агарь такъ, чтобы она не нравилась Аврааму, и хотѣла было сначала отрѣзать у нея носъ и ухо, но Агарь закричала, а на крикъ ея явился Гавріилъ и сказалъ Аврааму: скажи Саррѣ, чтобы она не дѣлала насилія Агари, потому что Богъ всевышній не терпитъ дѣлающихъ насиліе. Сарра говорила въ свою очередь: какимъ образомъ я, поклявшись, не исполню клятвы? Тогда Гавріилъ указалъ Саррѣ, какъ ей обезобразить Агарь. Сарра исполнила совѣтъ Гавріила и проговорила съ радостью: „теперь я изуродовала ее; Аврааму она уже не полюбится“.. Но когда Гавріилъ принесъ изъ рая серьги и вложилъ ихъ въ уши Агари, то ея красота увеличилась и, хотя она была обрѣзана, а все-таки Аврааму нравилась[2]). Сарра, наконецъ, не вытерпѣла и настояла, чтобы Авраамъ удалилъ Агарь въ пустыню, что между Меккой и Іерусалимомъ, гдѣ она родила вскорѣ сына, на лбу котораго появился свѣтъ Мухаммеда“.

Въ пустынѣ у Агари не достало воды. Она завернула сына въ одежды, положила его на землю, а сама пошла искать источникъ. Отъ холма Сафа (около Мекки) она услышала

---

[1]) См. общеизвѣстнее сочиненіе подъ заглавіемъ قصص الانبيا.

[2]) Въ подлинникѣ сцена эта неприлична, а потому неудобна для передачи въ русскомъ переводѣ.

голосъ: вотъ вода! и отъ холма Мярва (около Каабы) она услышала то же. Тогда она отправилась сначала по направленію къ Сафѣ, но воды не нашла; потомъ пошла къ Мярвѣ и также не нашла воды. Семь разъ прошла она между этими двумя холмами, какъ дѣлаютъ это современные мухаммедане, путешествующіе на поклоненіе Каабѣ, но воды всетаки не находила. Въ своихъ поискахъ она, наконецъ, обезсилѣла и потому воскликнула: „истамигъ, я илъ, илъ", т. е. вонми (мнѣ), Господи, Господи! Отсюда произошло и имя Измаила. Когда Агарь услышала плачъ Измаила, то поспѣшила къ нему и увидѣла, что онъ перевернулся, лежитъ лицемъ къ землѣ, и ботаетъ по ней ногами. Гавріилъ вывелъ изъ этого мѣста воду, и по опредѣленію Бога всевышняго, это сталъ колодецъ Замзамъ" [1]).

Когда Измаилъ выросъ, то взялъ себѣ жену изъ рода Амаликовъ [2]), занимался скотоводствомъ и охотой въ окрестностяхъ Замзама. Авраамъ время отъ времени навѣщалъ Измаила Такъ, черезъ годъ послѣ женитьбы Измаила, Авраамъ пріѣхалъ верхомъ повидаться съ сыномъ и познакомиться съ его женой. Между тѣмъ Сарра взяла обѣщаніе съ Авраама, что онъ не сойдетъ съ своего сѣдла, когда пріѣдетъ къ Измаилу. Авраамъ обѣщалъ. И когда подъѣхалъ къ шатру Измаила, то постучалъ. У входа въ шатеръ показалась жена Измаила. Авраамъ спросилъ ее: „кто ты"?—Она отвѣтила: „я жена Измаила". – Гдѣ же Измаилъ? спросилъ Авраамъ.—„Онъ на охотѣ", отвѣчала она.—„Я не могу сойти съ сѣдла. Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь поѣсть мнѣ?" спросилъ Авраамъ.—„Нѣтъ у меня ничего; эта страна пустынная", отвѣчала жена Измаила. Авраамъ же спросилъ поѣсть только за тѣмъ, чтобы испытать жену своего сына —„Такъ я уѣзжаю",—сказалъ онъ ей. Когда возвратится твой мужъ, опиши ему мои черты и скажи, что я совѣтую ему перемѣнить

1] См. Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ [Казань, 1874 г, стр, 131—134. Миссіонер. противомусульм. сборникъ, вып, IV.

2] Арабскіе историки полагаютъ, что египетскіе фараоны временъ Авраама и даже Моисея происходили изъ рода Амаликовъ, но съ этимъ предположеніемъ едва ли можн· согласиться. По Библіи, Амаликъ былъ сынъ Элифаза, сына Исавова, отъ Ѳамны, наложницы Элифаза [Быт. гл. XXXVI, ст. 12 и 15—16].

порогъ его двери (шатра). „Когда Измаилъ вернулся, жена его описала ему черты незнакомца и передала его слова. Измаилъ узналъ путешественника и, понявъ таинственный смыслъ его совѣта, немедленно же развелся съ женою. Гскорѣ за тѣмъ и Амалики удалились отъ этой мѣстности, а съ юга прикочевало другое племя изъ потомковъ Іоктана или Кохтана 1). Тогда Измаилъ женился на дочери Модада, предводителя колѣна Джорхамова родоначальникъ котораго Джорхамъ былъ сынъ Кохтана2). Немного спустя, Авраамъ опять навѣстилъ Измаила, обѣщавъ Саррѣ и на этотъ разъ не сходить съ своего сѣдла. На стукъ его у шатра Измаила, къ нему вышла женщина высокаго роста и доброй, привѣтливой наружности.- —„Кто ты такая“? спросилъ ее Авраамъ.—„Я жена Измаила“, отвѣтила она.— Гдѣ же Измаилъ“? сказалъ Авраамъ.—„Онъ на охотѣ“, отвѣчала она. Тогда Авраамъ, желая также испытать и эту жену своего сына, сказалъ: „не дашь ли ты мнѣ поѣсть чего-нибудь“?—„Да“—отвѣтила жена Измаила и, войдя въ шатеръ, принесла оттуда молока, вареннаго мяса, финиковъ и сказала Аврааму; „извини насъ, - хлѣба у насъ нѣтъ“. Авраамъ благословилъ предложенную ему пищу, поѣлъ немного и сказалъ: „да умножитъ для васъ Господь эти произведенія въ сей странѣ!“ Тогда жена Измаила сказала Аврааму: „сойди съ сѣдла, чтобы я (по обычаю арабскаго гостепріимства) могла обмыть твою голову и бороду“. Авраамъ сказалъ: „я не могу сойти“. Но оставя одну ноту на сѣдлѣ, другую онъ поставилъ на камень и наклонился къ невѣсткѣ, которая смыла съ его лица и бороды покрывавшую ихъ пыль. Уѣзжая, Авраамъ сказалъ женѣ своего сына: „когда вернется Измаилъ, опиши ему мое лицо и скажи отъ меня что порогъ его двери (шатра) равно добръ и прекрасенъ“, По возвращеніи Измаила, жена его разсказала о случившамся. Измаилъ отвѣтилъ ей: „человѣкъ ко-

---

[1] По Библіи, Іоктанъ былъ сынъ Евера, правнука Симова [Быт. гл, X, ст. 22 и 25].

[2] Такъ говорится у Пококка Spec, hist. arab. p. 46], который, согласно съ Библіей, считаетъ у Измаила 12 сыновъ, но имена ихъ не сходятся съ разсказомъ кн. Бытія [гз. XXV, ст. 13—15]. Модадъ [см. выше] былъ 12-мъ царемъ Хиджаза изъ потомковъ Джорхама, сына Кахтана.

тораго ты видѣла, это мой отецъ, а порогъ моей двери (моего) шатра)—это ты сама. Отецъ велитъ мнѣ держать тебя[1])“.

Потомки Измаила населяли сѣверныя части Аравійскаго полуострова и отличались отъ южныхъ арабовъ, происходившихъ отъ Іоктана и извѣстныхъ поэтому подъ именемъ Іоктанидовъ. Первые, т. е. Измаилиты, были кочевники по преимуществу и назывались „бедуинами“, а вторые—жили въ городахъ и уже задолго до Р. Хр. достигли извѣстнаго благосостоянія, благодаря своей торговлѣ, какъ видно изъ исторіи Соломона и царицы Савской. Но когда они (уже послѣ Р. Хр.) вынуждены были выселиться на сѣверъ Аравіи, то долгое время находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ Измаилитами, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ мѣстности, сами мало-по-малу склонились къ кочевому образу жизни. Словомъ ко времени появленія ислама въ Аравіи, чистаго, несмѣшаннаго населенія въ странѣ едва ли можно было бы найти, особенно въ виду давнишнихъ поселеній евреевъ въ Аравіи. Поэтому позднѣйшія мусульманскія стремленія доказывать чистоту арабскаго народа въ смыслѣ этнографическомъ могутъ имѣть значеніе только для мусульманъ. Но во всякомъ случаѣ происходившія смѣшенія между древними арабскими населеніями не искажали коренного семитическаго типа, и онъ сохранился въ Аравіи въ большей степени, чѣмъ въ другихъ странахъ. Населеніе это въ эпоху основателя ислама распадалось на много отдѣльныхъ поколѣній, управляемыхъ своими старѣйшинами (шейхами). Изъ этихъ поколѣній у толковниковъ Корана названы: Асадиты, Асламъ, Бекриты, Гавазины, Хамаданъ, Гассаниды, Гатафанъ, Гамириты, Гыфаръ, Худзайль, Джухайна, Кяльбъ, Кянанъ, Кянда, Лахмъ, Мадзхиджъ, Мисамъ, Мурадъ, Мудладжъ, Музайна, Суляймиты. Сякифъ, Тай, Тамимъ, Физаря, Хузага, Хунайфиты и Ярбугиты, а самымъ почетнымъ поколѣніемъ считались Корейшиты, какъ главные распорядители въ Меккѣ. Задолго до Мухаммада спорили съ Корейшитами изъ-за власти Хузаиты, предводителемъ которыхъ былъ Амръ Ибнъ-Лохай Но корейшитъ Зейдъ, про-

---

[1]) См. Первоначально богооткровенная истина единства Божія въ древней до-мухаммеданской религіи аравитянъ. Соч. Е. Н Вороица. Казань 1873 г. стр. 20 - 24.

званный Косаемъ, путемъ хитрости (подпоилъ Хузаита Абу-Губшана) вернулъ себѣ право распоряженія ключами Каабы и послѣ упорной борьбы выгналъ изъ Мекки Хузаитовъ, возвратилъ своихъ единопленниковъ Корейшитовъ въ Мекку и возстановилъ ихъ прежнее положеніе въ городѣ. Онъ устроилъ „домъ собранія", куда сходились подъ его главенствомъ старѣйшины племени на совѣщанія по общественнымъ дѣламъ. Въ этомъ домѣ хранилось и военное знамя ихъ (*лива*). Обложивъ Корейшитовъ данью, Кусай распредѣлялъ собираемыя суммы на прокормленіе чужестранныхъ богомольцевъ. Имъ же были установлены почетныя общественныя должности: а) *рифада*—распоряженіе общественными суммами, б) *кіяда*—предводительство на войнѣ, в) *сикая*—завѣдываніе колодцами и распредѣленіе воды между горожанами и богомольцами (должность особенно важная въ Меккѣ при отсутствіи рѣкъ и дождей въ странѣ), г) *хиджаба*—наблюденіе за Каабой и д) *иджаза*—руководительство во время религіозныхъ церемоній въ городѣ и право отпускать богомольцевъ по домамъ, по окончаніи хаджа. Двѣ изъ этихъ должностей—*сикая* и *рифада* Косай закрѣпилъ за родомъ Абдъ-Манафа и именно за домомъ Хашима, который считается прадѣдомъ Мухаммада. Предки Мухаммеда считаются въ такомъ порядкѣ; Косай, Абдъ-Манафъ, Хашимъ, Абдуль-Мутталибъ, Абдалла, отецъ основателя ислама. Новѣйшій историкъ ислама А. Мюллеръ[1]) сомнѣвается въ истинности этой генеалогіи, но можно одинаково критиковать и сомнѣніе историка, такъ какъ провѣрять приводимые мусульманскими писателями и г. Мюллеромъ данныя одинаково нѣтъ возможности, и суть дѣла отъ этой генеалогіи не страдаетъ. Гораздо важнѣе установленіе того факта, что южные арабы, переселившіеся въ Мекку, сроднились съ коренными жителями города около 400 лѣтъ по Р. Хр. или около 170—200 лѣтъ (приблизительно) до рожденія Мухаммада.

Что же представляетъ собою исторія древнихъ народовъ, населявшихъ Аравію? Въ смыслѣ культурно-историческомъ,

1) Исторія ислама. Томъ I, стр, 35—37.

Аравія немного унаслѣдовала отъ этихъ народовъ для своего дальнѣйшаго развитія. О сѣверноарабскихъ племенахъ не можетъ быть въ этомъ случаѣ особой рѣчи уже потому, что они были большею частію кочевники и полуосѣдлы, и самыя преданія о нихъ крайне скудны и однообразны, а южно-арабскія населенія въ свою очередь не выработали и не оставили послѣ себя особенно замѣтныхъ историческихъ слѣдовъ: ихъ богатства, ихъ постройки, ихъ образованность не удивляютъ насъ въ такой степени, какъ культура египтянъ, которой южноарабскіе народы слѣдовали. Авторъ извѣстнаго сочиненія „Внѣшній быть народовъ“ Германъ Вейсъ, на основаніи Страбона (XVI и Діодора (III, 47), говоритъ, что въ южной Аравіи было не мало городовъ съ богатыми храмами и роскошными дворцами. Діодоръ III. 45) упоминаетъ, сверхъ того, о трехъ храмахъ, лежавшихъ на возвышеніи на юго-западномъ берегу полуострова; а Плиній (VI, 23, 28; XII. 14, 15) насчитываетъ не менѣе шестидесяти храмовъ въ Савватѣ (Саботъ), главномъ городѣ Хатрамотитовъ, и шестьдесятъ пять храмовъ въ столицѣ Катабановъ[1]). Объ архитектурѣ этихъ зданій ни одинъ изъ названныхъ писателей не даетъ никакихъ положительныхъ указаній, а потому и сообщаемыя ими извѣстія Вейсъ считаетъ мало достовѣрными, какъ и всѣ вообще разсказы о „несмѣтныхъ“ богатствахъ южноаравійскихъ народовъ. Поэтому можно считать болѣе вѣроятнымъ предположеніе Вейса, что большая часть древне аравійскихъ храмовъ были такой же простой архитектуры, какъ и знаменитый храмъ Минеевъ въ Макорабѣ (позд. Мекка), въ первоначальномъ его видѣ, т. е. въ видѣ простого четырехугольнаго каменнаго зданія (Кааба), въ которомъ хранился почитаемый и до сихъ поръ мусульманами „черный камень“. Такова была форма этого храма даже при Мухаммедѣ, и таковы же были, безъ сомнѣнія, и древніе южноаравійскіе храмы. Такъ какъ для поклоненія и жертвоприношеній древними арабами выбирались преимущественно вершины горъ, то и храмы они строили, вѣроятно, на мѣстахъ возвы-

---

[1]) Главнымъ городомъ у Катабанойъ была Тамна. См. у Страбона. кн. XVI. гл. 4, 2.

шенныхъ. Идолы, которыхъ, по преданію, Мухаммедъ разрушилъ болѣе трехъ сотъ въ одной только Меккѣ, были, можетъ быть, въ родѣ тѣхъ камней съ высѣченнымъ на нихъ подобіемъ человѣческаго лица, которымъ молились нѣкоторыя арабскія племена и какіе находятся въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Туркестанскаго края, т. е. такъ называемыя *каменныя бабы*. Къ болѣе замѣчательнымъ остаткамъ древче-аравійской архитектуры принадлежатъ недавно открытыя развалины въ Мезенатѣ, Макаллѣ, Маребѣ и Накабѣ, которыя были построены искусными каменщиками; но архитектура ихъ не изящна и свою массивностію напоминаетъ архитектуру египетскихъ гробницъ древнѣйшаго періода; въ ней не замѣтно еще и слѣда тѣхъ арокъ, сводовъ и колоннъ, которыми такъ богата позднѣйшая арабская архитектура. Между развалинами Хаджара уцѣлѣло нѣсколько зданій, имѣющихъ форму тупой четырехугольной пирамиды, безъ всякихъ отверстій, похожихъ на двери или окна. На нѣкоторыхъ зданіяхъ высѣчены химьяритскія надписи, перечисляющія закупки, сдѣланныя для постройки храма и т. п. Во многихъ мѣстахъ, преимущественно въ Еменѣ, сохранились остатки гигантскихъ водопроводовъ и бассейновъ, которымъ древнія преданія приписываютъ минувшее процвѣтаніе страны. На основаніи отсутствія какихъ бы то ни было архитектурныхъ орнаментовъ на всѣхъ этихъ зданіяхъ, Вейсъ предполагаетъ, что строители ихъ, какъ народъ торговый, заботились болѣе о практическихъ удобствахъ своихъ построекъ, чѣмъ объ ихъ изяществѣ, и что въ украшеніяхъ домовъ ограничивались убранствомъ внутренностей зданій коврами, стѣнною раскраской и т. п. Кромѣ того, Вейсу кажется весьма правдоподобнымъ, что торговыя сношенія южныхъ аравитянъ съ Египтомъ и Абиссиніею не остались безъ вліянія на стиль ихъ зданій: это подтверждается съ одной стороны упомянутыми выше развалинами, напоминающими египетскія постройки, а съ другой—свидѣтельствомъ Страбона, который, въ своемъ описаніи народа Катабановъ (XVI, 4 3) говоритъ о ихъ деревянныхъ домахъ, великолѣпныхъ (?) храмахъ и дворцахъ, построенныхъ въ египетскомъ стилѣ. О сходствѣ и даже нѣкоторой родственности архитектурнаго вкуса осѣдлыхъ аравитянъ юго-западнаго побережья съ египетскимъ говорятъ на-

конецъ, ихъ колоссальные водоемы и глубокіе, высѣченные въ скалахъ гроты[1]. Но всѣ эти дворцы Сабы обезлюдѣли, а искусственные водопроводы уничтожились, и не оказалось послѣ того у жителей и правителей умѣнья и средствъ поддерживать то, чѣмъ прежде пользовались и гордились.

---

1) Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Исторія одежды, вооруженія, построекъ и утвари народовъ древняго міра. Т. I, ч. 1, стр. 122—123. Москва, 1873 г.

IV.

Домашній и общественный бытъ древнихъ арабовъ.

Въ зависимости отъ географическихъ особенностей Аравійскаго полуострова, образъ жизни древнихъ арабовъ былъ въ однихъ мѣстахъ осѣдлый, въ другихъ кочевой. Осѣдлые арабы жили въ городахъ и селеніяхъ и занимались земледѣліемъ и только отчасти скотоводствомъ, а также—садоводствомъ, ремеслами и торговлей; кочевые арабы, наоборотъ, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занимались немного земледѣліемъ, а главнымъ и постояннымъ занятіемъ ихъ было скотоводство, унаслѣдованное отъ первыхъ родоначальниковъ арабскаго народа—Авраама и Измаила.

Тоже дѣленіе арабовъ по образу жизни на осѣдлыхъ и кочевыхъ удержалось, въ зависимости отъ природы страны, до настоящаго времени,—причемъ наиболѣе характерныя черты физическаго строенія и душевнаго склада признаются за бедуинами. Европейскіе путешественники по Аравіи описываютъ бедуина такими чертами:

Бедуины вообще средняго роста и правильнаго тѣлосложенія, худощавы, стройны и легки на ходу. Женщины-бедуинки, не отличаясь особенною красотою лица, также хорошо сложены, отличаются здоровьемъ, гордой осанкой и легкой походкой. Тучные субъекты рѣдко встрѣчаются среди арабовъ; гораздо чаще наблюдаются худые и жилистые организмы съ крѣпкими жилистыми мышцами. Верхнія и нижнія конечности у арабовъ средней величины, сравнительно съ европейцами и индѣйцами. Кисть руки очень эластична, съ тонкими костями. Цвѣтъ кожи, смотря по мѣстноси, колеблется между бѣлымъ и шоколадно-коричневымъ. Тамъ, гдѣ «солнце пристально глядитъ на арабовъ», тамъ цвѣтъ кожи у нихъ темнѣе и приближается къ черному. По формѣ черепа, арабы относятся къ узкоголовымъ расамъ, хотя не могутъ быть вполнѣ причислены къ мезокефаламъ. Форма лица у большей части арабовъ овальная; лобъ широкій и выпуклый, носъ прямой, средней величины, ротъ красиво очерченъ и скрываетъ прекрасные бѣлые зубы. Уши имѣютъ красивую форму и немного загнуты впередъ. Черныя густыя

брови оттѣняютъ черные, глубоколежащіе живые глаза, отличающіеся необыкновеннымъ блескомъ. Волосы преимущественно чернаго цвѣта; растительность на бородѣ не отличается густотой; современные бедуины не носятъ бороды, и бакенбарды встрѣчаются у нихъ очень рѣдко.

При такой тѣлесной организаціи, бедуинъ ловокъ, легокъ и проворенъ на ходу. По темпераменту бедуинъ живой, горячій и порывистый въ своихъ чувствахъ: онъ легко возбуждается, какъ бы вспыхиваетъ, но также скоро и легко успокаивается и приходитъ въ себя. Въ сношеніяхъ съ другими бедуинъ откровененъ, привѣтливъ, гостепріименъ, но въ тоже время хитръ, подозрителемъ и мстителемъ, тщеславенъ и суевѣренъ. Особенно отличается бедуинъ страстностью и ревнивостью. При видимой важности и гордeливости, онъ охотно участвуетъ въ веселыхъ собраніяхъ и пирушкахъ. Во всѣхъ своихъ привычкахъ бедуины и бедуинки умѣренны и выносливы въ отношеніи голода и жажды. Туркестанскіе хаджіи съ удивленіемъ разсказываютъ, что не только взрослые, но и дѣти бедуиновъ довольствуются небольшимъ кускомъ обыкновенной лепешки, или щепоткою сваренаго риса: подаваемую имъ милостыню они никогда не съѣдаютъ вразъ, а оставляютъ часть въ запасъ для удовлетворенія аппетита въ другой разъ. Внѣшній видъ большинства бедуиновъ вызываетъ жалость у хаджіевъ, которые охотно дѣлятся съ ними излишкомъ съѣстныхъ запасовъ. Неудивительно поэтому слышать и читать о назойливости придорожныхъ бедуиновъ-попрашаекъ и грабежахъ ихъ, сопровождающихся нерѣдко убійствами.

Съ другой стороны необходимо имѣть въ виду, что «арабскій геній не только не начался съ Мохаммеда, но нашелъ въ немъ свое послѣднее выраженіе. „Не знаю, есть-ли—замѣчаетъ Ренанъ—въ исторіи цивилизаціи другая картина, болѣе граціозная, болѣе пріятная, болѣе оживленная, чѣмъ жизнь арабовъ до исламизма, какою она является передъ нами въ Моаллакатѣ и въ прелестномъ типѣ Антара: безграничная свобода личности, полное отсутствіе закона и власти, экзальтированное чувство чести, жизнь кочующая и рыцарская, фантазія, веселость, лукавство, легкая и не мистическая поэзія, утонченная любовь. И этотъ изящный цвѣтокъ арабской жизни кончается именно

съ началомъ исламизма. Послѣднія поэмы великой школы исчезаютъ, сильно протестуя противъ нарождающейся религіи. Двадцать лѣтъ послѣ Мохаммеда, Аравія унижена, превзойдена покоренными провинціями; сто лѣтъ спустя, арабскій геній совершенно уничтоженъ; Персія торжествуетъ съ воцареніемъ Аббассидовъ, Аравія навсегда исчезаетъ съ мировой сцены и между тѣмъ, какъ ея религія и языкъ несутъ цивилизацію отъ Малайскихъ острововъ до Морокко, отъ Тумбукту до Самарканда,—она, забытая, отброшенная въ свои степи, возвращается опять къ временамъ Измаила[1])". Поэтому въ настоящей и слѣдующей главахъ рѣчь будетъ главнымъ образомъ о бедуинахъ, какъ исконныхъ жителяхъ Аравіи, въ бытѣ и нравахъ которыхъ лучше всего сохранились отличительныя черты арабскаго племени.

Подробное описаніе быта осѣдлыхъ арабовъ затруднительно по недостатку соотвѣтствующихъ свѣдѣній. Одно можно замѣтить, что домашняя и общественная жизнь арабовъ была однообразна и примитивна; болѣе разнообразна и оживленна была жизнь въ городахъ Южной Аравіи, чему способствовали естественныя богатства Емена, Хазрамаута и сосѣднихъ мѣстностей. Близость Еѳіопіи также оказывала нѣкоторое вліяніе на домашній и общественный бытъ южно аравійскихъ государствъ. Но, сравнительно, процвѣтаніе этихъ царствъ было невысоко, хотя они существовали въ продолженіе 2000 лѣтъ. Политическая независимость этихъ государствъ пала навсегда въ концѣ шестого вѣка по Р. Хр., и послѣ ихъ паденія въ Южной Аравіи мало осталось слѣдовъ ихъ продолжительнаго существованія Такъ называемыя „Химьяритскія надписи[2])" говорятъ о существованіи отдѣльныхъ государствъ на югѣ Аравіи, объ ихъ князьяхъ и богатствѣ, а развалины древнихъ дворцовъ и храмовъ подтверждаютъ существованіе такихъ государствъ;

---

[1]) Ст. „Мохаммедъ и происхожденіе исламизма" [Европ. писатели-мыслители. III. Ренанъ. Изд. В. Чуйко. СПБ. 1882].

[2]) Судя по образцу, приложенному къ соч. Э. Реклю „Человѣкъ и Земля" [т. 2, стр. 123], ихъ можно приравнивать къ грубымъ письменамъ, встрѣчающимся у сибирскихъ инородцевъ и къ такъ называемымъ „тамгамъ" нашихъ киргизъ и башкиръ. [См. Проток. Туркест. Кружка любителей археологіи, годъ третій и Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи, вып. XIII].

но эти маленькія государства не достигли замѣтной степени внутренняго развитія. Богатство и великолѣпіе исчезнувшей жизни южныхъ арабовъ могли казаться таковыми только кочевникамъ бедуинамъ˙ архитектура древнихъ южно-арабскихъ храмовъ была крайне незатѣйлива и проста, не отличалась украшеніями, какими были богаты греческіе храмы: въ нихъ не было ни арокъ, ни сводовъ, ни колоннъ, ни другихъ подобныхъ аксессуаровъ болѣе развитого архитектурнаго искусства, почему г. Машановъ допускаетъ предположеніе объ отсутствіи оконъ въ этихъ храмахъ. Большая часть этихъ храмовъ была сдѣлана изъ необожженныхъ кирпичей, а потому они отличались непрочностью и скоро превращались въ развалины[1]). Неизвѣстно, на какомъ основаніи Реклю считаетъ архитектуру домовъ гор. Джидды химьяритскою (т. 2, стр. 121), тогда какъ эта архитектура позднѣйшаго времени и представляетъ копію стамбульской.

Объ архитектурѣ храмовъ у сѣверныхъ арабовъ въ исторіи не сохранилось вообще свѣдѣній, но можно съ увѣренностью предполагать, что эти храмы въ архитектурномъ отношеніи были еще менѣе замѣчательны, чѣмъ храмы южно-арабскіе, такъ какъ самый главный храмъ Аравіи—Кааба представлялъ грубую постройку, не отличавшуюся прочностью: во время Джорхамитовъ зданіе было разрушено дождями и горными потоками Возобновленная Кааба представляла собою простой четыреугольникъ безъ крыши; стѣны ея были сложены изъ камней, безъ цемента, и имѣли въ вышину 13 $^1/_2$ футовъ, въ длину 45 фут. и въ ширину 33 ф. Зданіе имѣло одну дверь Послѣ (около 445–450 гг. по Р. Хр.) корейшитъ Косай придалъ Каабѣ нѣсколько лучшій видъ, но и то весьма незавидный: стѣны ея были сложены изъ нетесаныхъ камней и были высотою въ ростъ человѣка; окружность ея была менѣе 200 футовъ; крыши не было; въ Каабу вела одна дверь; идолъ Хобала а, можетъ быть, и нѣкоторые другіе находились внутри Каабы; самымъ священнымъ предметомъ храма былъ „черный

[1]) Машановъ, Очеркъ арабовъ въ эпоху Мухаммеда, какъ введеніе къ изученію ислама. Часть первая. Казань, 1885 года, стр. 606 Ср. ст. М. Миропіева о политическомъ и государственномъ значеніи хаджа (Казань, 1877).

камень», предметъ почитанiи всѣхъ арабовъ, приходившихъ въ Мекку на богомолье въ установленное время[1]).

Не достигло культуры и царство Набатеевъ, существовавшее болѣе 1400 лѣтъ, именно до временъ Траяна. Набатеи были народомъ промышленнымъ, торговымъ и не чуждымъ гражданственности. У нихъ были свои цари. чеканившiе собственныя серебряныя деньги, надписями которыхъ подтверждаются показанiя объ этихъ народахъ Библiи, Iосифа Флавiя, Страбона, Дiона Кассiя, Орозiя, Плутарха и Дiодора. Но разсказъ о Набатеяхъ Страбона даетъ невысокое понятiе о набатейской образованности. О другихъ государствахъ, или, точнѣе, объ отдѣльныхъ владѣнiяхъ осѣдлыхъ арабовъ, въ родѣ Хиры и Хиджаза, исторiя не даетъ и такихъ подробностей. Жизнь ихъ не отличалась культурой, и образованные сосѣди ихъ (персы, византiйцы и др.) не сохранили объ этихъ государствахъ особыхъ воспоминанiй. Господствовавшiй среди осѣдлыхъ арабовъ патрiархальный бытъ былъ похожъ на бытъ бедуиновъ, отъ которыхъ они отличались только тѣмъ, что жили на одномъ мѣстѣ, а не кочевали. Даже Мекка и Медина были бѣдными поселенiями: Медина еще походила на городъ, благодаря поселившимся въ ней съ давнихъ поръ евреямъ, а Мекка долгое время не была достаточно заселена.

Чтобы лучше характеризовать описываемое положенiе осѣдлыхъ и кочевыхъ арабовъ, напомнимъ читателю, что и въ настоящее время мы видимъ небольшое культурное различiе въ жизни среднеазiатскаго кочевника-киргиза и осѣдлаго жителя-сарта, особенно тамъ, куда русское цивилизующее влiянiе не успѣло еще проникнуть.

Осѣдлые арабы жили въ домахъ, выстроенныхъ изъ известняка, или изъ дерева; во времена Страбона въ Южной Аравiи было много домовъ, сложенныхъ изъ толстыхъ брусьевъ. Въ Оманѣ для построекъ употреблялись высушенные на солнцѣ кирпичи, или же простой булыжникъ, смазанный глиною. Стѣны домовъ штукатурились смѣсью глины съ соломой. Болѣе

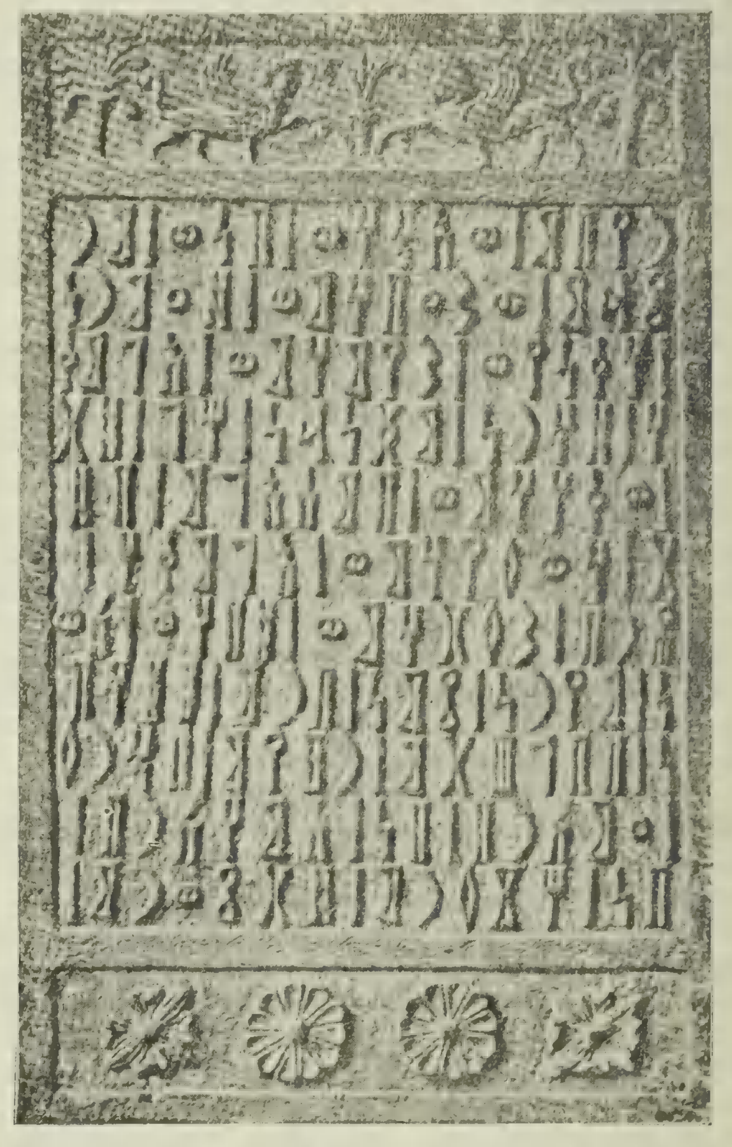
---

[1]) См. Sprenger, Das Leben und die Lehre des Mohammad. Bd. II, p. 342; цитированное сочиненiе г. Машанова, стр, 567 569.

бѣдные жители строили для себя хижины изъ тонкихъ жердей, обмазывали ихъ глиной съ навозомъ, а затѣмъ поверхность стѣнъ, особенно внутреннихъ, штукатурили. Крыша приготовлялась изъ пучковъ камыша или длинной травы, а вмѣсто дверей служила циновка. Такимъ образомъ постройки древнихъ арабовъ напоминаютъ намъ современныя несложныя постройки осѣдлаго туземнаго населенія Туркестанскаво края (сартовъ).

Въ южно-аравійскихъ государствахъ, гдѣ арабы жили ссѣдло, существовали нѣкоторыя производства изъ глины, дерева и металла; но тѣ принадлежности ихъ домашняго быта, которыя отличались нѣкоторымъ изяществомъ и роскошью, были обыкновенно иноземнаго происхожденія. Древніе писатели вообще свидѣтельствуютъ, что арабы, не только кочевые, но и осѣдлые, не стремились къ развитію у себя ремеслъ и промысловъ, а предпочитали доставать все необходимое въ готовомъ видѣ, вымѣнивая это на предметы туземнаго происхожденія. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить посѣщеніе Соломона Савской царицей: она прибыла въ Іерусалимъ съ верблюдами, навьюченными благовоніями и великимъ множествомъ золота и драгоцѣнныхъ камней, и когда увидѣла дворецъ Соломона, то сказала царю: „я не вѣрила словамъ, пока не пришла сама и не увидѣли глаза мои; мнѣ и половины не сказано,—мудрости и благъ у тебя больше, нежели какъ я слышала (3 Цар. 10, 1—10. 2 Пар. 9, 1—9). Очевидно, царица Савская разсчитывала произвести на Соломона впечатлѣніе своимъ богатствомъ, но была поражена царскою обстановкой еврейскаго царя, какой южно-аравійская царица, довольствуясь естсственными дарами своей страны, никогда не видѣла и не воображала. Что касается сабейской надписи на бронзовой плитѣ, то по ней трудно судить о степени культуры Сабеевъ. Плита и надписи могли быть приготовлены въ другой странѣ съ болѣе развитой техникой. (См. рисунокъ). Упоминаемый въ надписи Альмакъ Хирранскій, по нашей догадкѣ, долженъ быть царь (Альмаликъ) Герраевъ, упоминаемыхъ у Страбона. (См, выше. стр.). Если вѣрно, что Герраи были выходцы изъ Халдеи, тогда относительно Сабейской надписи излишне говорить: она была привозная...

Сабейская надпись на бронзовой плитѣ изъ Амрана въ Южной Аравіи.



Переводъ надписи: „Рійабъ и его братья, сыновья Мартада, и племя Амрана посвятили своему покровителю Альмаку Хирранскому эту

Государственной жизни въ строгомъ смыслѣ слова у осѣдлыхъ арабовъ не было. Правители ихъ не умѣли сплотить подвластное населеніе точными законами и вести его къ единой для всѣхъ цѣли. У древнихъ евреевъ были точно выраженные въ религіозномъ кодексѣ законы; они имѣли своеобразную гражданственность и преслѣдовали въ жизни своей опредѣленную цѣль; у древнихъ арабовъ не было ни религіознаго кодекса, ни такихъ руководителей въ жизни, какими были у евреевъ пророки. Поэтому въ каждомъ маленькомъ арабскомъ государствѣ была своя жизнь, были свои житейткіе интересы. Въ Южной Аравіи насчитывалось въ древности нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, жители которыхъ мало имѣли общихъ интересовъ: они жили, кто какъ могъ и умѣлъ, занимались земледѣліемъ и торговлей, наполняя свободное время самыми неизысканными развлеченіями; угощеніе было на первомъ планѣ. Умственныхъ интересовъ не было и не откуда было имъ взяться.

Религія, которая обыкновенно служитъ главнымъ центромъ духовной жизни патріархальнаго народа, у древнихъ арабовъ была неразвита и не могла возвышать умъ и сердце ихъ за предѣлы внѣшняго міра. Вліяніе другихъ религій (еврейской и христіанской) было слабо, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Оставалось одно: вліяніе взаимнаго общенія жителей разныхъ мѣстностей, сходившихся въ опредѣленныя времена въ извѣстныхъ пунктахъ для общественнаго богомолья. Но и это вліяніе было не сильно: въ указанныхъ мѣстахъ арабы разныхъ племенъ сходились не надолго: при томъ же у разныхъ племенъ были свои священныя мѣста. (См. ниже)

Болѣе значенія въ древне-арабской жизни имѣли ярмарки. Въ странѣ, не имѣвшей постоянныхъ торговыхъ центровъ, было неизбѣжно избирать опредѣленные пункты, куда бы къ назначенному времени съѣзжались жители разныхъ мѣстъ:

надпись, потому что онъ услышалъ ихъ просьбы и оказалъ милость урожаемъ, который онъ послалъ имъ послѣ того, какъ зерно стояло въ цѣнѣ пшеницы во время посѣва.

. . . . Въ годъ Амму-Кариба, сына Сумху-Кариба, сына Газфира татварскаго“.

(См. Исторія человѣчества, сост. подъ редакціей д-ра Гельмольта. Томъ третій (СПБ. 1903), стр. 209—210).

одни для продажи своихъ продуктовъ, другіе для покупки. Самымъ бойкимъ торговымъ пунктомъ на сѣверѣ Аравіи былъ *Оказъ*[1])—мѣстечко между Таифомъ и Нахлой, въ одномъ переходѣ отъ Таифа, по направленію къ Емену. Оказъ славился своими пальмами и принадлежалъ арабскому племени Тсякифъ, Сюда, на ярмарку, сходились арабы всѣхъ племенъ и всѣхъ мѣстъ Аравіи. И вмѣстѣ съ продавцами и покупателями являлись и поэты арабскіе, для которыхъ ярмарка представляла самое удобное мѣсто—показать свой поэтическій талантъ и прославить въ своихъ стихотвореніяхъ подвиги соотечественниковъ и вообще лучшія черты характера своего племени[2]). Стихотворенія, признанныя лучшими, вывѣшивались потомъ въ Каабѣ, а по другому преданію—писались золотыми буквами, отчего и получили названія: *муаллака* (подвѣшанныя) и *мудзагаба* (позолоченныя)[3]) Самъ основатель ислама, еще до выступленія своего въ роли проповѣдника новой религіи, посѣщалъ вмѣстѣ съ соотечественниками своими эту ярмарку и, вѣроятно, вынесъ оттуда немало разныхъ впечатлѣній. Но ярмарочныя сборища древнихъ арабовъ не могли, конечно, оказывать продолжительнаго вліянія на жизнь сыновъ пустыни: кончалась ярмарка, а съ ней оканчивались дни единенія разрозненныхъ арабскихъ племенъ, и снова наступали дни ихъ разобщенія. Очевидно арабы, при такихъ условіяхъ, не могли

---

[1]) عكاظ Въ منتخب اللغات говорится, что ярмарка въ Оказѣ начиналась съ перваго числа мѣсяца Зуль-Кагда и продолжалась до двадцатаго числа, а по другому свидѣтельству—до 15 числа того же мѣсяца. Изъ Оказа арабы переходили на другую ярмарку, въ мѣстечко *Наджна*, гдѣ оставались до конца мѣсяца. Отсюда арабы переходили въ третье мѣсто и тамъ оставались до восьмого числа мѣсяца Зуль-Хиджа (مصباح الميزان).

[2]) Объ этомъ упоминается въ مختار الصحاح и въ منتخب اللغات.

[3]) معلقة мн. معلقات и مذهبة мн. مذهبات. Арабскій текстъ семи муаллака или поэмъ, принадлежавшихъ поэтамъ: Амрулькайсу, Тарафѣ, Зогайру, Лебиду, Антарѣ, Амру и Харису былъ изданъ А. Болдыревымъ въ Москвѣ въ 1822 году; въ томъ же году былъ изданъ латинскій и французскій переводъ. Переводъ на русскій яз. муаллаки Амрулькайса былъ изданъ проф. Лазаревскаго Института Г. А. Муркосомъ (Москва, 1882 г.).

сплотиться въ одно государственное цѣлое. Другими мѣстами для торга были: Мина, Хонейнъ, Наджна.

Торговли въ современномъ смыслѣ слова у древнихъ арабовъ не было; купля-продажа замѣнялась у нихъ мѣною одного рода собственности на другой, смотря по наличности обмѣниваемыхъ предметовъ и по потребности въ этихъ предметахъ. Достойно вниманія, что древніе еврейскіе пророки знали о торговлѣ арабовъ и упоминали о ней въ своихъ св. книгахъ. Такъ пр. Іезекіиль[1], изрекая пророчество на древній Тиръ, въ точныхъ выраженіяхъ высказалъ, что арабы сѣверные торговали съ этимъ городомъ ягнятами, баранами и козлами (гл. 27, ст. 21), а южные арабы жители Сабы и Раемы—благовоніями, драгоцѣнными камнями и золотомъ (ст. 22). Въ самомъ языкѣ арабовъ сохранилась память о мѣновомъ характерѣ этой торговлѣ, такъ какъ для обозначенія понятія торга служило слово بيع *байй*—мѣна одной собственности на другую. Съ этимъ значеніемъ это выраженіе перешло и въ позднѣйшій шаріатъ.

При такомъ характерѣ древне-арабской торговли, естественно были разные недостатки въ ихъ торговыхъ сдѣлкахъ обмѣнъ, обмѣриваніе, обвѣшиваніе, задержка уплаты и т. п., о чемъ неоднократно упоминается въ Коранѣ, какъ о проступкахъ, наказуемыхъ праведнымъ Богомъ.

Съ вѣроятностью можно предположить, что уже въ древній періодъ арабской торговли существовели разные договоры подъ видомъ „товарищества" (*ширкятъ*), заклада, ссуды, долговыхъ обязательствъ, храненія чужого имущества и пр. Всѣ эти виды общественныхъ отношеній были потомъ узаконены оснотелемъ ислама, а затѣмъ перешли въ шаріатъ.

О порядкахъ общественнаго управленія среди древнихъ арабовъ сохранилось мало свѣдѣній, но въ періодъ, ближайшій ко времени Мохаммеда уже извѣстны особые народные представители, пользовавшіеся среди арабовъ авторитетомъ и властью. Таковы были жрецы и оракулы (*кяхинъ* и *аррафъ*)[2], которые совершали жертвоприношенія и давали предсказанія о будущемъ, пользуясь при этомъ разными предзнаменованіями и гаданіями. При Каабѣ и другихъ капищахъ были особые

[1]) Жилъ за 590 лѣтъ до .Р Хр [2]) كاهن ж. ة; عراف ж. ة.

стражи (*сядинъ*) и привратники (*хаджибъ*)[1]). Обыкновенно сядины выбирались изъ того же племени, которому принадлежало капище, пользовались почетомъ у своихъ единоплеменниковъ и имѣли вліяніе на общественныя дѣла. Своимъ вліяніемъ они поддерживали религіозные обычаи въ народѣ, и даже такіе жестокіе обычаи, какъ, напримѣръ, принесеніе въ жертву дѣтей и зарываніе ихъ живыми въ землю. При Каабѣ имѣлъ особенное важное значеніе хранитель ключей этого храма, такъ какъ безъ него нельзя было вступить въ Каабу. Потому корейшиты имѣли значеніе въ Меккѣ. При взятіи Мекки Мохаммедомъ, хранителемъ ключей Каабы былъ корейшитъ Османъ, сынъ Тальхи.—Для урегулированія годового счисленія въ Меккѣ была особая должность—*наси*[2]). Занимавшій эту должность назначалъ время священнаго мѣсяца, или вставлялъ тринадцатый мѣсяцъ. Должность эта была отмѣнена Мохаммедомъ. Послѣднимъ замѣстителемъ ея былъ Джанадъ изъ племени Кинана. Для снабженія водою стекавшихся въ Мекку богомольцевъ существовала должность *сикая*)[3], а для снабженія ихъ пищею во время хаджа была должноость *рифада*[4]). Во время Мохаммеда обѣ эти должности были соединены въ рукахъ дяди его Аббаса. Для распоряженій религіозными церемоніями во время хаджа были двѣ должности: *ифаза*[5]), и *иджаза*[6]). Лицо, занимавшее первую должность объявляло время отправленія богомольцевъ въ долину Мина, а занимавшій вторую должность объявлялъ время окончанія хаджа. Послѣднимъ лицомъ, занимавшимъ эту должность, предъ исламомъ, былъ Карибъ сынъ Сафвана. Для совершенія обрѣзанія надъ дѣтьми у арабовъ были также особыя лица—мужчины для мальчиковъ и женщины для дѣвочекъ, но особаго значенія и вліянія на общественныя дѣла эти лица не имѣли.

Главные моменты въ жизни древняго араба представляются въ слѣдующемъ видѣ.

---

1) سادن и حاجب. 2) نسيء.

3) السقاية. Во время хаджа корейшиты приготовляли особый напитокъ (изюмный квасъ), которымъ угощали богомольцевъ.

4) الرفادة. 5) افاضة т. е. выступленіе изъ Арафата. 6) اجازة.

Новорожденному ребенку давалось имя, которое иногда имѣло религіозный характеръ—указывало на отношеніе человѣка къ верховному божеству, Аллаху, или къ божествамъ второстепеннымъ, напримѣръ: Абдалла—рабъ Аллаха (отецъ Мохаммеда); Абдуманатъ, рабъ Манаты; Абдулъ-Узза, рабъ Уззы—дядя Мохаммеда, прозв. Абуляхабомъ; или на отношеніе рожденнаго къ своему отцу: „сынъ такого-то", или къ матери: „сынъ такой-то". Чаще же всего, какъ и у древнихъ евреевъ[1]) давались имена по случайному признаку или случайному обстоятельству, сопровождавшему рожденіе ребенка[2]), вслѣдствіе чего получались у арабовъ иногда унизительныя имена[3]). Въ виду этого основатель ислама объявилъ въ Коранѣ, чтобы его послѣдователи не давали другъ другу унизительныхъ именъ[4]). Древніе арабы радовались рожденію сыновей а при рожденіи дочерей печалились, и иногда даже зарывали ихъ въ песокъ, противъ чего также возставалъ Мохаммедъ[5]).

Арабы, по примѣру древнихъ евреевъ[6]), совершали обрѣзаніе надъ своими сыновьями и устраивали по этому случаю пиршество, на которое приглашали не только родныхъ, но и знакомыхъ. Обычай обрѣзанія былъ удержанъ и основателемъ ислама, а въ Средней Азіи до сихъ поръ это семейное торжество сопровождается большими пиршествами (*туй*), для многихъ раззорительными[7]). Обрѣзаніе у древнихъ арабовъ совершалось и надъ женщинами; Мохаммедъ, призналъ этотъ обычай похвальнымъ[8]).

---

[1]) Напримѣръ: Моисей, Исаакъ, Ибнъ-Яминъ и мн. др.

[2]) Напр. Арта (дерево, растущее въ пескахъ), Усайдъ (львенокъ), Усама [левъ), Укяйма (холмикъ). Умайя (рабыня), Уясъ [отчаяніе], Барикъ (молніеносный], Баширъ (благовѣстникъ), Джаррахъ (хирургъ) и под. Хабибъ—любимецъ, Хабшй—похожій на Абиссинца, Хубабъ—змѣя.

[3]) У современныхъ киргизъ до сихъ поръ въ обычаѣ давать своимъ дѣтямъ имена по случайному признаку, напримѣръ; *„собачья нога"* и т. под. См. собственныя имена арабовъ въ араб. словаряхъ.

[4]) Коранъ, гл. 46, ст. 1.

[5]) Коранъ, гл. 43, ст. 16 гл. 16 ст. 60—91; гл 8, ст. 8—9,

[6]) Кн. Быт. гл. 17, ст. 10—14. Измаилъ. сынъ Авраама, былъ обрѣзанъ въ 13-лѣтнемъ возрастѣ (ст. 25). Ср. кн. Левитъ, гл 12, ст. 3.

[7]) Въ Ташкентѣ богатые люди расходуютъ при этомъ тысячи р. Автору извѣстенъ случай, какъ одинъ почтенный туземецъ откладывалъ много лѣтъ совершеніе обрѣзанія надъ своими сыновьями.

[8]) Pocock, Specimen historiae arabum, p 309.

Женщины и дѣвицы у арабовъ исправляли всѣ домашнія хозяйственныя обязанности: готовили пищу, поддерживали чистоту въ жилищѣ, присматривали за скотомъ и доили его, стригли овецъ и козъ, пряли шерсть ихъ, готовили изъ пряжи матеріи и шили изъ нихъ одежду. Иногда онѣ сопровождали мужей въ походахъ противъ непріятеля. Такъ, во время сраженія мекканцевъ съ Мохаммедомъ при Оходѣ (24 января 625 г. по Р. Хр.) при войскѣ мекканцевъ было много женщинъ съ музыкальными инструментами, а жена Абу-Софьяна (предводителя меккскаго отряда) Ханда нашла трупъ Хамзы, дяди Мохаммеда, распорола ему животъ, вынула печень и съѣла ее сырою: Другія женщины отрѣзали у убитыхъ враговъ носы и уши и сдѣлали изъ нихъ ожерелья себѣ. На долю мужчинъ оставались болѣе тяжелыя работы, особенно производившіяся внѣ дома, а также торговля и участіе въ вооруженныхъ набѣгахъ на враговъ.

Нельзя предполагать, чтобы древніе арабы особенно заботились о чистотѣ своего тѣла: гигіеническія требованія относительно этого важнаго для здоровья условія не были имъ извѣстны. Но омовенія отдѣльныхъ частей тѣла, особенно ногъ, они совершали часто, потому что это было необходимо при жаркомъ климатѣ Аравіи и при той невообразимой для европейца пыли, какая постоянно отдѣляется тамъ отъ почвы и разносится вѣтрами. По другимъ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, арабы омывали голову, полоскали ротъ, промывали носъ, чистили зубы, подстригали усы и ногти, выдергивали волосы подъ мышками и т. д. Несомнѣнно, что эти обычаи древнихъ арабовъ были общи съ древними еврейскими узаконеніями[1]), и основатель ислама утвердилъ всѣ эти обычаи, при чемъ придавалъ нѣкоторымъ изъ нихъ чисто формальное значеніе. Такъ, напримѣръ, онъ предписалъ, при недостаткѣ воды, отирать себя пылью[2]).

Какими обычаями сопровождалось сватовство у арабовъ и бракосочетаніе, сказать не можемъ; но, несомнѣнно, что этотъ радостнѣйшій въ жизни человѣка случай и у древнихъ арабовъ сопровождался торжествомъ и пиршествами. Что касается

---

[1]) Кн. Левитъ, гл. 15. [2]) Коранъ, гл. 5, ст. 9; гл. 4, ст. 46.

возраста дѣвицъ, вступавшихъ въ бракъ, то объ этомъ есть несомнѣнныя свѣдѣнія: дѣвицы были выдаваемы замужъ въ очень ранніе годы, даже девяти лѣтъ, какъ видно изъ примѣра самого Мохаммеда, женившагося на Айшѣ. Число женъ у древнихъ арабовъ не было опредѣлено, но многоженство встрѣчалось не такъ часто, такъ какъ являлось прихотью зажиточныхъ арабовъ. Браки заключались и въ близкомъ родствѣ[1]). Брачные обычаи и случаи развода среди арабовъ были чрезвычайно своеобразны, о чемъ не мѣсто говорить здѣсь[2]).

Погребеніе у древнихъ арабовъ совершалось такъ: они омывали умершихъ холодной водой, смѣшанной съ благовоніями; затѣмъ обертывали саваномъ и созывали на погребеніе своихъ знакомыхъ. Въ знакъ печали женщины громко плакали, раздирали на себѣ одежды, царапали лица и грудь, открывали лицо свое, надѣвали траурную одежду, а мужчины посыпали свои головы прахомъ, какъ дѣлали евреи. По прибытіи знакомыхъ и близкихъ, надъ покойникомъ начинали причитать плакальщицы, восхваляя его качества; затѣмъ клали покойника на особыя погребальныя носилки и относили на кладбище, гдѣ и зарывали въ могилѣ. Могилы обыкновенно дѣлали съ боковымъ углубленіемъ, въ которомъ укладывалось тѣло покойнаго на боку, съ подложенною подъ голову рукою. Это боковое углубленіе въ могилѣ закладывалось большими камнями, а затѣмъ вся могила заполнялась землей и наверху ея насыпали холмикъ изъ земли, въ видѣ небольшого кургана. Намогильный холмъ арабы старались оживить зеленью. Иногда дѣлалось возвышеніе изъ камней. Подобно всѣмъ извѣстнымъ языческимъ народамъ, древніе арабы клали въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ его мечъ и нѣкоторыя другія принадлежности его одѣянія. На могилѣ, послѣ погребенія, устраивалась тризна, при чемъ глиняная посуда, въ которой была пища, здѣсь же и разбивалась. Было въ обычаѣ также оставлять на могилѣ верблюдицу, на которой покойный ѣздилъ при жизни; голову ея пригибали къ тулови-

---

[1]] Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ вып. X.

[2]] Желающимъ можно рекомендовать извѣстное руководство по мусульманескому законовѣдѣнію „Хидая“ томъ I, въ рус. переводѣ, изд. Н. И. Гродековымъ.

щу (назадъ), покрывали попоной и оставляли умирать голодною смертью.

Вдовы соблюдали глубокій трауръ послѣ погребенія мужею въ теченіе года, не употребляя благовоній и одеждъ краснаго цвѣта, а по истеченіи этого срока совершали особые обряды и освобождались отъ всѣхъ стѣсненій траура.

Но самой характерной особенностью въ жизни древнихъ арабовъ было требованіе немедленной мести за смерть родственника, если онъ былъ убитъ. Всякіе обряды откладывались до тѣхъ поръ, пока не совершена была месть[1]).

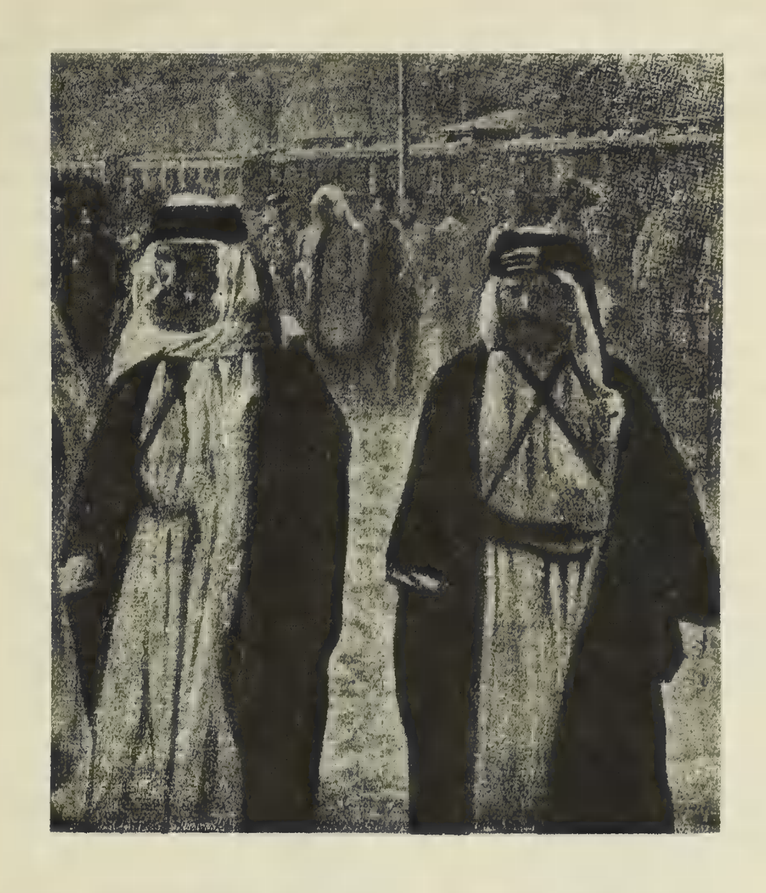
Жизнь кочевыхъ арабовъ (бедуиновъ) отличалась еще большею простотой, чѣмъ жизнь осѣдлыхъ арабовъ. Патріархальный бытъ не далъ развиться у бедуиновъ роскоши; поэтому у нихъ не было ни ремеслъ, ни художествъ[2]). Мало того; они почти вовсе не занимались земледѣліемъ, а жили отъ стадъ своихъ[3]): изъ шерсти верблюдовъ, овецъ и козъ они приготовляли для себя одежду, сами выдѣлывали грубое сукно и войлокъ. У кочевыхъ арабовъ и до настоящаго времени почти не встрѣчается никакихъ другихъ матеріаловъ для одежды.

Во времена болѣе отдаленныя арабы имѣли такую одежду: отъ поясницы до колѣнъ они закрывали свое тѣло особою повязкою, на плечи набрасывали широкій кусокъ матеріи, а голову покрывали большимъ платкомъ, спускавшимся до плечъ и придерживаемымъ на головѣ особымъ шнуркомъ. Лучшимъ образцомъ древней одежды арабовъ можетъ служить та особая покаянная одежда, которая предписана въ Коранѣ мусульманскимъ паломникамъ (хаджи), въ которую они облекаются при вступлен и въ священную область Мекки. Это такъ называемый *ихрамъ* (Коранъ, гл. 5. ст. 96–97), состоящій изъ двухъ большихъ и не сшитыхъ кусковъ бѣлой матеріи. Однимъ изъ этихъ кусковъ, называемымъ *изаромъ*, паломникъ прикрываетъ наготу своего тѣла отъ средины живота до колѣнъ, а другой кусокъ—*рида* паломникъ набрасываетъ на одно плечо и закрываетъ его.

[1]) Машанова, „Очеркъ религіознаго быта Аравіи", стр. 729—756.

[2]) Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ Германа Вейса. Т. I, ч. 1. Русскій перев. съ нѣмецкаго В. Чаева. Москва, 1873 г., стр. 111—127.

[3]) Страбонъ, Географія, кн. XVI. гл, 3, ı. Русск. перев. стр. 782.



Въ позднѣйшую (историческую) эпоху, какъ объ этомъ можно судить по выраженіямъ Мохаммеда, арабы носили исподнее платье, то есть рубашку. Рубашка приготовлялась изъ грубой бумажной или шерстяной матеріи или же изъ небѣленаго холста, имѣла глухую грудь и широкіе и длинные рукава. Бумажныя рубашки бывали не только бѣлаго, но и синяго и коричневаго цвѣтовъ, а иногда и полосатыя. Сверхъ рубашки надѣвался широкій плащъ, имѣющій вверху отверстіе для головы и по бокамъ отверстія для рукъ. Плащъ большею частію приготовлялся изъ козьей или верблюжьей шерсти и былъ одноцвѣтный, или полосатый. Нѣкоторыя арабскія племена носили черные плащи, протканные золотомъ, а другія—желтова-

тые съ черными и коричневыми полосами. Различный цвѣтъ плащей служилъ наружнымъ отличіемъ различныхъ племенъ. На ногахъ арабы носили грубыя сандаліи изъ кожи, а часто ходили безъ обуви.

Одежда женщинъ у кочевыхъ арабовъ состояла изъ широкой и длинной рубашки, подвязываемой поясомъ, головной повязки и плаща Плащъ дѣлали изъ бѣлой матеріи съ синими клѣтками, или съ красными и желтыми полосками. Иногда, въ болѣе близкихъ къ осѣдлымъ пунктамъ мѣстахъ, женщины закрывали свое лицо кускомъ прозрачной матеріи. Обувью женщинъ служили также сандаліи, а при недостаткѣ средствъ, ноги женщинъ оставались необутыми; зато, какъ мужчины, такъ и женщины носили шаровары.—Состоятельные арабы умащали свое тѣло благовонными мазями и пахучими маслами, а женщины, кромѣ того, сурмили себѣ брови, окрашивали ногти цвѣткомъ хены[1], а иногда татуировали свое тѣло.—По свидѣтельству Буркхардта, у всѣхъ вообще бедуиновъ признакомъ красоты считались густые волосы на головѣ[2]) и особенно густая борода; вслѣдствіе этого считали обиженнымъ природою человѣка съ рѣдкими волосами. О Мохаммедѣ извѣстно, что онъ любилъ расчесывать свою бороду и умащать свои густые волосы на головѣ; женщинъ, благовонія и цвѣты онъ считалъ лучшимъ развлеченіемъ человѣка. Арабки носили въ качествѣ украшеній металлическіе браслеты на рукахъ и ногахъ, серьги и ожерелья, кольца и нарядные пояса изъ кожи или шерстяной матеріи.

Жилищемъ кочевыхъ арабовъ служили шатры, или палатки, покрытыя войлокомъ, приготовленнымъ изъ верблюжьей или козьей шерсти (хыба, хайма) Войлоки были чернаго[3]), или темнокоричневаго цвѣта или же полосатые; они натягивались на жерди, служившія остовомъ для шатровъ и привязывались веревками изъ верблюжьей шерсти къ кольямъ, вби-

---

[1] Lausonia inermis, красный цвѣтокъ, распространенный и среди современнаго осѣдлаго населенія русскаго Туркестана.

[2]) У пророка Іереміи говорится, что арабы остригали волосы на вискахъ (кн. прор. Іереміи, гл. 9, ст. 25; гл. 49, ст. 32); слѣдовательно, обычай брить волосы на головѣ — позднѣйшій обычай.

[3]) Въ кн. Пѣснь пѣсней читаемъ сравненіе: „черна я, но красива, какъ шатры Кидарскіе“ [гл. 1, ст. 4].

тымъ въ землю. Такіе шатры раздѣлялись внутри занавѣсками на три части, изъ которыхъ одна служила помѣщеніемъ для мущинъ, другая — для женщинъ, третья — для прислуги и мелкаго скота. Шатры ставились или кругомъ, если ихъ было немного, или же вытягивались въ одну линію вдоль рѣки или ручья, или же разставлялись рядами по три ■ четыре шатра въ каждомъ ряду. Шатеръ шейха или начальника рода ставился всегда на западномъ концѣ становища, потому что съ этой стороны бедуины всегда ожидали гостей и враговъ. Передъ каждымъ шатромъ въ землю втыкалось копье хозяина шатра (для чего деревянный конецъ копья заостривался); къ копью привязывалась лошадь хозяина; передъ шатромъ паслись верблюды.

Домашнюю утварь бедуина составляли подстилки для спанья, то есть камышевыя циновки, или войлокъ, а также ковры и одѣяла и самая необходимая посуда. Для перевозки и храненія воды и молока у нихъ были мѣхи изъ козьей кожи. Изъ той же кожи приготовлялись и ведра для черпанія воды изъ колодцевъ; для приготовленія пищи употреблялись глиняные

горшки и каменныя корыта. Въ послѣднихъ они замѣшивали тѣсто для лепешекъ, которыя пекли или на горячей золѣ, или въ особаго рода печахъ, стѣны которыхъ представляли большую глиняную корчагу, опрокинутую къ верху узкою стороною, съ отверстіемъ въ боку и вверху[1]). Для приготовленія муки служили ручныя мельницы, состоявшія изъ двухъ жернововъ. Размалываніемъ зерна занимались исключительно женщины.—Приготовляя мясо бедуины разрѣзывали его на небольшіе куски, надѣвали на деревянный прутъ (вертелъ), который устанавливали на двухъ рогулькахъ надъ горячими углями и жарили. Иногда они зажаривали цѣлыя туши въ раскаленныхъ и наглухо закрытыхъ ямахъ. Въ этомъ обычаѣ арабовъ опять замѣчается поразительное сходство съ обычаями среднеазіатскихъ туземцевъ, которые отлично приготовляютъ такимъ же образомъ жаркое въ кускахъ и цѣлаго ягненка. Изжаренное мясо разрѣзывалось на деревянныхъ тарелкахъ. Обѣдали бедуины обычно на полу, на разостланной циновкѣ или кожѣ, на которыхъ они и спали, завернувшись въ свой плащъ; плоская кожаная или шерстяная подушка во время обѣда подкладывалась подъ локоть, или замѣняла стулъ. Живя сообразно съ природой, бедуины ложились спать съ наступленіемъ темноты, не зажигая огня; только въ

---

[1]] Относительно формы лепешекъ и способа ихъ приготовленія у современныхъ намъ средне-азіатскихъ мусульманъ замѣчается большое сходство съ древними арабами, отъ которыхъ къ нашимъ сартамъ перешло и самое названіе печи —*таннуръ* (تنور). Печь эта представляетъ собою широкій глиняный горшокъ, имѣющій въ діаметрѣ основанія около аршина и отверстія сбоку и наверху. Такой сосудъ ставится на кирпичномъ фундаментѣ широкимъ своимъ основаніемъ. Во время топки пламя и дымъ выходятъ въ верхнее отверстіе. Когда стѣнки этой печи накалятся, топка прекращается,—и тотчасъ пекарь (*нанвай*) беретъ приготовленную сырую лепешку [*нанъ*] и ловко прилѣпляетъ ее ко внутренной стѣнкѣ горшечной печи, гдѣ лепешка скоро пропекается и отнимается отъ стѣнки. На мѣсто испеченной лепешки прилѣпляется другая и т. д. Если печь велика, то пекарь прилѣпляетъ къ ея стѣнкамъ двѣ или болѣе лепешекъ въ одинъ разъ.—Лепешки приготовляются изъ пшеничной, кукурузной или ячменной муки и имѣютъ большіе и малые размѣры; самый обыкновенный размѣръ лепешки—четверть аршина ширины при толщинѣ въ 1/4 вершка; большія лепешки имѣютъ 3/4 арш., а самыя маленькія—2 1/2 вершка.

самыхъ крайнихъ случаяхъ зажигали они пропитанные асфальтомъ факелы.

При простотѣ и несложности своихъ жизненныхъ потребностей, бедуины не развили у себя домашнихъ производствъ; жены ихъ имѣли только прялку для пряденія шерсти и самый простой ткацкій станокъ, а мужчины приготовляли простую сбрую и оружіе. Это былъ народъ безпечный, живущій беззаботно, не имѣя ни дверей, ни запоровъ[1]). При передвиженіи съ одного пастбища на другое, все несложное домашнее хозяйство свое бедуины навьючивали на верблюдовъ, какъ это и до сихъ поръ дѣлаютъ наши среднеазіатскіе киргизы

И во внутреннемъ самоуправленіи кочующіе арабы сохранили патріархальный строй жизни. Они жили отдѣльными ро-

[1]) Кн. пророка Іеремін, гл. 49, ст. 31.

дами[1]), состоявшими изъ родственныхъ семействъ, съ отдѣльнымъ старѣйшиной (*шейхомъ*) во главѣ. Болѣе близкіе роды составляли въ свою очередь племя (*кабиля*). Начальникомъ племени былъ главный шейхъ (*шейхуль-машайхъ*), который во время войны считался полководцемъ (амиръ), повелѣніямъ котораго всѣ безусловно подчинялись. Но при этомъ каждый арабъ сохранялъ свою личную обособленность и не терпѣлъ никакого насилія надъ собою; всѣ пользовались одинаковымъ уваженіемъ и свободой. У арабовъ не было потомственной аристократіи въ европейскомъ смыслѣ, никто не пользовался особыми преимуществами и привиллегіями; арабы цѣнили только личныя достоинства и личныя заслуги и на основаніи этихъ достоинствъ избирались шейхи и амиры, какъ это видно изъ древняго изрѣченія:

„Чей сынъ ты—все равно.
Но собственной заслугой
Ты родословную старайся замѣнить;
Тотъ человѣкъ, кто сказалъ: „Я таковъ-то“,
А не *тотъ*, кто говоритъ: „Вотъ мой отецъ *каковъ*„[2]).

Отличаясь демократическимъ характеромъ, арабская община пользовалась самоуправленіемъ; ея начальники были только первыми между равными, предсѣдательствовали на общихъ собраніяхъ, назначали время перекочевокъ и мѣста для остановокъ, разбирали возникавшія среди сородичей своихъ разногласія и ссоры и рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ. И этихъ ограниченныхъ правъ своихъ шейхи и амиры не могли передавать своимъ непосредственнымъ потомкамъ по наслѣдству, ничего не получали и жили такъ же просто, какъ и сородичи: амиръ, напримѣръ, самъ ухаживалъ за своимъ конемъ и самъ сѣдлалъ его, а его жена и дѣти исполняли своими руками всѣ хозяйственныя работы. Только болѣе обширная палатка и болѣе обширное хозяйство отличали его отъ прочихъ арабовъ.—И до настоящаго времени бедуины не измѣнили своего основного взгля-

---

[1]) Пр. Іеремія также упоминаетъ, что арабы живутъ разрозненно (гл. 49, ст. 31).

[2]) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. М. Каррьера, т. III. Рус. перев. Москва, 1874, стр. 112.

да на своихъ начальниковъ. О современныхъ арабахъ Реклю замѣчаетъ, что „шейхъ не обладаетъ никакими правами; онъ избирается равными ему; его смѣщаютъ, когда онъ становится неугоденъ. Спеціальная его функція, кромѣ чествованія гостей, —судить споры съ старѣйшинами. Это—примиритель и третейскій судья: но его рѣшенія не имѣютъ силы закона. Рѣшеніямъ этимъ, вообще опирающимся на обычное право и поддерживаемымъ общественнымъ мнѣніемъ племени, обыкновенно подчиняются; но никакая уголовная санкція не связана съ его вердиктомъ.. Нѣкоторые шейхи успѣваютъ пріобрѣсти значительную власть, когда съумѣютъ отожествить свои интересы съ интересами племени; но племя никогда не забываетъ своего права смѣнить шейха. Нерѣдко случается, что шейхъ избирается только на мирное время, какъ „мужъ совѣта и мудрости“, а для веденія войны избирается особый, отважный предводитель, временныя полномочія котораго оканчиваются съ заключеніемъ мирнаго договора[1])“. Гельвальдъ замѣчаетъ: „Когда у арабовъ являлась необходимость въ единодушномъ дѣйствіи или вмѣшательствѣ избраннаго мирового судьи, они обыкновенно назначали шейха или вождя, но какъ только кризисъ даннаго положенія проходилъ и нужда въ избранномъ начальникѣ миновала, то арабъ уже не подчинялся никому, считалъ себя независимымъ и никого не признавалъ своимъ повелителемъ. Начальникъ нѣсколькихъ родовъ, главный шейхъ (*шейхуль-машайхъ*) былъ суровъ и грозенъ для враговъ племени, а въ сношеніяхъ со своими долженъ былъ отличаться справедливостію, кротостію и отеческою снисходительностію; злоупотребленіе властію порождало въ окружающихъ его недовольство, и онъ могъ быть отставленъ избравшими его родами. До самовластнаго господства главный шейхъ никогда не простиралъ своихъ стремленій[2]).

Такое стремленіе къ обособленности каждой отдѣльной личности и къ самоуправленію развилось въ арабахъ и поддерживалось какъ географическими, такъ и историческими усло-

---

[1]) Земля и люди. Всеобщая географія. Рус. перев. т. IX, стр. 743 (Спб. 1887 г.).

[2]) Земля и ея народы. Томъ IV (Спб. 1879) стр. 95.

віями ихъ родины, Аравіи. Какъ бы закрытая для остальнаго человѣчества, по своей малодоступности, Аравія была извѣстна древнимъ народамъ на сѣверной и южной границахъ и со стороны морскаго побережья: „возникали царства и падали, исчезали древнія династіи; имена и границы земель измѣнялись; цѣлые народы были истребляемы, или уводились въ неволю; но эти бури лишь слегка касались пограничныхъ областей Аравіи, а въ глубинѣ своихъ степей она сохраняла первобытный характеръ и независимость, и никогда ея бродячія племена не склоняли гордой главы своей ни подъ какое иго[1])". Въ концѣ жизни Мохаммеда, полководецъ его Халидъ совершилъ геройскій походъ черезъ внутреннюю пустыню Аравіи, и походъ Халида, по трудностямъ съ какими онъ былъ сопряженъ даже для арабовъ, считается безпримѣрнымъ въ исторіи.

Живя разрозненно, дѣйствуя раздѣльно, по племенамъ, бедуины не могли имѣть постоянныхъ опредѣленныхъ политическихъ союзовъ; не составляя объединенныхъ государствъ, они не могли имѣть и постояннаго войска. Для случайныхъ военныхъ предпріятій, которыя отличались характеромъ „набѣговъ", —въ родѣ киргизскихъ набѣговъ (*баранта*),—у арабовъ созывались временныя ополченія всадниковъ (*харисъ*), подъ начальствомъ особыхъ предводителей (*амиръ*), дѣйствовавшихъ въ интересахъ своего рода, а иногда и отдѣльной личности. Но эти набѣги имѣли характеръ воинственной вспышки; подстеречь непріятеля, напасть на него врасплохъ и ограбить—главная цѣль противника, чтобы потомъ подѣлить добычу[2]). При такихъ условіяхъ у арабовъ и быть не могло войска въ европейскомъ смыслѣ слова; арабъ не былъ способенъ подчинять навсегда свою волю волѣ другого (т. е. начальника), безъ чего не можетъ существовать правильно организованная постоянная армія[3]). Арабскій воинъ подчинялся своему предводителю, когда ему это было выгодно, или когда онъ видѣлъ въ немъ

---

[1]) Ирвингъ и Казембекъ [Рус. Сл. 1860].

[2]) 1 февраля 1910 г. 2500 всадниковъ-бедуиновъ напали въ Сомали на племя Митжердинсъ, разрушили городъ, убили много людей и отняли 14000 верблюдовъ.

[3]) По свидѣтельству Геродота, древніе арабы вступали иногда въ союзы съ сосѣдними народами и участвовали въ ихъ войнахъ, такъ напр. въ войнахъ Ксеркса [кн. VII, 69].

полное превосходство надъ собою. За то въ битвахъ арабы были неутомимы и счастливы: впередъ двигались они съ надеждой на побѣду и добычу, а при неудачѣ имѣли увѣренность въ безопасномъ быстромъ отступленіи. Среди знойной пустыни, самый неустрашимый завоеватель-европеецъ не могъ бы настигнуть арабскихъ всадниковъ, быстро отступавшихъ на арабскихъ коняхъ[1]) и выносливыхъ верблюдахъ, которые, кромѣ того, были способны переносить голодъ и жажду. Рыцарь пустыни, поэтъ Антара[2]), говорилъ о самомъ себѣ: «Видишь-ли, —я всегда на сѣдлѣ, на быстроногомъ конѣ моемъ, который былъ уже причиною погибели многихъ воиновъ: стремится онъ одинъ въ сѣчу и мгновенно возвращается въ ряды опытныхъ стрѣлковъ. Кто вмѣстѣ со мною сражался, тотъ разскажетъ

---

1) По свидѣтельству Бурхгардта, арабы покрываютъ своихъ коней попоной изъ алеппскаго картона, чѣмъ предохраняютъ ихъ не только отъ солнечнаго зноя, но и отъ пораненія.

2) عنترة. Онъ происходилъ изъ племени Абсъ и былъ сыномъ Шаддада, современника Абдаллы, отца Мухаммедова; умеръ до появленія ислама. Рожденный отъ черной невольницы Себиби, Антара въ малолѣтствѣ былъ преслѣдуемъ законной женой своего отца, но въ юношескомъ возрастѣ за храбрость въ стычкѣ со врагами получилъ отъ отца свободу и затѣмъ прославился своими рыцарскими подвигами. Отличаясь храбростью, онъ не былъ безумно отваженъ, не бросался въ неравный бой, не тратилъ силъ напрасно, а съ разсчетливымъ мужествомъ отражалъ врага: сначала онъ нападалъ на менѣе опаснаго противника, чтобы заставить трепетать и храбрѣйшихъ непріятелей. Огромный поэтическій талантъ доставилъ ему, „сыну невольницы“ высокую честь быть въ числѣ семи славнѣйшихъ поэтовъ, произведенія которыхъ были вывѣшены въ Каабѣ. Въ своей поэмѣ онъ воспѣваетъ любовь къ Аблѣ, своей возлюбленной, которая, будучи близкою его родственницей, отдала поэту свою руку за его рыцарскую храбрость и геройскіе подвиги въ битвахъ родного племени. Въ своихъ рыцарскихъ подвигахъ онъ могъ соперничать съ знаменитымъ Амруль-Кайсомъ и кончилъ жизнь въ преклонной старости отъ раны стрѣлой. Впослѣдствіи его героическая личность послужила неизвѣстному автору сюжетомъ для романа *„Сиратъ Антаратъ-альбатталъ“* т. е. Приключенія бойца Антары. Въ романѣ Антара является рыцаремъ-пѣвцомъ, защитникомъ и поклонникомъ женщины и мстителемъ за кровь родныхъ. (См. Энциклопед. словарь, составл. русскими учеными и литераторами. С.-Петербургъ, 1862. Томъ IV, стр. 510—511. Энциклопед. Словарь, издан. подъ ред. пр. И. Е. Андреевскаго. Т. I. С.-Петербургъ, 1890 г. стр. 827).

тебѣ, что я всегда первый въ битвѣ и послѣдній тамъ, гдѣ дѣлятъ добычу".

Вооруженіе арабскаго воина въ древнее время состояло изъ длиннаго копья, лука со стрѣлами, кривого ножа и сабли. Къ этому у рыцарей пустыни прибавлялись: латы, кольчуга, шлемъ и щитъ[1]). Лукъ со стрѣлами унаслѣдованъ арабами еще отъ родоначальника ихъ Измаила, о которомъ въ Библіи[2]) сказано, что онъ сдѣлался стрѣлкомъ изъ лука. Другой арабскій витязь-поэтъ, Шанфара[3]), говорилъ, что съ нимъ всегда три спутника: „первый спутникъ—сердце смѣлое; второй спутникъ —свѣтлый, острый мечъ; третій спутникъ—длинный, темный лукъ; онъ звенитъ гладкообточенный, весь разубранный репейками и привѣсками, а при немъ и ратный приборъ, колчанъ со стрѣлами. И какъ пуститъ онъ стрѣлу мѣткую,—взвоетъ, что не мать о сынѣ плачетъ, мертваго въ землю провожаючи[4])". Достойна вниманія похвальба своею храбростью упомянутаго Антары: „Многихъ героевъ,—которыхъ страшились и храбрѣйшіе, героевъ, которые никогда не обращались въ бѣгство и не сдавались,—сразила уже рука моя, послѣ краткаго боя, прямымъ и упругимъ копьемъ. Ихъ латы разлетались въ куски; копье мое прокладывало себѣ дорогу ко всякому храброму сердцу; и сраженнаго врага, какъ заколотого барана, я отдавалъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, которые глодали его мощныя плечи и желѣзные пальцы. Сколько мой мечъ раздробилъ кольчугъ на всадникахъ, которые умѣли храбро защищать все для нихъ дорогое! Сперва я повергаю ихъ копьемъ, а потомъ устремляюсь на нихъ съ блестящимъ мечемъ. Иной былъ такъ крѣпокъ и такого огромнаго роста, что можно было почесть его за дубъ, одѣтый въ латы; цѣлая воловья кожа нужна была

---

[1]) Въ настоящее время многіе даже бѣдные бедуины имѣютъ ружье и запасъ пуль. Хаджіи разсказываютъ, что все одѣяніе бедуина не превышаетъ по стоимости пяти рублей, а ружье и до 50 зарядовъ въ патранташѣ стоитъ не менѣе 50 рублей.

[2]) Быт. 21, 20. По словамъ Геродота, арабы носили на правомъ плечѣ длинные луки (кн. VII, 69).

[3]) الشنفرى.

[4]) М. Карьеръ. Т. III, стр. 113.

для закутыванія одной ноги его[1])". Съ неменьшею хвастливостью поэтъ Амру говорилъ: „Мы всегда выступаемъ въ поле битвы съ бѣлыми знаменами, но приносимъ ихъ назадъ обагренными. непріятельсткою кровью. Копья наши пронзаютъ бѣгущихъ отъ насъ и мы всегда хватаемся за мечъ, когда на насъ нападаютъ И тогда черепы непріятельскіе лежатъ по землѣ кучами, подобно караваннымъ вьюкамъ, снятымъ съ верблюдовъ во время ночлега въ каменистой пустынѣ.... Мы выходимъ съ юношами, любящими смерть благородную, и со старцами, опытными въ войнѣ. Ни одинъ народъ не припомнитъ, чтобъ мы когда-либо унижались: никогда не покорялись мы по малодушію!... Прекрасныя жены слѣдуютъ за нами на войну, и мы мужественно охраняемъ ихъ, чтобы онѣ не сдѣлались добычею вашей и не были посрамлены. Онѣ кормятъ нашихъ коней и говорятъ: „Вы не мужья намъ, если насъ не обороните[1])"!

Личное мужество, доблесть, страстное стремленіе къ подвигу въ битвахъ составляли отличительныя черты древнеарабскаго рыцаря. Вотъ какъ одинъ изъ нихъ ободряетъ себя къ мужеству: „я говорю душѣ своей, когда въ страхѣ и смятеньи она ищетъ ускользнуть отъ битвы: да не бойся же ты ничего! Дальше срока предназначеннаго судьбой, не вымолить тебѣ ни единаго дня лишку[3]). Да, право, и не почетная, вѣдь, одежда, эта оболочка существованія; иначе не щеголяли бы въ ней такіе трусы и хвастуны[4])".—Рыцарь Шарранъ никогда ни на что не жаловался и не тужилъ; надѣясь на острый свой мечъ скакалъ онъ одинъ по горамъ и долинамъ и только звѣзды надъ его головой были его спутниками. Однажды собиралъ онъ медъ на крутой вершинѣ горы; туда былъ всего одинъ проходъ, и то непріятель засѣлъ въ немъ. Шарранъ разлилъ медъ по утесу, скатился внизъ и запѣлъ:

„Какъ скоро человѣкъ не находчивъ на всѣ случаи и когда хоть что-нибудь его затрудняетъ, онъ погибъ; нечего ему тогда и тужить, если отъ него отвернется счастіе. Но кто настолько рѣшителенъ что ни при одной нежданной встрѣчѣ не

---

[1]] Сенковскій. Поэзія пустыни, стр. 183 -185.
[2]) Морицъ Карррьеръ, Т. III, стр. 112.
[3]) Ср. Коранъ, гл 21 ст. 48; гл. 36, ст. 54.
[4]) Морнцъ Каррьеръ,

теряетъ изъ виду, какъ выбраться изъ бѣды, тотъ всегда найдется, что дѣлать; и заткни ему одну ноздрю —онъ передышетъ таки другою. Я сказалъ однажды Лійяну, когда въ бурдюкѣ у меня не осталось ни капельки, когда исхода не было, и обступили меня кругомъ всѣ напасти: „вы оставляете мнѣ одно изъ двухъ —или смерть, или плѣнъ постыдный. Въ такомъ случаѣ благородный говоритъ рѣшительно: да будетъ смерть моей долей! Но я польщу душѣ своей и другимъ еще внушеніемъ: не стала ли она чрезъ это самое любимымъ жилищемъ смѣлости? Тогда я легъ на каменную скалу передомъ и спустилась по утесу широкая грудь, хотя узокъ былъ путь спасенія. Такъ достигъ я по разщелинамъ внизъ, до самой равнины, безъ единой царапинки; тутъ уже и смерти стало передо мной стыдно[1])".

Чтобы пополнить помѣщенныя въ этой главѣ данныя о домашнемъ и общественномъ бытѣ древнихъ арабовъ, приводимъ здѣсь свѣдѣнія, касающіяся бедуиновъ Сиріи и Палестины настоящаго времени

По описанію въ „Сообщеніяхъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества[2])" сирійскіе и палестинскіе бедуины и въ настоящее время живутъ въ шерстяныхъ палаткахъ, матерію для которыхъ бедуинскія женщины приготовляютъ сами изъ шерсти черныхъ козъ или овецъ. Палатки разставляются на открытыхъ мѣстахъ и поддерживаются внутри особыми шестами, а снаружи притягиваются веревками къ колышкамъ, вбитымъ въ землю. Палатки ставятся одна подлѣ другой и образуютъ кругъ, внутрь котораго на ночь загоняется скотъ. У главы рода (шейха) бываетъ всегда особая палатка, которая служитъ ему для пріема гостей, что составляетъ съ давнихъ поръ отличительно черту арабскихъ нравовъ.

„Современные бедуины, какъ и древніе отличаются чадолюбіемъ. По случаю рожденія мальчика бедуинъ устраиваетъ

---

1) Морицъ Каррьеръ, Томъ III, стр. 115.

2) См. Правит. Вѣст. 1897 г. №№ 18 и 19 и соотвѣт. №№ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

пиръ, на который приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ. Не имѣя особыхъ понятій о воспитаніи дѣтей, бедуины прилагаютъ свои заботы къ тому, чтобы ребенокъ былъ сытъ и здоровъ, а свои родительскія ласки проявляютъ въ томъ, что украшаютъ дѣтей возможными способами (дѣвочекъ, напримѣръ, татуируютъ), при чемъ и амулеты отъ дурного глаза привѣшиваются на виду. Когда дѣти подростутъ, то самою жизнію пріучаются къ разнымъ домашнимъ занятіямъ и упражненіямъ: мальчики стерегутъ стада и ѣздятъ верхомъ, а дѣвочки собираютъ топливо, носятъ воду и т. п.

„Обычаи сватовства у бедуиновъ представляются въ такомъ видѣ: мальчику 14-ти лѣтъ, а чаще и ранѣе этого возраста, родители стараются высватать невѣсту, согласія которой обыкновенно не спрашиваютъ. Для сватовства отецъ жениха вмѣстѣ съ сыномъ и старшинами приходятъ въ палатку родителей невѣсты и тамъ молча сидятъ. Послѣ долгаго молчанія происходитъ въ установленной формѣ разговоръ, касающійся сватовства, и, въ случаѣ благопріятнаго исхода переговоровъ, сваты угощаются, поздравляются и затѣмъ расходятся. Свадебныя празднества начинаются послѣ того, какъ женихъ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ, явится въ палатку невѣсты. Тогда невѣста съ провожатою садится на верблюда своего жениха, и брачный поѣздъ съ пѣніемъ, пляскою и стрѣльбой изъ ружей возвращается на мѣсто стоянки шатра жениха На утро, при выходѣ новобрачной изъ палатки, братъ ея рѣжетъ овцу, и начинается пиръ, продолжающійся до семи дней. Невѣста получаетъ отъ жениха приданое. Если женихъ бѣденъ и не можетъ уплатить вѣно, то совершеніе брака откладывается иногда на нѣсколько лѣтъ, пока условленное вѣно не будетъ сполна выплачено.

„Какъ у народа кочевого, скотоводство составляетъ самое главное занятіе и богатство бедуина. Въ числѣ разныхъ животныхъ лошади цѣнятся выше другихъ породъ домашняго скота, особенно лошади чистокровныя арабскія, цѣнящіяся иногда въ нѣсколько тысячъ рублей. Породистыя лошади употребляются только во время войнъ и набѣговъ, такъ какъ онѣ отличаются не только быстрымъ бѣгомъ и выносливостью, но и необыкновенною понятливостью и чутьемъ, способнымъ открыть непріятеля,

скрывающагося въ засадѣ, Изъ другихъ животныхъ у бедуиновъ обычны верблюды и овцы, доставляющіе молоко и шерсть, а также ослы и мулы, служащіе для обыкновенныхъ рабочихъ нуждъ кочевника. Орудія домашнихъ производствъ остаются у бедуиновъ до сихъ поръ первобытныя.

„Отчасти развлеченіемъ, отчасти промысломъ для бедуиновъ служитъ охота, которая производится при помощи собакъ и соколовъ. Въ недавнее время бедуины начали понемногу заниматься земледѣліемъ, — явленіе, замѣчаемое и среди туркестанскихъ кочевниковъ, киргизъ.

Торговля производится домашними продуктами и бедуину особой прибыли не приноситъ: какъ у насъ, въ Средней Азіи, кочевникъ-киргизъ находится всецѣло въ рукахъ осѣдлаго торгаша сарта, такъ и осѣдлый арабъ усердно и безжалостно обираетъ простодушнаго бедуина. Бедуинъ не знаетъ дѣйствительной цѣны продаваемаго ему товара, не дорожитъ и своими продуктами, а этимъ пользуется смѣлый торгашъ, рискнувшій заѣхать въ степь для своей плутовской торговли. Но бедуинъ не огорчается и до нѣкоторой степени утѣшаетъ себя полученными отъ заѣзжаго торговца новостями, до которыхъ онъ, какъ и другіе обитатели степей, большой охотникъ.

У бедуиновъ для распространенія новыхъ вѣстей всегда находятся охотники, которые развозятъ новости съ необыкновенною быстротой,—опять черта, вполнѣ сродная нашимъ киргизамъ.

Гостепріимство особенно цѣнится среди бедуиновъ: они защищаютъ и берегутъ даже имущество гостя и не допускаютъ, чтобы ему была причинена какая-нибудь обида. Гость шейха становится гостемъ всего рода Чтобы давать возможность путникамъ пользоваться столь дорогимъ въ пустынѣ отдыхомъ и покоемъ, бедуины по ночамъ зажигаютъ „огни гостепріимства“, а въ холодное и дождливое время привязываютъ къ своимъ палаткамъ собакъ, чтобы ихъ лаемъ указывать путешественникамъ на кровъ гостепріимства. Словомъ: какъ бы ни былъ бѣденъ бедуинъ, онъ долженъ принять гостя въ своей палаткѣ, накормить его, чѣмъ можетъ, и предоставить ему покойный ночлегъ. Соотвѣтственно состоянію и общественному положенію, самыми почетными гостями у бедуиновъ считаются

амиры и шейхи; за ними слѣдуютъ вліятельные по своему богатству арабы, а ниже всѣхъ считаются пастухи. Гостя бедуины отличаютъ даже по тому, на какомъ животномъ онъ пріѣхалъ—на лошади, на мулѣ, или на ослѣ Первый пользуется большимъ почетомъ, хозяинъ мула занимаетъ среднее мѣсто, а пріѣхавшій на ослѣ—послѣднее. Каждый гость долженъ прежде всего обойти вокругъ „палатки гостепріимства“, и этимъ показать уваженіе къ хозяину и его роду а затѣмъ уже входитъ въ самую палатку. Къ прибывшему гостю сходятся всѣ наличные и свободные отъ занятій бедуины и стараются оказать ему помощь и вниманіе. Въ палаткѣ разстилается коверъ, стелятся подушки, и гость садится на почетномъ мѣстѣ; ему приносятъ молоко, яйца, сыръ и, если гость, подкрѣпившій свои силы, продолжаетъ еще сидѣть, то это значитъ, что онъ желаетъ воспользоваться и ночлегомъ у своего хозяина. Тогда всѣ бедуины, принадлежащіе къ данному мѣсту и племени, заявляютъ о своей готовностина кормить гостя ужиномъ, Гостю. принявшему угощеніе, никто не можетъ причинить какую бы то ни было обиду; даже убійца, вошедшій въ палатку убитаго, считается неприкосновеннымъ для лицъ, имѣющимъ право мстить за убитаго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока убійца находится въ „палаткѣ гостепріимства“.

Но рядомъ съ гостепріимствомъ, у бедуиновъ удержались до настоящаго времени набѣги на непріятелей и считаются не разбоями, а наоборотъ—дѣломъ геройскимъ, похвальнымъ. Набѣги служатъ естественною школой, въ которой бедуинъ развиваетъ ловкость и пріобрѣтаетъ почетъ за свое удальство. Такая черта въ нравахъ бедуиновъ поддерживается взаимною рознью различныхъ племенъ бедуинскихъ и ихъ характеромъ. Каждый бедуинъ, уклоняющійся отъ участія въ набѣгѣ на непріятелей, подвергается насмѣшкамъ, а бѣжавшаго съ поля сраженія даже и жена не принимаетъ въ свою палатку. Набѣги у арабовъ являются общимъ дѣломъ цѣлаго племени, и представитель племени становится естественнымъ предводителемъ нападающихъ. Возвратившихся побѣдителей женщины привѣтствуютъ радостными криками, а захваченная добыча поступаетъ въ раздѣлъ между участниками нападенія, причемъ предводитель получаетъ пятую часть. Только лошади, отбитыя у не-

пріятеля, не подлежатъ дѣлежу, а остаются въ рукахъ тѣхъ, кто захватилъ ихъ. Если же набѣгъ окончится неудачей, то женщины встрѣчаютъ побѣжденныхъ бранью и возбуждаютъ къ

новому набѣгу, чтобы удовлетворить чувству мести. Женщины бедуиновъ нерѣдко сами принимаютъ участіе въ набѣгахъ, на-

ряду съ мужчинами, и своимъ присутствіемъ ободряютъ нападающихъ и перевязываютъ имъ раны. Иногда болѣе отважныя бедуинки, даже дѣвицы, принимаютъ личное участіе въ схваткахъ съ непріятелемъ, и тогда побѣдительницы получаютъ право на самаго виднаго жениха[1]).

---

[1]) Въ описаніи путешествія по Востоку и Святой Землѣ Великаго Князя Николая Николаевича въ 1872 г. разсказывается, что бедуины во время междуусобицъ или воинственныхъ игръ, садятъ въ украшенную шелковыми матеріями и богатыми чапраками и укрѣпленную на горбахъ верблюда лодку самую красивую дѣвушку, около которой и происходитъ самая ожесточенная драка, возбуждаемая воинственными криками дѣвушки. Кто овладѣетъ верблюдомъ и лодкой, тотъ считается побѣдителемъ, и все племя его становится участникомъ побѣды. [См. Рус. Вѣстн. 1876 г. № 8, стр. 716].

V.

Характеръ и нравы древнихъ арабовъ.

Характеръ древнихъ арабовъ, какъ и другихъ некультурныхъ народовъ, отличался рѣзкими противорѣчіями. Подъ вліяніемъ почти недоступныхъ границъ, у арабовъ развилась любовь къ независимости и свободѣ; вмѣстѣ съ любовью къ свободѣ и независимости соединялась грубость нравовъ; гостепріимство, чисто патріархальное, уживалось съ грабежами; при чисто рыцарской щедрости проявлялась жадность къ чужому добру; чувство личной и родовой чести побуждало ихъ къ ожесточенной кровной мести; наконецъ, несмотря вообще на низкій уровень умственнаго и нравственнаго развитія, у нихъ процвѣтала безыскуственная поэзія, отличавшаяся многими самобытными красотами.

Историки обыкновенно отмѣчаютъ только очень немногія черты народнаго арабскаго характера, какъ хорошія, такъ и дурныя, вслѣдствіе чего характеристики ихъ не даютъ цѣльнаго впечатлѣнія. А между тѣмъ древніе арабы жили своеобразною жизнію и поддерживали особенности своего быта въ теченіе многихъ столѣтій[1]), пока, наконецъ, не утратили нѣкоторыхъ своихъ природныхъ чертъ подъ вліяніемъ Ислама, которому они же дали жизнь и силу.

Чтобы яснѣе и полнѣе представить себѣ характеръ древнихъ арабовъ, нужно прежде всего имѣть въ виду, что они были *симиты* и, живя патріархальною жизнію, близкою къ природѣ, не умѣли сдерживать своихъ пылкихъ чувствъ, подчиняясь своимъ природнымъ влеченіямъ. Къ нимъ, какъ симитамъ по происхожденію, можетъ быть приложена общая характеристика симитическихъ народовъ[2]). А по сравненію съ современными азіатскими народами, древніе арабы нѣсколько на-

---

[1]) Ср. „Бытъ патріархальнаго еврейскаго народа". Свящ. П. Сысуева (Правосл. Собесѣд. 1900 г. Апрѣль) и Э. Реклю „Человѣкъ и Земля" томъ 2, стр. 111.

[2]) Такую характеристику мы имѣемъ въ ст. проф. Д. Хр. Хвольсона: „Характеристика симитическихъ народовъ", напечат. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1872 г. кн. 2, стр. 421—475.

поминаютъ собою туркестанскихъ кочевниковъ-киргизъ, или туркменъ, условія жизни которыхъ и степень духовнаго развитія близко подходятъ къ быту и развитію древнихъ арабовъ.

Какъ всѣ семиты, арабы отличались вообще здравымъ смысломъ, практическимъ складомъ ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладали глубокимъ чувствомъ, были впечатлительны и живы до страстности. Отсутствіе искуственной, утонченной культуры предохранило ихъ отъ тѣхъ ненормальностей и уклоненій въ физической и духовной жизни, съ какими мы встрѣчаемся въ исторіи цивилизованныхъ народовъ. Тѣло и духъ арабовъ находились въ естественной гармоніи: въ здоровомъ тѣлѣ у нихъ была и душа нормальная,. т. е. не извращенная неестественными пороками, въ родѣ утонченныхъ пороковъ современнаго европейскаго общества. При сильной впечатлительности они бывали и разсудительны, отличались задушевностію и поэтичностію; но спокойное настроеніе у нихъ, какъ у дѣтей природы, легко переходило въ восторженное состояніе. „Торжественно спокойная, по временамъ бурная и величественная природа пустыни отражалась на ея обитателяхъ. Живя въ однообразной странѣ, безъ резкихъ констрастовъ, и въ тѣсной связи съ природой, арабы рѣдко выдѣляли изъ своей среды выдающихся людей, потому что распредѣленіе духовныхъ дарованій у нихъ было большею частію равномѣрное. Рѣдко появлялись среди арабовъ талантливыя личности, но за то и бездарности встрѣчались не часто. Самое названіе глупости (جهالت) означало на языкѣ арабовъ, какъ намъ кажется, не отсутствіе здраваго смысла, а только неправильное примѣненіе его къ жизни, зависѣвшее отъ недостатка образованности,— невѣжество. Ни наукъ, ни искусствъ, въ греко-римскомъ смыслѣ, а тѣмъ болѣе въ современномъ европескомъ смыслѣ, арабы не знали; не было у нихъ философіи и утонченной схоластики, но они просто и здраво разсуждали о Творцѣ міра, о самомъ мірѣ и человѣкѣ. Религіозныя воззрѣнія ихъ были не сложны и доступны пониманію каждаго. Возраженія немногихъ скептиковъ—противниковъ проповѣди ислама были грубы и дѣтски-наивны, какъ объ этомъ будетъ сказано нами въ другомъ мѣстѣ.

Природная отзывчивость ко всему живому у древнихъ арабовъ выражалась съ одной стороны въ великодушіи, состра-

дательности и гостепріимствѣ, а съ другой—въ способности нѣжно любить друга и глубоко ненавидѣть врага и жестоко мстить ему.

Гостепріимство и великодушіе къ бѣднымъ и неимѣющимъ пристанища считалось у арабовъ въ числѣ самыхъ благородныхъ качествъ, послѣ личной храбрости. Лишь только побѣда погашала пламя войны, то первымъ долгомъ побѣдителя было зажечь „огонь гостепріимства“, который бы указалъ путнику во время ночи готовый для него столъ и кровъ, какъ замѣтилъ покойный Сенковскій[1]).

Образцомъ щедрости почитался у арабовъ Хатамъ изъ племени Тай. Въ своихъ стихахъ онъ такъ говорилъ своей женѣ: „Ежели ты приготовила мнѣ кушанье, то добудь мнѣ еще и товарища для обѣда; одинъ я не могу есть. Призови или сосѣда или путешественника: я не хочу, чтобы послѣ моей смерти говорили обо мнѣ худо.... Какъ человѣкъ можетъ досыта наѣдаться, когда желудокъ его сосѣда пустъ? Лучше смерть, нежели изобиліе скупца, который утомленнаго путника безъ жалости пропускаетъ мимо! Я слуга моихъ гостей, пока они находятся подъ моимъ кровомъ; только для этого одного—рабское во мнѣ чувство. Клянусь Тѣмъ, Который одинъ знаетъ сокровенное и оживляетъ истлѣвшія кости, что мнѣ пріятнѣе угощать моихъ гостей и самому голодать, нежели слыть скрягою“?

На основаніи Д'Ербело и Ганье, историкъ Гиббонъ замѣчаетъ, что характеръ Хатама представляетъ полнѣйшій образецъ арабскихъ добродѣтелей: онъ былъ храбръ и щедръ, былъ даровитымъ поэтомъ и счастливымъ въ своихъ предпріятіяхъ хищникомъ; для его гостепріимныхъ пиршествъ жарили по сорока верблюдовъ, а молившему о состраданіи врагу онъ возвращалъ и плѣнниковъ и добычу. Его соотечественники, изъ привычки къ свободѣ, пренебрегали требованіями правосудія, но съ гордостію руководствовались тѣми внушеніями состраданія и милосердія, какія были имъ свойственны[2]).

---

1) Извѣстная статья его „Поэзія пустыни“ въ полномъ собраніи сочиненій, изд. въ 1859 г. Томъ VII.

2) Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. V, стр. 486—487.

Шедрость и великодушіе прославляются во многихъ древнихъ арабскихъ стихотвореніяхъ[1]), а скупость порицается. „Оставь меня, мать моего Хатама! говоритъ одинъ поэтъ: скупость лишаетъ человѣка лучшихъ его достоинствъ. Дозволь мнѣ быть великодушнымъ: благородная слава безъ пятна весьма дорога моему сердцу. Оставь меня! мнѣ должно исправить важныя дѣла; священныя обязанности призываютъ меня помогать несчастному. Вольный (бедуинъ) страшится только того, чтобы его гостепріимство не было осуждаемо, а путь, которымъ идутъ такіе люди, есть путь добродѣтели. Клянусь твоею жизнію, никакая земля не тѣсна для такихъ жителей!... Одни только пороки дѣлаютъ ее для насъ тѣсною". Другой поэтъ говоритъ: «Я поклялся, чтобы, когда мрачная ночь окружаетъ мою юрту, никогда не скрывать огня своего отъ странника. Друзья! пусть огонь ярко пылаетъ у насъ, чтобъ всю ночь свѣтить нуждающемуся путнику; пусть къ огню нашему приближается всякій честный человѣкъ, котораго одолѣли голодъ и усталось. Если онъ потомъ захочетъ со мною познакомиться и спросить, какъ меня зовутъ, я громко возвѣщу ему имя мое. Весело провелъ я ту ночь, въ которую удалось мнѣ принять гостя и предложить ему лучшія свои яства, которыхъ я не выигрываю въ кости[2])».

Но вотъ примѣръ выдающагося великодушія арабовъ уже временъ Мухаммеда: однажды въ Меккѣ жители заспорили, кто среди нихъ великодушнѣе всѣхъ. Для сравненія были названы три мекканца. Первый изъ нихъ, Абдалла, сынъ Аббаса, дяди Мухаммеда, собрался въ дальній путь и уже занесъ ногу въ стремя, когда услышалъ жалобную мольбу: „Сынъ дяди посланника Божія! Я—странникъ и нахожусь въ нуждѣ". Абдалла немедленно слѣзъ, отдалъ страннику своего верблюда и кошелекъ съ 4000 золотыхъ монетъ, а у себя оставилъ только саблю.—Другого щедраго мекканца нуждающійся засталъ въ постелѣ, но слуга его немедленно вынесъ просителю кошелекъ съ 7000 золотыхъ монетъ и прибавилъ: „это—все, что есть

---

[1]) Сборникъ такихъ стихотвореній извѣстенъ подъ именемъ „Хамаса", собранъ Абу-Хаммамомъ и переведенъ на нѣмецкій языкъ Фр. Рюккертомъ [изд. въ Штуттгартѣ въ 1846 г. въ 2-хъ частяхъ].

[2]) „Поэзія пустыни". Ст. проф. Сеньковскаго, ттр. 185—189.

изъ денегъ у моего господина, но вамъ дадутъ еще верблюда и раба". Хозяинъ, когда проснулся и узналъ о случившемся, то похвалилъ своего вѣрнаго слугу и далъ ему свободу, но слегка упрекнулъ, зачѣмъ слуга не разбудилъ его, чтобы онъ самъ могъ вручить бѣдняку милостыню.—Третьимъ щедрымъ мекканцемъ былъ слѣпой Арибахъ. Онъ спѣшилъ на молитву, опираясь на плечи двухъ своихъ рабовъ, и его просили о помощи бѣдному. «Увы! воскликнулъ онъ: кошелекъ мой пустъ, но вы можете продать этихъ рабовъ... Если вы этого не сдѣлаете, я все-таки откажусь отъ нихъ». Послѣ того онъ оттолкнулъ отъ себя рабовъ и ощупью сталъ пробираться вдоль стѣны, опираясь на свою палку[1].

О женѣ самого Мухаммеда разсказывается, что она была очень трудолюбива, знала кожевенное и башмачное мастерство, которыми продолжала заниматься даже и тогда, какъ стала супругою посланника Божія, а прибыль отъ своихъ трудовъ раздавала бѣднымъ. Когда Халифъ Омаръ подарилъ ей пенсію вдовы пророка въ 12 тыс. диргемовъ (примѣрно 2500 р.), она прикрыла деньги сукномъ и сказала одной изъ своихъ подругъ: „засунь руку подъ сукно, захвати горсть золота и отнеси бѣднымъ". Она продолжала такимъ образомъ раздавать деньги до тѣхъ поръ, пока подъ сукномъ осталось всего 85 дирг. (около 17 руб.). Въ другой разъ Халифъ Омаръ послалъ ей изъ казнохранилища пять платьевъ, но она выбрала изъ нихъ одно, въ которое назначила обернуть ея тѣло по смерти После ея смерти у нея не осталось никакого имущества, кромѣ хижины, въ которой она жила... Эту хижину родственники ея продали Халифу Уалиду за 50 тыс. диргемовъ[2] (т. е, за 10 тыс. руб.).

Чтобы понять чувство любви арабовъ къ женщинѣ, нужно имѣть прежде всего въ виду страстность арабовъ[3]) и отсутствіе въ ихъ характерѣ какой бы то ни было склонности къ аске-

---

[1]) Гиббонъ, томъ V, стр. 486.

[2]) Sprenger, Das Zeben et cet. B. III Die Frauen des Propheten. Мисс. Противомусульм. Сборникъ. вып. X. Приложеніе первое, стр. 26—27.

[3]) О страстности арабовъ лучше всего можно судить по разсказу о племени Озра, о которомъ говорили, что Озриты умираютъ, когда полюбятъ... Въ Моалакѣ Имруль-Кайса разсказывается довольно цинично о его любовныхъ похожденіяхъ съ дѣвицами, замужними и даже беременными женщинами арабками.

тизму. Отшельничество мало находило послѣдователей среди арабовъ и аскеты не были популярны среди этого народа. Истый сынъ Аравіи, основатель ислама, прямо высказался въ Коранѣ, что жизнь монашескую христіане выдумали сами[1]). Подобно евреямъ, арабы не любили налагать на себя никакихъ тѣлесныхъ лишеній и не отказывались отъ радостей семейной жизни; безбрачная жизнь казалась имъ противоестественною и, наоборотъ, имѣть много женъ и дѣтей считалось величайшею радостію. Въ Коранѣ мы находимъ много весьма выразительныхъ мѣстъ, касающихся этого вопроса. Правда, и среди арабовъ встрѣчались такъ называемые *захиды* (подвижники, одиночествующіе[2]), но ихъ было очень мало и это были люди уже отжившіе свою молодость и въ свое время достаточно насладившіеся жизнію, можетъ быть даже въ излишествѣ.

Удивляться ли поэтому, если въ исламѣ узаконено многоженство и если, говоря о постѣ, основатель поучалъ своихъ послѣдователей: „Во время ночи поста вамъ разрѣшается сношеніе съ женами вашими: онѣ—одежда вамъ, а вы—одежда имъ. Богъ знаетъ, что вы обманывали себя самихъ; поэтому Онъ жалѣетъ васъ и прощаетъ[3])“. Эта страстность, эта любовь къ женщинѣ не могла не высказаться и въ пѣсняхъ древнихъ арабскихъ поэтовъ. „Никакое мученіе, говорится въ сборникѣ „Хамаса“, не равняется мученію любящаго, хотя бы онъ и вкусилъ пріятнѣйшую награду любви. Его томятъ то желанія, то боязнь разлуки, и онъ всякій часъ плачетъ. Удалится ли его любезная, онъ вздыхаетъ во слѣдъ ея; подлѣ него ли она, —тутъ овладѣваетъ имъ страхъ, чтобъ не ушла. Краснѣютъ глаза его, когда она удаляется отъ него; горятъ, когда она возвращается“. Или: „Я былъ силенъ, какъ герой, доколѣ разлука не раздула въ моемъ сердцѣ горячихъ углей; мнѣ представлялось, что продолжительное блаженство прежнихъ дней умалитъ мою любовъ. Но сердце мое такъ жаждетъ новаго свиданія, какъ изсохшая земля, послѣ перваго весенняго дождичка, ожидаетъ другого. Я томлюсь желаніемъ видѣть раскра-

---

[1]) Коранъ, гл. 57, ст. 27.
[2]) زاهد мн. زهاد.
[3]) Коранъ, гл. 2, ст. 183. Ср. ст. 223 той-же главы.

шенныя руки любезной, черные локоны, золотыя ея ожерелья и бѣлыя щеки.. Прелестна стройность ея! Перлы должны бы украшать шею, но не они даютъ ей блескъ, а сами отъ нея блескъ получаютъ. О красная дѣвица! ты такъ дѣлала меня счастливымъ, что сердце мое плавало въ нѣгѣ, подобно дикому голубю, купающемуся въ ночной росѣ". Поэтъ Ааша, жившій уже во время Мухаммеда, такъ воспѣвалъ свою любезную Хорейру: «Настала минута сказать Хорейрѣ—прощай! Племя ея выступаетъ въ путь, чтобы перейти на другое пастбище. Но достанетъ ли силъ произнести ей: «прощай?» Какъ ослѣпительна бѣлизна ея чела! Какъ длинны и густы ея волосы! Какъ блестятъ ея зубы! Медленна и спокойна ея походка, какъ шагъ коня, пораненнаго въ ногу. Когда она идетъ изъ юрты своей сосѣдки, то величественно колеблется, подобно облаку, которое тихо плаваетъ въ воздухѣ. При каждомъ выступѣ, слышится звукъ бряцающихъ привѣсокъ, которыми украшены ея безчисленныя косы, звукъ, подобный издаваемому сѣменами вѣтромъ колеблемаго ишрика. Она не изъ числа тѣхъ дѣвицъ, которыхъ ненавидятъ подруги, потому что никогда не ищетъ она подслушивать ихъ тайны. Она сложена такъ нѣжно, что для нея тяжело даже посѣтить свою сосѣдку. Когда она немного поиграетъ съ своею подругою, то все тѣло ея приходитъ въ трепетаніе. Едва я видѣлъ ее, тотчасъ и полюбилъ: но, увы, она пламенѣетъ къ другому, который расточаетъ любовь свою передъ иной красавицей! Любитъ и меня также другая дѣвица, но я къ ней нечувствителенъ. Такъ дѣлимъ мы всѣ одинаковую участь; такъ чувствуемъ всѣ мученія любви, и каждый попадаетъ въ тѣ же сѣти, которыми самъ опутывалъ другихъ». —Поэтъ Антаръ говоритъ своей возлюбленной: „Я думаю о тебѣ, когда даже непріятельскія копья утоляютъ во мнѣ свою жажду и острые клинки купаются въ моей крови. Меня веселятъ мечи, когда ударяютъ другъ о друга, потому что они сверкаютъ тогда, какъ твои блестящіе глаза, когда ты улыбаешься[1])".

---

[1]) Неудивительно, что римскій историкъ и писатель второй половины IV и начала V вѣка по Р. Хр. Амміанъ Марцелинъ замѣтилъ о страстности арабовъ: incredibile est, quo ardore apud eos in venerem uterque solvitur sexus (Regum gestarum liber XIV, cap. IV, 4).

Характерна новелла, записанная нѣмецкимъ оріенталистомъ д-ромъ Вецштейномъ во время его пребыванія между бедуинами Сирійской пустыни въ смыслѣ характеристики арабовъ вообще и въ особенности ихъ любовныхъ отношеній. „Одинъ шейхъ, по имени Бени Калидитъ пользовался величайшимъ уваженіемъ у своихъ соплеменниковъ, но, „когда Богъ захотѣлъ свергнуть Бени Калида", счастье измѣнило ему. Его мѣсто заступилъ другой шейхъ, «передъ которымъ плясалъ весь міръ, такъ какъ онъ имѣлъ блистательный успѣхъ". Это несчастье побудило его оставить родину, и онъ вмѣстѣ съ женой, сыномъ и остаткомъ имущества отправился отыскивать далеко на востокѣ страны, гдѣ не было-бы ни одного человѣческаго существа. Онъ уже приближался къ цѣли своего путешествія; но тутъ встрѣтилъ человѣка, который тотчасъ-же прицѣлился въ него изъ ружья, Калидитъ крикнулъ ему: „кто ты?" Этотъ отвѣтилъ: „Я тотъ, кого ты видишь, а ты кто?" Арабъ не любитъ при чужихъ людяхъ называть свое имя, родину или племя, потому что часто подвергается изъ-за этого опасности. Калидитъ возразилъ: „я тотъ, кого ты видишь, у меня мечъ, у тебя ружье; съ мечемъ трудно тягаться противъ человѣка, вооруженнаго ружьемъ". Другой спросилъ: „Что привело тебя сюда?" Калидитъ отвѣтилъ: „Клянусь Богомъ, мой сынъ, что ничто, кромѣ невзгоды обычной въ наше время". Тогда человѣкъ, вооруженный ружьемъ, опустилъ руку, потому что съ нимъ случилось то-же, что съ Калидитомъ, и онъ спросилъ послѣдняго, какого онъ племени. Этотъ отвѣтилъ: „Клянусь Богомъ, дорогой товарищъ, я калидитъ на ссору или ласку" (т. е. теперь я назвалъ себя; увидимъ другъ ли я твой или недругъ). „Значитъ мы враги! воскликнулъ другой, я шеммаритъ; но пустыня ставитъ преграду между людьми, которые дорожатъ своей честью; теперь объясни мнѣ, что привело тебя сюда". Когда калидитъ окончилъ свой разсказъ, оба уговорились отправиться вмѣстѣ въ одну и ту-же долину. Калидитъ позвалъ своего сына и сказалъ: „Дитя мое, я встрѣтилъ шеммарита и, хотя онъ былъ прежде нашимъ врагомъ, но мы подружились и переночевали вмѣстѣ. На слѣдующій день я спросилъ его: сколько у него дѣтей и онъ сказалъ мнѣ, что имѣетъ дочь; на его вопросъ о моихъ дѣтяхъ, я объявилъ ему. что у

меня также дочь, и мы рѣшили сойтись въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы встрѣтились. Поэтому я хочу одѣть тебя какъ дѣвушку; могу-ли я положиться на тебя? Будь на сторожѣ и не говори дочери шеммарита пустяковъ! Если она тебя поцѣлуетъ, то ты не цѣлуй ее; если вы будете спать вмѣстѣ, то не снимай своего платья. Дѣвушки купаются въ водѣ, но ты не долженъ купаться въ ея присутствіи! Слышишь ли, что я говорю, сынъ мой, нужны ли дальнѣйшія увѣщанія?“ Сынъ по имени Хаббасъ, возразилъ мнѣ: Отецъ мой ты можешь положиться на меня“.

Свиданіе состоялось въ назначенномъ мѣстѣ; дочь шеммарита подбѣжала къ мнимой дочери калидита и поцѣловала ее въ видѣ привѣтствія; затѣмъ обѣ дѣвушки повели одновременно своихъ верблюдовъ на пастбище, а вечеромъ легли вмѣстѣ спать. Шеммаритянка сняла свое платье и (по обычаю кочевниковъ) легла голая въ постель; при этомъ она сказала своей подругѣ: „сестра раздѣнься!“ Эта отвѣтила: «Я не стану раздѣваться, потому что всегда сплю въ платьѣ». Дочь шеммарита стала разговаривать съ своей подругой и поцѣловала ее, но та не отвѣтила на ея поцѣлуй. На слѣдующее утро дѣвушки, напѣвая вполголоса, подоили верблюдицъ, послѣ этого каждая взяла кусокъ хлѣба, сѣла на своего верблюда, и обѣ отправились въ путь, въ сопровожденіи верблюдицъ, которыхъ заманивали пѣснями, пока не достигли потока. Здѣсь онѣ сошли на землю и разговаривали другъ съ другомъ, сидя у воды, между тѣмъ, какъ животныя паслись на лугу. Когда стало припекать солнце и наступилъ полдень, дочь шеммарита сказала: „Сестра, если ты хочешь, то будемъ купаться и вымоемъ одна другую! и когда эта отказалась, то она воскликнула: „Умоляю тебя объясни мнѣ, почему ты не хочешь купаться?“ Калидитянка отвѣтила: «Сестра, у меня былъ меньшой братъ; онъ вошелъ въ воду и утонулъ, съ тѣхъ поръ я боюсь погружать мою кожу въ воду». Дочь шеммарита пошла купаться; когда она сняла свое платье, то другаю дѣвушка отошла отъ берега и повернулась лицомъ къ пустынѣ. Шиммаритянка пожаловалась однажды родителямъ на свою подругу: „Что это значитъ, сказала она, когда я цѣлую ее, то не получаю отъ нея поцѣлуя? Развѣ отъ моего рта дурной запахъ, что она не можетъ поцѣловать меня;

я снимаю свое платье, она ложится спать не раздѣваясь; я купаюсь, она не хочетъ купаться. Родители отвѣтили: „Милое дитя, быть можетъ она стыдится; это часто случается“.

Такъ все шло благополучно довольно продолжительное время. Но тутъ случилось однажды, что Богъ ниспослалъ на нихъ разбойниковъ, и тѣ завладѣли ихъ стадомъ. Обѣ дѣвушки закричали: Помогите, у насъ отняли стадо!“ Отцы услыхали ихъ крикъ, осѣдлали коней, отправились въ путь и настигли стадо; дѣвушки бѣжали за ними вслѣдъ. Они закричали непріятелю: «Ей вы, всадники, выдайте намъ «окла» («Окла» означаетъ выдача извѣстной доли добычи, которая обыкновенно возвращается обратно, если разбойники, сдѣлавшіе набѣгъ, убѣждены, что тѣ, которыхъ они ограбили, должны погибнуть отъ голоду). Предводитель шайки хотѣлъ возвратить имъ десять штукъ скота, затѣмъ еще шесть, „ради красоты обѣихъ дѣвушекъ“. Ограбленные находили это недостаточнымъ, между тѣмъ, какъ грабители съ своей стороны въ виду „мельничихъ дорожнаго запаса“ (т. е. своихъ женъ, сестеръ и пр., которыя на ручныхъ жерновахъ намололи имъ муки въ дорогу), находили, что честь не дозволяетъ имъ дальнѣйшую добровольную выдачу ограбленнаго имущества. Вслѣдствіе этого завязалась горячая борьба, которая долго оставалась нерѣшенной. Но шеммаритъ и его другъ уже начали изнемогать. Хаббасъ видя, что они слабѣютъ, не могъ долѣе удержаться; онъ поспѣшилъ къ своей палаткѣ и на бѣгу сбросилъ съ себя одежду, такъ что на немъ осталась одна женская рубашка. Его мать стала ему сѣдлать жеребца, взнуздала его и принесла мечь, пистолеты и красный плащъ; дочь шеммарита подошла къ ней и спросила: „Ты сѣдлаешь этого жеребца, гдѣ же всадникъ? — „Онъ сейчасъ прійдетъ, отвѣтила мать, ты увидишь его собственными глазами“. Пока онѣ говорили, поспѣшно вошелъ юноша и его мать громко крикнула „*Загрута!*“ (крикъ ликованія). Высоко на лошади красовался онъ передъ Хамдой (такъ называлась дочь шаммарита) и сказалъ ей: „Ради твоихъ глазъ Хамда!“ (т. е. я иду на борьбу и смерть изъ-за твоихъ глазъ); крикни Хаббасу „*Загрута!*“ Она отвѣтила: «Братъ мой, кто это Хаббасъ?»— „Твоя бывшая подруга, отвѣтилъ онъ, ты видишь, что это былъ юноша, а не дѣвушка“.—Тогда громко раздался крикъ „*Загру-*

та!" сопровождаемый ржаніемъ коня, и жажда битвы закипѣла въ груди юноши; онъ бросился на враговъ съ крикомъ; «На счастье Хамды, иду на добычу коней!" Онъ разбилъ непріятеля, захватилъ четырехъ коней и освободилъ стадо.

Хамда съ тѣхъ поръ страстно полюбила Хаббаса; онъ былъ не менѣе влюбленъ въ Хамду. Отецъ изъ боязни за невинность своей дочери тайно уѣхалъ съ нею; отецъ Хаббаса также принужденъ былъ вернуться къ своему племени, ради сына, который не могъ долѣе оставаться вблизи опустѣвшаго жилища бывшаго сосѣда. Здѣсь онъ снова достигъ прежняго значенія. Но Хаббасъ все думалъ о Хамдѣ, пересталъ ѣсть и пить и, наконецъ, долженъ былъ слечь въ постель. Слезы и стоны были единственнымъ утѣшеніемъ юноши, пока его не посѣтилъ однажды Хосенъ, съ которымъ онъ нѣкогда побратался; этотъ вызвался соединить его съ возлюбленной, говоря, что будетъ легко устроить это дѣло съ Божьей помощью. Послѣ восьмидневной верховой ѣзды днемъ и ночью, они достигли племени Шеммаръ и стали наводить справки о семьѣ Хамды. Къ несчастью оказалось, что они пріѣхали наканунѣ помолвки Хамды съ ея двоюроднымъ братомъ Али. Но Хосенъ съумѣлъ и тутъ дать совѣтъ и выручить изъ бѣды. Ему усердно помогала въ этомъ сестра Али, которая была посвящена въ исторію любви Хамды, Отецъ Хамды недружелюбно встрѣтилъ Хаббаса словами: „Горе, горе мнѣ! Да погубитъ тебя Богъ, негодный человѣкъ! Ты рѣшился даже здѣсь преслѣдовать меня! Если бы я увидѣлъ тебя до соли (т. е. прежде, чѣмъ ты вкусилъ соли въ моей палаткѣ), то поистинѣ твоя голова пала бы на этой землѣ!" Но гнѣвъ отца Хамды прекратился и онъ „убоялся сатаны", когда Хосенъ возразилъ ему: «Предоставь твое дѣло Богу! Это судъ Божій, который постигаетъ не тебя одного. Благодари небо, что до сихъ поръ съ тобой не случилось ничего худшаго». Хосенъ умудрился, вмѣсто Али провести Хаббаса въ палатку, гдѣ должна была праздноваться свадьба. Добродушный Али выказалъ благоразуміе. Онъ сказалъ своей двоюродной сестрѣ: «Я отказываюсь отъ тебя. Скажи мнѣ наединѣ, чего ты желаешь; даю честное слово, что тебѣ бояться нечего". Она возразила ему: „Али, я желаю одного, быть женою Хаббаса, гостя нашего сосѣда"; послѣ чего она разсказала

все, что произошло между имъ и ею отъ начала до конца. «Если ты не хочешь погрѣшить противъ меня, добавила она, то знай, что я желаю быть съ Хаббасомъ, потому что я принадлежу ему всѣмъ сердцемъ и никому другому, кромѣ его. Богъ не отниметъ у тебя жизни, не отнимай и ты у меня Хаббаса". Али снизошелъ къ ея просьбѣ и сказалъ: «Богъ не лишилъ меня великодушія!» И онъ былъ съ избыткомъ вознагражденъ за это. Когда онъ проводилъ молодыхъ на родину Хаббаса, то ему удалось здѣсь познакомиться и жениться на дѣвушкѣ, которая никому не уступала въ красотѣ и любезности. Это была Гизна (прекраснѣйшая), сестра Хосена, которая, услыхавъ объ его поступкѣ, влюбилась въ него. Въ доказательство своей любви она заботливо расчесывала ему волосы, мыла голову и очищала его плащъ отъ насѣкомыхъ. Обоимъ было всего пріятнѣе, когда никто не приходилъ къ нимъ и они не видѣли ни одного человѣка. Такимъ образомъ Хосенъ выдалъ свою сестру за знатнаго человѣка. Разсказчикъ заключилъ свой разсказъ слѣдующимъ образомъ: „Когда Али вернулся домой съ дѣвушкой, такой же красивой, какъ Хамда и кобылой, подаренной ему Хаббасомъ (въ видѣ вознагражденія), къ нему собрались соплеменники и привѣтствовали его. Онъ разсказалъ о почетномъ пріемѣ, оказанномъ ему Хосеномъ, Хаббасомъ и ихъ племенемъ и о полученныхъ подаркахъ. „Лошадь, сказалъ онъ, подарена Хаббасомъ, дѣвушка, сестра Хосена". Присутствующіе сказали: «Богъ свидѣтель, ты достоинъ этого!" Затѣмъ они напились кофею и разошлись по домамъ. Мы оставили ихъ въ благополучіи и блаженствѣ. Да пошлетъ Богъ счастливую жизнь нашимъ слушателямъ![1])".

Идеаломъ совершенства у арабовъ считались болѣе духовныя, чѣмъ тѣлесныя качества; арабы всегда цѣнили въ человѣкѣ духовную мудрость, а не внѣшнія мірскія доблести, что особенно подтверждается позднѣйшею исторіею. Мусульманское государство въ Аравіи создано было Мухаммедомъ, который считалъ себя „пророкомъ", а не пожиткомъ и полководцемъ, и въ настоящее время имена полководцевъ мусульманскихъ если

---

[1]) Фр. Гельвальдъ. Естественная исторія племенъ и народовъ. Томъ второй, стр. 457—459. (С.-Петербуръ, 1885).

не совершенно забыты, то стоятъ на второмъ планѣ, тогда какъ имена богослововъ, ученыхъ и поэтовъ извѣстны и пользуются величайшимъ уваженіемъ. А нѣкоторые полководцы прибавляли къ своей воинской славѣ еще славу миссіонера, какими были Кутейба и мн. другіе. Это особенное уваженіе къ личнымъ духовнымъ качествамъ человѣка до такой степени утвердилось въ исламѣ, что даже и въ настоящее время въ мусульманскихъ странахъ нѣтъ „аристократовъ“ въ европейскомъ смыслѣ слова, а есть окруженные необыкновеннымъ почетомъ представители религіи и знанія шейхи, муджтахиды, казіи, мударрисы, ишаны). До какой степени велико уваженіе массы къ этимъ лицамъ[1]), можно судить тому, кто имѣлъ случай видѣть это своими глазами, въ Туркестанскомъ краѣ, особенно при встрѣчахъ уважаемаго ишана и тѣмъ болѣе во время его похоронъ. Самая идея власти соединяется у мусульманъ съ понятіемъ о представительствѣ въ религіи. Всѣмъ извѣстно, что на Кавказѣ Шамиль назывался у мусульманъ не предводителемъ войска, а ученымъ казіемъ и имамомъ, т. е. предстоятелемъ на молитвѣ, хотя для насъ русскихъ онъ былъ предводителемъ повстанцевъ, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивавшихъ свою независимость. И послѣ, при Мухаммедѣ и его пріемникахъ войны арабовъ велись подъ знаменемъ религіи.

Любовь къ свободѣ и независимости были прирождены всѣмъ арабамъ, особенно—кочевникамъ (бедуинамъ). Каждый бедуинъ смотрѣлъ на себя, какъ на самостоятельнаго царька (Дози и Мюллеръ) и если такой независимый обитатель Аравійскихъ пустынь признавалъ себя „рабомъ“, то только Божіимъ, какъ это видно изъ собственныхъ именъ арабовъ до-Мухаммедова времени (Рабъ-Манажа, Рабъ-Солнца и Рабъ-Аллаха). У южныхъ арабовъ эта отличительная особенность характера арабовъ, подъ вліяніемъ болѣе развитой гражданственности проявлялось слабѣе.

---

[1]) Особенно по сравненію съ отношеніями туземцевъ Туркестанскаго края къ русскимъ чиновникамъ. И въ этомъ случаѣ послѣдніе года оказали дурное вліяніе на туземцевъ: нѣкоторые изъ нихъ, продолжая быть почтительными къ представителямъ мусульманской религіи и науки, къ русскимъ относятся пренебрежительно и даже отплевываются при встрѣчахъ съ нами. Къ сожалѣнію, это—несомнѣнный фактъ...

Изъ такой обособленности личности древнихъ арабовъ объясняется также ихъ рѣзкій эгоизмъ, подъ вліяніемъ котораго они преувеличивали собственныя достоинства, —и жадность, которую часто сопровождала расточительность.

Вслѣдствіе сильной впечатлительности, арабы были съ одной стороны способны къ состраданію, гуманности и глубокой любви, а съ другой стороны отличались склонностію къ ненависти и мстительности. Кровная месть извѣстна была древнимъ евреямъ, которымъ было предписано очищать землю отъ пролитой крови кровью пролившаго ее[1]); и у древнихъ арабовъ кровная месть поддерживалась силою преданія и вѣковаго обычая. Для совершенія мести существовали правила, отъ которыхъ никто не смѣлъ отступить. И Мухаммедъ «сынъ арабовъ» не могъ отрѣшиться отъ этого жестокаго обычая, не отмѣнилъ его, а только смягчилъ. Въ Коранѣ отъ имени Божія возвѣщено арабамъ: „вамъ предписана месть за убитыхъ: свободный за свободнаго, рабъ за раба, женщина за женщину[2])". Но въ другомъ мѣстѣ сказано: „тѣ, которымъ нанесена обида, могутъ отомстить сами за себя. Отплатой за зло пусть будетъ соразмѣрное зло. Но кто проститъ и примирится, тому награда отъ Бога: Онъ не любитъ несправедливыхъ. Тѣмъ, которые отмщаютъ за обиды, нанесенныя имъ, не слѣдуетъ доходить до излишества[3])"... Неисполненіе исконнаго обычая—отмщать кровь убитаго кровью убившаго—налагало тяжелую отвѣтственность на родственниковъ убитаго; поэтому древніе арабы остерегались при встрѣчахъ на дорогѣ сообщать другъ другу свои имена и свое происхожденіе изъ боязни случайно обнаружить, что предокъ одного былъ убитъ предкомъ другого и что тогда на одного изъ нихъ ляжетъ долгъ кровной мести. Каждый арабъ, или, по крайней мѣрѣ, каждая семья, была судьею въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и мстительницею за нанесенныя оскорбленія. Оскорбленіе, въ какой бы формѣ не наносилось, никогда не забывалось; обиженные нерѣдко выжидали случая къ отмщенію не только мѣсяцы, но цѣлые годы. „Въ мести

---

[1] Кн. Левитъ, гл. 24, ст. 19—21; кн. Числъ, гл. 35, ст. 16—33; кн. Второзаконія, гл. 19, ст. 4—13.

[2]) Коранъ, гл. 2, ст. 173.

[3]) Коранъ, гл. 42, ст. 37—39.

жизнь для васъ“ укоризненно замѣчено въ Коранѣ объ арабахъ, современныхъ Мухаммеду[1]). Кто не мстилъ, тотъ считался безчестнымъ. Арабъ произносилъ обѣтъ не умываться, не обрѣзывать ногтей, не бриться, не входить подъ кровъ своей палатки, пока не отомститъ своему врагу. Когда поэтъ Амруль-кайсъ былъ изгнанъ своимъ царственнымъ отцемъ изъ родительскаго жилища за свое соблазнительное поведеніе и случайно услышалъ во время одной попойки, что отца его убили въ возстаніи, то не прервалъ веселаго пира своего. Но на другой день, когда оправился, поклялся не касаться жены и не пить вина до тѣхъ поръ, пока не выполнитъ долга кровомщенія... Затѣмъ, желая узнать приговоръ судьбы, онъ вынулъ изъ пучка стрѣлъ у идола Дзуль-Халясы одну. Но на ней оказалась надпись «запретъ». Тогда онъ съ гнѣвомъ бросилъ эту стрѣлу въ лицо идола и воскликнулъ: «Если бы у тебя былъ отецъ, и если бы его убили, то ты не запретилъ бы отмстить за него»...

Мстить за убитаго былъ обязанъ ближайшій родственникъ[2]). Въ «Хамасѣ» въ одномъ стихотвореніи дядя, умирая отъ ранъ, завѣщеваетъ племяннику своему отомстить за себя[3]): «Вонъ тамъ въ ущельи, на утесѣ Саль, лежитъ трупъ бездыханный: на кровь его не падаетъ и роса. Еще разставаясь, наложилъ онъ на меня ношу, и какъ ни вѣска она, а не будетъ мнѣ въ тягость: „пламянникъ унаслѣдуетъ обиду мою кровавую,—смѣлъ онъ, туго опоясанъ и готовъ на бой; смотритъ въ землю какъ змѣя лютая, брыжжетъ ядомъ злымъ, что ящеръ черный“. Пала на меня эта заповѣдь, заповѣдь важная-преважная, такъ что все прочее предъ ней трынь-трава, ничто. Судьба-злодѣйка отняла у меня благороднаго товарища, что ужъ никогда бывало не покинетъ друга. Въ морозъ онъ пригрѣваетъ, какъ солнышко, въ лѣтній зной—онъ словно тѣнь прохладная. Сухощавый самъ, онъ всѣмъ щедро дѣлился съ близкими, не былъ сухъ на руку,—человѣкъ рѣшительный и

---

[1]) Коранъ, гл. 2, ст. 175

[2]) Коранъ, гл. 17, ст. 35.

[3]) Морицъ Карьеръ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Томъ третій. Москва, 1874 г. стр. 116—117.

рѣзкій. Выѣдетъ онъ въ поле,—съ нимъ мчится и удаль богатырская; приляжетъ гдѣ на покой,—съ нимъ тутъ же отдыхаетъ и храбрость. Дать ли что кому,—онъ плодотворенъ, какъ дождикъ; напасть ли на кого,—онъ неукротимъ, какъ левъ. Дома носится бывало въ длинномъ плащѣ, расчесавъ черные волосы, а на войнѣ – просто рыщетъ волкомъ шершавымъ. Двѣ были у него охоты - медъ и желчь, но эти двѣ стоили зато всѣхъ прочихъ. Верхомъ на ужасѣ выѣзжалъ онъ всегда одинъ; спутникомъ ему былъ острый мечь и ни кто болѣе!—Около полудня пустились мы въ поле, скакали напролетъ всю ночь и отдыхали только сбивши непріятеля, сами остры какъ булатъ и съ острымъ же булатомъ въ рукѣ, что сверкнетъ молніей, когда выхватишь его изъ влагалища. Зато и отплатили же мы недругу! Немногіе ускользнули отъ насъ изъ цѣлыхъ двухъ родовъ. Я настигъ ихъ врасплохъ,—храпятъ, клюются во снѣ носомъ,—очнулись—и бѣжатъ вразсыпную. Если племя Худаиль доконало теперь дядю, то часто вѣдь и онъ хорошо подчивалъ Худаилей; не разъ онъ запиралъ ихъ гдѣ нибудь въ хлѣву, гниломъ и влажномъ, гдѣ подпрѣваетъ у коней копыто; да часто посѣщалъ враговъ и на дому, сперва рѣзалъ, а потомъ грабилъ сколько душѣ угодно. Я тоже вдобавокъ ко всему прочему пожогъ теперь Худаильскіе шатры. Не полѣнился нагадить, только стало бы имъ не въ мочь тошно. Сколько разъ поилъ я вдоволь свое копье и, напоивши, велъ на новое опять пойло.—Ну, теперь дозволено намъ снова запретное вино! Не легко завоевали мы себѣ это наслажденіе, завоевали только съ помощью молодыхъ коней, до острыхъ мечей и копей... Услади же насъ теперь запретное въ полную опять волю. Савадъ-бенъ Амръ, подливай-ко мнѣ! Томитъ жажда, какъ только вспомню я о дядѣ. А Худаиль подноситъ теперь къ устамъ чашу смертную; горе, стыдъ и посмѣяніе на днѣ ея! Надъ трупами ихъ хохочетъ, небось, гіэнна, и волкъ щеритъ на нихъ зубы отъ радости. Ихъ топчутъ и пожираютъ благородные коршуны, а потомъ, наѣвшись досыта, тяжело ужъ машутъ крыльями.

Когда самъ поэтъ погибъ въ одной схваткѣ, то скорбь по немъ матери отозвалась въ двухъ слѣдующихъ стихахъ: „О, еслибъ бѣдное мое сердце успокоилось за тебя хоть на одинъ

часъ! о, еслибъ и теперь судьба постигла меня въ твое мѣсто!

Иногда кровомститель даже презиралъ голову непосредственнаго убійцы, а избиралъ себѣ въ жертву самаго лучшаго и почетнѣйшаго человѣка изъ той семьи, членомъ которой онъ былъ оскорбленъ. Чувство мести тогда осложнялось и кровомщеніе оканчивалось истребленіемъ цѣлаго семейства, если только родственники убійцы не успѣли примириться съ родственниками убитаго. Семейная месть иногда переходила въ племенную и притомъ по побужденіямъ очень мелкаго свойства. При кочевой жизни древніе арабы могли нерѣдко сталкиваться между собою просто изъ-за пастбищъ и такимъ образомъ ко времени появленія Мухаммеда почти всѣ арабскія кочевыя племена перессорились между собою. Арабское преданіе насчитываетъ 1700 битвъ за все время „невѣдѣнія" т. е. язычества арабовъ, хотя Д'Ербело упоминаетъ о 1200 битвахъ. Изъ этихъ усобицъ древнихъ арабовъ наиболѣе характерны двѣ слѣдующія[1]).

Въ концѣ V вѣка по Рождествѣ Христовѣ могущественнѣйшимъ человѣкомъ во всей Аравіи считался Кулейбъ, сынъ Рабига, представитель сильнаго племени Бену-Таглибъ, занимавшаго тогда, вмѣстѣ съ родственнымъ ему племенемъ Бену-Бекръ, весь сѣверо-востокъ полуострова. Предъ славой Кулейба, даже Асиръ, сынъ Худжра, отступалъ на второй планъ, не смотря на то, что отецъ послѣдняго, не задолго передъ тѣмъ, образовалъ изъ бедуиновъ центральной Аравіи сильную коалицію—союзъ Кинда. Родъ Кинда, едва только достигшій гегемоніи, лишился ея опять на нѣкоторое время, такъ какъ большинство союзныхъ племенъ согласились подчиниться верховенству Кулейба, который съ того времени столь сильно возгордился, что его самомнѣнію, казалось, не было границъ[2]). Онъ былъ женатъ на Джалилѣ изъ родственнаго племени Бекръ, и братья ея со своими ближайшими родственниками дружили съ Кулейбомъ. Рядомъ съ его палаткой поселился

---

[1]) Описаніе ихъ заимствуется изъ исторіи ислама А. Мюллера.

[2]) Имя его вошло потомъ въ поговорку: позднѣйшіе арабы говорили о гордецахъ: „онъ превосходитъ гордостію даже Кулейба".

одинъ изъ шуриновъ, Джессасъ, къ которому пріѣхала въ гости родная его тетка Бесусъ. Чуждая обоимъ колѣнамъ (Бекръ и Таглибъ), она мсгла пользоваться покровительствомъ своего племянника Джессаса. Вслѣдъ за ней прибылъ вскорѣ землякъ ея, нѣкто Сагдъ, и остановился также у Джессаса. Сагдъ привелъ съ собою верблюдицу, кличкою Сарабъ. Находясь подъ кровлей, а стало быть и защитой Джессаса, Сагдъ выпускалъ свою верблюдицу на пастбище, гдѣ ходили и стада Кулейба. Однажды Кулейбъ обходилъ ограду выгона и случайно замѣтилъ жаворонка, сидѣвшаго въ гнѣздѣ. Птичка испуганно вскрикнула и затрепетала крылышками. Кулейбъ былъ тогда въ хорошемъ настроеніи и сказалъ: „Чего боишься? ты и твое гнѣздо находятся подъ моимъ покровительствомъ! Повѣрь, никто не посмѣетъ тебя тронуть“. А когда, немного спустя, онъ снова проходилъ по тому же мѣсту, то замѣтилъ слѣдъ верблюда, и яйца жаворонка растоптанными. Вернулся Кулейбъ домой сердитымъ. Когда на другой день, вмѣстѣ съ Джессасомъ, обходилъ онъ пастбище и увидѣлъ верблюдицу Сагда, то догадался, что это она раздавила яйца, и кликнулъ Джессасу: „Смотри у меня! Я кое-что подозрѣваю. Если узнаю доподлинно, то приму мѣры, чтобы эта верблюдица никогда болѣе не ходила съ моимъ стадомъ“.—Сильно не понравилась Джессасу рѣзкость тона родственника и онъ самоувѣренно отвѣтилъ: „Клянусь Создателемъ, она вернется сюда опять, какъ было и прежде“... Слово за слово,—поднялась ссора. Кулейбъ сталъ грозить, что если онъ еще увидитъ верблюдицу Сагда, то пронзитъ ей стрѣлою вымя.—На это Джессасъ отвѣтилъ въ запальчивости: „Попробуй только ранить ее въ вымя... Мое копье не замедлитъ тогда пробить тебѣ позвоночный столбъ“. А самъ, между тѣмъ, погналъ верблюдицу прочь. Кулейбъ вернулся домой очень мрачнымъ и жена его Джалила (родная сестра Джессаса) замѣтила сразу, что что-то не ладно. Стала его разспрашивать, допытываться, въ чемъ дѣло... Наконецъ онъ произнесъ мрачно: „Знаешь ли ты такого, кто бы осмѣлился защищать любимца своего наперекоръ мнѣ?“ Она отвѣчала, не долго думая: „Едва ли кто на это рѣшится; развѣ вотъ братъ мой Джессасъ“. Кулейбъ сказалъ, что онъ сомнѣвается въ этомъ. Съ его языка сорвалась ѣдкая насмѣшка по

адресу шурина, но насмѣшка не осталась безъ отвѣта. Тогда съ обѣихъ сторонъ послышались грубые перекоры...

Послѣ этой вспышки, однажды Кулейбъ вышелъ опять поглядѣть на верблюдовъ, которыхъ въ это время вели на водопой. Впереди шли Кулейбовы верблюды, но верблюдица Сагда (Сарабъ), находившаяся въ стадѣ Джессаса, рванулась впередъ и бросилась къ водопою. Кулейба передернуло. Ему сообщили при этомъ, что это животное принадлежитъ чужестранцу. Показалось гордому шейху, что такъ случилось нарочито; все это штука Джессаса, подумалъ онъ. Тогда Кулейбъ схватился за лукъ; натянулъ тетиву, и стрѣла прободила вымя верблюдицы. Съ крикомъ понеслась Сарабъ прямо въ стойло, къ палаткѣ Джессаса. Пріѣзжая тетка его Бесусъ все это видѣла и вознегодовала, горько сѣтуя на нанесенный ущербъ собственности ея родственниковъ: „О позоръ! О поношеніе! Гостя моего обидѣли!“ голосила она въ надеждѣ, что Джессасъ отомститъ за нанесенную ея гостю обиду. Напрасно старался Джессасъ успокоить тетку обѣщаніемъ богатаго вознагражденія; Бесусъ день за днемъ не переставала преслѣдовать племянника насмѣшками и упреками, что гость подъ кровлей его не можетъ найти защиты, которую всякій честный человѣкъ обязанъ оказывать даже чужому, принятому въ домъ. Не выдержалъ наконецъ Джессасъ и разразился проклятіями: „Замолчишь ли ты, наконецъ, женщина! Завтра будетъ убитъ одинъ, и погибель его для племенъ Бекра и Таглиба обойдется дороже твоей верблюдицы!“ Слова эти переданы были буквально Кулейбу. Шейхъ подумалъ было, что дѣло идетъ о его верблюдѣ-любимцѣ и порѣшилъ въ умѣ жестоко отомстить, если шуринъ осмѣлится убить этого верблюда. Но Джессасъ думалъ о самомъ шейхѣ Кулейбѣ и сталъ подстерегать его. Однажды, когда Кулейбъ вышелъ безъ оружія, Джессасъ бросился за нимъ и крикнулъ ему: „Берегись, я убью тебя!“—„Иди же впередъ, если ты не лжешь“, отвѣчалъ ему хладнокровно Кулейбъ. Отъ непомѣрной гордости онъ считалъ непозволительнымъ для себя даже обернуться къ противнику. Джессасъ напалъ на него сзади и всадилъ ему копье въ спину. Кулейбъ упалъ на землю, а Джессасъ бросился бѣжать. Въ это самое время отецъ убійцы, окруженный старѣйшинами колѣна Шейбанъ, племени

Бену Бекръ, сидѣлъ возлѣ своей палатки. Увидя стремительно прибѣжавшаго сына, старикъ воскликнулъ: «О Боже! Джессасъ совершилъ, должно быть, что-то ужасное»! Затѣмъ онъ спросилъ сына: «Что съ тобою?» Сынъ прошепталъ: «Я убилъ... Кулейба». Старецъ возмутился: «Такъ одинъ ты и будешь въ отвѣтѣ, сказалъ онъ. Я тебя свяжу, чтобы дать возможность домочадцамъ Кулейба убить тебя! И все же истинно говорю, прибавилъ со вздохомъ старикъ, никогда болѣе племена Бекръ и Таглибъ не соединятся на хорошее дѣло, вслѣдствіе предательской смерти Кулейба. Горе намъ! Что ты надѣлалъ, Джессасъ? Ты умертвилъ главу народа, разорвалъ узы единенія факелъ раздора бросилъ въ средину племенъ!» Но Джессасъ не угомонился, а продолжалъ хвастаться тѣмъ что совершилъ. Отецъ связалъ его и повелъ въ палатку, куда позваны были старѣйшины всѣхъ колѣнъ племени Бекръ. Старикъ началъ свою рѣчь такъ: „Дѣлайте, что хотите съ Джессасомъ. Онъ убилъ Кулейба. Я его связалъ. Намъ остается ждать, пока не появятся призванные на кровомщеніе и не потребуютъ выдачи его". Но представители рода не пожелали и слышать о выдачѣ убійцы. Правъ онъ или виновенъ, честь рода требовала защищать его всѣми средствами противъ преслѣдователей. Такъ былъ порванъ тѣсный союзъ родственныхъ племенъ и началась кровавая бойня. Иногда она затихала, заключалось на нѣкоторое время перемиріе, даже образовывались временные союзы, для отраженія общаго врага; но вражда не прекращалась въ теченіе 40 лѣтъ. Наконецъ обѣ стороны утомились, и заключенъ былъ миръ.

Не менѣе замѣчательна и другая братоубійственная распря между родственными племенами, возникшая приблизительно около 560 г. по Р. Хр. И поводы къ ней представляютъ также характерныя черты старинныхъ нравовъ Аравіи. Въ то время заселяли центръ полуострова большія группы племенъ, подъ общимъ названіемъ *Бену Кайсъ*. Между ними самымъ выдающимся было поколѣніе *Бену Гатафанъ*. Въ свою очередь *Бену Абсъ* и *Бену Зубьянъ* (подраздѣленія племени Гатафанъ) пользовались наибольшимъ почетомъ. Благодаря общему происхожденію, оба они жили въ тѣсномъ единеніи. Старѣйшиной у Абсъ былъ Кайсъ, сынъ Зухейра, у котораго былъ знаменитый скакунъ Дахисъ. Разъ какъ-то одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ

Кайса посѣтилъ старѣйшинъ племена Зубыянъ. Ему показали многихъ лошадей и стали, въ присутствіи его, чрезмѣрно восхвалять превосходныя качества кобылицы Габра. Гость сталъ доказывать, что не сравняться ей съ Дахисомъ. Возникли горячіе споры, кончившіеся тѣмъ, что побились объ закладъ, которое изъ этихъ обоихъ животныхъ быстрѣе на скаку Рѣшено было выставить съ обѣихъ сторонъ закладъ по десяти верблюдовъ, которые назначались въ награду побѣдившей сторонѣ. Не особенно понравилось Кайсу. Когда ему разсказали о случившемся, такъ какъ онъ предчувствовалъ, что хорошаго не много выйдетъ изъ спора. Зналъ онъ прекрасно, что за народъ Зубьяниты, старѣйшины котораго славились насиліемъ и несправедливостію. Поэтому онъ самъ отправился на мѣсто стоянки сосѣдей, съ твердымъ намѣреніемъ отступиться отъ пари Но владѣлецъ Габры, нѣкто Хузейфа и его братъ Хамаль, оба старѣйшины, люди сильно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, наотрѣзъ отказали Кайсу. Они стали доказывать ему, что если шейхъ не желаетъ пустить свою лошадь на перегонки, то этимъ онъ сознается, что проиграетъ и, стало быть, обязанъ выдать десять верблюдовъ. Эти безумныя рѣчи окончательно взорвали Кайса. «Нѣтъ, никогда [illegible] не думалъ, что могу проиграть», заговорилъ онъ. «Но по моему, ежели ужъ биться объ закладъ, такъ по крайней мѣрѣ на большее пари». Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ порѣшили на сотнѣ верблюдовъ. Дистанціей назначили сто полетовъ стрѣлъ (около 3 миль). Кайсъ и Хузейфа, владѣльцы лошадей, передали на руки избраннаго ими сообща третьяго лица по сотнѣ верблюдовъ. Двое сутокъ они не поили своихъ лошадей, а возлѣ цѣли, куда должны были добѣжать скакуны, вырыли яму и наполнили ее водою. Та изъ лошадей, которая первая утолитъ свою жажду изъ водопоя, такъ согласились обѣ стороны, будетъ считаться побѣдившей. Въ заранѣе опредѣленный день, большія толпы зрителей изъ обоихъ племенъ собрались на мѣсто ристалища. Гораздо болѣе, разумѣется, было Зубыянитовъ такъ какъ мѣсто состязанія назначили на ихъ территоріи. По данному знаку пустили лошадей одновременно, и обѣ лошади поскакали съ быстротой вѣтра, такъ что Кайсъ и Хузейфа, слѣдовавшіе верхами за ними, вдоль ристалища, не поспѣвали за скакунами и

все болѣе и болѣе теряли ихъ изъ виду. Въ началѣ, пока Габра бѣжала по заранѣе утрамбованному Хузейфомъ, нарочито для своей лошади, пути, она шла нѣсколько впереди. Но когда твердая почва постепенно перешла въ песчаную, Дахисъ сталъ замѣтно выказывать большую рѣзвость и выдвинулся на значительное разстояніе впередъ. Давно уже обѣ лошади скрылись изъ глазъ своихъ владѣльцевъ. Приближались онѣ уже къ цѣли, и Дахисъ былъ далеко впереди, какъ вдругъ изъ подготовленной коварнымъ Хамалемъ засады, выскочили два Зубыянита. Сильными ударами по ноздрямъ заставили они шарахнуться лошадь въ сторону и дали этимъ полную возможность прибѣжать Габрѣ первой къ водопою. Но въ числѣ зрителей нашлись такіе, которые возмутились при этой недостойной сценѣ и когда подъѣхали Кайсъ рядомъ съ Хузейфомъ, то Кайсу тотчасъ же передано было, какимъ образомъ помѣшали его скакуну одержать неоспоримую побѣду. Онъ сумѣлъ, однако, подавить свой гнѣвъ. Абсовъ было немного, и Кайсъ обратился, повидимому, хладнокровно къ Хузейфу и Хамалю съ слѣдующею рѣчью: „Дѣти Багида! (такъ звали общаго прародителя обоихъ племенъ). Несправедливость ужаснѣйшее зло между братьями. Совѣтую вамъ, возвратите намъ то, что вы выиграли. Вы не выиграли, собственно, ничего. Отдайте же, по крайней мѣрѣ, ту часть верблюдовъ, которая намъ принадлежитъ“.—„Никогда этого не будетъ“.—„По крайней мѣрѣ дайте одного верблюда на убой. Надо же угостить людей, наполнившихъ водою водопой“.—„Одного или сотню—это все равно: этимъ самымъ мы признаемъ васъ за побѣдителей, а этого отъ насъ не дождетесь. Мы не считаемъ себя побѣжденными“.

Напрасно пробовалъ одинъ изъ Зубыянитовъ, благомыслящій человѣкъ, устранить угрожавшій разрывъ предложеніемъ взаимныхъ уступокъ. Всѣ его старанія не привели ни къ чему, и Кайсъ удалился со своими, глубоко убѣжденный въ томъ, что его самымъ постыднымъ образомъ провели. Пылая местью къ обманувшимъ, онъ, воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ и умертвилъ одного изъ братьевъ Хузейфа... Тотчасъ возгорѣлась братоубійственная война между обоими племенами, продолжавшаяся, по преданію, 40 лѣтъ[1]). Въ нескончаемой

[1]] Число 40 на востокѣ считается почетнымъ. Это число встрѣчается и въ сказкахъ средне-азіатскихъ сартовъ.

рѣзнѣ пали подъ рукой самого Кайса, одинъ за другимъ, двое изъ братьевъ Хузейфа и самъ Хамаль; но пали и многіе изъ числа знатнѣйшихъ племени Абсъ. Обѣ стороны были уже истомлены продолжительной враждой, а тѣни убитыхъ не давали имъ покоя, потому что кровь смывается у арабовъ только одною кровью. Наконецъ, среди племени Зубьянъ отыскались два мужа возвышеннаго сердца—Харисъ Ибнъ Ауфъ и Харисъ Ибнъ Синанъ, рѣшившіеся примирить родственныя племена съ помощію великой личной жертвы. Они подсчитали убитыхъ съ обѣихъ сторонъ и пришли къ заключенію, что остается извѣстное число, кровь которыхъ еще не отомщена... Кодексъ чести у арабовъ допускаетъ оплачивать убійство выкупомъ въ пользу родственниковъ и домочадцевъ убитаго, и иногда, хотя весьма рѣдко и неохотно, дѣти пустыни соглашаются на подобную сдѣлку. Но теперь всѣ ощущали потребность помириться, и каждый охотно согласился на предложеніе вышепоименованныхъ лицъ—уплатить, по соглашенію, извѣстную сумму родственникамъ, въ формѣ соотвѣтствующаго числа верблюжьихъ головъ. 3000 лучшихъ животныхъ пришлось защитникамъ мира раздать, чтобы достичь предполагаемой ими цѣли. Въ глазахъ жадныхъ арабовъ это было поразительнымъ актомъ великодушія и щедрости, даже со стороны самыхъ зажиточныхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ можно было, наконецъ, добиться замиренія, хотя до самаго послѣдняго момента можно было опасаться, что вотъ-вотъ возобновится снова жесточайшая рѣзня. Одинъ только старикъ Кайсъ Ибнъ Зухейръ, изъ-за злосчастнаго жеребца котораго возникла вся эта распря, уклонился отъ мира, хотя въ душѣ и одобрялъ миръ. „Я не въ состояніи выносить взгляда ни одной изъ Зубьянитокъ“, признавался онъ. „Нѣтъ почти ни одной межъ ними, у которой бы я не убилъ когонибудь: отца, брата, мужа или сына“. Поэтому онъ удалился со своими ближайшими родственниками за Ефратъ, къ родственному племени Бену Намиръ, кочевавшему среди поселеній месопотамскихъ христіанъ. По преданію, онъ перешелъ въ христіанство и кончилъ мирно жизнь отшельникомъ въ далекомъ Оманѣ, на юговостокѣ Аравіи[1]).

[1]) А. Мюллеръ. Исторія ислама. Томъ 1-й, стр. 1—7.

Иногда достаточно было прозаическаго или поэтическаго разсказа, напоминающаго о прежнихъ отношеніяхъ враждебныхъ племенъ, чтобы возбудить между ихъ представителями ожесточенную усобицу, хотя при этомъ древній обычай требовалъ отъ враждующихъ соперниковъ равенства возраста и силъ, числа и оружія. Только въ четыре священные мѣсяца (Мухаррамъ, Раджабъ, Дзуль-каада и Дзуль-Хиджа) арабы прекращали свои взаимныя междуусобицы, а иногда и ссоры съ иноземцами. Въ эти мѣсяцы арабы влагали свои мечи въ ножны и строго сохраняли перемиріе. Иногда, впрочемъ, спокойствіе священныхъ мѣсяцевъ нарушалось, и тогда арабы переносили миръ на слѣдующіе затѣмъ мѣсяцы своего луннаго года[1]).

Хищничество, разбойническіе набѣги на сосѣдей и на караваны, почти безпрерывныя междуусобныя войны вполнѣ объясняются постоянною жизнію арабовъ въ пустынѣ. „Пустыня, говоритъ Мюллеръ, предъявляла къ личнымъ качествамъ каждаго араба наивысшія требованія, причемъ успѣхомъ пользовались только люди, особенно одаренные природой[2])“. Игн. Гольдцигеръ[3]) замѣчаетъ, что „жизнь древнихъ арабовъ представляла рѣзкую противоположность съ жизнію арабовъ исламскаго періода. Средоточіемъ соціальныхъ понятій аравитянъ было сознаніе общаго происхожденія отдѣльныхъ арабскихъ племенъ. Поэтому слава одного племени въ сравненіи со славой другого размѣрялась по славѣ предковъ; на ней основывалась претензія цѣлаго племени и каждаго въ отдѣльности на уваженіе и *авторитетъ*. Слава предковъ[4]), когда дѣло касалось чувства собственнаго достоинства, занимала у древнихъ арабовъ выдающееся мѣсто. Эта слава имѣла для араба такое значеніе потому, что онъ убѣжденъ былъ въ наслѣдственности какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ качествъ. Добродѣтель предковъ арабы сравниваютъ съ прочнымъ, высокимъ зданіемъ, созданнымъ для потомства, зданіемъ, разрушить которое было

[1]) См. Коранъ, гл. 9, ст. 5, 36 и 37.

[2]) Исторія ислама, томъ 1, стр. 8.

[3]) Muhemmedanische Studien von Ignaz Goldziher. Halle, Erster Theil.

[4]) Буквально хвастовство предками فخر отъ تفاخر хвастался, величался надъ кѣмъ, съ على.

бы поздно. Съ другой стороны, распространяя худые слухи о предкахъ противника или его племени, этимъ самымъ навлекали подозрѣніе на достоинства его самого. Такимъ именно способомъ можно было наиболѣе уколоть самолюбіе гордаго араба. Поэтому ссоры и междоусобія отдѣльныхъ племенъ сопровождались у арабовъ обоюдными насмѣхательствами[1]), въ которыхъ исчислялись обыкновенно позорныя черты характера и прошлаго того племени, съ которымъ велась борьба, но въ тоже время восхвалялись достоинства собственнаго племени. Для составленія подобныхъ сатиръ арабы нанимали поэтовъ изъ другого племени, если не было своихъ, и иногда за довольно высокій гонораръ. Своеобразная сатира имѣла важное значеніе во времена усобицъ арабовъ и могла имѣть роковое вліяніе на положеніе племени среди арабскаго общества. Такъ, напримѣръ, во время спора между Таглебитами и Бекритами изъ-за одного источника въ пустынѣ (въ VI в. по Р. Хр.) защитникомъ правъ Таглебитовъ былъ выбранъ поэтъ Амру-бенъ-Кольсумъ[2]), а защитникомъ правъ Бекритовъ—поэтъ Харисъ. Каждый изъ нихъ восхвалялъ въ стихахъ добродѣтели своего племени и укорялъ противника въ трусости и насиліи: Амру-бенъ-Кольсумъ восхвалялъ Таглебитовъ за то, что они всегда оставались независимыми и не преклоняли своей главы, подобно Бекритамъ, подъ иго сосѣднихъ властителей[3]). Защитникъ Бекритовъ, поэтъ Харисъ, язвительно упрекаетъ противника въ безпристанной невѣрности данному слову и въ пустомъ хвастовствѣ; напоминаетъ о многихъ пораженіяхъ Таглебитовъ, за которыя они не отомстили; говоритъ, что побѣды ихъ были случайны, что они употребляли ихъ во зло и, наконецъ, обра-

---

[1]) هجاء.

[2]) عمرو بن كلثوم сынъ Малека-бенъ-Аттаба, происходилъ изъ племени Таглибъ, жилъ въ концѣ пятаго и началѣ шестого вѣка по Р. Хр. и достигъ 150-лѣтняго возраста. Кромѣ своего поэтическаго дарованія, проявившагося въ составленіи моаллакаты, похвальныхъ одъ, сатиръ и любовныхъ пѣсенъ, онъ славился также своею храбростью. Храбрость его вошла у древнихъ арабовъ въ пословицу: когда хотѣли превознести храбреца, то говорили: *„онъ храбрѣе Амру-бенъ-Кольсума“*. Біографія его переведена и издана въ 1829 г. Козегартеномъ.

[3]) Отрывокъ изъ его сатиры приведенъ въ предыдущей главѣ.

щается къ ихъ защитнику, поэту Ибнъ-Кольсому: „О ты, который клевещешь на насъ Амру! Долго ли устоитъ твоя ложь? Не думай, чтобы твои нападенія имѣли какую-нибудь силу противъ насъ. И прежде тебя, другіе враги много худого взводили на насъ; но отъ всей ихъ злобы защитили насъ твердыни и наша незыблемая слава, которая во многихъ уже возбуждала зависть и всегда поражала дерзавшихъ покушаться противъ насъ. Если постигали насъ неудачи или несчастія, это все равно, какъ будто ниспадали они на высокую и мрачную гору, которая, вершиною прорываетъ облака и съ спокойнымъ видомъ неподвижно отражаетъ отъ себя всѣ дерзкіе удары. Вы многихъ оставили неотмщенными, а мы воздали вамъ за все. Вы хорошо насъ узнали, когда всѣ поколѣнія кровожадно устремлялись одно противъ другого; когда каждое колѣно находилось въ безпрерывной тревогѣ; когда и храбрѣйшіе не смѣли жить на равнинахъ, а трусливымъ не помогало и бѣгство. Оставьте притворство и высокомѣріе, они только увеличиваютъ вашу неправоту[1])".

Въ занлюченіе этой главы приводимъ краткое описаніе современнвго быта бедуиновъ, бѣдность которыхъ поражала туркестанскихъ хаджіевъ:

„Мы миновали палатку за палаткой, оставивъ за собою много оборванныхъ бедуиновъ и пасущихся верблюдовъ, когда, наконецъ, проводникъ указалъ намъ на группу жилищъ, изъ которыхъ два или три казались болѣе обширными, чѣмъ остальныя, и сообщилъ намъ, что нашъ ужинъ въ эту ночь (день клонился къ вечеру) будетъ отнесенъ на счетъ этихъ жилищъ. «Адтауидъ» (т. е. благородные люди), прибавилъ онъ для ободренія насъ перспективой прекраснаго пріема. Разумѣется, намъ оставалося только положиться на его благоусмотрѣніе, и черезъ нѣсколько минутъ мы находились возлѣ черныхъ, сдѣланныхъ изъ козьяго волоса, покрышекъ шатра, гдѣ жили наши предполагаемые хозяева.

„Оттуда вышелъ начальникъ и обмѣнялся нѣсколькими лаконическими словами съ проводникомъ. Послѣдній подошелъ

---

[1]) Ст. Сенковскаго: „Поэзія пустыни".
См. Правосл. Благовѣст. 1901 г. № 8, ст. Арабы Аравіи изъ The Missionery Review.

къ тому мѣсту, гдѣ мы остановились въ ожиданіи, отвелъ нашихъ верблюдовъ на нѣкоторое разстояніе отъ шатровъ, поставилъ ихъ на колѣни, помогъ намъ развьючить ихъ, и когда мы размѣстились на песчанной отлогости противъ жилищъ племени, посовѣтовалъ намъ зорко смотрѣть за своимъ богажемъ, такъ какъ между нашими хозяевами могли находиться хищники и воры, несмотря на то, что это были «адтауидъ». Мы покорились своей участи и усѣлись на пескѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ результатовъ переговоровъ нашего проводника.

„Нѣсколько времени насъ оставляли въ покоѣ, хотя и замѣтили. Группа арабовъ собралась около нашихъ спутниковъ у двери шатра, дѣлая имъ всевозможныя вопросы, въ особенности относительно насъ и нашего богажа, который былъ предметомъ большого любопытства, чтобы не сказать жадности. Затѣмъ наступила наша очередь! Начальникъ, его семейство (за исключеніемъ женщинъ), его блестящая свита и около двадцати другихъ молодыхъ и старыхъ мужчинъ подошли къ намъ и—послѣ короткаго привѣтствія на бедуинскій манеръ—усѣлись нередъ нами полукругомъ. У каждаго была въ рукахъ крючковатая палка для понуканія верблюдовъ, которою жестикулировали во время разговоровъ и играли въ промежуткахъ. Младшіе члены этого общества, менѣе говорливые, вѣжливо употребляли свой досугъ на то, чтобы таращить на насъ глаза или дѣлать грязные шарики изъ песку и разбрасывать.

„Но какъ мнѣ описать ихъ разговоръ, ихъ вопросы и отвѣты. ихъ манеры и жесты? Здѣсь вы можете видѣть человѣческую натуру на низшей или почти на низшей ступени ея. Одинъ валяется, растянувшись на пескѣ, другой концомъ своей палки проводитъ безсмысленныя линіи, третій скалитъ зубы, четвертый задаетъ безцѣльные или дерзкіе вопросы, или отпускаетъ шутки, разсчитанныя на остроуміе, но въ дѣйствительности грубыя до крайности. Между тѣмъ мальчишки лѣзли впередъ и прерывали старшихъ безъ малѣйшаго уваженія или вниманія.

„И, однакоже, во всемъ этомъ нѣтъ никакого дѣйствительнаго намѣренія быть грубымъ, никакого желанія надоѣсть; совсѣмъ напротивъ: они искренно желаютъ понравиться своимъ гостямъ, не стѣсняясь ихъ; мало того, готовы оказать имъ

добрую услугу, которую могутъ, но только не умѣютъ приняться за дѣло. Если они нарушаютъ всѣ законы приличія и вѣжливости, то просто по невѣжеству, а не съ накимъ-нибудь злымъ намѣреніемъ; по временамъ они показываютъ признаки значительнаго врожденнаго такта и смышленности; въ тоже время, несмотря на все непостоянство, свойственное людямъ, не привыкшимъ ни къ какимъ нравственнымъ или физическимъ стѣсненіямъ, у нихъ проявляются основныя черты мужественнаго и великодушнаго характера. Ихъ недостатки неразлучны съ состояніемъ ихъ цивилизаціи; выкупающія эти недостатки качества составляютъ ихъ собственность. Для лучшаго уясненія читателю характера туземцевъ, я приведу образчикъ разговора съ бедуинами.

„Что вы такое? чѣмъ вы занимаетесь?“—таково обычное начало разговора безъ всякаго предисловія. На это мы отвѣчаемъ:—„Лѣкарь изъ города Дамаска и занимаюсь тѣмъ, что Богу угодно будетъ поставить на нашемъ пути“. Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ о нашемъ багажѣ; кто-нибудь ощупываетъ его палкой, чтобы привлечь вниманіе, и говоритъ: «Что это такое? Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь вещицъ, чтобы продать намъ?» —Мы осторожно отклоняемъ предложеніе о продажѣ. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ, они наконецъ отстаютъ отъ своихъ требованій. Другой, страдающій какимъ-нибудь тѣлеснымъ увѣчьемъ въ родѣ, напримѣръ, высохшей руки или совершенно слѣпого глаза, –проситъ лѣкарства, которое, по его мнѣнію, тотчасъ же возстановитъ совершенно его здоровье и возвратитъ цѣлость его тѣлу. Я вѣжливо отклоняю просьбу. Онъ настаиваетъ; я избавляюсь онъ него шуткой.

„Иэ, уалейдъ! т. е. «молодой парень!» Такъ они называютъ каждаго человѣка мужского пола отъ восьми до восьмидесяти лѣтъ безразлично.—Не наполнишь ли ты мою трубку?“ говоритъ одинъ, который замѣтилъ, что моя трубка занята, и который несмотря на то, что онъ имѣетъ порядочный запасъ сухого табаку въ тряпкѣ, привязанной къ его грязному поясу, считаетъ минуту удобною для попрошайничества, послѣ того, какъ оказалось невозможнымъ получить ни товаровъ, ни лѣкарства.

Но проводникъ, сидящій среди круга, дѣлаетъ мнѣ знаки --не соглашаться. Поэтому я отклоняю просьбу. Однакоже мой проситель не отстаетъ; его примѣру слѣдуютъ двое другихъ, изъ которыхъ каждый подставляетъ мозговую кость съ продѣланнымъ съ одной стороны отверстіемъ, которая исполняетъ должность трубки, или обыкновенный въ этой пустынѣ ноздреватый камень, нѣчто вродѣ первобытной пѣнки, превращенный въ курительный снарядъ неуклюжаго вида.

Такъ какъ они становятся дерзкими, то я притворяюсь разсерженнымъ. чтобы разомъ покончить съ ними. – Ахъ, бедуины! мы ваши гости, а вы не стыдитесь выпрашивать отъ насъ?

— Не обращайте вниманія, извините этихъ невѣждъ, не воспитанныхъ шутовъ и проч,,--вмѣшивается одинъ сидящій рядомъ съ начальникомъ, одѣтый нѣсколько лучше большинства личностей, составляющихъ собраніе.

— Не желаете ли вы *населить* трубку для своего маленькаго брата?—прибавляетъ самъ начальчикъ, доставая свою трубку съ самымъ скромнымъ видомъ.

Языкъ бедуиновъ, подобно большинству восточныхъ языковъ, изобилуетъ довольно красивою образностью, и слово *населить* значитъ здѣсь *наполнить*. Проводникъ даетъ мнѣ знакъ --исполнить просьбу; я беру горсть табаку и кладу ее на длинный рукавъ рубашки просителя; тотъ завязываетъ ее и лицо его сіяетъ необычайнымъ удовольствіемъ. По крайней мѣрѣ, ихъ легко удовлетворить, этихъ бедуиновъ.

Въ подобныхъ разговорахъ проходитъ часъ. Нѣкоторые встаютъ и уходятъ, другіе усаживаются, каждый дѣлаетъ свои замѣчанія или разспросы, и мы имѣемъ полную возможность познакомиться съ ихъ характеромъ, наклонностями и обычаями.

Начальникъ, добывъ себѣ запасъ табаку, что,—не ошибаясь можно сказать,—было главною цѣлью его посѣщенія, ушелъ въ свою палатку отдать приказаніе насчетъ угощенія. Вскорѣ потомъ мы увидѣли кучку праздныхъ личностей, собравшихся нѣсколько на заднемъ планѣ, что служитъ признакомъ, что на этомъ мѣстѣ убиваютъ барана или верблюда для вечерняго пира. Вслѣдъ затѣмъ мы видимъ трупъ животнаго, распростертый у угла шатра, который будутъ разрѣзы-

вать нѣсколько операторовъ среди толпы, глубоко заинтересованной этимъ процессомъ, потому что весь лагерь будетъ участвовать въ пиршествѣ, приготовленномъ по случаю прибытія гостей.

Мы остаемся теперь одни, такъ какъ стряпня—дѣло слишкомъ важное для того, чтобы какой-нибудь праздный сосѣдъ могъ при ней не присутствовать. Въ Европѣ говорятъ, что излишество поваровъ вредитъ бульону; но здѣсь процессъ стряпни слишкомъ простъ для того, чтобы ее можно было испортить. Развести огонь подъ огромнымъ котломъ, который никогда не чистится, вскипятить воду и затѣмъ бросить въ нее куски убитаго животнаго, чтобы они кипѣли въ своемъ собственномъ, не снятомъ жирѣ до тѣхъ поръ, пока они не сварятся на двѣ трети,—вотъ все кулинарное искусство и nec plus ultra бедуинскаго пира.

Однакоже, это требуетъ нѣкотораго времени: огонь, разведенный на открытомъ воздухѣ, дѣйствуетъ не такъ быстро, какъ въ печи и кухнѣ; а большія массы мяса не скоро могутъ быть доведены до приблизительно съѣдобнаго состоянія. Поэтому уже звѣзды появились на небѣ и ночной вѣтеръ охладилъ песокъ, прежде чѣмъ необычайная суматоха между присутствующими и внезапно появившаяся туча искръ показали, что котелъ снятъ наконецъ съ камней, служившихъ очагомъ. Вода была вылита, мясо свалено безпорядочной кучей въ огромную и очень грязную деревянную чашу, и въ такомъ видѣ, безъ всякихъ другихъ прибавокъ или приправъ, поставлено на землѣ на полупути между нами и палатками.

Начальникъ или какой-нибудь полуодѣтый юноша изъ его семейства подходятъ къ намъ съ обычнымъ „*тефаддалу*“ т. е. сдѣлайте милость принять наше приглашеніе. Мы приближаемся къ чашкѣ, но прежде чѣмъ мы занимаемъ мѣста, толпа со всѣхъ сторонъ бросилась уже къ общему центру притяженія и большой кругъ молча ждетъ уже сигнала для начатія пира. Этотъ сигналъ подается начальникомъ, который снова повторяетъ формулу приглашенія, и проводникъ и мой товарищъ добываютъ большой кусокъ полусырого мяса, и таща за два противоположные конца, разрываютъ его на болѣе удобные для ѣды куски. Тогда всѣ бросаются къ мясу. Въ чашкѣ копаются

болѣе тридцати немытыхъ рукъ и черезъ какія-нибудь пять минутъ кости, обглоданныя слишкомъ начисто для того, чтобы представлять большую поживу для тощихъ собакъ, стоящихъ кругомъ и ожидающихъ своей очереди, составляютъ все, что остается отъ пира.

— Отчего ты не ѣшь?... Ѣшь, принимайся-ка за работу. О, сто привѣтствій вамъ, достойные гости,—безпрестанно повторяетъ намъ хозяинъ, пролагая намъ путь своимъ собственнымъ хорошимъ примѣромъ. При этомъ я долженъ замѣтить, что если бы на нашемъ мѣстѣ былъ самъ султанъ, то и ему не было бы предложено болѣе разнообразнаго или отборнаго угощенія по той простой причинѣ, что Шераратъ не имѣетъ ничего лучшаго.

Затѣмъ вода, съ сильнымъ амміачнымъ запахомъ, – ходитъ въ круговую въ чемъ то вродѣ маленькаго ведра, которое въ Англіи нашло бы для себя надлежащее мѣсто у морды жеребенка. Тѣмъ не менѣе, въ то время, какъ мы пьемъ этотъ священный напитокъ, нашъ ближайшій сосѣдъ говоритъ „хена“, т. е. добраго здоровья. Онъ говоритъ это въ видѣ вѣжливости и вмѣстѣ намека, чтобы и ему былъ переданъ сосудъ.

Затѣмъ мы удаляемся на песчанный склонъ къ своему багажу, потому что у бедуиновъ, при ихъ первобытномъ образѣ жизни, не принято спать въ шатрѣ хозяина. Малый размѣръ жилища, гдѣ толпится семья всѣхъ половъ и возрастовъ, и гдѣ нѣтъ никакихъ раздѣленій на отдѣльныя комнаты, вполнѣ объясняетъ и оправдываетъ этотъ обычай, который не имѣетъ ничего общаго съ недостаткомъ гостепріимства.

Ночной воздухъ въ этихъ пустыняхъ дышитъ жизнью и здоровьемъ. Мы спимъ крѣпко; насъ не тревожитъ мысль о раннемъ пробужденіи для дальнѣйшаго похода, потому что и люди, и лошади одинаково имѣютъ нужду въ отдыхѣ въ теченіе сутокъ[1]).

---

[1]] Православ. Благовѣстникъ 1907 года, № 24, стр. 366—371.

VI.

Религіозныя вѣрованія древнихъ арабовъ.

Какъ видно изъ предыдущихъ главъ настоящаго изслѣдованія, арабы, прежде чѣмъ сложиться и обосноваться въ отдѣльную этнографическую группу, пережили долгій періодъ взаимнаго смѣшенія потомковъ Ноя-Хамитовъ и Семитовъ, — къ которымъ позднѣе присоединились потомки Измаила, сына Аврамова отъ Агари. Такъ образовались на Аравійскомъ полуостровѣ: арабы первичные, арабы вторичные и арабы-измаилиты. Эти послѣдніе были ближайшими ко времени Мухаммеда жителями Аравіи, среди которыхъ болѣе рельефно сохранились основныя черты арабскаго типа и къ которымъ основатель ислама приспособлялъ свою теократію, увѣковѣчившую за Аравіей историческое значеніе родины Мухаммеда и колыбели ислама.

Вслѣдствіе близости Аравіи къ Сиріи и Палестинѣ и древнихъ завоевательныхъ стремленій Вавилона и Ассиріи и особенно вслѣдствіе религіозныхъ волненій, происходившихъ въ Персіи и Византіи послѣ объявленія христіанства господствующею религіей въ западной и восточной половинахъ Римской Имперіи, на Аравійскомъ полуостровѣ съ давнихъ временъ находили себѣ пристанище и убѣжище исповѣдники разныхъ религій до-христіанскаго міра, вѣрованія которыхъ должны были оказывать вліяніе на туземныя вѣрованія коренныхъ обитателей страны. Слѣды этихъ иноземныхъ вѣрованій въ неодинаковой степени отразились и на ученіи Корана: въ однихъ случаяхъ — въ формѣ очевиднаго заимствованія или подражанія, а въ другихъ — какъ неясные намеки или только указаніе на существованіе такихъ вѣрованій въ Аравіи. Подтвержденіемъ этой мысли служатъ опредѣленные тексты Корана, въ которыхъ перечисляются исповѣдники иноземныхъ культовъ, существовавшихъ въ Аравіи во время Мухаммеда, съ которыми онъ входилъ въ личное непосредственное соприкосновеніе и относительно которыхъ счелъ нужнымъ высказать окончательный приговоръ, чтобы ихъ примѣръ не смущалъ болѣе послѣдователей ислама. Такъ, онъ говорилъ отъ имени Божія: «Мы

ниспослали Коранъ въ явное знаменіе того, что Богъ ставитъ на прямой путь того, кого хочетъ. Истинно, въ день воскресенія Богъ сдѣлаетъ разборъ между вѣрующими (т. е. христіанами), іудействующими, сабеями, назарянами (т. е. христіанами), магами и многобожниками[1])». Изъ этого текста Корана видно, что во время Мухаммеда въ Аравіи были послѣдователи *шести* различныхъ по существу религіозныхъ культовъ: язычники-многобожники (коренные жители Аравіи), исповѣдники новой религіи—ислама, послѣдователи христіанства и іудейства, огнепоклонники (маги) и звѣздопоклонники (сабейсты). Нужно приэтомъ имѣть въ виду, что подъ именемъ назарянъ и іудеевъ въ Аравіи были извѣстны не только исповѣдники истиннаго христіанства и іудейства, но болѣе еретики, послѣдователи іудейско-христіанскихъ сектъ, почему Бериллъ, епископъ Бострскій называлъ Аравію «изобилующею ересями» (haeresem Jevax). Изолированная отъ сосѣднихъ странъ по своему географическому положенію, Аравія при господствующемъ религіозномъ индиферентизмѣ самихъ арабовъ, какъ многобожниковъ, давала возможность представителямъ чужеземныхъ религіозныхъ культовъ укрываться въ ея предѣлахъ отъ преслѣдователей враговъ и безпрепятственно совершать религіозные обряды. Несомнѣнно, что, при постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ коренными жителями страны всѣ эти иновѣрцы оказывали большее или меньшее вліяніе на туземцевъ-арабовъ и такимъ образомъ постепенно подготовляли удобную почву для обличительной проповѣди Мухаммеда и для созданія новой формы богопочтенія (исламъ), какъ она выразилась въ Коранѣ и Суннѣ. Это была простая, несложная по существу и формѣ эклективная религія, разсчитанная на средній уровень полудикаго араба, семита по духу и нетребовательнаго кочевника по образу жизни.—„Нѣтъ божества, кромѣ Бога единаго, и Мухаммедъ—посланникъ Божій“—таковъ символъ ислама, для запоминанія котораго не требовалось усилій памяти, а для пониманія - напряженія ума; каждый простой, неграмотный арабъ легко затверживалъ это краткое изрѣченіе и каждый восторженный и размышлявшій искатель Бога вполнѣ удовлетворялся

---

[1]) Коранъ, гл. 22, ст. 16—17; ср. гл. 2, ст. 59 и гл. 5, ст. 78.

такою краткою формулой богопочтенія. Все, что Мухаммедъ встрѣчалъ въ другихъ религіяхъ и находилъ непротиворѣчащимъ этому основному положенію, онъ вносилъ въ свою религіозную схему, иногда съ критикой, а чаще безъ всякой критики.

Такимъ образомъ, въ основу новаго вѣроученія арабовъ были положены два догмата—единство Божіе и посланничество Мухаммеда, т. е. его пророческое достоинство. Оба эти догмата происхожденія древне еврейскаго и, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали природному складу ума и чувства арабовъ, какъ семитовъ. Происходя отъ потомковъ Ноя, а затѣмъ Авраама, арабы не смотря на постороннія вліянія, могли сохранить въ своемъ религіозномъ сознаніи, представленіе о Богѣ единомъ[1]). Слѣды такого вѣрованія ясно отмѣчены въ Коранѣ: „Скажи“: кто доставляетъ вамъ съ неба и отъ земли потребное для вашей жизни? Кто распоряжается слухомъ и зрѣніемъ. Кто выводитъ живое изъ мертваго и мертвое изъ живого? Кто управляетъ всѣмъ этимъ? Они навѣрное скажутъ: Богъ (10, 32[2])“. Поэтому арабы обращались къ Богу за высшею помощью и искали у Него избавленія отъ грозившихъ имъ опасностей. „Когда волна покроетъ ихъ какъ мракъ, тогда они призываютъ Бога, обѣщая искреннее служеніе Ему“ (31, 31). „Когда васъ постигаетъ несчастіе, вы къ нему взываете“ (16, 55). „Скажи: не видитъ ли каждый изъ васъ, что вы, если настанетъ для васъ послѣдній часъ, взываете къ Богу, а не къ другому комулибо... къ Нему вы тогда взываете, и Онъ, если хочетъ, избавляетъ васъ отъ того, о чемъ вы просили“ (6, 40—41).

Арабы представляли Единаго Бога верховнымъ божествомъ (Алла-тааля и считали его творцемъ небесъ, солнца и луны, творцемъ человѣка и верховнымъ распорядителемъ жизни вселенной, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ Корана: «Если ты спросишь ихъ (арабовъ): кто сотворилъ небеса и землю, кто солнце и луну сдѣлалъ служебными силами?—они скажутъ: Богъ. Если спросишь ихъ, кто низводитъ съ неба воду и ею оживляетъ землю послѣ ея омертвѣнія?—оми ска-

---

[1]) См. соч. Е. Н. Воронуа „Первоначально-богооткровенная истина единства Божія въ древней до-мухаммеданской религіи“ (Казань, 1874).

[2]) Большія цыфры означаютъ главы, а мелкія—стихи Корана.

жутъ: Богъ (29, 61—63). Скажи (спроси): кто Господь семи небесъ и Господь великаго престола? Непремѣнно скажутъ: Богъ" (23, 88—89). „Если ты спросишь ихъ, кто сотворилъ ихъ (арабовъ)?—они непремѣнно скажутъ: Богъ" (43, 87). „Скажи: въ чьей власти земля и то, что есть на небѣ? Они непримѣнно скажутъ: во власти Бога. Скажи: въ чьей рукѣ власть надъ всѣми существами, такъ что Онъ покровительствуетъ имъ, а самъ не нуждается въ покровительствѣ? Они непремѣнно скажутъ: въ рукѣ Бога" (27, 86—87, 90—91).

Но это первоначальное вѣрованіе въ Единаго Бога не могло удержаться среди древнихъ арабовъ во всей своей чистотѣ и неизмѣнности. Въ Коранѣ встрѣчается много мѣстъ, въ которыхъ Мухаммедъ отъ лица Божія укоряетъ своихъ соотечественниковъ въ неблагодарности къ Единому Творцу и Промыслителю: „Ужели они не размыслили, что для нихъ Мы сотворили то, что произвели руки Наши. Скотъ, которымъ они владѣютъ, Мы покорили его имъ и они на однихъ ѣздятъ, а другими питаются; отъ него имъ польза и питье. Чтоже они не благодарны? Кромѣ Бога, они приняли себѣ еще какихъ то боговъ, въ надеждѣ, что получатъ отъ нихъ помощь" (36, 71—74). „Многобожники говорятъ: если бы хотѣлъ Богъ, то мы никому, кромѣ Его, не служили бы, ни мы, ни отцы наши; ничего не запрещали бы безъ Его указанія. Такъ дѣлали и предшественники ихъ" (16, 37).

Соотвѣтственно вѣрѣ въ Единаго Бога, Творца человѣка, нѣкоторые арабы сохранили и вѣру въ будущую жизнь (6, 92). Такія лица извѣстны даже поименно и въ ихъ числѣ дѣдъ Мухаммеда Абдулъ-Мутталибъ, который однажды сказалъ: „Клянусь Богомъ! За этимъ міромъ есть еще другой, гдѣ добрый получитъ награду, а злой—наказаніе[1])". Но, неизвѣстно подъ какими вліяніями, среди современниковъ Мухаммеда появились религіозные вольнодумцы, которые думали, что міръ сотворенъ случайно (38, 26[2]) и что люди сотворены какъ игрушки (23, 117); вольнодумцы не вѣрили въ загробную жизнь и

---

[1]) Машановъ. Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда, какъ введеніе къ изученію ислама. (Казань, 1885 г.) стр. 525.

[2]) По Леббоку, это—признакъ варварства. См. „Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка" (изд. второе).

говорили: „Ужели мы, послѣ того какъ умремъ и будемъ прахомъ—костями, ужели мы въ самомъ дѣлѣ будемъ воскрешены и будемъ судимы[1])? Не бывать тому, чтобы кости умершихъ были воскрешены[2])". Въ соч. г. Машанова, на основанiи свидѣтельствъ арабскихъ поэтовъ и позднѣйшихъ писателей, представлена подробная картина народныхъ вѣрованiй арабовъ въ загробную жизнь и противорѣчащiя этому вѣрованiю отрицательныя сужденiя и мечтанiя ихъ: „Трудно представить себѣ, говоритъ онъ, что-либо болѣе запутанное, нежели вѣрованiя арабовъ. Это разнорѣчивое представленiе о всемъ, касающемся высшихъ предметовъ религiи, объясняемъ мы самымъ бытомъ арабовъ и ихъ сношенiями. Естественно, что на вѣрованiяхъ арабовъ, имѣвшихъ сношенiя съ сосѣдними языческими народами, отразился религiозный взглядъ этихъ послѣднихъ и способствовалъ затемненiю первичной идеи арабовъ о Единомъ Богѣ, а сношенiя съ iудеями и христiанами, напротивъ, поддерживали эту идею и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ усиливали и способствовали дальнѣйшему ея развитiю. Среди этихъ многоразличныхъ, противоположныхъ между собою, влiянiй язычества и христiанства съ iудействомъ сохранилась также и самобытная вѣра арабовъ—наслѣдiе ихъ глубочайшей старины, и жила у нихъ со всею простотою патрiархальной вѣры. Все это взятое вмѣстѣ и было причиною такого разнообразiя вѣрованiй у арабовъ, какое трудно, а можетъ быть и невозможно встрѣтить у какого либо другого народа древности[3]).

Многолѣтнiй перiодъ послѣдовательныхъ метисацiй долженъ былъ отразиться и на религiозныхъ вѣрованiяхъ древнихъ арабскихъ племенъ. Прежде всего древняя Халдея, Ассирiя и Вавилонъ оставили въ Аравiи слѣды своихъ вѣрованiй, слѣды сабеизма, чему способствовала и физическая природа Аравiи. Мало разнообразная и во многихъ мѣстахъ пустынная Аравiя болѣе всего поражала младенствующую душу древнихъ своихъ

[1]) Коранъ, 23, 84—85; 37, 51 и др. См. въ указателѣ къ переводу Корана г. Саблукова, стр. 18—19.

[2]) Коранъ, 44, 7. Не заключается ли въ этихъ словахъ Корана намекъ или отголосокъ пророчества Iезекiила изложенное въ гл. 37 его книги?

[3]) Машановъ, стр. 546.

Реклю „Человѣкъ и Земля", т. 2, стр. 94—95.

обитателей необыкновенно чистымъ небомъ, ослѣпительнымъ солнцемъ, блестяшею луною и яркими звѣздами. Постоянное наблюденіе неизмѣнныхъ движеній свѣтилъ небесныхъ и постоянныхъ перемѣнъ на землѣ должно было, при отсутствіи положительнаго религіознаго и научнаго знанія у арабовъ, наводитъ ихъ слабый умъ на мысль, что небо—богъ, что солнце, луна и звѣзды—божества, достойныя поклоненія. Небо, какъ богъ, почиталось въ г. Самѣ и въ Наджлѣ (по Ленорману), а солнце, луна и планеты—у разныхъ арабскихъ племенъ. Сабеизмъ былъ такъ сроденъ съ природой Аравіи и столь глубоко запалъ въ душу арабовъ, что и Мухаммедъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ сабеистическихъ представленій. Особенно въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности въ Меккѣ онъ неоднократно клялся небомъ, солнцемъ, луною, планетами; „Клянусь небомъ, украшеннымъ знаками зодіака; клянусь солнцемъ и утреннимъ блистаніемъ его, и луною, когда она послѣдуетъ за нимъ; клянусь планетами, скрывающимися кометами; клянусь денницей; клянусь утренней зарей, клянусь вечернею зарей[1])“. По преданію, онъ сказалъ однажды, что въ день всеобщаго воскресенія Богъ повелитъ слѣдовать каждому за предметомъ его поклоненія при жизни на землѣ, и тогда одни послѣдуютъ за солнцемъ, а другіе за луной[2]). Установляя часы для ежедневныхъ молитвъ своихъ послѣдователей, Мухаммедъ также не могъ или не хотѣлъ совсѣмъ отрѣшиться отъ моментовъ восхода и заката солнца и заката звѣздъ: „возсылай славу Господу твоему прежде восхода солнца и прежде заката его; хвали его во время ночи и при закатѣ звѣздъ[3]). Запрещая поклоняться солнцу и лунѣ[4]), основатель ислама въ тоже время удержалъ въ Коранѣ весьма важный разсказъ, подтверждающій мысль о сильномъ вліяніи свѣтилъ небесныхъ на религіозное чувство человѣка: „Нѣкогда Авраамъ сказалъ отцу своему Азару: ужели ты кумиры принимаешь за боговъ? Вижу, что ты и народъ твой въ очевидномъ заблужденіи. Вотъ,

---

[1]) Коранъ, 85, 1; 91, 1–5; 81. 15–16; 8?, 1; 84, 16.
[2]) Машановъ, стр. 197.
[3]) Коранъ, 50, 38; 17, 80; 52, 48.
[4]) „Не поклоняйтесь ни солнцу, ни лунѣ, но поклоняйтесь Богу, который сотворилъ ихъ“ (Коранъ, 51, 37, 27, 24).

мы показали Авврааму царство небесъ и земли для того, чтобы онъ былъ въ числѣ вѣрно знающихъ. Когда покрыла его ночь, онъ увидѣлъ звѣзду и сказалъ: это Господь мой! Но когда она закатилась, то онъ сказалъ: не люблю закатывающихся. Потомъ, когда онъ увидѣлъ восходящую луну: то сказалъ: это Господь мой! А когда она закатилась, онъ сказалъ: да если бы Господь мой не руководилъ меня, то я былъ бы въ числѣ людей блуждающихъ. Когда же онъ увидѣлъ восходящее солнце, сказалъ: вотъ Господь мой; этотъ самый великій! Но когда и оно закатилось, онъ сказалъ: народъ мой! я чистъ отъ тѣхъ, кого вы признаете соучастниками Богу. Обращаю лице мое къ Тому, кто сотворилъ небеса и землю, пребывая усерднымъ *Ему* поклонникомъ; я не изъ числа многобожниковъ[1]). Этимъ разсказомъ Мухаммедъ какъ бы нехотя показалъ, что поклоненіе свѣтиламъ небеснымъ настолько естественно среди людей, не получившихъ Божія откровенія, что даже Авраамъ склоненъ былъ, по первому впечатлѣнію отъ свѣта солнца и луны и отъ блеска звѣздъ, признать ихъ за боговъ[2]).—Тѣмъ легче могли заблуждаться въ этомъ отношеніи древніе арабы, не имѣвшіе истиннаго руководителя въ вѣрѣ и богопочитаніи[3]). Это подтверждается дѣйствительными фактами: химьяриты поклонялись солнцу, кенаниты—лунѣ, лахмиты—юпитеру, кайситы—сиріусу, асадиты—меркурію и проч.[4]). Культъ солнца былъ особенно распространенъ среди арабовъ, и доказательствомъ этого служатъ храмы, посвященные этому свѣтилу, разныя суевѣрія и, наконецъ, собственныя имена арабовъ. Имя „*Рабъ солнца*“ (Абду-ш-шамсъ) придавалось у арабовъ не только отдѣльнымъ

---

[1]) Гл. 6, ст. 74—79. На эти стихи обратилъ вниманіе Кремеръ. Ср. Второзак. IV, 19.

[2]) И до сихъ поръ еще въ городахъ по нижнему теченію Тигра и Ефрата обитаетъ племя Сабеевъ или Назореевъ, которые составляли во времена ислама многочисленную звѣздопоклонническую секту, и которые впослѣдствіи заимствовали у христіанъ и евреевъ нѣкоторыя религіозныя и нравственныя понятія. См. Прав. Благовѣстникъ 1896 г. № 24, кн. 2-я, ст. „Звѣздопоклонники въ Месопотаміи“, стр. 364—368.

[3]) Утративъ древнее преданіе о единомъ истинномъ Богѣ, арабы, какъ и другіе языческіе народы, не могли оставаться безъ религіи и для удовлетворенія естественнаго религіознаго чувства должны были найти себѣ бога и нашли его въ свѣтилахъ небесныхъ. И это - не единственный примѣръ въ исторіи языческихъ народовъ.

[4]) Pocock. p. 5.

лицамъ, но и цѣлой отрасли колѣна Факасъ изъ рода Асадитовъ[1]). Этого мало: память о солнцѣ, какъ о древнемъ божествѣ арабовъ-язычниковъ, вошла въ самый исламъ, такъ какъ съ другимъ оттѣнкомъ названіе солнца вошло въ составъ уже мусульманскаго имени „*Солнце вѣры*“ (Шамсуддинъ), которое встрѣчается въ настоящее время даже среди татаръ. — Что касается почитанія арабами луны и планетъ, то это ясно видно не только изъ поэтическихъ прославленій этого свѣтила, но и изъ прямыхъ запрещеній Корана поклоняться ему. Имя луны носило одно арабское племя Бяну-Галяль; химьяриты приносили лунѣ жертвы еще въ IV в. по Р. Хр., а въ Меккѣ, по одному свидѣтельству, была даже статуя луны. Изображеніе полумѣсяца перешло къ туркамъ изъ Византіи и до настоящаго времени ставится на мечетяхъ[2]). Почитаніе разныхъ планетъ было также общераспространено среди всѣхъ арабовъ, причемъ каждое племя, смотря по мѣсту жительства, чтило ту планету или звѣзду, которую чаще и ближе наблюдало. Нѣкоторыя изъ нихъ были чтимы впослѣдствіи подъ видимыми образами или естественныхъ выступовъ скалъ[3]), или искуственныхъ изображеній. Арабы приписывали имъ разныя вліянія на явленія природы и на самаго человѣка и приносили жертвы. Такъ, Сатурнъ считался звѣздою несчастья, а Юпитеръ и Венера звѣздами счастья и благополучія[4]). Періодъ сближенія этихъ звѣздъ считался до сихъ поръ среди мусульманъ самымъ благодѣтельнымъ для тѣхъ людей, которые зарождаются въ это время. Таковъ былъ въ позднѣйшее время знаменитый Тимуръ, носящій особое названіе „*Сахибу-киранъ*“, т. е. господинъ двухъ сблизившихся созвѣздій.

Въ данномъ вопросѣ на арабовъ производила особое

---

[1]) См. соч. Машанова, стр. 275—284 и слѣд.

[2]) Необходимо однако отмѣтить очень любопытный въ этомъ отношеніи фактъ: до 80-хъ годовъ я не видѣлъ въ городахъ Туркестана изображенія луны на мечетяхъ сартовъ; подъ вліяніемъ татаръ начинаетъ появляться этотъ древній языческій знакъ и на нѣкоторыхъ мечетяхъ сартовъ.

[3]) Таковы: Фульсъ и Саадъ.

[4] См. соч. Машанова, стр. 313—347. Ср. Ленорманъ, томъ II, Арабы. О поклоненіи солнцу и лунѣ см. въ сочиненіяхъ Дж. Леббока „Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка“ и Эд. Тэйлора „Первобытная культура“.

впечатлѣніе Аравійская пустыня съ ея яснымъ небосклономъ, усѣяннымъ многочисленными яркими звѣздами, о чемъ можно судить по отзывамъ лицъ, задумывавшихся надъ бытіемъ Бога. „Бывали ли вы въ пустынѣ, гдѣ кругомъ до горизонта—полная, нѣмая пустота? спрашиваетъ современный созерцатель природы. Ни дерева, ни кусточка, ни хижины, ни живой твари? Нигдѣ, какъ въ пустынѣ, не замѣчаешь такъ ясно присутствія Божія: тамъ ощущаешь его физически. Начинаешь чувствовать, что ты одинъ, ничтожная точка, пропадающая изъ собственнаго сознанія,—а что-то огромное стоитъ возлѣ,—здѣсь, тамъ, повсюду, наполняетъ міръ выше звѣздъ. Затаиваешь дыханіе,—прислушиваешься. Въ мертвомъ молчаніи почти слышишь что-то неизреченное и сладкое, великое, блаженное, съ чѣмъ хочется слиться, и случается падаешь на землю, и жарко что-то лепечешь, орошая прахъ земли слезами. Вотъ отчего истинно религіозные люди бѣгутъ въ пустыню. Они бѣгутъ къ незаслоненному Богу, къ обстановкѣ, которая позволяетъ увѣриться въ Немъ, чисто физически. Не думайте, что для бедуиновъ Богъ то же самое, что для насъ. Для насъ это абстракція, многостепенные выборы на вѣру, изъ десятыхъ рукъ, чрезъ Моисея, пророковъ, Христа, апостоловъ, мучениковъ, великихъ отцовъ церкви, подвижниковъ, архіереевъ, священниковъ—наконецъ отъ милыхъ устъ матери, которая—какъ грудью молокомъ—этими цѣлующими и улыбающимися устами питала васъ древнимъ преданіемъ о Богѣ, о первоисточникѣ жизни. Изъ столь подкупающей священной пропаганды мы беремъ на вѣру то, что болѣе первобытные народы брали и берутъ знаніемъ. Увѣряю васъ, бедуины *знаютъ* Бога почти такъ же реально, какъ свои степи, стада и звѣздныя надъ шатрами ночи. Они ощущаютъ Бога, тогда какъ мы, загроможденные нашей чрезмѣрно сложной культурой, гигантскими городами, фабриками, дворцами, желѣзными дорогами, мы утрачиваемъ это драгоцѣнное ощущеніе, ну просто какъ уже почти не видимъ природы, какъ не знаемъ солнечныхъ восходовъ, хотя и вѣримъ въ нихъ, какъ не знаемъ уже многаго таинственнаго и прекраснаго, что знали дикари и наши предки-варвары. Теперешняя наша деревня конечно не примѣръ; она переживаетъ катастрофу—нашествіе западной культуры, болѣе

гибельное, чѣмъ монгольское иго. Татары не тронули естества народнаго,—Европа переввариваетъ, претворяетъ русскаго въ европейца. Хорошо или худо это—другой вопросъ, но нынѣшняя деревня наша уже внѣ природы: это не дѣвственная пустыня, а разоренная, загроможденная развалинами. Крестьянинъ менѣе религіозенъ, потому что онъ не бедуинъ, которому достаточно горсти финиковъ и чашки молока. Мужику дохнуть некогда. Онъ затормошенъ невѣроятною, чисто рабскою суетой, ему подумать некогда—гдѣ же ему подмѣтить тайное присутствіе Божіе, міровое молчаніе, что-то говорящее кочевнику? Арабъ—аристократъ. Онъ не обремененъ работой, онъ лучшій даръ жизни самое жизнь—тратитъ на благородныя цѣли, на вдумчивое созерцаніе природы, на прислушиванье къ ясно бьющемуся для него сердцу міра, на мечты о великомъ прошломъ). Всѣ религіи выходили изъ пустынь, чтобы умереть въ городахъ. Истинная вѣра начиналась реальнымъ знаніемъ и оканчивалась отвлеченностью. Загадка древняго фанатизма евреевъ, христіанъ, магометанъ—въ томъ лишь, что кочевники дѣйствительно знали Бога, и для нихъ проповѣдь была дѣломъ, глубочайшаго убѣжденія, до такой степени, что одно сомнѣніе невѣрныхъ казалось оскорбленіемъ, заслуживающимъ кровавой расправы. Возможно ли для нихъ отвергать такую реальность, всѣмъ очевидную? Поѣзжайте въ пустыню—вы поймете, что я хочу сказать. Я былъ въ пустынѣ и потому твердо вамъ заявляю: ни на секунду я не сомнѣваюсь въ присутствіи Божіемъ, я его ощущаю![1]).

Современный поэтъ подтверждаетъ созерцательныя разсужденія о вліяніи пустыни на возбужденія религіознаго чувства:

Нашъ караванъ стоялъ за Іорданомъ.
Пустыни даль одѣлась смутной мглой,
И пыльный кактусъ на холмѣ песчаномъ
Чернѣлъ своей иззубренной стрѣлой.

Склонялось небо низко надъ землей,
И Млечный путь свѣтящимся туманомъ

1) См. Нов. Время отъ 26 марта 1906 г. № 10,767. Письма къ ближнимъ. О красотѣ.

Черезъ пески дорогу караванамъ
Указывалъ въ міръ звѣздный, въ край иной.

Алмазовъ и сафировъ миріады
Горѣли въ небѣ, хоръ небесный плылъ,
И были звѣзды близки, какъ лампады.

Я видѣлъ Бога въ множествѣ свѣтилъ,
Въ безмолвьи ночи, въ вѣяньи прохлады...
То Самъ Господь въ пустынѣ проходилъ[1]).

В. Шуфъ.

Другой догматъ мусульманскаго символа—пророчество Мухаммеда—также родственно арабско-семитскому духу. Пророчество представляетъ собою основную форму, „въ которую облекались всѣ великія религіозныя преображенія семитическихъ народовъ, и является необходимымъ слѣдствіемъ монотеизма. Первобытные народы, считая себя въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ божествомъ и смотря на всѣ великія явленія міра физическаго и нравственнаго, какъ на прямое проявленіе дѣйствія высшихъ существъ, только двумя способами понимали вліяніе Бога на управленіе вселенной: или когда божественная сила воплощается въ человѣческій образъ (индійскій *аватаръ*; или когда Богъ избираетъ своимъ орудіемъ одного изъ смертныхъ—(*наби*, семитическій пророкъ). По семитической системѣ, Богъ такъ далекъ отъ человѣка, что сообщенія между ними могутъ происходить только чрезъ посредника, остающагося всегда совершенно обособленнымъ отъ Того, кто вдохновляетъ его. Убѣжденіе, что для Аравіи должна наступить эра великихъ событій, означало, что въ ней долженъ былъ явиться пророкъ, какъ и у другихъ семитическихъ народовъ[2]). Еще задолго до Мухаммеда въ родѣ человѣческомъ было много такихъ личностей; самъ Мухаммедъ былъ посланъ по слѣдамъ другихъ пророковъ къ арабамъ, какъ объ этомъ онъ и заявляетъ въ Коранѣ[3]).

---

1) Заимств. изъ той же газеты.
2) Ренанъ. „Мухаммедъ и происхожденіе исламизма“ въ соч. „Etudes d'histoire religieuse“.
3) Гл. 7, ст. 157; гл. 62, ст. 2 и др.

Подобно многимъ другимъ народамъ, арабы вѣровали въ ангеловъ и разныхъ духовъ. Послѣдніе окружали арабовъ на землѣ, въ воздухѣ и въ тверди небесной. Это -джинны (геніи), предетавленія о которыхъ были своеобразно антропоморфичны[1]).

Загробная жизнь, рай и адъ не входили въ религіозный кругозоръ арабовъ, такъ какъ яснаго представленія объ этихъ вопросахъ арабы не имѣли, что и возвышало надъ ними Мухаммеда, какъ возстановителя древней вѣры Авраама и др. пророковъ.

Въ исторіи религіозныхъ ученій извѣстенъ фактъ, что народныя вѣрованія, не направляемыя писанными кодексами (св. книги), постоянно измѣняются и осложняются частію путемъ внѣшнихъ заимствованій у другихъ нарсдовъ, частію же вслѣдствіе внутренняго процесса духовнаго развитія народа. Прирожденное религіозное чувство и сознаваемая потребность быть ближе къ своему божеству, имѣть его около себя, предъ своими глазами и до нѣкоторой степени подчинить себя, или по крайней мѣрѣ поставить въ согласіе съ своими интересами, послужили естественными поводами къ установленію идолопочитанія въ формѣ фетишизма и идолопоклонства. Идолопоклонство составляетъ высшую степень фетишизма: при по.редствѣ фетишей грубый язычникъ привлекаетъ къ себѣ божество, а при идолопоклонствѣ язычникъ вполнѣ подчиняется божеству; обладающій фетишемъ подчиняетъ себѣ божество, олицетворяемое фетишемъ, а идолъ представляетъ собою самое божество[2]). Древніе арабы, по указаннымъ причинамъ, были частію фетишистами, а частію идолопоклонниками, на ряду съ поклонниками Единому Богу, котораго одни признавали по еврейски, другіе по христіански. И если евреи, имѣвшіе законъ и пророковъ, нерѣдко впадали въ идолопоклонство, то тѣмъ легче было дойти до такого состоянія древнимъ арабамъ, не имѣвшимъ писаній и пророковъ[3], а вмѣсто того слышавшимъ о видимыхъ богахъ сосѣднихъ народовъ. Такимъ образомъ въ древней Каабѣ стали появляться видимыя изобра-

---

[1]) См. въ указателѣ Г, Саблукова подъ сл. „Геній".
[2]) См. ст. Дж. Леббока, стр. 237 и слѣд.
[3]) Коранъ, 34, 43; 3, 19; 62, 2.

женія разныхъ божествъ, заимствованныя у другихъ народовъ; въ разныхъ другихъ мѣстахъ полуострова стали появляться идолы[1]) и фетиши[2]). Число такихъ божествъ постепенно увеличивалось въ Аравіи, но при отсутствіи образованности у арабовъ[3]) многобожіе ихъ не сложилось въ стройную миѳологическую систему, а мусульманскіе писатели не считали для себя нужнымъ и приличнымъ вникнуть глубже въ тѣ идеи, которые лежали въ основѣ арабскаго политеистическаго міросозерцанія. Поэтому передъ нами являются многочисленныя божества древнихъ арабовъ, не соединенныя между собою общею религіозною идеей, подобно тому какъ и сами арабы, расчлененные на множество племенъ, колѣнъ и родовъ, не составляли одного народа. Представленіе о единомъ верховномъ божествѣ (*Алла тааля*), сохранявшееся въ народной памяти, было слишкомъ обще и отвлеченно для неразвитого ума арабовъ и потому оставалось въ сторонѣ, а на первомъ планѣ, передъ глазами, находились идолы, которымъ арабы поклонялись, которыхъ чтили словословіями, которыхъ умилостивляли и благодарили жертвоприношеніями и обѣтами. Въ честь этихъ божествъ и надъ ихъ изображеніями они создавали храмы; для служенія имъ назначали жрецовъ и жрицъ. Богатство и большая степень гражданственности нѣкоторыхъ мѣстностей оказывали вліяніе на характеръ самаго культа, потому что это было результатомъ большого развитія жителей. Съ своими идолами арабы прощались послѣ всѣхъ, когда уходили изъ дома, а здоровались прежде всего, когда возвращались въ домъ. Такимъ образомъ, у древнихъ арабовъ были свои домашнія и племенныя божества, причемъ нѣкоторыя племена, кромѣ своихъ божествъ, чтили боговъ и другихъ племенъ.

У нихъ были храмы въ Іеменѣ, Неджедѣ, Иракѣ и Хиджазѣ. Мекка,—родина Мухаммеда и колыбель ислама, —считалась центральнымъ торговымъ пунктомъ древней Аравіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ считалась задолго до Мухаммеда и религіоз-

---

[1]) ند мн. أنداد; ср. صنم и وثن. [2]) نصب мн. أنصاب.

[3]) Современные Мухаммеду арабы называются въ Коранѣ „невѣждами“ (جاهل мн. جاهلون) въ отношеніи боговѣдѣнія.

нымъ центромъ арабовъ[1]). Святилище Мекки — Кааба[2]) — представляло собою какъ бы Пантеонъ арабскихъ божествъ, хотя національное преданіе соединило ея происхожденіе съ именами Авраама и Измаила[3]). Между тѣмъ Кааба, по Ибнъ-Хишаму, была съ очень древнихъ поръ главнымъ пунктомъ идолопоклонства арабовъ, такъ какъ въ ней предметомъ наибольшаго почитанія служилъ темно-сѣрый камень, упавшій съ неба во время ея постройки. Другіе арабы, выселявшіеся изъ Мекки, брали съ собою камни изъ Каабы и поклонялись имъ на новыхъ мѣстахъ своего жительства, совершая вокругъ нихъ священные обходы (*тавафъ*), какъ и до сихъ поръ мусульмане совершаютъ обходы вокругъ Каабы[4]). Въ какой степени можно сравнивать поклоненіе древнихъ арабовъ камнямъ съ жертвоприношеніемъ Іакова на камнѣ въ Веѳилѣ (Быт. 35, 14—16), это другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ фактъ поклоненія камнямъ среди арабовъ въ древнее до-мусульманское время не подлежитъ сомнѣнію. (Реклю „Челов. и Земля", т. 2, стр. 91).

Отъ поклоненія простымъ камнямъ совершился постепенный переходъ къ поклоненію идоламъ, производство которыхъ въ Аравіи, при отсутствіи техническихъ знаній, долгое время не было извѣстно. Поэтому первые идолы были занесены въ Аравію изъ другихъ, болѣе культурныхъ странъ. По Ибнъ-Хишаму, первымъ идоломъ, появившимся въ Каабѣ, былъ идолъ Хобала[5]), изображеніе котораго было принесено Амръ-бенъ-Лохаемъ изъ Сиріи (около III вѣка по Р. Хр.). Въ сѣверной Аравіи почитаніе идоловъ вошло въ нравы жителей ранѣе, такъ какъ и сношенія съ чужестранцами у сѣверныхъ арабовъ начались прежде, чѣмъ у хиджазцевъ. Неудивительно, что у нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ, жившихъ на сѣверѣ Аравіи,

---

[1]) Въ Коранѣ Мекка называется „матерію городовъ" см. гл. 6, ст 92; гл. 42, ст. 5. Нужно сравн. Кіевъ и объяснить съ религ. точки.

[2]) Въ Коранѣ (гл. 22, ст. 25) говорится, что Богъ воздвигъ ее равно для всѣхъ людей—осѣдлыхъ и кочевыхъ.

[3]) Коранъ, 2, 118—122.

[4]) Такой способъ богопочитанія соотвѣтствуетъ первобытному состоянію арабовъ. См. Леббока.

[5]) هبل. Къ этому идолу приносили новорожденнаго Мухаммеда какъ бы въ знакъ посвященія.

т. е. ближе къ древнимъ язычествующимъ народамъ, идолопоклонство упоминается еще до Рождества Христова[1]). И это естественно, потому что на сѣверѣ Аравіи жили болѣе культурные народы, чѣмъ арабы.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Аравіи и у разныхъ арабскихъ племенъ почитались слѣдующіе главные идолы:

Хобалъ—самый большой среди идоловъ Каабы—имѣлъ подобіе человѣка (по нѣкоторымъ писателямъ—видъ старика[2]) съ длинною бородой), держалъ въ рукахъ семь стрѣлъ, былъ сдѣланъ изъ краснаго коралла и имѣлъ одну руку золотую. Онъ былъ доставленъ въ Мекку съ отломанной рукой, вмѣсто которой корейшиты придѣлали ему золотую руку, что указываетъ на особенно большое вниманіе къ нему со стороны корейшитовъ. Изображеніе Хобала сначала было поставлено на крышѣ Каабы, а затѣмъ перенесено внутрь ея. Передъ Хобаломъ арабы гадали о своихъ предпріятіяхъ, вынимая стрѣлы, и, въ случаѣ счастливаго исхода, обращались къ идолу съ славословіемъ: „Да будетъ превознесенъ Хобалъ!“ Изъ разныхъ объясненій мусульманскихъ писателей о значеніи имени Хобала и о соединенныхъ съ его именемъ вѣрованіяхъ съ наибольшею вѣроятностью можно предполагать, что Хобалъ представлялъ „бога судьбы“; его именемъ арабы клялись въ важныхъ случаяхъ и у него гадали. Позднѣйшіе арабы, т. е. ближайшіе ко времени Мухаммеда, отожествляли Хобала съ изображеніемъ Авраама; поэтому основатель ислама, когда взялъ Мекку и увидѣлъ изображеніе Хобала, сказалъ: „Да поразитъ Богъ тѣхъ, которые заставляютъ нашего старца бросать жребій стрѣлами. Какое дѣло Аврааму до стрѣлъ? Онъ не былъ ни іудей, ни христіанинъ, но былъ ханафъ—мусульманинъ; онъ не былъ также и многобожникомъ[3])“. Послѣ этого идолъ Хобала вмѣстѣ съ другими идолами, находившимися въ Каабѣ, былъ уничтоженъ по приказанію Мухаммеда.

---

[1]) У прор. Іереміи [гл. 2, ст. 10—11] упоминаются „сыны Кидара“, поклоняющіеся богамъ своимъ.

[2]) Не нужно ли видѣть здѣсь сходство съ Юпитеромъ.

[3]) См. у Машанова, стр. 441—450.

Въ Коранѣ упоминаются идолы: Лата, Узза, Маната[1]), а затѣмъ: Ваддъ, Сувагъ, Ягусъ, Ягукъ и Насръ[2]), а въ преданіи — Исафъ на холмѣ Сажъ, Найла, Манафъ, Абду-Манафъ—предокъ Мухаммеда, Абду-ль-Узза (Абу-Ляхабъ въ III гл.).

Лата (или Аль-Лата) называлась божествомъ въ городѣ Тайифѣ сякиѳитами и въ долинѣ Нахлѣ—корейшитами; по имени Аль-Латы назывались нѣкоторыя отрасли племенъ и отдѣльныя лица. Въ Тайифѣ[3]) находился храмъ Аль-Латы, который былъ разрушенъ Абу-Суфьяномъ по приказанію Мухам-

---

[1]) Коранъ, гл. 53, ст. 19–21. „Размышляли ли вы объ Аль-Латѣ, Аль-Уззѣ и о Манатѣ? Ужели у васъ дѣти мужескаго пола, а у Него дѣти женскаго пола?".

[2]) Коранъ, гл. 71, ст. 22–23: Народъ Ноя удерживался въ своемъ заблужденіи и говорилъ себѣ: „Не оставляйте боговъ вашихъ, не оставляйте ни Вадда, ни Сувага, ни Ягуса, ни Ягука, ни Насра.

[3]) Гор. *Тайифъ*, лежащій по Абульфедѣ подъ 67½° д. и 20°2′ ш., одинъ изъ немногихъ городовъ средней Аравіи. Онъ расположенъ на возвышенности Гозданъ, въ 15 миляхъ на западъ отъ Мекки. Арабское преданіе разсказываетъ, что во время всемірнаго потопа, бывшаго во времена пророка Ноя, часть суши была отмыта отъ плодоносной Сиріи и долго носилась по волнамъ потопа, пока наконецъ не остановилась въ теперешнемъ мѣстѣ. Въ подтвержденіе этого арабы указываютъ на этимологію слова „Тайифа", происходящаго отъ гл. „таф", отъ котораго произошло и названіе потопа—туфанъ. Какъ расположенный на возвышенности, городъ Тайифъ имѣетъ горный климатъ; на склонахъ занимаемой имъ возвышенности замерзаетъ иногда вода. При обиліи воды [объясняемомъ арабами преданіемъ о происхожденіи этой мѣстности во время потопа] и хорошемъ горномъ воздухѣ, Тайифъ славился своими виноградниками и садами, въ которыхъ въ изобиліи росли: персики, сливы, гранаты, фиги, пальмы.—Сушеный виноградъ составлялъ главное довольство жителей, принадлежавшихъ къ колѣну *Бяну Тсакифъ* большого племени Хавазинъ. Славился этотъ городъ и своими пашнями, на которыхъ хорошо разводились также дыни. Изобиліе фруктовъ служило предметомъ торговли его жителей съ жителями Мекки; это же обстоятельство, конечно, было причиной и того, что Тайифъ съ давнихъ поръ былъ одной изъ удобныхъ остановокъ торговыхъ каравановъ на пути изъ Іемена въ Сирію. Мирныя отношенія жителей этого города съ жителями Мекки, поддерживаемыя торговлей, способствовали установленію родственныхъ связей между ними при помощи браковъ. Богатые жители Мекки имѣли въ тѣнистыхъ прохладныхъ садахъ Тайифа загородныя жилища, въ которыхъ и проводили знойное время года. Хотя жители Тайифа были закоренѣлыми идолопоклонниками (они покланялись женскому идолу Аль-Латѣ, которую считали одной изъ дочерей Аллаха. (Коранъ, гл. 53, ст. 19–20); но Мухаммеду пришлось спасаться въ этомъ сосѣднемъ съ Меккой городѣ. По смерти дяди своего Абу-Талиба, онъ, преслѣдуемый Абу-Сафьяномъ и Абу-Джахлемъ, искалъ убѣжища въ 619 г. въ Тайифѣ. Жители этого города сначала изъ любопытства слушали его проповѣдь, а затѣмъ не только стали оскорблять его насмѣшками, но и бросали въ него камни, и Мухаммеду пришлось бѣжать изъ города, причемъ толпа преслѣдовала его и его вѣрнаго раба Зяйда, пока оба

меда въ девятомъ году гиджры, при чемъ были убиты 13 служителей, находившихся при этомъ храмѣ. Аль-Лата представляла пятигранный гранитный камень, имѣвшій въ длину около 12 футовъ и въ вышину $4^1/_2$ фута. Грамматическая форма имени этого божества указываетъ на то, что Аль-Лата была богиня, какъ подтвердилъ и Мухаммедъ. Относительно символическаго значенія Аль-Латы мнѣнія европейскихъ ученыхъ сводятся къ тому, что Аль-Лата олицетворяла собою Венеру[1]).

Идолъ Манаты былъ простымъ чернымъ безобразнымъ камнемъ, имѣвшимъ нѣкоторое подобіе съ человѣкомъ (женщиной) этому идолу поклонялись арабскія колѣна: Гузаиль, Хузаа, Аусъ, Хазраджъ и жители области Ятсриба (Медина). Этотъ идолъ находился въ семи миляхъ отъ Медины при морѣ. Поклоненіе Манатѣ продолжалось до восьмого года гиджры, когда идолъ вмѣстѣ съ храмомъ былъ разрушенъ по приказанію Мухаммеда. Чествованіе арабами этого божества выразилось между прочимъ и въ собственныхъ именахъ нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ, а равно и въ богатыхъ украшеніяхъ этого идола. Подобно Аль-Латѣ, Маната считалась женскимъ божествомъ, которому приносили въ жертву животныхъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Маната олицетворяла богиню плодородія, а по мнѣнію другихъ—богиню судьбы, и была видимымъ изображеніемъ богини Сиріуса[2]).

Подъ именемъ Уззы (или Аль-Уззы) арабы колѣна Гатафанъ чтили дерево акацію, которую срубилъ и сжегъ Халидъ, полководецъ Мухаммеда, по приказанію послѣдняго, въ восьмомъ году гиджры. Тогда же былъ разрушенъ и храмъ, выстроенный въ честь богини, и убита жрица этой богини. Идолъ Аль-Уззы

они, покрытые кровавыми ранами и измученные, прибыли въ долину Нахла, гдѣ Мухаммедъ имѣлъ видѣніе джиннов, описанное въ 72-й гл. Корана. Тайифъ былъ защищенъ крѣпостію, которую потомъ Мухаммеду пришлось брать при помощи таранов и осадныхъ башенъ... Въ 70-хъ г.г. 19-го столѣтія сюда былъ сосланъ Мидхадъ-Паша и другіе заговорщики противъ турецкаго султана Абдулъ-Азиза.

1) См. у Машанова, стр. 397–407.

2) Тамъ же стр. 397—413. То и другое объясненіе имѣетъ отвѣтъ въ коренномъ значеніи глагола مني, который въ 4-ой формѣ означаетъ испускать дѣтородное сѣмя, а въ 1-ой формѣ предопредѣлять.

находился въ долинѣ Нахла-ш-Шамійя, вправо отъ дороги изъ Мекки въ Иракъ. Этотъ идолъ былъ въ почетѣ также и у корейшитовъ, которые назывались *арабами Аль-Уззы*. Самъ Мухаммедъ, до объявленія себя пророкомъ новой вѣры, приводилъ однажды овцу на закаланіе предъ этимъ идоломъ, а корейшиты, во время священныхъ обходовъ вокругъ Каабы, клялись Аль-Латой, Аль-Уззой и Манатой. При храмѣ Аль-Уззы были особые стражи изъ колѣна Бену-Шайбакъ. Вообще Аль-Узза пользовалась у корейшитовъ и другихъ арабовъ весьма большимъ почетомъ вмѣстѣ съ Аль-Латой и Манатой, какъ указано въ Коранѣ по мнѣнію европейскихъ ученыхъ Аль-Узза была богинею луны; культъ ея былъ широко распространенъ среди арабовъ, и Мухаммеду стоило большихъ усилій, чтобы уничтожить вліяніе этого культа среди своихъ соплеменниковъ. Достаточно при этомъ имѣть въ виду, что Мухаммедъ однажды самъ вынужденъ былъ признать религіозное значеніе названныхъ трехъ божествъ, чтобы расположить въ свою пользу ожесточенныхъ мекканцевъ[1]). Столь трудно было основателю ислама побороть укоренившееся вѣками и широко распространенное среди арабовъ вѣрованіе, что онъ съ отчаянія самъ впалъ въ грубое противорѣчіе съ своимъ исключительнымъ монотеизмомъ и только на другой день могъ одуматься и раскаяться въ своемъ заблужденіи, когда объявилъ отъ имени Божія: „Едва они льстиво не отклонили тебя отъ того, что дали Мы въ откровеніи тебѣ, къ тому, чтобы ты выдумалъ что-нибудь другое противъ Насъ. Тогда они непремѣнно считали бы тебя своимъ другомъ. И если бы Мы не укрѣпили тебя, то немного бы еще, и ты склонился бы на ихъ сторону. Тогда Мы подвергли бы тебя казни, сугубой въ жизни сей, и сугубой по смерти, и ты не нашелъ бы заступника предъ Нами“ (17, 75—77). Не предавая значенія разсказу Корана и позднѣйшимъ толкованіямъ относительно происхожденія идоловъ Вадда, Сувага и пр., отмѣтимъ здѣсь, что всѣ они были занесены въ Аравію чрезъ Красное море (чрезъ Джедду) и что идолу Вадда покланялись

1) Коранъ, гл. 53, ст. 19—20. Къ этимъ стихамъ были прибавлены слова въ пользу почитанія названныхъ божествъ, но потомъ уничтожены.

арабы колѣна Кальбъ, Сувагу—колѣно Гамаданъ (или Гюзяйль), Ягусу—колѣно Мазхиджь, Ягуку—колѣно Мурадъ, а Насру—химьяриты.

Идолъ Вадда имѣетъ видъ человѣка огромныхъ размѣровъ, имѣвшаго на плечахъ покровъ (изаръ) и препоясаніе на чреслахъ (рида) и вооруженнаго мечемъ и лукомъ. Передъ идоломъ было воткнуто копье, съ привязаннымъ къ нему знаменемъ и колчаномъ со стрѣлами. Онъ былъ украшенъ серьгами и ожерельями и чествовался поднесеніемъ молока. Именемъ этого идола назывались арабы племенъ Кальбъ, Тай, Хазраджъ, Гюзейль и Корейшъ, что указываетъ на распространенность его культа въ Аравіи, пока полководецъ Мухаммеда Халидъ не разбилъ идола во время похода въ Табукъ (въ 631 г.).

Сувагу поклонялись въ области Янбо (близъ Медины) и считали его женскимъ божествомъ, олицетворявшимъ производительную силу природы. Поклоненіе ему сопровождалось обходами вокругъ него.

Идолъ Ягукъ имѣлъ видъ лошади, Ягусъ—видъ льва, а Насръ—видъ орла. Трудно теперь утверждать, какихъ божествъ чтили арабы подъ видомъ этихъ идоловъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что арабскіе идолы были заимствованы отъ другихъ народовъ: левъ до сихъ поръ входитъ въ гербъ персидскихъ царей, изображеніе орла было извѣстно у ассиріянъ, потомъ у римлянъ, а лошадь посвящалась солнцу, какъ объ этомъ сохранилось указаніе даже въ Библіи (4 Цар. 23, 11).

Въ Меккѣ, въ виду Каабы, стояли открыто два идола—Исафъ и Найла. Древніе арабы, приходившіе въ Мекку на богомолье, по совершеніи обходовъ вокругъ Каабы, шли затѣмъ къ Исафу и Найлѣ и пробѣгали съ молитвенными возгласами разстояніе между названными идолами. Такъ продолжалось до торжества новой вѣры—ислама, когда эти идолы были, по приказанію Мухаммеда, разбиты. Но память о поклоненіи имъ осталась и въ исламѣ: по обрядамъ хаджа, мусульманскіе паломники до сихъ поръ бѣгаютъ рысцой между холмами Сафа

и Мерва, на которыхъ до времени ислама стояли вышеназванные идолы[1]).

Нельзя сомнѣваться въ искреннемъ почтенiи корейшитовъ къ этимъ идоламъ, которымъ они (корейшиты) приносили въ жертву животныхъ. Преданiе разсказываетъ, что дѣдъ Мухаммеда, Абдулъ-Мутталибъ хотѣлъ принести въ жертву предъ этими идолами своего сына Абдуллу[2]), отца Мухаммеда; Исафа и Найлы арабы считали дѣйствительными мужчиной и женщиной, жившими въ отдаленное время и окаменѣвшими будто-бы послѣ блудодѣянiя, совершеннаго ими въ Каабѣ. Затруднительно также утверждать, что древнiй культъ Исафа и Найлы стоялъ въ связи съ вѣрованiями сабеистовъ[3]).

Кромѣ перечисленныхъ идоловъ, общеизвѣстныхъ среди сѣверныхъ арабовъ, у южныхъ арабскихъ племенъ были свои божества, поклоненiе которымъ, въ зависимости отъ болѣе высокаго государственнаго строя жизни этихъ племенъ, было возведено въ государственный культъ. Такъ, въ древнемъ Манѣ былъ общепризнанъ своеобразный культъ трехъ божествъ: Аттара, Вадда и Никры; у Сабеевъ эта трiада состояла изъ Аттара, Хаубаса и Аль-Макхи. Божество Аттара осложнялось поклоненiемъ матери Аттара (Уммъ-Аттаръ). Въ Хадрамаутѣ болѣе извѣстными божествами почитались: Аттаръ, Синъ, Хаулъ и богиня Шамсъ (солнце). Катобаны поклонялись главнымъ образомъ Амму, а вмѣстѣ съ тѣмъ Аттару, Инбалу, Варху, Хаукаму, Илъ-Фахару, Нисвару и др. Нѣкоторымъ изъ этихъ божествъ новѣйшiй изслѣдователь этого вопроса Гримме даетъ такое объясненiе: Аттаръ—небесный сводъ, Шамсъ и Макхъ—солнце и венера, Хаубасъ и Вархъ—луна, Рамманъ—

---

[1]) См. объ обрядахъ хаджа въ соч. Миронiева „Религiозное и политическое значенiе хаджа“ и пр. (Казань, 1877), стр. 185—187; ср. разсказъ современнаго паломника Ишаева „Мекка, свящ. городъ мусульманъ“ [Ташкентъ], стр. 18—19.

[2]) См. Рухуль-баянъ, Толков. на гл. 6, ст. 138. Вмѣсто Абдуллы были принесены въ жертву 100 верблюдовъ.

[3]) Въ соч. Машанова, стр. 450 и слѣд. упоминаются идолы: Авалъ, Агулъ, Азаръ, Асхамъ, Багимъ, Баджа, Баджаръ, Джалсадъ, Джибтъ, Джигаръ, Джобгатъ, Джурайшъ, Джалсадъ, Думья, Дзарихъ, Дзульхаляса, Дарибанъ, Дайзанъ и др. Ср. „Исламъ“ Казембека въ Русскомъ Словѣ, 1861 г. Августъ.

гроза[1]). Особымъ почетомъ въ Южной Аравіи пользовался богъ Илъ, извѣстный у разныхъ семитическихъ народовъ.

По словамъ Гримме, южно-арабскія божества, объясняемыя по значенію именъ, группировались въ особое семейство и между разными божествами устанавливались родственныя отношенія. При этомъ божество Илъ считалось мужскимъ, а Илатъ— женскимъ. Съ цѣлію возвышенія божества Ила надъ другими, оно получило форму Аллахъ, какъ верховное божество, и это имя стало наиболѣе распространеннымъ ко времени Мухаммеда, который имъ воспользовался для обозначенія единаго божества, исключающаго всякихъ „товарищей" и „дѣтей-дочерей[2])". Въ Сабейскій періодъ всѣмъ южно-арабскимъ божествамъ усваивалось предпочтительное обитаніе въ храмахъ и притомъ каждому отводилось извѣстное пространство для дѣйствій и вліянія. Такъ, Аттаръ-Хаджаръ почитался покровителемъ Мириба, Рамманъ—покровителемъ Маана. Тогда же образовались особые эпитеты божествъ, перешедшіе въ Коранъ: Сами слушающій, Баширъ вѣщающій (оракулъ), Халимъ кроткій, Рахимъ милосердный, Саидъ осчастливливающій и др. Нѣкоторыя названія божествъ ясно указываютъ на матеріалъ, изъ котораго были сдѣланы идолы: Аттаръ-Хаджаръ указываетъ на камень, Талабъ—на дерево, Тавръ—на животное, быка. И въ Сѣверной Аравіи были идолы, приготовленные изъ различныхъ матеріаловъ—камня, дерева, а нѣкоторые (Хобалъ) изображались нъ образѣ человѣка.

Богопочитаніе южныхъ арабовъ и поклоненіе ихъ своимъ божествамъ состояло въ жертвоприношеніяхъ и обѣтахъ, а въ числѣ жрецовъ были прорицанія т. е. предсказанія будущаго вопрошавшимъ о томъ. Въ Маанѣ болѣе замѣчательныя капища назывались *мисвадъ* (мѣсто прорицаній), а верховные жрецы-прорицатели—*муссаввидъ*; прорицанія происходили въ центрѣ храма и эти мѣста назывались *маканатъ*. Соотвѣтственно этому, божества получили имена: Алимъ знающій, Баширъ провозвѣщающій. Жертвы идоламъ приносились въ оградѣ,

---

[1]) Гримме не соглашается признавать подъ именемъ Уадда бога любви, а подъ именемъ Накры божество ненависти или войны.

[2]) См. въ Коранѣ многочисленные мѣста по указателю Г. Саблукова подъ сл. Богъ.

окружавшей маканатъ. Для совершенія жертвоприношеній на особыхъ жертвенникахъ существовали особые жрецы (шу). Обѣты имѣли форму договора между человѣкомъ и божествомъ съ цѣлью осуществленія задуманнаго предпріятія или желанія. Если исполнялось желаніе молившагося, то онъ приносилъ установленную жертву. У Сабеевъ вмѣсто живыхъ животныхъ приносились въ жертву изображенія животныхъ и даже людей, что указываетъ на существованіе у древнихъ арабовъ человѣческихъ жертвоприношеній. Разсказъ Корана о жертвоприношеніи Измаила можетъ служить указаніемъ на это древнее время.

Праздникъ *Хаджъ* относится также къ древнимъ религіознымъ обычаямъ арабовъ; совершеніемъ Хаджа, т. е. путешествіемъ къ храму божества оказывалось почитаніе божеству, отъ котораго ожидалось исполненіе желаній молящагося. Совершеніе этого обряда было соединено съ извѣстнымъ временемъ года, на что указывало названіе мѣсяца—Дзуль-Хиджа.

Въ числѣ покаянныхъ обычаевъ южныхъ арабовъ были постъ и умерщвленіе плоти. Эти религіозныя упражненія практиковались главнымъ образомъ жрецами, какъ очищеніе отъ грѣховъ.

Совершеніе молитвы сопровождалось поясными поклонами (*салла*), откуда и самое названіе арабскихъ молитвословій *салатъ мн. салаватъ*. Молитвенныхъ текстовъ и религіозныхъ словословій древнихъ арабовъ не сохранилось. Повидимому, въ отношеніи религіозной поэзіи древній арабскій культъ остался неразвитымъ.

Заслуживаетъ вниманія та особенность въ вѣрованіяхъ южныхъ арабовъ, что нѣкоторые изъ нихъ могли еще при жизни удостоиться особой близости къ божеству и войти съ нимъ въ семейное родство. Южные арабы представляли своихъ боговъ семейными группами, съ отцомъ во главѣ, по подобію человѣческихъ семейныхъ отношеній. Во главѣ семейныхъ отношеній у арабовъ стоялъ отецъ, которому подчинялись: жены, дѣти и невольники. По отношенію ко всѣмъ этимъ лицамъ отецъ являлся не только господиномъ, но и защитникомъ и мстителемъ за нихъ. При отсутствіи отца, его замѣнялъ дядя или другой неженатый родственникъ. Равенствомъ

въ правахъ пользовались только братья. По этому образцу и въ божескомъ семействѣ богъ былъ главнымъ лицомъ, и кто хотѣлъ сдѣлаться членомъ его семейства, тотъ долженъ былъ подчиниться ему безусловно, за исключеніемъ того случая, когда вступавшій въ божескую семью считался братомъ бога. Такія отношенія напоминали отношенія князей племенъ (амировъ) между собой и сохранились въ названіяхъ божествъ: *Ахи-Карибъ*—мой братъ Карибъ, *Ахатъ-Умми-Ху* – сестра его матери (т. е. сестра богини, матери Аттара), или въ клятвенной формулѣ: „клянусь братствомъ, соединяющимъ Аль-Макху, царя Карибала и царство Сабу“.

Сыновняя зависимость отъ какого-нибудь божества была въ Южной Аравіи болѣе распространена, какъ это сказывается въ примѣрѣ князей, облеченныхъ жреческимъ достоинствомъ, которые обыкновенно и назывались сынами бога. Указанія на так'я отношенія сказались и въ именахъ сабейскихъ женщинъ-жрицъ, напримѣръ *Аби Али* — мой высокій отецъ, *Аматъ-Аби-Ха*—рабыня отца своего. Сохранилось также выраженіе „Дѣти бога Водда“, указывающее на цѣлую группу духовныхъ лицъ, находившихся въ духовномъ подчиненіи у божества Водда, какъ своего божественнаго отца.

У Сабейцевъ особенно было замѣтно стремленіе къ смиренной преданности божеству, граничащей съ рабскимъ отношеніемъ невольниковъ къ ихъ господину. Въ надписяхъ сохранились ясныя указанія на торжественныя посвященія себя самого и подчиненныхъ, дѣтей и рабовъ тому или другому божеству, или даже на преданіе себя и своихъ дѣтей и рабовъ вмѣстѣ съ имуществомъ извѣстному божеству. Это божество довольствовалось однако тѣмъ, что рабы его платили ему ежегодно извѣстную дань, въ формѣ скота, приводимаго въ храмъ божества, или въ формѣ еврейской дляни, или наконецъ—въ формѣ посвященія имущества (вакфъ).

Такія отношенія древнихъ арабовъ къ ихъ божествамъ имѣли цѣлію земное богопочитаніе, на доставленіе котораго людямъ боги имѣли достаточно могущества и милости, какъ напримѣръ; здоровье, исцѣленіе отъ болѣзней, рожденіе дѣтей, преимущественно мужского пола, хорошій урожай хлѣбныхъ злаковъ, финиковъ, винограда, избавленіе отъ наводненій, без-

временныхъ жары и холодовъ. При вооруженныхъ столкновеніяхъ съ врагами—къ божеству обращались съ мольбами о большомъ числѣ убитыхъ и т. п. Но всѣ желанія и стремленія араба ограничивались земными благами, о загробной жизни древніе арабы имѣли смутное представленіе, а боги ихъ были безсильны въ борьбѣ человѣка со смертью. Большинство арабовъ вѣрили въ полнѣйшее уничтоженіе своей личности послѣ смерти, а чтобы сохранить память о своемъ существованіи, на могилѣ ставился камень съ вырѣзанными на немъ глазами и надписью, выражавшею пожеланіе наказанія отъ боговъ и погибели за разрушеніе такого памятника[1]).

Трудно рѣшить вопросъ, почему божества древнихъ арабовъ имѣли различныя изображенія и формы; можетъ быть, это разнообразіе изображеній нужно объяснять заимствованіемъ у сосѣднихъ народовъ. Но при описанномъ значеніи идоловъ въ жизни древнихъ арабовъ замѣчателемъ тотъ фактъ, что сами арабы не всегда были почтительны къ своимъ божествамъ: когда желанія и прошенія обращавшихся къ нимъ арабовъ не исполнялись, богомольцы теряли вѣру въ могущество божества, оскорбляли его и переставали служить ему. Такъ, Саадъ привелъ своихъ верблюдовъ къ идолу на благословеніе и, когда молился, верблюды разбѣжались. Тогда хозяинъ разсердился на своего бога, бросилъ въ него камнемъ[2]) и съ гнѣвомъ воскликнулъ: „да не будетъ на тебѣ Божіе благословеніе: ты испугалъ моихъ верблюдовъ!“ Потомъ онъ собралъ верблюдовъ и сказалъ: „Мы пришли къ Сааду, чтобы онъ соединилъ насъ, но онъ разсѣялъ насъ; отъ Бога счастья нѣтъ намъ счастья[3]). Саадъ—не болѣе какъ пустынная скала, которая не заслуж-

---

[1]) Изложенныя свѣдѣнія о религіозныхъ вѣрованіяхъ южныхъ арабовъ заимствованы изъ литограф. перевода соч. Гримме „Mohammed“ (Мюнхенъ, 1904), составляющаго приложеніе къ лекціямъ проф. Лазаревскаго института А. Е. Крымскаго по Корану, читаннымъ въ 1905 году. (Москва, 1905).

[2]) Такъ до сихъ поръ сибирскіе идолопоклонники поступаютъ со своими идолами: когда желанія ихъ исполняются, они мажутъ масломъ или саломъ лицо идола, а когда неисполняются, тогда они наказываютъ его плетью и т. д.

[3]) Имя идола Саадъ (سعد) на арабскомъ языкѣ означаетъ счастье.

даетъ и не приводитъ къ истинѣ". Извѣстны также случаи, когда арабы, не получившіе удовлетворенія отъ своихъ идоловъ, оставляли ихъ и переходили въ христіанство или въ исламъ. Такъ, однажды къ идолу Аль-Фульсу загнали верблюдицу съ пастбища, и прислужникъ не хотѣлъ возвратить ее. Но разыскивавшій пропавшую верблюдицу Маликъ, не взирая на угрозы стража при идолѣ, отвязалъ ее и угналъ. Послѣ того другой арабъ Ади-бенъ Хатимъ принесъ жертву тому же идолу и, узнавъ о дерзости Малика, ожидалъ, какое постигнетъ его наказаніе; когда же наказанія Малику не послѣдовало, Ади самъ пересталъ кланяться идолу Фульсу и принялъ христіанство[1]). Другой примѣръ: однажды двѣ лисицы забѣжали въ храмъ и осквернили находившагося тамъ идола, испустивъ на его голову урину. Стражъ этого храма произнесъ тогда: „Ужели Господь тотъ, на голову котораго испускаютъ урину лисицы? По истинѣ, ничтоженъ тотъ, на котораго испустила урину лисица... Солаймиты: Онъ (идолъ) не вредитъ и не приноситъ пользы, онъ не можетъ дать позволенія, не можетъ и воспрепятствовать". Сказавъ это, стражъ храма разбилъ идола[2]). О знаменитомъ поэтѣ Амрулькайсѣ (500—540 по Р. Хр.), желавшемъ мстить за смерть своего отца, разсказываютъ, что онъ, когда вынулъ у Дзуль-Халясы стрѣлу, съ надписью „запретъ", то разсердился на идола, переломилъ всѣ гадальныя стрѣлы и бросилъ ихъ въ голову идола, сказавъ: „Еслибъ у тебя былъ отецъ, и если бы его убили, то ты не запретилъ бы отомстить за него". При этомъ Амрулькайсъ выругался неприличными словами[3]). Извѣстенъ также случай, когда арабы племени Бену-Ханифа во время голода съѣли своего идола, сдѣланнаго изъ тѣста, не убоявшись дурныхъ послѣдствій—наказанія и мести своего долго чтимаго божества[4]). Еще одинъ примѣръ относится ко времени Мухаммеда, когда у Амра бенъ-Альджамура молодые приверженцы ислама ночью похитили идола Манату и бросили въ яму съ нечистотами. На утро Амръ огорчился и

---

[1]) Соч. Машанова, стр. 330. [2]) Pocock. p. 105.
[3]) См. у Е. Н. Воронца: „Первоначально-богооткровенная истина единства Божія въ древней до-мухаммеданской религіи аравитянъ" стр. 110. Фактъ этотъ приводится многими европейскими оріенталистами.
[4]) Pocock. p. 106.

угрожалъ виновнымъ, а идола вымылъ и намазалъ благовоніями. На слѣдующую ночь съ идоломъ случилось тоже, и Амръ снова вымылъ своего идола и поставилъ на прежнее мѣсто. Но чтобы подобное безчестіе снова не постигло Манату, Амръ привѣсилъ на шею идола мечъ и сказалъ: „клянусь Богомъ! я не знаю, кто такъ поступаетъ съ тобою; но если ты что-нибудь узнаешь, то защищайся самъ: вотъ тебѣ мечъ!“ Однако, на слѣдующую ночь приверженцы ислама сняли съ идола мечъ, а вмѣсто того привѣсили ему на шею мертвую собаку и въ такомъ видѣ бросили идола въ яму. Когда на утро Амръ узналъ объ этомъ, то склонился принять исламъ и уже послѣ того сложилъ про идола своего слѣдующіе стихи: „Клянусь Аллахомъ! Если бы ты былъ Богъ, то не лежалъ бы съ мертвой собакой въ ямѣ. Позоръ тому, кто обожаетъ тебя! Мы узнали тебя теперь, и насъ не обманутъ больше[1]). Приведенные факты напоминаютъ намъ полудикихъ кочевниковъ калмыковъ и сибирскихъ язычествующихъ инородцевъ, которые обильно намащаютъ носъ и ротъ своихъ идоловъ саломъ, кровью или масломъ, когда взываютъ къ нимъ о помощи, а когда эта помощь не получается и когда вообще прошенія язычниковъ не исполняются, тогда они сердятся, укоряютъ своего идола и даже наказываютъ нагайками. Естественно поэтому утверждать, что идолопоклонническій культъ древнихъ арабовъ стоялъ на низкой степени развитія[2]).

Въ подтвержденіе этого взгляда приведемъ слѣдующее мѣсто изъ Корана: «Они (арабы) отлагаютъ для Бога часть изъ того, что производитъ Онъ на нивахъ ихъ и въ скотѣ ихъ, и говорятъ: это—Богу, а это—Его соучастникомъ, чтимымъ нами. Что назначено для соучастниковъ Бога, чтимыхъ ими, то не переходитъ къ Богу, а что назначено для Бога, то идетъ къ соучастникамъ, какихъ чтутъ они» (6, 137). Толковники Корана объясняютъ этотъ стихъ въ томъ смыслѣ, что Богъ менѣе нуждается въ приношеніяхъ, чѣмъ низшія божества[3]).

---

[1]) Ибнъ-Хишамъ, см. соч. Машанова, стр. 251—252.

[2]) Подобные этимъ примѣры въ изобиліи приведены въ цитир. соч. Леббока, стр. 227 и слѣд.

[3]) См. Толкованіе Корана „Рухуль-баянъ“.

Въ виду этого Мухаммедъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть: «какъ неосновательны арабы въ своихъ сужденіяхъ!» Такая неосновательность религіозныхъ представленій древнихъ арабовъ объясняется ихъ вѣрованіемъ, что идолы, т. е. олицетворяемыя ими божества служили посредниками между верховнымъ Богомъ (Аллахомъ) и человѣкомъ: „арабы, кромѣ Бога, поклоняются еще такимъ, которые ни вреда имъ сдѣлать не могутъ, ни пользы принести не могутъ; они говорятъ: идолы—ходатаи за насъ предъ Богомъ" (10, 19; 39, 4). Таково было общее вѣрованіе язычествующихъ арабовъ; поэтому и самъ Мухаммедъ проговорился въ этомъ же смыслѣ, когда спорилъ съ корейшитами объ Аль-Латѣ, Аль-Уззѣ и Манатѣ. Можетъ быть, такой взглядъ на идоловъ былъ заимствованъ арабами отъ сабеистовъ, которые считали звѣзды и идоловъ ходатаями за людей передъ Верховнымъ Богомъ.

На ряду съ идолами, какъ видимыми изображеніями божествъ, ходатаевъ за людей предъ Верховнымъ Богомъ, древніе арабы признавали бытіе существъ духовныхъ—ангеловъ и демоновъ. Ангеламъ многія арабскія племена поклонялись и считали ихъ дочерями Бога (17, 42; 37, 150; 43, 18; 53, 28), но вообще имѣли самыя смутныя представленія о нихъ, такъ что Мухаммедъ, знакомый съ ученіемъ евреевъ и христіанъ, имѣлъ право сказать, что у арабовъ нѣтъ знанія объ этомъ предметѣ, что они слѣдуютъ только мнѣнію, которое не можетъ нисколько замѣнить истины (53, 29). Очевидно, что вѣра въ ангеловъ была только отголоскомъ како.о-нибудь иноземнаго вѣрованія, занесеннаго въ Аравію и не развилась на почвѣ ихъ родной миѳологіи.

Гораздо опредѣленнѣе было вѣрованіе арабовъ въ демоновъ (джиннъ), какъ существъ, болѣе осязательныхъ для человѣческаго пониманія и болѣе близкихъ къ земной жизни человѣка. Въ этомъ пунктѣ арабы были самостоятельнѣе, подобно другимъ язычествующимъ народамъ, имѣющимъ свою демонологію. Арабскіе джинны, хотя были невидимы для обыкновенныхъ глазъ, но были матеріальны, могли принимать не только образъ человѣка, но и образъ животныхъ, звѣрей, пресмыкающихся, а также предметовъ и явленій физической природы. По вѣрова-

ніямъ арабовъ, джинны раздѣлялись на нѣсколько классовъ[1]), жили большею частію въ безлюдныхъ мѣстахъ и причиняли людямъ вредъ; отгоняли скотъ съ пастбищъ, сбивали съ пути путешественниковъ, похищали новорожденныхъ дѣтей и иногда женщинъ. Разобщенность съ міромъ небесъ возбуждала въ нихъ зависть, доводящую ихъ до дерзкой мысли: подняться въ небесныя сферы и подслушать тайны Бога и ангеловъ; но стражи неба бросали въ нихъ звѣздами и низвергали ихъ въ море и на землю, а нѣкоторыхъ совсѣмъ сожигали. Придавая нѣкоторую тѣлесность джиннамъ, арабы считали однихъ изъ нихъ джиннами мужескаго пола, а другихъ—джиннами женскаго пола. Джиннъ Залянбуръ имѣлъ особую спеціальность—производить раздоръ между мужемъ и женой. Джиннъ Дельхинъ, напоминающій своимъ именемъ дельфиновъ, живетъ на морскихъ островахъ, нападаетъ на корабли, оглушаетъ своимъ крикомъ пассажировъ и тогда овладѣваетъ ими.

По мнѣнію древнихъ арабовъ, джинны невидимыя существа, встрѣча съ которыми всегда была опасна для арабовъ, тѣмъ болѣе, что такія встрѣчи происходили въ пустынныхъ и темныхъ мѣстахъ и чаще ночью, чѣмъ днемъ. Слѣдовательно, вѣрованіе древнихъ арабовъ въ джинновъ не отличается существенно отъ вѣрованій разныхъ другихъ языческихъ народовъ въ злыхъ духовъ, противъ вліянія которыхъ язычникъ обычно обращался къ помощи чародѣевъ, что мы въ настоящее время видимъ у киргизъ, калмыковъ и др. шаманствующихъ инородцевъ Россіи. Мухаммеда многіе арабы считали одержимымъ джинномъ[2]) и онъ самъ вѣровалъ во вредныя вліянія джинновъ и одно время боялся мысли, не коснулся ли джиннъ и не сдѣлалъ ли его бѣсноватымъ (*маджнунъ*). Потомъ онъ опровергалъ это нареканіе на него[3]),

Мы оставляемъ въ сторонѣ ученіе о Шайтанѣ и Иблисѣ, такъ какъ ученіе о первомъ заимствовано изъ еврейскаго

---

[1]) Гуль, Ифритъ, Залянбуръ, Дельхинъ, Кутрабъ, Сафифъ и др. Объ Ифритѣ разсказано въ Коранѣ, что онъ служилъ Соломону и вызвался доставить ему престолъ Савской царицы, прежде чѣмъ Соломонъ встанетъ съ мѣста (гл. 27, ст. 39).

[2]) Коранъ, гл. 44, ст. 13; гл. 68, ст. 51.

[3]) Коранъ, гл. 7, ст. 183; гл. 52, ст. 29; гл. 68, ст. 2.

представленія о сатанѣ, а ученіе о послѣднемъ—изъ христіанскаго представленія о діаволѣ. Мы не говоримъ и о раздѣленіи джинновъ на вѣрующихъ и невѣрующихъ, на добрыхъ и злыхъ, потому что такое дѣленіе принадлежитъ основателю ислама.

Что касается вѣрованія древнихъ арабовъ въ судьбу, то мы не склонны думать, что они считали ее особымъ божествомъ; это вѣрованіе естественно вытекало изъ вѣры въ Бога и въ зависимость человѣка отъ божества, что и доказывается разными *гаданіями*[1]) арабовъ, съ которыми они обращались къ разнымъ своимъ божествамъ, а также и тою неопредѣленностью понятія о судьбѣ, какъ ее представляли арабы. Вѣрованіе въ судьбу указывало скорѣе на вѣру арабовъ въ могущество ихъ боговъ и въ предвѣдѣніе ихъ.

Въ заключеніе одно замѣчаніе относительно взгляда Ренана и др. на отношенія семитовъ къ идеѣ о божествѣ. По мнѣнію Ренана семиты не допускали въ представленіи своемъ о Богѣ какого-либо разчлененія и множественности, и поэтому семитическіе культы не отступали отъ древней патріархальной формы Богопочитанія и т. д.[2]. Въ виду изложенныхъ въ этой главѣ фактовъ дѣйствительнаго идолопоклонства и многобожія древнихъ арабовъ, означенное мнѣніе Ренана и его послѣдователей можно понимать и принимать только въ томъ смыслѣ, что семиты, какъ потомки Сима, сына Ноева, и въ частности арабы, какъ потомки Авраамова сына Измаила, были болѣе хамитовъ предохранены отъ естественнаго соблазна идолопоклонствомъ сосѣднихъ народовъ, и когда они (семиты, и въ частности арабы) всетаки подпадали подъ такія вліянія, то въ ихъ сознаніи оставалось представленіе о Единомъ Богѣ (Алла-таала), которое находилось въ полномъ противорѣчіи съ многобожническими представленіями тѣхъ же арабовъ. Справедливо замѣчаетъ Морицъ Каррьеръ, что Ренанъ слишкомъ налегъ на излюбленную имъ черту духа семитовъ и дошелъ до той, болѣе кажущейся, нежели дѣйствительной, противоположности, что будто бы арійцы— чисто многобожное, а семиты—единобожное

---

[1]) Указатель подъ сл. Гаданіе.

[2]) См. Histoire des langues semitiques. Ср. ст. проф. Хвольсона „Характеристика семитическихъ народовъ“, а также Мор. Каррьера, Шпренгера, Кремера и др.

племя..., что самая пустыня, окружающая арабовъ, единобожна: высокая въ неизмѣримомъ своемъ однообразіи, она открываетъ человѣку идею безконечнаго[1])... Разность между семитами и арійцами можно поэтому обозначить такъ, что среди первыхъ религіозное чувство рѣшительно поднялось отъ язычества къ единобожію и что въ самомъ даже язычествѣ замѣчалась у нихъ преобладающая наклонность къ единству[2])...

Но у тѣхъ же семитовъ идея божества соединялась не рѣдко, какъ сказано выше въ главѣ съ обожаніемъ небеснаго свѣта, солнца, луны и звѣздъ, почему въ Коранѣ такъ часто и предостерегаются арабы отъ поклоненія этимъ свѣтиламъ.

Только при такомъ ограниченіи взгляда Ренана и др. можно помирить выводы современной науки о происхожденіи естественной религіи, представленные въ трудахъ Эд. Тэйлора, Рж. Леббока и др.

---

[1]) Этою мыслію увлекался и харьковскій проф. Петровъ въ своихъ „Очеркахъ по всеобщей исторіи" (Магометъ).

[2]) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Т. I. Москва, 1870. Стр. 199 и слѣд.

VII.

Арабскій языкъ—языкъ Корана.

Языкъ каждаго народа служитъ выразителемъ его духовной жизни: это художественный образъ, вызванный жизнію народа и окружающей его природы и служащій для выраженія и сохраненія въ памяти мыслей и чувствованій народа, его вѣрованій, поэзіи и проч. Нашъ отечественный поэтъ, князь Вяземскій, высказалъ это въ слѣдующемъ прекрасномъ стихѣ: „Языкъ есть исповѣдь народа: въ немъ слышится его природа, его душа и бытъ родной“. По словамъ покойнаго арабиста Холмогорова, въ языкѣ народа всего болѣе отражаются его мысль, его духъ и его своеобразный взглядъ на окружающую природу; въ языкѣ мы найдемъ болѣе прямое доказательство умственныхъ сокровищъ народа и его способности къ самосовершенствованію. Если самъ народъ бѣденъ понятіями, то скуденъ и языкъ его, какъ органъ для выраженія этихъ понятій: тогда необходимость заставляетъ прибѣгать къ заимствованію чуждыхъ словъ, чтобы вознаградить недостатокъ, замѣтный въ собственномъ языкѣ, и много лѣтъ требуется для того, чтобы въ замѣну пришлаго явилось и выработалось самородное слово.

Всего этого успѣлъ избѣжать арабскій языкъ, уже съ древнѣйшихъ временъ являющійся какъ бы во всеоружіи, чуждый всякаго посторонняго вліянія, и до того обильный, что при переводѣ, напримѣръ, съ греческаго языка, онъ, за немногими исключеніями, мало принялъ въ себя научныхъ терминовъ, довольствуясь собственными средствами. Прошли цѣлые ряды столѣтій пока сильная воля одного человѣка, въ связи съ историческими обстоятельствами, успѣла выдвинуть арабовъ—мусульманъ за предѣлы ихъ прежде мало извѣстной родины, доставила имъ преобладаніе въ значительной части древняго міра, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ смыслѣ, особенно въ послѣднемъ; настало новое время и съ нимъ поднялись новые жизненные вопросы, иные дѣятели, иныя стремленія,—но языкъ арабскій остался цѣлъ и невредимъ въ устахъ народа, имъ говорящаго, невредимъ, какъ живой род-

никъ, который выдѣляетъ изъ себя мелкіе, разбросанные ручьи, мало отдалившіеся отъ своего первообраза[1]).

Въ виду этого, намъ представляется необходимымъ сказать объ отличительныхъ особенностяхъ арабскаго языка, на которомъ обнародованъ Мухаммедомъ Коранъ[2]).

Арабскій языкъ принадлежитъ къ большому семейству такъ называемыхъ „семитскихъ" (семитическихъ) языковъ, распространенныхъ въ передней Азіи и сѣверной Африкѣ, и раздѣляющихся на три главныя вѣтви: арамейскую, еврейскую и арабскую. По богатству и красотѣ своей эти языки находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ климатомъ тѣхъ странъ, въ которыхъ жили говорившіе на нихъ народы. Арамейское нарѣчіе, употребляемое на сѣверѣ, жестко, бѣдно, негармонично, отличается особенно тяжеловатостью конструкціи, непримѣнимой къ поэзіи; напротивъ, арабское нарѣчіе, какъ южное нарѣчіе, отличается чудными богатствами[3]).

На арабскомъ языкѣ говорили и до сихъ поръ говорятъ жители Аравіи, колыбели ислама. До появленія Мухаммеда, арабскій языкъ распадался на нѣсколько діалектовъ, но они не отличались особенно рѣзко одинъ отъ другого и притомъ легко сливались въ однородный языкъ подъ вліяніемъ древне-арабскихъ всенародныхъ сборищъ (ярмарокъ) въ Дзуль-Маджазѣ (близъ горы Арафата), въ Аль-Маджаннѣ и Минѣ (близъ Мекки), въ Оказѣ (между Нахлой и Тайифомъ) и въ Хонайнѣ (между Тайифомъ и Меккой), во время которыхъ соблюдалось въ Аравіи общее перемиріе, и враждующія колѣна, вмѣсто нападеній и грабежей, могли заявлять свои непріязненныя чувства только въ словесныхъ состязаніяхъ о славѣ своего племени и личныхъ доблестяхъ, да сатирами, выраженными въ формѣ поэтической, часто въ формѣ импровизацій. Изъ упомя-

---

1) Очеркъ исторіи арабской литературы. Арабскій языкъ и домусульманская литература арабовъ (Всеобщая исторія литературы; составленная подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ XIII. Спб. 1882 г. стр. 270.

2) См. Коранъ, гл. 14, ст. 4; гл. 16, ст. 105; гл. 26, ст. 192; гл. 46, ст. 11.

3) Ренанъ. О происхожденіи языка. Переводъ съ французскаго А. Н. Чулинова. Воронежъ, 1866 г. стр. 96. См. также въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона (томъ I) подъ сл. „Арабскій языкъ и арабская литература".

нутыхъ армарокъ самая замѣчательная происходила въ Оказѣ; здѣсь и самъ Мухаммедъ выслушивалъ рѣчи христіанскаго епископа Косса, краснорѣчивѣйшаго изъ древнихъ арабовъ, стихи еврея Самуила-бенъ-Адія, и языческія арабскія поэмы, слѣды которыхъ еще можно узнать въ нѣкоторыхъ изрѣченіяхъ Алкорана.

Съ появленіемъ ислама еще большему объединенію разныхъ арабскихъ діалектовъ помогъ Коранъ, написанный на нарѣчіи Корейшитовъ, главныхъ представителей Мекки и окрестностей, и сдѣлавшійся законодательнымъ кодексомъ не только для всѣхъ арабовъ, но и для всѣхъ мусульманъ. Съ распространеніемъ ислама и языкъ Корана распространился до береговъ Инда и за Аму-Дарью до Волги и Китая, процвѣталъ въ Испаніи и сѣверной Африкѣ, подобно тому, какъ въ средніе вѣка латинскій языкъ Библіи и католическаго богослуженія распространился по всей западной Европѣ и за ея предѣлами. Было время, когда арабскій языкъ служилъ не только языкомъ религіи и мусульманской науки, но и языкомъ дипломатическихъ сношеній и даже частныхъ писемъ[1]. И до сихъ поръ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ этотъ языкъ составляетъ важнѣйшій предметъ старательнаго школьнаго изученія, какъ основной классическій языкъ, на которомъ написаны главнѣйшія сочиненія мусульманской литературы. Въ мусульманскихъ школахъ Каира, Константинополя, Бухары, Индіи, Туркестана, Казани, Крыма, а также въ знаменитыхъ школахъ сѣверной Африки этотъ языкъ занимаетъ самое почетное мѣсто, и умѣнье излагать на этомъ языкѣ свои мысли, особенно по предметамъ вѣры, составляетъ высшій признакъ образованнаго мусульманина.

Арабскій языкъ отличается отъ европейскихъ языковъ не только своеобразнымъ грамматическимъ строеніемъ, но и богатствомъ лексическаго матеріала, особенною цвѣтистостію, обиліемъ блестящихъ метафоръ, придающихъ ему характеръ языка

---

[1]) См. Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Томъ V. С.-Петербургъ, 1862 г. стр. 217 и слѣд. Цитированное сочиненіе Ренана „О происхожденіи языка“ и М. Мюллера „Лекціи о наукѣ и языкѣ“.

восточнаго, тропическаго, необыкновенною звонкостью и приспособленностью къ созвучнымъ (рифмованнымъ) окончаніямъ.

Главную часть рѣчи не только по значенію, но и въ отношеніи производства словъ, въ арабскомъ языкѣ составляетъ *глаголъ*, для выраженія котораго въ коренной формѣ требуются *три* согласные звука[1]). Извѣстною, точно опредѣленною перемѣною гласныхъ, оживляющихъ этотъ скелетъ глагольнаго корня, и присоединеніемъ къ нему одной, двухъ или трехъ согласныхъ получаются 13-ть своеобразныхъ глагольныхъ формъ, замѣняющихъ русскіе виды и залоги, отъ которыхъ въ свою очередь производятся именныя формы и вообще производныя слова. Такъ, напримѣръ, изъ трехъ основныхъ звуковъ *к+т+б* съ гласнымъ звукомъ *а* надъ каждымъ согласнымъ[2]) образуется трехбуквенный глаголъ *кятаба*—писалъ. Удвоивъ среднюю коренную согласную, т. е. букву *т*, получимъ форму *кяттаба* съ удвоеннымъ переходящимъ значеніемъ въ смыслѣ: *понуждалъ, приказывалъ писать*, а также *обучалъ письму*. Удлинненіе гласнаго звука при первой коренной согласной (кятаба) придаетъ глаголу значеніе взаимнаго дѣйствія между двумя лицами, а прибавленіе къ этой формѣ слога *та* (въ началѣ) усиливаетъ идею взаимности въ смыслѣ переписки между нѣсколькими лицами. Когда же къ глагольному корню присоединяется спереди слогъ *иста*, то получается новый видъ глагола съ значеніемъ *просьбы, желанія* исполнить дѣйствіе, выраженное коренной формой глагола: *истактаба* значитъ: просить кого нибудь написать и т. д.[3]).

Подобная же своеобразность производныхъ формъ наблюдается и въ именахъ: въ арабскомъ языкѣ есть особыя именныя формы для обозначенія мѣста, времени, дѣйствія, орудія

---

1) Четырехбуквенные глагольные корни такъ малочисленны въ арабскомъ языкѣ, что общаго правила не нарушаютъ.

2) Гласный звукъ *а*, соотвѣтственно характеру соединенной съ нимъ согласной, смягчается при произношеніи въ *я*.

3) Замѣчатеаьно также свойство арабскихъ согласныхъ звуковъ давать новыя образованія путемъ простого перемѣщенія этихъ согласныхъ, напримѣръ: *ба-ка-ра* значитъ былъ поутру, *кя-ба-ра*—былъ гордымъ, *ра-кя-ба* - ѣхалъ верхомъ, *ба-ра-ка* - сталъ на колѣни (о верблюдѣ), *ра-ка-ба*—волновался отъ горя, *ра-ба-ка*—связывалъ. Но не всѣ корневыя формы допускаютъ перестановки. См. отдѣлъ о глаголѣ въ арабскихъ грамматикахъ.

дѣйствія, сосуда для вмѣщенія жидкости, изобилія, кратнаго имени. Кромѣ того, арабскій языкъ располагаетъ нѣсколькими формами множественнаго числа[1]) съ разными значеніями отъ одного и того же имени: *байтъ* домъ во множественномъ числѣ имѣетъ *двѣ* формы—*буютъ* дома и *абъятъ* стихи.

Арабскій языкъ—корневой языкъ по преимуществу[2]) и потому почти совсѣмъ не имѣетъ сложенія словъ, но за то изобилуетъ синонимами. Для нѣкоторыхъ предметовъ и понятій въ арабскомъ языкѣ арабисты находятъ цѣлыя сотни названій, напримѣръ: для обозначенія меча—1000 словъ, для обозначенія слона—500 словъ, для обозначенія змѣи—200, для обозначенія несчастія—400, множество названій для меда, и особенно много для верблюда, именно 5744[3]). Родственныя отношенія имѣютъ особыя названія по мужской и женской линіи и т. д. Покойный Г. С. Саблуковъ, говоря о богатствѣ арабскаго языка, замѣчаетъ, что арабъ, одаренный отъ природы живымъ воображеніемъ, по преимуществу умѣлъ и успѣлъ выразить въ своемъ языкѣ всю живость своей фантазіи, успѣлъ высказать на немъ самыя разнообразныя воззрѣнія на окружающую его природу: въ его языкѣ найдутся по нѣскольку словъ для каждаго движенія верблюда и коня, для каждаго звѣря, встрѣчаемаго имъ въ пустынѣ, для каждой травки, для незначительнаго явленія въ атмосферѣ, для указанія вида тучки на горизонтѣ. Такъ, для слова *идти* или *шелъ*, означающаго движеніе человѣка, можно насчитать 25 синонимовъ: одни изъ нихъ выражаютъ просто одно это движеніе; другіе означаютъ это явленіе съ представленіемъ времени, въ которое совершается шествіе, каковы: шелъ рано по утру, шелъ вечеромъ, приходилъ утромъ по разсвѣтѣ, приходилъ на другой день, приходилъ на третій день, приходилъ въ вечернее время, шелъ ночью[4]). Иные указываютъ на движе-

---

[1]) Въ арабскомъ языкѣ, кромѣ множественнаго числа, есть особая форма для двойственнаго числа и двѣ родовыхъ формы - мужская и женская.

[2]) Въ арабскомъ языкѣ считаютъ 6.000 корней.

[3]) См. у Ренана, стр. 69—70.

[4]) Подобно этому, глаголъ *шараба* означаетъ *пилъ*, безъ обозначенія времени, а глаголъ *сахаба* значитъ *пилъ по утру*, глаголъ *каля пилъ въ полдень*, глаголъ *габака пилъ вечеромъ*. И производныя отъ этихъ глаголовъ имена означаютъ питье утромъ, въ полдень и вечеромъ (Холмогоровъ).

ніе съ представленіемъ направленія въ ходѣ, различнаго отношенія идущаго человѣка къ окружающимъ предметамъ: ушелъ прочь, прошелъ мимо, шелъ вдоль по дорогѣ, переходилъ, обходилъ, вошелъ, вышелъ[1]). Нѣкоторые глаголы съ понятіемъ *шелъ* соединяютъ въ себѣ представленіе образа или качества поступи: гордо выступалъ, тихо шелъ, шелъ разваливаясь на стороны, шелъ размахивая руками, съ трудомъ шелъ, какъ бы имѣя переломленную спину. Нѣкоторые глаголы указываютъ вмѣстѣ скорость или медленность движенія: быстро шелъ, скоро шелъ, скоро и легко шелъ. Въ арабскомъ языкѣ еще много такихъ глаголовъ, которые указываютъ направленіе вверхъ, внизъ, силу, звукъ при ходѣ. Много словъ въ арабскомъ языкѣ для названія коня по его возрасту, цвѣту, виду, породѣ. Слово *гнѣздо птицы* выражается пятью, чтобы указать и мѣсто, гдѣ гнѣздо свито: гнѣздо *на деревѣ*, гнѣздо *на стѣнѣ*, гнѣздо *на горѣ*, гнѣздо, *въ которомъ птица ночуетъ*, гнѣздо на пескѣ (страусово[2]).

При такомъ богатствѣ словъ, арабскій языкъ есть языкъ болѣе изобразительный, чѣмъ отвлеченный. Языкъ араба, составлявшійся подъ преобладающемъ вліяніемъ воображенія, заключаетъ множество такихъ словъ, которыми обрисовывается предметъ вмѣстѣ съ тѣми чертами, съ какими видитъ его зритель въ опредѣленномъ его положеніи. Европейскіе языки, языки понятій, составившіеся подъ преимущественнымъ вліяніемъ разсудка, всегда анализирующаго признаки или черты предмета при познаніи его, должны употребить нѣсколько словъ для выраженія того, что арабъ обозначитъ однимъ словомъ. Такъ, слѣдующія слова: „подошелъ къ водѣ и не имѣя чѣмъ напиться, только смотрѣлъ на нее“ у араба передаются однимъ *джабака*. Множество такихъ словъ въ языкѣ арабовъ даетъ ихъ писателямъ, а особливо поэтамъ, удобство немногими словами, самой сжатой рѣчью рисовать предъ воображеніемъ читателя

---

1) См. соч. Г. Саблукова стр. 227 228. Нѣкоторые глаголы означаютъ состоянія только извѣстныхъ животныхъ, напримѣръ: только о верблюдѣ говорится *барака*, когда онъ ложится, подгибая колѣна, чтобы принять на себя вьюкъ; о львѣ говорятъ *рабадза*, когда онъ легъ въ пещерѣ; о птицѣ говорятъ *джасама*, когда она садится (Холмогоровъ).

2) См. у того же автора на стр. 228.

живыя, яркоцвѣтистыя картины окружающей ихъ природы и жизни[1]).

Но такое лексическое богатство арабскаго языка развилось въ ущербъ ясности и опредѣленности смысла. „Напрасно было бы искать у семитовъ какихъ-нибудь природныхъ стремленій къ раціональному анализу, между тѣмъ какъ ихъ литературы изобилуютъ истинными выраженіями нравственныхъ чувствъ, практическими афоризмами... Приходя въ совершенное смущеніе предъ этими длинными свиваніями предложенія[2]), въ которыхъ греки и латиняне съ такимъ искусствомъ совмѣщаютъ безчисленныя подробности одной только мысли, семиты наставляютъ лишь одно за другимъ предложенія, ограничивая при этомъ все свое искусство просто связью *и*, составляющею тайну ихъ періода и замѣняющею для нихъ почти всѣ другіе союзы. Семитическіе языки почти совершенно не знаютъ искусства взаимнаго подчиненія членовъ предложенія. Гладкіе, ровные, безъ разстановки словъ, эти языки не вѣдаютъ другого процесса построенія рѣчи, кромѣ нарастанія идей, на манеръ византійской живописи. У нихъ вовсе нѣтъ стиля. Соединеніе словъ въ предложеніе —вотъ послѣднее ихъ усиліе; сдѣлать тоже съ самими предложеніями уже для нихъ не по силамъ. Краснорѣчіе для семитовъ заключается лишь въ быстрой смѣнѣ однихъ за другими сильныхъ оборотовъ и смѣлыхъ образовъ: всякая тѣнь ораторскаго искусства осталась для нихъ неизвѣстною[3])“. Взамѣнъ стилистической стройности, рѣчь арабовъ отличается яркостью образовъ, картинностью описаній и живостью чувства, чему особенно способствуютъ богатыя и рѣзкія метафоры, неожиданныя сближенія и противоположенія и чрезвычайныя, *восточныя*, гиперболы. Всѣ эти особенности придаютъ арабскому языку характеръ языка тропическаго; рѣчь араба восторженная, пылкая, какъ палящее арабское солнце. Къ этому присоединяется особенная, только арабскому языку свойственная, серебристая звучность арабской рѣчи, еще болѣе ласкающая слухъ мѣрными созвучіями, не только въ стихахъ,

---

[1]) См. соч. Г. Саблукова „Свѣдѣнія о Коранѣ, законоположительной книгѣ мухаммеданскаго вѣроученія“. Казань, 1884 г. стр. 227—229.

[2]) Circuitus или comprehensio — по терминологіи Цицерона.

[3]) Ренанъ. „О происхожденіи языка“. Воронежъ, 1866 г., стр. 98—99.

но и въ прозѣ. Даровитый арабъ, одушевленный предметомъ своего разсказа, можетъ придать своей рѣчи такой ритмъ, что она, по мѣткому сравненію г. Саблукова, „то льется, какъ плавная струя потока, изрѣдка слышнаго въ своихъ всплескахъ, то кипитъ короткими, но звучными фразами, какъ игривый ручей, струящійся по каменистому руслу“. Даже проза арабскихъ писателей, въ сочиненіяхъ историческихъ и въ повѣстяхъ, имѣетъ свойства поэтической рѣчи, а эта послѣдняя называется на арабскомъ языкѣ „низаніемъ на нитку жемчужинъ“. Европеецъ не можетъ оцѣнить своимъ ухомъ всей прелести хорошей арабской рѣчи, но изучавшіе этотъ языкъ и вникавшіе въ фонетическій и стилистическій его строй не могутъ не поддаваться очарованію, когда слушаютъ хорошаго декламатора. Г. Саблуковъ такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ арабской проповѣди (хутбы), читаемой въ пятницу, во время полуденнаго молитвословія: „Складъ періодовъ въ хутбѣ и вяазѣ, произнесенныхъ имамомъ, измѣнялся до трехъ разъ. Первая часть ихъ не могла бы понравиться слушателю, незнакомому съ звуками арабскаго языка: каждый куплетъ, оканчиваясь гортаннымъ звукомъ (*гамзя* ءآ), по качеству этого слога, перерывался вдругъ, въ то время, какъ выходилъ сильнымъ дыханіемъ изъ гортани. Съ перемѣной риѳмы напѣвъ другой части былъ свободнѣе, хотя имѣлъ въ основаніи ту же мелодію звуковъ. Смѣнившій его третій ладъ былъ болѣе мягкій, былъ живой, ясный и звучный. Окончаніе вяаза (поученія) пѣлось такъ прекрасно, періоды звуковъ съ повтореніемъ размѣровъ повторялись въ постоянно принятыхъ изгибахъ голоса такъ вѣрно, что начальная жесткость звуковъ забылась, гортанные звуки какъ бы умягчились, уподобляясь легкимъ звукамъ флейты: все пѣніе приняло выраженіе какой-то торжественности. Слушатели внимали звукамъ арабской рѣчи, притаивъ дыханіе: одинъ только голосъ пѣвца носился надъ этимъ какъ бы очарованнымъ собраніемъ; одни только звуки его декламаціи игривой цѣпью вились подъ сводомъ мечети, и когда имамъ кончилъ проповѣдь, когда слова: *Великъ Богъ!* призывая къ продолженію молитвы, измѣнили видъ всего собранія, слухъ какъ бы искалъ исчезнувшихъ звуковъ, еще хотѣлось слушать ѳту мелодію, пріятную, увлекающую. Гдѣ же, спрашиваетъ

безпристрастный слушатель, крылась тутъ тайна такого вліянія проповѣдника мусульманскаго на своихъ слушателей?—Въ строеніи, въ звукахъ арабскаго языка[1])".

Чтобы получить болѣе полное представленіе о характерѣ арабской рѣчи, приведемъ два отрывка въ переводѣ отечественныхъ оріенталистовъ.

Поэтъ Имру-ль-Кайсъ такъ между прочимъ описываетъ качества своего скакуна: „Рано утромъ, птицы еще въ гнѣздахъ, а я уже мчусь на короткошерстой крупной лошади—грозѣ дикихъ звѣрей. Нападая или отступая, подаваясь впередъ или назадъ, она стремительна, подобно каменной глыбѣ, уносимой потокомъ со скалы. Съ ея гнѣдой спины спадаетъ войлочная попона, подобно тому, какъ по гладкой скалѣ скользитъ дождь. Она поджара и горяча и, когда разгорячится, топотъ ея подобенъ кипѣнію котла. Она скачетъ во весь опоръ, когда другіе скакуны отъ усталости поднимаютъ пыль съ жесткой и утоптанной земли. Она сбрасываетъ со спины своей мальчика и растрепываетъ одежду здороваго и тяжелаго мужчины. Поворотлива же она, какъ бурколка въ рукахъ ребенка, который, туго закрутивъ шнурки, послѣдовательно подергиваетъ ихъ обѣими руками. У нея подздошная часть—газели, голени—страуса, бѣгъ—волка, а скокъ—лисенка. Задъ у нея полный, а кто взглянетъ на нее съ этой стороны—хвостъ густой, доходитъ почти до земли, прямо поставленный, закрываетъ отъ него разстояніе между ногами. Когда она упирается ногами, плечи ея—точно свадебный камень, которымъ растираютъ благовонія для невѣсты, или камень для разбиванія колокинтъ. Кровь „вожаковъ стада" на груди ея, точно сокъ хенны въ сѣдыхъ причесанныхъ волосахъ... И вотъ мы наткнулись на стадо дикихъ быковъ и коровъ, при коихъ послѣднія будто дѣвы Дувара (жрицы) въ мантіяхъ съ длинными хвостами. Онѣ устремились назадъ, подобныя раковинамъ ожерелья на шеѣ того, кто имѣетъ въ племени дядей по отцу и матери. Но мы съ нею настигли вожаковъ, оставляя за собой остальныхъ въ неразрозненномъ строю. Она преслѣдуетъ то быка, то корову,

---

[1]) Г. Саблуковъ. „Свѣдѣнія о Коранѣ, законоположительной книгѣ мухаммеданскаго вѣроученія". Казань, 1884 г. стр. 253—254.

и поочереди настигаетъ ихъ, нисколько не взмылившись. И было работы на цѣлый день приготовителямъ мяса: одни жарили его, располагая рядами на угольяхъ; другіе варили на скоро въ котлѣ. Вечеромъ мы возвратились. Всякій взглядъ оказывается узкимъ для нея (лошади): поводя по ней глазами вверхъ, невольно опускаешь ихъ внизъ. На ночь она осталась подъ сѣдломъ и въ уздѣ, стоя на моихъ глазахъ, а не на волѣ“.

Или вотъ нѣсколько сравненій въ той же Моаллакѣ: Другъ мой! видишь молнію? Смотри: вотъ она сверкнула, подобно взмаху рукъ среди вѣнца скучившихся тучъ. Блескъ ея мерцаетъ, точно свѣтильникъ отшельника, напитавшаго масломъ крученый фитиль... Въ Теймѣ она не оставила ни одного пня пальмы, ни одного строенія, кромѣ сложенныхъ изъ камней. Въ началѣ дождя гора Ѳаворъ казалась старѣйшиной, закутаннымъ въ полосатую одежду. Утромъ на другой день вершина горы Мужаймора отъ потоковъ и наносовъ стала подобна головкѣ веретена. А въ пустынѣ Габитъ туча разгрузилась, какъ Яманскій коробейникъ - разнощикъ товаровъ. Пѣвуньи долины рано утромъ, казалось, были напоены превосходнымъ виномъ съ примѣсью перца, а вечеромъ дикіе звѣри, поглощенные потокомъ, валялись вдали отъ логовища, какъ корни дикаго лука[1])“.

Поэтъ Харири[2]) заставляетъ Хариса разсказывать о фантастическихъ приключеніяхъ главнаго дѣйствующаго лица Абу-Зейда:

„Такъ говоритъ Харисъ, сынъ Хаммама: бесѣда[3]) внизала меня въ жемчужное ожерелье друзей; обильны были рѣчи собесѣдниковъ, летѣли искры остроумія, но не загорался огонь спора; длились взаимные разсказы; лилась струя краснорѣчія

---

[1]) Моаллака Имру-ль-Кайса. Перов. съ араб. яз. Г. Муркоса (Москва, 1882 г.). Съ примѣчаніями переводчика.

[2]) Абу-Мухаммедъ Касымъ Басри (настоящее имя поэта) родился въ 446 г. гиджры (=1054 г. по Р. Хр.) въ Басрѣ (Басора) и умеръ въ томъ же городѣ въ 515 г. (т. е. въ 1121 г. по Р. Хр.).

[3]) Фантастическіе разсказы поэта Харири извѣстны у арабовъ подъ общимъ именемъ „Бесѣдъ“ (Макаматъ—مقامات).

изъ родника воспоминаній на общую усладу. И вдругъ предсталъ намъ незнакомецъ; на немъ было рубище, а въ походкѣ—хроманіе. „О безцѣнныя сокровища!“ сказалъ онъ: „да будетъ свѣтелъ кругъ вашъ, радостно утро и сладокъ напитокъ! Но... взгляните на того, кто былъ и богатъ, и привѣтливъ, и полонъ довольства: у кого были и поля, и деревни, и всегдашняя чаша пиршества! Но не отклонилъ я отъ себя гнѣвной судьбы, нападковъ бѣды, злобныхъ искръ зависти. И гналъ меня черный рокъ, пока не опустѣла рука моя, не сталъ просторенъ дворъ мой, пока не изсякли мои источники, не посохли луга, не разсѣялись друзья пировъ. И стало ложе мое жесткимъ камнемъ, и все измѣнилось. Раздались рыданія жены и дѣтей, когда погибли стада наши: сжалились завистники, когда не стало у насъ ни скота, ни сокровищъ; прослезился злорадостный, когда впали мы въ жребій паденія, страданій и скорби, когда изъязвились обнаженныя ноги. Мы питались тоскою, и тоской горѣла внутренность; желудокъ сохъ отъ голода, не приходилъ сонъ нарумянить блѣдныя лица. Ущелье стало намъ мѣстомъ жилища; нога не боялась ступить на колющій тернъ, рука отвыкла вьючить верблюда. Какъ благо, ждали мы разрушенія; но медлилъ день судьбы... Кто же будетъ благороднымъ цѣнителемъ, щедрымъ благодѣтелемъ?... О, клянусь! здѣсь цвѣтетъ родъ Кайлата!... А я—вечерній братъ нищеты,—не имѣю кровли ночлега!“...

Говоритъ Харисъ сынъ Хаммама: „я почувствовалъ сострадание къ бѣдности; я былъ тронутъ его сладкозвучной жалобой, я вынулъ динаръ и, испытуя бѣдняка, сказалъ ему: воспой его жемчужными стихами, и, клянусь, онъ будетъ твой“. Странникъ принялъ мой вызовъ и запѣлъ:

„Хвала тебѣ, желтый, блестящій, прелестный,
„Далекій скиталецъ страны поднебесной!
„Громка твоя слава, могучій динаръ—
„Чело твое носитъ таинственный даръ;
„Успѣхъ предвѣщаетъ твой ликъ благотворный;
„Къ тебѣ всѣ любовью горятъ непритворной...
„Металлъ твой—не нашъ ли сердечный металлъ?...
„Тотъ гордъ, въ чьемъ карманѣ динаръ зазвучалъ!
„Когда жъ ты коварно блестишь въ отдаленіи,

„Тогда твои взоры полны обольщенія...
„Какъ милъ ты въ красивой толпѣ близнецовъ!
„Ты правишь дѣлами всѣхъ странъ и вѣковъ;
„Ты счастье счастливцевъ одинъ составляешь,
„Дружину—труды забывать заставляешь.
„Ты полныя луны сіяньемъ затмилъ;
„Ты гнѣва каленые угли тушилъ.
„Когда же все плѣннымъ, рабамъ измѣняло,—
„Къ нимъ свѣтлая радость съ тобой прилетала!...
„Когда бъ не боялся я Божіихъ каръ,
„Промолвилъ бы смѣло, всесиленъ динаръ!".

Потомъ онъ протянулъ руку къ воспѣтому и сказалъ: „я пѣлъ отъ молніи обѣщанія, предвѣщавшей дождь милосердія; гдѣ же гроза?" И я бросилъ ему динаръ, промолвя: возьми,— даю безъ сожалѣнія! Онъ взялъ, скрылъ его въ устахъ, воскликнувъ „благословенъ Господь!" и, прощаясь съ собраніемъ, готовъ былъ опоясаться поясомъ путешествія. Но я почувствовалъ въ душѣ веселость, щедрость и жажду добра; и не скрылась моя расточительность: я вынулъ другой динаръ, говоря незнакомцу: онъ будетъ твой, если споешь ему хулу! Быстро раздалась его звонкая пѣсня; онъ пѣлъ:

„Погибни, проклятый, двуличный хитрецъ,
„Динаръ желтолицый, измѣнникъ и льстецъ!...
„Двойною личиной онъ взоръ обаяетъ,
„Какъ дѣва, любви полусвѣтомъ мерцаетъ.
„Любовью своей соблазнитъ мудреца—
„И грянетъ надъ грѣшнымъ гнѣвъ правый Творца.
„Никто безъ него не лишался бъ десницы[1]),
„И рѣже являлись бы злобныя лица;
„Скупецъ не стерегъ бы пришельцевъ ночныхъ,
„Богачъ должниковъ не корилъ бы своихъ,
„И алчнаго взора ничтобъ не страшилось...
„И много, и много въ немъ зла затаилось:
„Не будетъ онъ вѣренъ тебѣ до конца,
„Въ бѣдѣ убѣжитъ онъ стезей бѣглеца!...

---

[1]) Это—намекъ на обычай древнихъ арабовъ отрѣзать вору руку, обычай, узаконенный потомъ въ Коранѣ (гл. 5, ст. 42).

„Блаженъ, кто его внизъ съ утеса низвергаетъ;
„И ласкъ обольстительный топотъ отринетъ;
„И скажетъ ему слово правды святой:
„— Прочь!... у меня нѣтъ союза съ тобой!“.

О, какъ обиленъ дождь твоего краснорѣчія! воскликнулъ я. „Но да будетъ силенъ нашъ уговоръ!“ говорилъ пѣвецъ. Я подалъ ему второй динаръ и сказалъ: огради ихъ святыми стихами (стихами Корана). Онъ бросилъ его въ уста и соединилъ съ близнецомъ; потомъ произнесъ благословеніе утру, хвалу собесѣдникамъ и бесѣдѣ.

Говоритъ Харисъ сынъ Хаммама: ручалось сердце мое, что это Абу-Зейдъ притворился хромымъ. Я воротилъ его и сказалъ: сладкія пѣсни открыли тебя—перестань хромать. Онъ отвѣчалъ „если ты сынъ Хаммама—здравствуй и будь почтенъ и да продлится твое благоденствіе между почтенными мужами“. Какъ идутъ твои дѣла и приключенія? спросилъ я. И онъ сказалъ: „я вертѣлся между двумя краями: зломъ и добромъ,— между двумя вѣтрами, бурею и тихимъ дуновеніемъ“. Но я спросилъ его: какъ же дерзнулъ ты притвориться хромымъ? И кто такъ шутитъ? Исчезъ съ лица его блескъ веселости: но уходя, онъ пропѣлъ:

„Я невольно хромалъ—
„Я отрады искалъ,
„Я стучался у двери желанья...
„И отбросивъ узду,
„Рѣчь веду и иду
„Я притворной походкой качанья.
„Дуренъ я?—мой отвѣтъ:
„Не прогнѣвайтесь: нѣтъ
„Для калѣки вины, порицанья![1])“.

На такомъ языкѣ изложенъ Коранъ, и это составляетъ особое преимущество главной вѣроучительной книги мусульманъ. Въ главѣ 2, ст. 21—22 отъ лица Божія сказано: „Если вы сомнѣваетесь въ томъ, что Мы (Богъ) ниспослали рабу нашему, то представьте хотя одну главу, подобную тому, и

[1]) Г. Саблуковъ. „Свѣдѣнія о Коранѣ, законоположительной книгѣ мухаммеданскаго вѣроученія“. Казань, 1884 г. стр. 277—280.

призовите помощниковъ своихъ, кромѣ Бога, если вы справедливы. Но если этого вы не сдѣлали,—да вамъ никогда и не сдѣлать этого: то бойтесь огня, которому растопкой будутъ люди и камни, онъ приготовленъ для невѣрныхъ". Арабскій языкъ сохранилъ въ Коранѣ всѣ лучшія свои качества: богатство лексическое, изобразительность, блестящія метафоры, изысканность отдѣльныхъ выраженій и игривую звучность ихъ, художественныя описанія картинъ природы, возвышенно-поэтическій тонъ религіознаго увѣщанія и рѣзко поражающія чувство угрозы, и, наконецъ, рифмованный складъ рѣчи. Коранъ изложенъ на главномъ самомъ чистомъ нарѣчіи Корейшитовъ, но въ языкѣ Корана какъ бы соединены всѣ семь нарѣчій арабскаго языка. Поэтому въ Коранѣ одно и тоже слово въ разныхъ мѣстахъ передано разными синонимическими словами[1]). Кромѣ того, въ Коранѣ изображаемый предметъ представляется въ самой живой картинѣ, состоящей изъ разныхъ сопоставленій и противоположеній, часто для слушателя—араба совершенно неожиданныхъ, а для европейца мало понятныхъ. Сближенія сходныхъ предметовъ и контрасты поочередно смѣняются въ Коранѣ, особенно при описаніяхъ; матафоры Корана рѣзки, гиперболы необыкновенны, и стиль этой книги представляется европейцу изысканнымъ, надутымъ и бьющимъ въ глаза яркостью картины, какъ ярко блеститъ солнце въ Аравіи. Вотъ образцы отдѣльныхъ выраженій Корана: *кочующія по пустынѣ размышленія;—не облекайте истину одеждой лжи,—прикрывай вѣрующихъ крыломъ сердечной ласковости;—вкусите одежды голода и жажды; пролить бичъ наказанія;—низвести тайны неба и земли*, т. е. дождь и растенія. Было бы долго и утомительно приводить здѣсь подлинные отрывки Корана въ доказательство указанныхъ выше особенностей языка этой книги; поэтому ограничимся слѣдующими двумя мѣстами. Первое мѣсто въ переводѣ читается такъ: „Клянусь посылаемыми поочередно (разумѣются ангелы), несущимися быстро; клянусь показывающимися ясно, различающими вѣрно, передающими наставленія,

---

[1]) Такъ, наприм.: глаголъ „зналъ" имѣетъ въ Коранѣ пять выраженій; такъ же и глаголъ „дѣлалъ"; слово „годъ" передается тремя словами и т. д. См. у Г. Саблукова, стр. 230—231.

прощенiе и угрозу: предвозвѣщенное вамъ уже готово совершиться. Когда звѣзды уничтожатся, когда небо расколется, когда горы сдвинутся съ основанiй, когда пророки предстанутъ въ опредѣленное время: тогда до какого дня будетъ еще отсрочено? До дня раздѣленiя. О если бы ты узналъ, что такое день раздѣленiя! Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Не погубили ли Мы (Богъ) прежнихъ, и потомъ не замѣнили ли ихъ другими? Таковы наши дѣйствiя съ законопреступниками. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Не творимъ ли Мы васъ изъ презрѣнной влаги? а потомъ помѣщаемъ ее въ надежномъ мѣстѣ, до опредѣленной чреды? Такъ Мы учредили: а потому какiе Мы превосходные учредители! Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Не сдѣлали Мы земли помѣстилищемъ для живыхъ и мертвыхъ? Мы поставили на ней высокiя горныя твердыни и поимъ васъ вкусною водою. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Идите къ тому, что считали вы вымысломъ;—идите въ тьму, извергающую три столба *дыма*, который ни тѣни ни дастъ, ни отъ пламени не защититъ: онъ будетъ извергать искры, величиной какъ башни, цвѣтомъ какъ желтые верблюды. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Это такой день, въ который не выговорятъ слова, въ который имъ не будетъ позволено оправдываться. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Таковъ день раздѣленiя. Тогда Мы соберемъ и васъ и прежнихъ. Если у васъ есть какая хитрость, то ухитритесь противъ Меня. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Благочестивые будутъ подъ сѣнiю и среди источниковъ и плодовъ, какихъ только пожелаютъ. „Кушайте, пейте на здоровье, въ награду за ваши дѣла!“ Такъ награждаемъ добродѣтельныхъ! Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! „Кушайте и наслаждайтесь ненадолго; потому что вы законопреступны“. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь! Когда имъ говорятъ: покланяйтесь Богу, они не покланяются. Въ тотъ день горе вѣрующимъ въ ложь. Послѣ сего, какому новому ученiю повѣрятъ они!“ —Другой отрывокъ считается образцемъ художественности стиля: „Когда солнце обовьется (мракомъ), когда звѣзды померкнутъ; когда сдвинутся съ мѣстъ своихъ горы, когда девять мѣсяцевъ сужеребыя верблюдицы окажутся праздными; когда столпятся звѣри, когда моря закипятъ; когда души сопрягутся

съ тѣлами, когда похороненная живою будетъ спрошена: за какой грѣхъ она убита? Когда свитки разовьются, когда небо, какъ покровъ, снимется, когда адъ разгорится и когда рай приблизится: тогда душа узнаетъ, что заготовила она себѣ. Клянусь планетами; скрывающимися кометами; клянусь ночью, когда она темнѣетъ, клянусь утромъ, когда оно прохладой вѣетъ: дѣйствительно, онъ (Коранъ)—слово посланника, славнаго, сильнаго предъ властителемъ престола, полномочнаго, покорночтимаго, вѣрнаго. И согражданинъ вашъ не бѣснующійся: онъ нѣкогда видѣлъ его на свѣтломъ небосклонѣ; у него нѣтъ недоумѣнія о таинственномъ (о невидимомъ мірѣ). Онъ не есть слово сатаны, прогоняемаго камнями. Зачѣмъ же вы идете прочь? Онъ увѣщаніе мірамъ, тѣмъ изъ васъ, которые хотятъ идти прямо. Но вы можете хотѣть только того, чего хочетъ Богъ, Господь міровъ[1])".

По словамъ Ренана, Коранъ былъ точно также знаменемъ литературнаго переворота, какъ и религіознаго; онъ обозначаетъ у арабовъ переходъ отъ стихотворнаго слова къ прозѣ, отъ поэзіи къ краснорѣчію, что весьма важно въ умственной жизни

---

[1]) Русскій читатель перевода Корана долженъ однако имѣть въ виду, что перечисленныя особенности языка Корана часто незамѣтны въ переводѣ не только вслѣдствіе несоотвѣтствія переводнаго (русскаго) языка подлинному (арабскому) языку, но и потому, что поэтическія мѣста Корана затѣняются рѣчами прозаическаго тона, а еще болѣе потому, что въ современномъ текстѣ Корана рѣчи разнаго времени и различнаго содержанія соединены вмѣстѣ нерѣдко безъ всякаго соотвѣтствія въ содержаніи. Такая нелѣпая система въ расположеніи отдѣльныхъ отрывковъ Корана и разнообразіе его содержанія производятъ на европейскаго читателя этой восточной книги крайне утомительное впечатлѣніе, какъ заявляютъ объ этомъ даже знатоки подлиннаго Корана: Шпренгеръ и др. Неоріенталистъ Карлейль высказался въ такихъ выраженіяхъ о Коранѣ: „Никогда мнѣ не приходилось читать такой утомительной книги. Скучная, безпорядочная путаница, непереваренная, необработанная; безконечныя повторенія, нескончаемыя длинноты, запутанности; совсѣмъ непереваренныя, крайне необработанныя вещи; невыносимая безтолковщина, однимъ словомъ! Одно только побужденіе долга можетъ заставить европейца читать эту книгу. Мы читаемъ ее съ такимъ же чувствомъ, какъ перебираемъ въ государственномъ архивѣ массу всякаго неудобочитаемаго хлама, въ надеждѣ найти какія-нибудь данныя, проливающія свѣтъ на замѣчательнаго человѣка. Правда, намъ приходится считаться съ особеннымъ неудобствомъ: арабы находятъ въ немъ больше порядка, чѣмъ мы. Послѣдователи Магомета получили не цѣльное произведеніе, а отдѣльные отрывки, какъ они были записаны при первомъ своемъ появленіи" (Герои и героическое въ исторіи. Перев. съ англійскаго В. И. Яковенко Спб. 1894 г. стр. 90 - 91).

народа. Въ началѣ VII вѣка великое поэтическое поколѣніе Аравіи сходило со сцены; повсюду проявлялись признаки утомленія; идеи литературной критики являлись какъ дурное предзнаменованіе для генія. Антаръ, это натура араба столь искренняя и столь ненасытная, начинаетъ свою моаллакату словами, точно поэтъ временъ упадка: „Чего только поэты не воспѣвали? Громадное удивленіе встрѣтило Магомета, когда онъ явился среди истощенной литературы съ своими живыми и убѣдительными разсказами. Въ первый разъ какъ Отба, сынъ Рабія, услышалъ этотъ языкъ сильный, звонкій, полный рифмы, хотя и не стихотворный,—онъ внѣ себя вернулся къ своимъ, „Что случилось? спросили его.—Право. сказалъ онъ, Мухаммедъ говорилъ со мною такимъ языкомъ, какого я еще никогда не слыхалъ. Это не поэзія, не проза, не жизнь маговъ, но что-то весьма трогательное“. Мухаммедъ не любилъ утонченную просодію арабской поэзіи; онъ дѣлалъ ошибки, когда говорилъ стихи и даже самъ Богъ позаботился оправдать его въ Коранѣ: „Мы не учили его нашего пророка стихосложенію“. Мухаммедъ постоянно повторяетъ въ Коранѣ, что онъ не поэтъ, не магъ; толпа дѣйствительно, постоянно готова была смѣшать его съ этими двумя классами людей, и правда, что его риѳмованный и поучительный слогъ имѣлъ нѣкоторое сходство со слогомъ маговъ. Конечно, теперь намъ невозможно понять обаянія, какое Коранъ производилъ при его появленіи. Намъ онъ кажется напыщеннымъ, монотоннымъ, скучнымъ; послѣдовательное чтеніе его для насъ почти невыносимо[1]); но надо помнить, что Аравія, никогда не имѣвшая понятія о пластическихъ искусствахъ и о великихъ красотахъ поэзіи, совершенство формы основывала исключительно на подробностяхъ слога. Языкъ въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то божественнымъ; самый драгоцѣнный даръ, данный Богомъ арабскому народу, самый вѣрный признакъ его первенства,—это именно арабскій языкъ съ его ученой грамматикой, его безконечнымъ богатствомъ и его тонкимъ изяществомъ[2]). Нѣтъ сомнѣнія, что Мухаммедъ

---

[1]) Ср. выше отзывъ Карлейля (прим. къ стр. 220).

[2]) Арабы воображаютъ, говоритъ Ренанъ, что у одного ихъ языка есть грамматика и что всѣ другіе языки—только грубыя нарѣчія.

обязанъ своими важнѣйшими успѣхами оригинальности своего языка и новому обороту, данному имъ арабскому краснорѣчію. Самыя важныя обращенія, какъ, напримѣръ, поэта Лебида, происходили благодаря нѣкоторымъ мѣстамъ Корана, а тѣмъ, которые просили у него знаменія[1]), Мухаммедъ не давалъ другого отвѣта, кромѣ самаго чистаго арабскаго языка, на которомъ онъ говорилъ и кромѣ очарованія новаго слога, секретомъ котораго онъ обладалъ[2]).

Въ заключеніе должно упомянуть здѣсь, что языкъ Корана считался среди мусульманъ языкомъ божественнымъ[3]), а современный Делійскій ученый Хаджи-Рахматулла въ своемъ двухътомномъ полемическомъ трудѣ „*Изгарулъ Хаккъ*“ посвящаетъ особую главу высокимъ качествамъ языка Корана и считаетъ ихъ однимъ изъ доказательствъ божественнаго происхожденія самого Корана. Онъ говоритъ, что краснорѣчіе Корана не заключается въ описаніяхъ видимой природы, женщины, животныхъ, сраженій, путешествій и, слѣдовательно, оно не заимствовано у арабскихъ поэтовъ; Коранъ постоянно точенъ (?!) и краснорѣчивъ, не дѣлая уступокъ ни воображенію, ни лжи, въ противоположность поэтамъ, которые часто допускаютъ ложь; въ Коранѣ, не смотря на его обширность, все (?!) изложено одинаковымъ, превосходящимъ человѣческія способности, красивымъ стилемъ; въ Коранѣ всѣ повторяющіеся разсказы, описанія и наставленія каждый разъ представляютъ новыя красоты; въ Коранѣ даже юридическія правила, догматы вѣры и подобные предметы, мало поддающіеся стилистической отдѣлкѣ, излагаются одинаково краснорѣчиво; языкъ Корана совершенъ во всѣхъ родахъ слова—въ обѣщаніяхъ, угрозахъ, увѣщаніяхъ; предписанія, разсказы, угрозы, обѣщанія, доказательства чередуются въ Коранѣ безъ замѣшательства, безъ перерыва въ общей связи мыслей, и такимъ возвышеннымъ слогомъ, что самые великіе мастера арабскаго краснорѣчія поражаются

---

[1]) Выраженіе „аятъ“, означающее стихи Корана, значитъ буквально знаменіе, чудо.

[2]) См. Мухаммедъ и происхожденіе исламизма въ пер. Чуйко, стр. 84—85.

[3]) Мусульманская секта Моздарійцевъ отвергала такой взглядъ. См. у Саблукова стр. 283.

этимъ; въ Коранѣ (напр. въ гл. 38) въ нѣсколькихъ словахъ выражаются сложныя и глубокія предложенія, въ нѣсколькихъ стихахъ излагаются страсти, волнующія вѣрныхъ, и кара ихъ ожидающая, преступленія и кара древнихъ народовъ и исторія древнихъ патріарховъ и пророковъ; краснорѣчіе и краткость рѣдко соединяются въ произведеніяхъ поэтовъ, между тѣмъ какъ въ Коранѣ эти два качества стиля всюду соединены; и Коранъ заключаетъ въ себѣ всѣ красоты краснорѣчія: и въ своихъ утвержденіяхъ, и въ сравненіяхъ, и въ метафорахъ, и въ вступленіяхъ, и въ переходахъ, и въ перестановкахъ и т. д. Въ немъ не встрѣчается ни слабыхъ, ни тривіальныхъ выраженій, ни неупотребительныхъ словъ, ни неправильностей въ конструкціи фразъ. Коранъ, по словамъ Рахматуллы, достигъ самаго совершеннаго краснорѣчія, котораго никогда не будетъ въ состояніи достигнуть человѣкъ. Чѣмъ лучше бываешь въ состояніи понять тонкости арабскаго языка и то, что цѣнится въ арабскомъ краснорѣчіи, тѣмъ больше оцѣниваешь и наслаждаешься красотами Корана[1]).

Изложенныя Рахматуллой-Ефендіемъ доказательства превосходства языка и стиля Корана искусственны, преувеличенны новѣйшей мусульманской апологетикой и невольно обращаютъ на себя вниманіе. Въ основѣ этого преувеличенія лежатъ своеобразныя красоты арабскаго языка, не всегда понимаемыя европейцами, но для восточныхъ жителей кажущіяся несравнимыми. Появленіе же сочиненія „Изгаруль-Хаккъ" въ переводѣ на французскій языкъ указываетъ на желаніе автора Рахматуллы-Ефендія распространить свои взгляды на Коранъ и среди европейцевъ и тѣмъ увѣрить послѣднихъ, что богословствующая мысль и полемическая тенденція не умерли среди современныхъ мусульманъ, а возраждаются съ новой силой подъ вліяніемъ европейской образованности и религіозной индиферентности европейцевъ. Пережитые годы послѣдняго десятилѣтія должны убѣдить каждаго въ реальномъ осуществленіи нескрываемой тенденціи передовыхъ мусульманъ—занять если

[1]) Idhhar-ul-haqq ou Manifestation de la vérité d'el-hage Rahmatullah Efendi de Delhi... Traduit de l'arabe par un jeune Tunisien. Revu et corrigé sur le texte et augmenté d'une Preface, d'Appendice et de quelques Notes par P. V. Carletti... Paris. Tom. I et II. См. Правосл. Собесѣдникъ. 1894 г. январь, стр. 69—98.

не первое, то и не послѣднее мѣсто въ ряду культурныхъ народовъ стараго и новаго свѣта, причемъ арабскій языкъ выдвигается на первый планъ, какъ языкъ классическаго періода отжившей свой вѣкъ мусульманской образованности. Объ этой тенденціи современныхъ мусульманъ можно читать въ мусульманскихъ газетахъ и журналахъ послѣдняго времени[1]).

---

[1]) Рекомендуемъ обратить вниманіе на еженедѣльники, издаваемые на русскомъ языкѣ въ Парижѣ подъ именемъ „Мусульманинъ“ и въ Константинополѣ подъ именемъ „Стамбульскія извѣстія“.

VIII.

Кааба и обряды хаджа у древнихъ арабовъ.

„Поистинѣ поражаешься—говоритъ Э. Реклю[1])—когда приходится констатировать, что ни одна изъ старинныхъ религій не исчезла совершенно: всѣ онѣ продолжаютъ болѣе или менѣе активную жизнедѣятельность и слѣдуютъ тѣмъ же ритуаламъ, какъ и тысячелѣтія тому назадъ".—Такъ и мусульманскій „хаджъ". Его не установилъ основатель монотеистическаго ислама, а цѣликомъ узаконилъ въ той формѣ, въ какой его совершали арабы-многобожники, съ тѣми измѣненіями, какихъ требовала новая форма богопочитанія, указанная въ Коранѣ. Основатель ислама въ этомъ случаѣ дозволилъ себѣ болѣе, чѣмъ требовало отъ него его положеніе — обличителя старыхъ (языческихъ) вѣрованій арабовъ и проповѣдника строгаго единобожія: Мухаммедъ не только не отмѣнилъ древнихъ обрядовъ языческаго хаджа, совершавшагося вокругъ Каабы и въ окрестностяхъ Мекки, но укрѣпилъ въ сознаніи арабовъ религіозную неприкосновенность древне-языческаго святилища, приписавъ построеніе его праотцамъ Аврааму и Измаилу, которые, по словамъ Корана (гл. 2, ст. 118—123), научили древихъ арабовъ обрядамъ хаджа... Можно сомнѣваться, даже прямо не соглашаться съ указаніемъ Корана на такую древность Каабы, но нельзя отрицать, что существованіе ея восходитъ къ первому вѣку до Р. Хр., такъ какъ современникъ Юлія Цезаря и Августа, греческій путешественникъ-писатель Діодоръ Сицилійскій упоминаетъ объ этомъ храмѣ древнихъ арабовъ[2]).

Особенностью Каабы служилъ такъ называемый „черный камень", вставленный въ уголъ сѣверо-восточной стѣны ея, въ которой находится дверь. По отношенію къ входящему въ эту дверь богомольцу камень находится съ лѣвой стороны и составляетъ самую главную святыню Каабы. По единогласному преданію мусульманъ, камень этотъ *небеснаго* происхожденія, а по

---

[1]) „Человѣкъ и Земля". Томъ шестой, стр. 410 (С.-Петербургъ, 1909).

[2]) Bibliotheka Historika, iib. III.

мнѣнію европ. ученыхъ - аеролитъ, упавшій на землю (см. рисунокъ). Мусульманскія преданія увѣряютъ, что „черный камень“ имѣетъ чудесное *райское* происхожденіе, что онъ упалъ на землю съ неба въ то время, когда Авраамъ строилъ Каабу, а по болѣе наивно-благочестивой легендѣ это былъ ангелъ, сброшенный съ неба, въ видѣ свѣтлаго камня, который потомъ постепенно утратилъ свой первоначальный блескъ отъ прикосновенія къ нему безчисленныхъ грѣшниковъ-арабовъ, обязанныхъ цѣловать его своими грѣховными устами во время совершенія обрядовъ хаджа. Одинъ писатель (Аль-Азраки), отрѣшившись отъ мусульманской легенды, высказываетъ предположеніе, что темный цвѣтъ этого камня получился отъ дѣйствія на него огня; но вѣрнѣе думать, что его шоколадный цвѣтъ присущъ ему, какъ аеролиту.

По соображеніи всѣхъ разсказовъ о происхожденіи „чернаго камня“, можно думать, что этотъ камень былъ когда-то найденъ суевѣрными бедуинами въ меккскомъ ущельѣ и принятъ ими за *фетишъ*, а затѣмъ былъ выставленъ для всеобщаго поклоненія, причемъ Кааба была первоначально жертвенникомъ и мѣстомъ храненія въ ней жертвенныхъ приношеній. Эта святыня, въ рукахъ сообразительныхъ охранителей ея, уже задолго до Мухаммеда, сдѣлалась мѣстомъ ежегодныхъ многолюдныхъ собраній богомольцевъ и одновременно торговцевъ,

такъ какъ находилась на большомъ караванномъ пути съ юга Аравійскаго полуострова на сѣверъ и далѣе— въ Сирію. Свое названіе Кааба получила отъ фэрмы постройки, хотя, при отсутствіи архитектурнаго искусства и надлежашаго строительнаго матеріала у сѣверныхъ арабовъ, она не могла получить того вида и размѣровъ, которыя оправдывали бы ея названіе, означающее *кубъ*[1]). За неимѣніемъ искусственныхъ матеріаловъ въ меккской долинѣ и мастеровъ, стѣны Каабы были сложены изъ грубыхъ, необдѣланныхъ камней мѣстныхъ горныхъ породъ и имѣли первоначально размѣры: въ длину 32 локтя, въ ширину 22 локтя и въ вышину 9 локтей. Несомнѣнно, что эти размѣры указаны въ преданіи не точно, ибо кому тогда, т. е. во время первоначальной постройки этого святилища могла придти въ голову мысль объ измѣреніи стѣнъ ея... Но во всякомъ случаѣ, изъ приведенныхъ разсказовъ можно признать достовѣрнымъ то, что эта постройка имѣла форму неправильной четырехсторонней фигуры, указывавшей на четыре страны свѣта·

Появленіе Каабы, или, покрайней мѣрѣ, чернаго камня предшествовало по времени возникновенію Мекки: обожествленный камень, упавшій съ неба, сталъ привлекать къ себѣ разсѣянныхъ богомольцевъ, а затѣмъ послужилъ центромъ небольшого поселенія вокругъ святилища. Самое названіе Мекки въ древней передачѣ греческихъ географовъ *Макораба* можетъ, по нашей догадкѣ, указывать на сокращенное сліяніе двухъ арабскихъ словъ—*мокāнъ* (мѣсто) и Раббъ (Господь) т. е. „мѣсто Господне“, мѣсто, отмѣченное присутствіемъ божества (упавшій съ неба камень). Избранію этого мѣсто для богопочитанія и паломничества (хаджъ) способствовали не только своеобразная пустынность его, отдаленность отъ морского берега и прикрытіе его сосѣдними горами[2]), но и подземный источникъ воды „*Замзамъ*“, обезпечивавшій богомольцамъ и торговцамъ возмож-

[1]) كعبت или الكعبت. Очевидно, до насъ не дошли дѣйствительныя побужденія первыхъ строителей Каабы. Не было ли въ древности у Хиджазскихъ арабовъ какого нибудь фетиша, въ формѣ равносторонняго камня, который потомъ былъ воспроизведенъ въ видѣ кубообразной постройки.

[2] Все это оч. напоминаетъ мѣстоположеніе Іерусалима съ горой Моріагъ.

ность утоленія жажды во всякое время года, а не во время только дождевыхъ потоковъ (*сайль*).

Первоначальная постройка Каабы не отличалась прочностью и при Джорхомитахъ подверглась разрушенію отъ напора дождеваго потока. При возстановленіи священнаго зданія, Джорхомиты допустили измѣненія въ его первоначальной формѣ: они подняли дверное отверстіе надъ уровнемъ земли, поставили три столба внутри зданія для поддержанія его двойной крыши и устроили особый желобъ для стока воды съ крыши, а надъ источникомъ Замзамъ поставили навѣсъ. Внутри Каабы было подземное помѣщеніе, въ которомъ хранились драгоцѣнности, приносимыя въ даръ Каабѣ.

Обряды Ходжа развивались постепенно, но въ основѣ ихъ лежатъ такъ называемые *тавафы*, т. е. семикратные обходы вокругъ святилища, напоминавшіе съ одной стороны круговое движеніе небесныхъ планетъ, причемъ число *семь* считалось символическимъ не у однихъ арабовъ, а еще ранѣе у евреевъ.

Сначала нравы Джорхомитовъ были строги, и не запиравшаяся Кааба была обезпечена отъ посягательствъ на ея неприкосновенность отъ дурныхъ людей; но съ теченіемъ времени нравы Джорхамитовъ подверглись порчѣ, и однажды была сдѣлана попытка на ограбленіе сокровищъ, хранившихся въ подземномъ помѣщеніи Каабы, а въ другой разъ въ самомъ святилищѣ было совершено прелюбодѣяніе (Исафъ и Найла). Дерзкіе преступники были, по преданію, превращены на мѣстѣ въ каменныя статуи, которыя потомъ вынесены изъ Каабы и поставлены внѣ ея, на холмахъ Сафа и Марва. Не понятно, по какимъ побужденіямъ холмы эти посѣщались богомольцами, которые совершали семикратный бѣгъ между ними, на разстояніи 600 шаговъ: четыре раза пробѣгали отъ Сафы къ Марвы и три пробѣга отъ Марвы къ Сафѣ: но такъ сохранился этотъ обычай до Мухаммеда, узаконившаго его въ Коранѣ (гл. 2, ст. 153), причемъ стоявшіе на холмахъ идолы Исафа и Найлы были разбиты, по распоряженію проповѣдника чистаго единобожія — Мохаммеда.

Развращеніе нравовъ среди Джоргомитовъ продолжалось и посягательства на сокровища Каабы не прекращались, такъ что лучшій изъ нихъ (Модзаръ, сынъ Амра) былъ вынужденъ вынуть изъ подземелья два золотыя изображенія газелей, бро-

ни и сабли и тайно зарылъ ихъ вблизи Каабы. Такая развращенность Джорхомитовъ вызывала въ населенiи явное недовольство и подрывала ихъ нравственный авторитетъ; когда-же, въ началѣ 2-го вѣка по Р. Хр. племя Хозаитовъ, принимавшее участiе въ изгнанiи нечестивыхъ Джорхомитовъ возвысило свой нравственный авторитетъ въ глазахъ жителей Мекки и пыталось захватить въ свои руки управленiе Каабой, то встрѣтило сопротивленiе со стороны другихъ участниковъ въ изгнанiи Джорхомитовъ. Въ происшедшемъ столкновенiи Хозаиты одержали верхъ, но побѣжденные противники ихъ, оставляя Хиджазъ, вынули изъ стѣны Каабы священный „черный камень" и зарыли его въ землѣ. Одна Хозаитка узнала объ этомъ и тогда только указала это мѣсто, когда потомки Модзара согласились уступить Хозаитамъ права по управленiю Каабой.

Такъ усилились въ Меккѣ и во всемъ Хиджазѣ Хозаиты, а потомки Модзара получили право на сохраненiе за собой должностей распорядителей обрядами Хаджа. Но вскорѣ Хозаиты впали въ нечестiе: Амръ-бенъ-Лохай (207—240 г.г. по Р. Хр.) ввелъ поклоненiе идолу Хобалу, сердоликовое изображднiе котораго онъ принесъ изъ страны Балки[1]) и поставилъ на крышѣ Каабы. Хобалъ имѣлъ видъ бородатаго старца, державшаго въ правой рукѣ семь стрѣлъ, при помощи которыхъ арабы гадали о судьбѣ своихъ предпрiятiй[2]).

Былъ ли Амръ *первымъ* распространителемъ идолопоклонства въ Меккѣ, при Каабѣ, съ точностью утверждать нельзя, да это и несущественно, а важно утвержденiе, что Амръ ввелъ при Каабѣ поклоненiе Хобалу. Кромѣ этого идола, при Каабѣ были и другiя изображенiя языческихъ боговъ разныхъ арабскихъ племенъ, а также изображенiя Измаила и Дѣвы Марiи съ Младенцемъ Iисусомъ, такъ что общее число всѣхъ идоловъ и статуй, находившихся тамъ, доходило до 360-ти, Такое сосредоточенiе божествъ около Каабы дѣлало ее пантеономъ, если

---

[1]) По объясненiю нѣкоторыхъ, это—древняя моавитская страна, въ окрестностяхъ Мертваго моря.

[2] Въ Коранѣ [гл. 5, ст. 4 и 92] гаданiе по стрѣламъ было запрещено. Выше было указано на случай съ Имру-ль-Кайсомъ, который въ досадѣ на идола, бросилъ ему стрѣлу въ лицо. [См. о культѣ Хобала у Абуль-Феды и Пококка, а также у Рено, Деверже и Персеваля].

не для всей Аравіи, то для сѣверной и средней ея частей и такимъ образомъ возвышало ея авторитетъ въ глазахъ арабовъ. По ихъ вѣрованію, Кааба была не просто священнымъ домомъ, но и неприкосновенною святыней, находившеюся подъ непосредственною защитой многочисленныхъ народныхъ арабскихъ божествъ, подъ главенствомъ верховнаго божества, Аллаха. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Еменскій Тобба Асадъ Абу-Карибъ, жившій (по арабскому лунному счисленію) за 700 лѣтъ до Мухаммеда (т. е. въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр.), былъ соблазняемъ хитрыми Худзайлитами ограбить Каабу и какъ Абу-Карибъ вмѣсто того оказалъ святилищу благоговѣйное почтеніе, совершивъ священные обходы вокругъ него и раздѣливъ обильную жертву жителямъ Мекки. Тобба сдѣлалъ это изъ боязни навлечь на себя гнѣвъ божествъ, покровительствовавшихъ Каабѣ. Абу-Карибъ впервые окружилъ Каабу дворомъ, привѣсилъ къ ней дверь съ замкомъ и накрылъ ее суконнымъ покрываломъ а затѣмъ улучшилъ этотъ покровъ[1]) и ввѣрилъ охраненіе святилища Хозаитамъ, которые держали въ своихъ рукахъ ключъ отъ ея двери, а вмѣстѣ съ ключемъ пользовались властью надъ всею областью.

За двѣсти, примѣрно, лѣтъ до рожденія Мухаммеда, среди измаилитскихъ племенъ возвысился Фахръ, потокомъ Аднана, сына Измаилова. Онъ былъ родоначальникомъ племени Корайшъ[2]), которые, усиливаясь постепенно, овладѣли, наконецъ, ключами Каабы и вмѣстѣ съ тѣмъ заняли первое мѣсто въ Меккѣ. Въ 398 году нашего лѣтосчисленія въ этомъ племени родился пріобрѣвшій себѣ извѣстность въ арабской исторіи и генеологіи Мухаммедъ Косай, сынъ Кяляба и Фатимы, отличавшійся духовными качествами и потому уважаемый корейшитами. Косай женился на Хоббѣ, дочери хранителя ключей Каабы— Холяйля и имѣлъ отъ нея, въ числѣ другихъ дѣтей, Абдъ-Манафа, считающагося предкомъ Мухаммеда. Сдѣлавшись посте-

---

[1]) До Мухаммеда для покрова Каабы были двѣ кясвы - лѣтняя и зимняя.

[2]) Слово „Корайшъ“ по болѣе авторитетному объясненію Ибнъ-Хишама, означаетъ „купца, торговца“, но не —насмѣшливое прозвище. Послѣднее не соотвѣтствовало бы возвышенію племени, между тѣмъ какъ торговля могла способствовать возвыщенію его, особенно среди бедуиновъ.

пенно виднымъ и влiятельнымъ представиселемъ рода въ Меккѣ, Косай задумалъ упрочить свое влiянiе и закрѣпить его за своимъ потомствомъ, устранивъ отъ Каабы пришельцевъ-Хузаитовъ. Въ своемъ честолюбивомъ замыслѣ Косай нашелъ необходимую помощь со стороны своей жены Хоббы. Она, по болѣзни своего престарѣлаго отца (Холяйля), хранила у себя ключи Каабы и передала ихъ своему мужу, который иногда, вмѣсто своего тестя, отпиралъ и запиралъ двери Каабы. Такое случайное выступленiе въ роли хранителя ключей отъ двери святилища еще болѣе возбуждало самолюбiе Косая и его честолюбивой жены Хоббы. Передъ смертью своего отца, она просила его назначить своимъ преемникомъ ея мужа (Косая), но старикъ Холяйль передалъ право храненiя ключей Каабы мало извѣстному и не отличавшемуся никакими духовными качествами Абу-Губшану, въ рукахъ косораго ключи и оставались по смерти Холяйля, не смотря на домогательство дочери его и зятя. Соплеменники Абу-Губшана поддерживали своего сородича и тѣмъ еще болѣе возбуждали честолюбиваго Косая. Не имѣя успѣха въ прямыхъ способахъ добиться власти и чести, Косай рѣшилъ воспользоваться слабостью Абу-Губшана къ вину—и, напоивъ его однажды допьяна, выманилъ у него ключи Каабы вмѣстѣ съ правомъ постояннаго храненiя ихъ у себя и распоряженiя ими, а опьянѣвшему Абу-Губшану подарилъ за это еще бурдюкъ вина. Сдѣлка была столь невыгодна для Хузаитовъ, что имя Абу-Губшана вошло потомъ въ поговорку[1]). Обезпечивъ себя послѣ этого на случай насильственныхъ дѣйствiй со стороны Хузаитовъ и ихъ союзниковъ, Косай воспользовался временемъ хаджа, въ продолженiе котораго враждебныя дѣйствiя не допускались, и объявилъ собравшимся богомольцамъ, что право распоряженiя порядкомъ совершенiя священныхъ обрядовъ принадлежитъ теперь ему, а никому другому. Изъ происшедшей за тѣмъ междуплеменной схватки побѣдителями вышли Косай и его союзники[2]), хотя число убитыхъ съ обѣхъ сторонъ

---

1) Всякую невыгодную сдѣлку арабы стали называть „продажей Абу-Губшана"; о людяхъ глупыхъ говорили: „Онъ глупѣе Абу-Губшана"; о потерпѣвшихъ большiе убытки говорили: „Онъ потерпѣлъ болѣе убытка и сожалѣнiе его о потерянномъ было болѣе, чѣмъ у Абу-Губшана".

2) Братья по отцу, представители племени Одзръ и Корайшиты.

было почти одинаково. На послѣдовавшемъ затѣмъ третейскомъ разбирательствѣ право обладанія ключами Каабы было подтверждено за Косаемъ, а его противники, не желая переносить своего позора, должны были удалиться изъ Мекки въ мѣсто прежней своей стоянки въ Батнъ-Марру.

Освободившись отъ соперниковъ-хузаитовъ, Косай проявилъ въ себѣ другой талантъ болѣе высокаго качества—государственное строительство. До него вокругъ Каабы не было постоянныхъ жилищъ арабовъ, которые только въ продолженіе дня разставляли свои палатки по близости къ святилищу, а на ночь снимали свои шатры и уходили въ сосѣднія ущелья. Косай задумалъ упрочиться навсегда вблизи Каабы и, собравъ разсѣянныхъ по окрестностямъ корайшитовъ, разъяснилъ имъ всю невыгодность разрозненной жизни и предложилъ построить постоянныя жилища вокругъ Каабы, которую они обязаны были охранять и ради которой сами пользовались почетомъ и уваженіемъ со стороны всѣхъ другихъ арабскихъ племенъ. Непониманіе корайшитами политическихъ выгодъ отъ предложенія Косая усиливало затрудненія въ данномъ случаѣ: корайшиты считали грѣхомъ и боялись пользоваться строительнымъ матеріаломъ для своихъ жилищъ, какой находили въ окрестностяхъ священнаго округа. Но Косай далъ *первый* примѣръ въ этомъ безпримѣрномъ дѣлѣ,—и мало-по-малу вокругъ Каабы появились постоянныя жилища корайшитовъ, послужившія основаніемъ для города Мекки[1]).

Для свободнаго совершенія богомольцами религіозныхъ обходовъ вокругъ Каабы, оставлено было свободное пространство со всѣхъ сторонъ ея, которое впослѣдствіи было окружено стѣной, вымощено каменными плитами и составило такъ называемое „Аль-матафу-шарифъ“, т. е. священное мѣсто обходовъ вокругъ Каабы. Осуществленное распоряженіе Косая послужило началомъ къ дальнѣйшей административной его дѣятельности. Появившееся постояное населеніе вокругъ Каабы вызвало необходимость въ обсужденіи разныхъ общественныхъ вопросовъ,

---

1) За это Косай получилъ прозвище „Собирателя“ (Аль-Моджаммигъ), напоминающее прозвище древне-русскихъ князей—собирателей русской земли.

а для этого нужно было устроить особое зданіе, въ которомъ собирались члены совѣщательнаго собранія, имѣвшіе 40-лѣтній возрастъ, и всѣ сыновья Косая, хотя бы и не достигшіе такихъ лѣтъ. Зданіе это носило особое названіе „Дару-н-надуа". Въ немъ обсуждались всѣ важныя семейно-общественныя дѣла корейшитовъ: браки, походы противъ непріятеля, порядокъ совершенія хаджа и нужды богомольцевъ. Любопытны нѣкоторыя подробности. Дѣвицу, достигшую совершеннолѣтія, приводили въ собраніе и, по удостовѣреніи въ ея возрастѣ, надѣвали на нее особую тунику—(*диръ*). Предъ выступленіемъ въ походъ, предводитель отряда получалъ отъ Косая знамя—(*Лива*), представлявшее собою обыкновенное копье, къ которому привязывался бѣлый шелковый платокъ. Въ пользу богомольцевъ, по предложенію Косая, корейшиты были обложены особымъ ежегоднымъ сборомъ (*рифада*), который поступалъ въ руки самого Косая и расходовался имъ на пріобрѣтеніе съѣстныхъ припасовъ для бѣдныхъ богомольцевъ въ дни пребыванія послѣднихъ въ долинѣ Мина, гдѣ приносились установленныя животныя жертвы. Точно также озабочивало Косая и снабженіе хаджіевъ питьевой водой, для чего была учреждена особая должность водовозовъ—(*сикайя*), обязанныхъ доставлять въ Мекку изъ окрестныхъ источниковъ воду и распредѣлять ее между жителями города и прибывшими богомольцами. Эта должность сохраняла свое значеніе до тѣхъ поръ, когда въ самомъ городѣ было устроено водоснабженіе. Для руководства богомольцами во время совершенія обрядовъ хаджа существовали должности: иджаза, арафа, ифаза, муздаляфа и джамигу-иля-ль-мина. Представители этихъ должностей распоряжались порядкомъ сбора и выхода богомольцевъ по племенамъ, или по родамъ, что и выкрикивалъ распорядитель во всеуслышаніе. Наконецъ, храненіе ключей Каабы и распоряженіе самой Каабой находилось въ рукахъ особаго лица, называвшагося по должности—*хиджаба*.

Удерживая въ своихъ рукахъ общее управленіе дѣлами, Косай, въ видахъ возвышенія корейшитовъ, роздалъ имъ главныя должности, а второстепенныя—другимъ племенамъ. Должности эти составляли ихъ наслѣдственное преимущество.

Установивъ такимъ образомъ возможный порядокъ въ управленіи общественными и религіозными дѣлами въ Меккѣ,

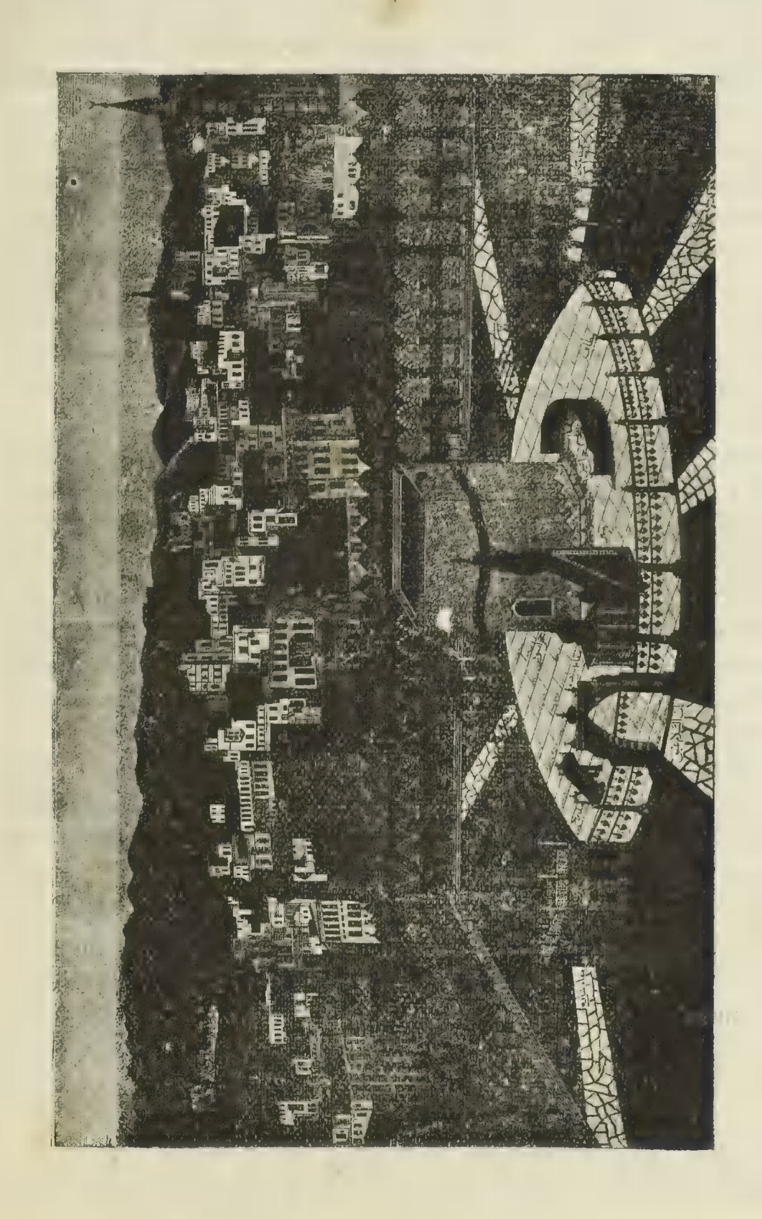
Косай приступилъ къ важнѣйшему дѣлу — перестройкѣ Каабы зданіе которой, построенное при Джорхомитахъ, начало разрушаться. Чтобы придать постройкѣ большую прочность и нѣсколько другой внѣшній видъ, Косай въ 450 г. по Р. Хр. старое зданіе совершенно разобралъ и построилъ новое, которое имѣло въ длину 24 локтя, въ ширину 23 локтя и въ вышину 27 локтей[1]).

Вскорѣ по окончаніи перестройки Каабы, Косай умеръ и управленіе дѣлами Мекки, Каабы и Хаджа находилось сначала въ рухахъ потомковъ старшаго его сына, а потомъ было раздѣлено между потомками двухъ сыновей — Абду-д-дара и Абду-Манафа. Второй сынъ Абду-Манафа, Хашимъ сдѣлалъ удачную попытку къ расширенію внѣшней торговли Мекки: онъ установилъ обычай отправлять ежегодно по два каравана—зимой (въ Еменъ) и лѣтомъ (въ Сирію), и Мекка пріобрѣла значеніе главнаго торговаго центра для всей Аравіи. По смерти Хашима, дѣлами Мекки и Каабы управлялъ, его братъ Муталлибъ, а послѣ него, сынъ Хашима, Шейба, котораго за смиреніе и нестяжательный характеръ прозвали „рабомъ Муталлиба" (Абдулъ-Муталлибъ). Это былъ дѣдъ Мохаммеда, нашедшій въ 520 г. по Р. Хр. зарытыя Джорхомитомъ Модзаромъ сокровища, принадлежащія Каабѣ; онъ же открылъ источникъ Замзамъ, находившійся внутри ограды Каабы и пользующійся теперь среди паломниковъ извѣстностью. Абдулъ-Муталлибъ изъ доставшихся ему сабель и брони приготовилъ для Каабы новую дверь, которую украсилъ золотыми изображеніями двухъ золотыхъ газелей, доставшихся по жребію Каабѣ. О немъ извѣстно также, что онъ принесъ въ жертву Аллаху сто верблюдовъ вмѣсто старшаго сына своего Абдаллаха[2]). При немъ же (въ 570—571 г. по Р. Хр.) состоялся походъ Еменскаго правителя христіанина Авраама (Абраха) на Мекку, предпринятый въ

[1]) Можно предположить, что Косай хотѣлъ придать Каабѣ одинаковую длину и ширину, чтобы она представляла правильную геометрическую фигуру. Въ тоже время онъ значительно увеличилъ ея высоту, чтобы сдѣлать болѣе замѣтнымъ все зданіе, находившееся во впадинѣ Меккской долины и уже окруженное постройками арабовъ.

[2]) Отецъ Мохаммеда. Это жертвоприношеніе было выкупомъ за Абдаллаха, котораго Абдулъ-Муталлибъ долженъ былъ принести въ жертву въ благодарность Богу за дарованіе ему сыновей.

Современный видъ Каабы.



отмщеніе за оскверненіе корейшитами христіанскаго храма, построеннаго въ гор. Санѣ[1]). Походъ этотъ, какъ видно изъ Корана (гл. 105) сопровождался гибелью всего войска Абрахи и совпалъ съ годомъ рожденія Мохаммеда Мохаммедъ, когда ему исполнилось 35 лѣтъ, участвовалъ въ перестройкѣ Каабы, стѣны которой сильно пострадали отъ огня. Это важное для Мохаммеда событіе, возвысившее его въ глазахъ мекканцевъ, относится къ 605 г. по Р. Хр. и состояло въ томъ, что Мохаммеду было предложено вложить „черный камень“ въ уголъ перестроенной Каабы, а онъ, во избѣжаніе пререканій, избралъ 4-хъ представителей корейшитовъ и далъ имъ держать за углы распростертый плащъ, поддерживавшій „камень“ и, когда камень былъ поднятъ всѣми представителями на соотвѣтствующую высоту, Мохаммедъ взялъ его своими руками и вставилъ на предназначенное мѣсто въ углу сѣверной и восточной стѣнъ Каабы.

По выступленіи на проповѣдническую дѣятельность, Мохаммедъ часто ходилъ къ Каабѣ, совершалъ вокругъ нея древне-языческіе обходы и проповѣдывалъ тамъ единство Аллаха, поставленное имъ въ основу новой религіи, а затѣмъ уже въ Мединѣ обнародывалъ откровеніе, подтверждавшее древность Каабы и священное значеніе обрядовъ хаджа[2]), совершеніе которыхъ съ тѣхъ поръ служитъ для мохаммеданъ всѣхъ странъ одною изъ главныхъ пяти религіозныхъ обязанностій послѣдователей Корана.

Описаніе обрядовъ хаджа при жизни Мохаммеда и послѣ до настоящаго времени не входитъ въ задачу настоящаго изданія, и мы заканчиваемъ главу о Каабѣ и хаджѣ упоминаніемъ о томъ, что одновременно съ Каабой въ разныхъ частяхъ Аравіи существовали храмы: въ Еменѣ—въ городѣ Санѣ, въ Наждѣ, въ Иракѣ, въ гор. Таифѣ, въ долинѣ Нахлѣ и близъ Краснаго моря—въ сѣверной части Аравіи. Эти храмы имѣли священное значеніе для одного или для нѣсколькихъ арабскихъ

---

[1]) Въ вып. 2-мъ Миссіонер. Сборника изложено описаніе этого храма, на стр. 234.

[2]) См. „Религіозное и политическое значеніе хаджа“ соч. М. Миропіева, напечат. въ Миссіонерскомъ противомусул. сборникѣ, вып. XV [Казань, 1877].

племенъ, но они утратили свое значенiе съ признанiемъ Каабы единымъ священнымъ храмомъ для поклоненiя и богослуженiя всѣхъ арабскихъ племемъ, храмомъ Авраама и Измаила, признаваемыхъ праотцами арабовъ, а особенно послѣ торжества ислама ислама въ Аравiи, когда идолы арабскихъ племенъ и храмы, находившiеся при нихъ, были разрушены и когда „вѣра Авраама“ была возстановлена и культъ единаго Аллаха восторжествовакъ надъ политеизмомъ арабовъ-многобожниковъ (мушрикъ). Въ этомъ культѣ несомнѣнно удержались и нѣкоторые языческiе обряды, къ числу которыхъ принадлежатъ и обряды хаджа. Поэтому напомнимъ сказанное въ началѣ главы, что и въ религiозномъ культѣ не только возможны, но и неизбѣжны переживанiя, какъ и въ другихъ проявленiяхъ человѣческаго духа[1]).

При жизни Мохаммеда, арабскiе богомольцы, вступая въ священную область, окружавшую Каабу въ разныхъ разстоянiяхъ отъ Мекки, по караваннымъ путямъ, брили головы и снимали одежды и приближались къ священному дому (Каабѣ) нагими. Они воздерживались отъ враждебныхъ дѣйствiй, отъ сношенiя съ женщинами и отъ употребленiя въ пищу своихъ путевыхъ запасовъ; имъ разрѣшалось, очевидно, въ корыстныхъ цѣляхъ корейшитовъ, питаться тѣмъ, что продавалось въ священной мѣстности. Въ Меккѣ богомольцевъ встрѣчали ралушно: правитель Мекки, по обязанности *сикайя*, распредѣлялъ между хаджiями воду и, конечно, получалъ за это плату, хотя, можетъ быть, и безъ особыхъ вымогательствъ. Въ Меккѣ богомольцы направлялись прямо на площадь Каабы, вокругъ которой совершали семикратные обходы (*тавафъ*), по примѣру праотцевъ Авраама и Измаила, которые были научены самимъ Богомъ и научили этимъ обрядамъ всѣхъ людей (Коранъ, гл. 2, ст. 119 . Богомольцы совершали обходы вокругъ Каабы, обернувъ тѣло бумажной матерiей (хумъ), а при невозможноси достать тако-

---

[1]) Интересующимся этимъ вопросомъ рекомендуемъ обратить вниманiе на §§ 8—13 курса исторiи религiй, сост. проф. богословiя при Казанскомъ Университетѣ, прот. А. В. Смирновымъ (Казань, 1908).

вую—въ своей обыкновенной одеждѣ, которую обязаны были бросить потомъ, чтобы никто уже не носилъ ее. Арабы предпочитали дѣлать обходы вокругъ Каабы совершенно нагими, потому что считали одежды „знаками преслушанія“ заповѣди Божіей въ раю Адамомъ и Евой. Женщины при этихъ обходахъ сначала удерживали на себѣ рубашку, а затѣмъ предпочитали оставаться нагими. Въ такомъ странномъ видѣ, т. е. безъ одежды, съ бритыми головами, богомольцы семь разъ обходили ускоренными шагами вокругъ Каабы, причемъ отъ религіознаго восторга хлопали въ ладоши и свистали. При каждомъ круговомъ обходѣ передніе богомольцы цѣловали черный камень, а задніе только прикасались къ нему. Рукоплесканія и свистъ хаджіевъ осуждены въ Коранѣ (гл. 8, ст. 35). Отъ Каабы богомольцы переходили къ холмамъ Сафѣ и Мярвѣ и также семь разъ въ припрыжку бѣгали взадъ и впередъ.

Слѣдующій обрядъ состоялъ въ посѣщеніи горы Арафата, находившейся въ окрестностяхъ Мекки и, по данному распорядителемъ хаджа знаку (*иджаза-и-арафа*), переходили въ ближайшую долину Муздаляфа. Въ день жертвоприношеній, по данному знаку исправляющаго должность *иджаза-и-муздаляфа*, богомольцы отправлялись въ долину Мина. Бѣдные богомольцы получали здѣсь съѣстные припасы, за счетъ корейшитовъ, обложенныхъ со временъ Косая особою податью (рифада). Здѣсь же, по данному знаку, богомольцы бросали семь разъ камешки и приносили въ жертву верблюдовъ и овецъ, шерсть и рога которыхъ закапывали въ землю. Наконецъ, исправляющій должность иджаза-и-мина велъ отсюда богомольцевъ въ Мекку.

Перечисленные обряды исполнялись всѣми богомольцами; только корейшиты, послѣ пораженія войска Абрахи, были освобождены отъ посѣщенія Арафы и отъ путешествія въ долину Муздаляфу. Нѣкоторые богомольцы, возвратившись домой, имѣли обыкновеніе входить въ свои дома не черезъ обыкновенныя двери, а черезъ нарочно сдѣланное для этого новое отверстіе въ задней части дома. Этотъ суевѣрный обычай былъ впослѣдствіи отмѣненъ Мохаммедомъ: „Благочестіе, говорилъ онъ, не состоитъ въ томъ, чтобы вы входили въ ваши дома въ отвер-

стіе, сдѣланное сзади; благочестіе состоитъ въ страхѣ Божіемъ. Входите въ ваши дома входной дверью и бойтесь Бога[1])".

Обставленный такимъ формальнымъ образомъ хаджъ въ доисламическую эпоху мало вліялъ на улучшеніе нравовъ арабовъ; но онъ поддерживалъ среди нихъ политическое единство. Хотя нѣкоторыя арабскія племена[2]) не совершали хаджа, однако въ Мекку со всѣхъ сторонъ шли огромныя толпы богомольцевъ, которыя сближали разрозненныя между собой арабскія племена, напоминая имъ, что всѣ они составляютъ одинъ народъ, говорящій однимъ языкомъ, и принадлежатъ къ одной религіи.

Съ назапамятныхъ временъ арабы придерживались луннаго счисленія времени: годъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ. Изъ нихъ четыре мѣсяца[3]) считались священными и потому въ продолженіе ихъ запрещались какъ веденіе войны, такъ и всякія враждебныя дѣйствія. Такой обычай, спасая враждующія племена отъ раззоренія и истребленія, способствовалъ торговлѣ и совершенію религіозныхъ путешествій съ большею безопасностію, чѣмъ въ другое время года. А такъ какъ лунный годъ на 11 дней короче солнечнаго, то начало каждаго года и начало хаджа наступало на 11 дней раньше предыдущаго года, и время совершенія хаджа происходило такимъ образомъ послѣдовательно черезъ всѣ времена года. Очень часто случалось, что время хаджа падало на весеннее время, когда уже не было запасовъ предшествующаго года, а плоды текущаго года не были еще собраны. Въ такое время богомольцамъ трудно было доставать себѣ пищу. Для устраненія этого неудобства, арабы со временъ Косая прибѣгали къ системѣ вставокъ (наси—замедленіе),—заимствованной отъ ятсрибскихъ іудеевъ, и стали прибавлять къ каждому третьему году одинъ лишній мѣсяцъ—13-й. Съ этого времени арабскій календарь сдѣлался лунно-солнечнымъ

---

[1]) Коранъ, 2 гл., 185 ст. См. примѣч. къ этому стиху Казимірскаго а также въ переводѣ Колмакова 103 примѣч. на 2 гл. Корана.

[2]) Pocock, 303. Розенъ, „Древняя арабская поэзія и ея критика", Спб. 1872 г. стр. 45.

[3]) Мухаррамъ, Раджабъ, Джуль-Каада и Джуль-Хиджа. Названіе „Раджабъ" выражаетъ идею страха и уваженія. Этотъ мѣсяцъ назначался преимущественно для поста, покаянія и умры т. е. для посѣщенія св. мѣстъ.

Спустя 51 годъ послѣ этого нововведенія, въ 413 году по Р. Х. время хаджа совпало съ первыми днями сентября, когда плоды въ Аравіи были уже собраны. Обязанность возвѣщать народу о вставочномъ мѣсяцѣ лежала на особыхъ людяхъ, называемыхъ насаа; впослѣдствіи эти лица получили право переносить привиллегіи священнаго мѣсяца съ Мухаррама на слѣдующій за нимъ мѣсяцъ—Сафаръ. Такое произвольное распоряженіе должно было печально отзываться на судьбѣ многихъ богомольцевъ, возвращавшихся на родину. Но такъ какъ и при системѣ вставокъ лунный годъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ солнечному[1]), то время хаджа стало послѣдовательно переходить на августъ, іюль, іюнь и т. д. Такимъ образомъ снова явились прежнія неудобства.—Здѣсь кстати замѣтимъ, что у древнихъ арабовъ было въ обыкновеніи, кромѣ обязательнаго хаджа, совершать еще частныя путешествія ко св. мѣстамъ. Эти путешествія назывались умра (عمرة) и совершались въ какое угодно время года, не будучи соединены съ столь многочисленными обрядами, какъ хаджъ[2]).

---

[1]) Три солнечные года даютъ 1095 дней, 17 часовъ, 28 минутъ и 15 секундъ; три арабскіе года, изъ которыхъ два въ 12 мѣсяцевъ и одинъ въ 13; даютъ только 1092 дня, 15 часовъ и 8 минутъ. Получается разность—3 дня, 2 часа, 20 минутъ и 15 секундъ.

[2]) См. цитиров. соч. М. Миропіева.

IX.

Арабы и христіанство.

Религія народа, по своей природѣ, относится къ духовной области, какъ фактъ народной психики: ея зарожденіе, развитіе и измѣненіе происходятъ въ глубинѣ человѣческаго духа. По великому значенію въ духовной жизни человѣка и по отношенію къ ней самого человѣка, религія составляетъ святое святыхъ его души, въ которое онъ входитъ съ благоговѣйнымъ мистическимъ страхомъ, которое онъ чтитъ и съ которымъ нелегко разстается. Поэтому перемѣна религіи подготовляется постепенно и бываетъ только внѣшнею, формальною, если не захватываетъ самыхъ вѣрованій человѣка, если не сопророждается внутреннимъ процессомъ обсужденія и убѣжденія, дѣйствующимъ и на чувство. Для столь сложнаго психологическаго процесса необходимо стороннее побужденіе—проповѣдь миссіонера, какъ это извѣстно изъ исторіи религій: Моисей и другіе пророки еврейскаго народа, Іисусъ Христосъ, апостолы и миссіонеры христіанской церкви неизбѣжно обращались съ проповѣдью къ своимъ слушателямъ и, призывая ихъ къ новой вѣрѣ, вызывали ихъ на сравненіе проповѣдуемой вѣры съ прежними вѣрованіями, обличали религіозныя заблужденія, увѣщевали и угрожали наказаніями Божіими въ этой и будущей жизни. Такъ послѣ поступалъ и Мохаммедъ. Но сколь ни убѣдительны, сколь ни увлекательны были увѣщанія и проповѣдь новой вѣры, сколь ни страшны были угрозы проповѣдниковъ, ни одинъ народъ никогда легко не разставался со старой своей вѣрой, потому что умъ и чувство его въ теченіе вѣковъ сроднялось съ вѣрованіями предковъ, согласно съ которыми складывалась вся народная жизнь. Поэтому каждый новообращенный народъ стремился удержать въ своей душѣ что-нибудь изъ прежнихъ вѣрованій, или приспособить ихъ къ новымъ религіознымъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Такимъ образомъ получалось на первыхъ порахъ такъ называемое двоевѣріе, извѣстное въ религіозной жизни всѣхъ народовъ, мѣнявшихъ одну вѣру на другую. Тотъ же внутренній психологическій процессъ переживали и арабы, когда отъ древняго язычества переходили

сначала въ іудество или христіанство, а потомъ въ мусульманство. Для болѣе или менѣе полнаго религіознаго перерожденія народа непремѣнно требовалось продолжительное время въ соотвѣтствіи съ духовнымъ развитіемъ народа и содержаніемъ новой религіи, какъ и для проростанія извѣстнаго растительнаго сѣмени необходима соотвѣтствующая его природѣ почва и атмосфера, о чемъ наглядно изъяснено въ евангельскихъ притчахъ и какъ это извѣстно изъ исторіи человѣческой культуры: одни и тѣже сѣмена на разныхъ почвахъ и при неодинаковыхъ климатическихъ условіяхъ произрастаютъ неодинаково, приносятъ разные по качеству плоды, а иногда совсѣмъ вырождаются...

Эти общія разсужденія особенно приложимы къ судьбѣ христіанства въ Аравіи. И здѣсь, принятіе христіанства должно было сопровождаться оставленіемъ или забвеніемъ прежней языческой религіи; но сложный внутренній процессъ перерожденія низменнаго арабскаго язычества въ возвышенное христіанство не былъ, какъ слѣдовало, тщательно подготовленъ... Очевидно, полудикіе кочевники-арабы только внѣшнимъ образомъ были обращены въ новую вѣру, были крещены, не бывъ надлежащимъ образомъ просвѣщены свѣтомъ евангельскаго ученія; чисто внѣшнія воздѣйствія не коснулись религіозныхъ вѣрованій и чувствъ арабовъ, а потому нравственный уровень ихъ остался прежнимъ. Христіанство передѣлало только нѣкоторыя религіозныя особенности, а послѣ исламъ остался болѣе всѣхъ другихъ вѣрованій—религіей арабовъ.

Какъ изложено въ гл. VI настоящаго изслѣдованія (стр. 175—204), религіозныя вѣрованія арабовъ стояли на низшей ступени развитія: арабы почитали фетишей—поклонялись первому необыкновенному предмету, который останавливалъ на себѣ ихъ вниманіе: камнямъ, деревьямъ, горамъ, также, можетъ быть, и животнымъ. Два противоположныхъ ощущенія—страхъ и довѣріе обнаруживались въ религіозныхъ чувствахъ арабовъ по отношенію къ этимъ предметамъ: однихъ онъ страшился, къ другимъ обращался съ просьбой о помощи. Однако, исторія не знаетъ ни одного народа, который бы этимъ удовлетворился: человѣчеству врождено стремленіе къ общему, къ идеѣ,—и скоро взоръ его обращался къ звѣздамъ, которыя своимъ неизмѣн-

нымъ движеніемъ указывали на идею порядка и законообразности во вселенной. Поэтому арабы были также звѣздопоклонниками. Несомнѣнно, что и въ этомъ отношеніи они отстали отъ вавилонянъ и египтянъ, такъ какъ имъ не доставало понятія о звѣздной группѣ, состоящей изъ нѣсколько планетъ. Въ Коранѣ они называются „Сабеями“ (гл. 2, ст. 59; гл. 5, ст. 73).

Язычество арабовъ состояло въ томъ, что у нихъ не только въ каждомъ семействѣ, но и во всякой болѣе крупной родовой группѣ былъ свой богъ. Существовали родовые боги и примитивныя кумирни для нихъ. Святыня Мекки (Кааба) объединяла разрозненныя племена аравійскаго полуострова въ одно цѣлое: тамъ издавна существовалъ одинъ общій для всѣхъ культъ. Странно, однако, говоритъ Bestmann, что этотъ культъ былъ связанъ не съ идеей о верховномъ божествѣ — Аллахѣ, а съ существованіемъ „чернаго камня“, который давно почитался, какъ особая святыня. По соображеніямъ того же автора, въ этомъ случаѣ у древнихъ арабовъ проявилось сходство съ древней Греціей. Тамъ однимъ изъ древнѣйшихъ божествъ была Деметра; ей въ Ѳермопилахъ приносили жертвы члены Амфиктіонова союза. Эта община впослѣдствіи разрослась и образовала Дельфійскій союзъ, въ которомъ предсѣдательствованіе принадлежало племени ахейцевъ. Тоже было и на Элейскомъ празднествѣ въ Олимпіи и въ другихъ мѣстахъ Здѣсь и тамъ происходили встрѣчи греческихъ племенъ, которыя собирались для принесенія жертвъ и для совмѣстныхъ игръ. Это были первыя начала національнаго союза, который долженъ былъ привести воюющія племена къ миру, къ укрѣпленію ихъ правовыхъ отношеній. Съ тѣмъ и другимъ союзомъ было связано священное время вооруженнаго мира. Подобно этому, главной причиной устройства меккскаго празднества (хаджъ) была политическая потребность въ прекращеніи племенныхъ раздоровъ арабовъ. Хранители общей святыни—Каабы мѣнялись; но они должны были назначать 4 священныхъ мѣсяца, когда снимались острія съ копій, т. е. когда оружіе бездѣйствовало, а сами арабы пользовались правомъ неприкосновенности. Какъ раньше у грековъ отправлялось торжественное шествіе изъ Пилей въ Дельфы, такъ и путешествіе изъ Мекки къ горѣ Арафату наводитъ на мысль о когда-то заключенномъ договорѣ

или мирѣ: особый союзъ (фузулъ) въ Меккѣ ограждалъ священныя владѣнія отъ всякаго преступнаго покушенія. Когда впослѣдствіи политическое развитіе греческаго народа переросло эти первые начатки національной общины, то въ союзѣ амфиктіоновъ усматривали уже только религіозное собраніе, и на Олимпійскія игры смотрѣли лишь, какъ на самостоятельное художественное представленіе; такъ и путешествіе въ Мекку вскорѣ получило (какъ посольство на Делосъ) преимущественно религіозный отпечатокъ, что нисколько не умаляло и его торговаго значенія[1]).

Несомнѣнно, что и нравственность арабовъ, при ихъ неустойчивыхъ религіозныхъ представленіяхъ, была также неустойчива, какъ это видно изъ представленнаго выше описанія характера и нравовъ древнихъ арабовъ (гл. V). Въ ихъ нравственно-религіозной жизни не доставало идеала нравственнаго совершенства, что могло дать имъ только христіанство, (Мѳ. 6, 48) почему въ этой главѣ приводятся историческія свѣдѣнія о судьбѣ христіанства въ Аравіи—сѣверной и южной.

Еще въ первые вѣка христіанской церкви евангельское ученіе было распространено въ сѣверной и особенно въ южной Аравіи и держалось тамъ до распространенія ислама. Кромѣ упоминаемаго въ посланіяхъ ап. Павла (Гал. I, 17) путешествія его въ Аравію (Сирію), памятники христ. литературы свидѣтельствуютъ, что св. Тимонъ, одинъ изъ 70 апостоловъ, былъ первымъ епископомъ Бостры (Бассоры), которая считалась митрополіей аравійскихъ церквей. Изъ этого города евангельское ученіе распространилось въ аравійскихъ предѣлахъ. Св. Ириней, еп. Ліонскій II вѣка по Р. Хр., точно обозначаетъ аравійскія церкви, которымъ христіанская вѣра была проповѣдана апостолами. Въ III вѣкѣ у св. Епифанія упоминаются разные еретики аравійскіе и между ними скопцы-валесіане, которые оскопляли своихъ приверженцевъ и воспрещали имъ употребленіе мяса. Въ 244 г. аравійскіе епископы приглашали въ Бостру знаменитаго Оригена для обличенія епископа Берилла въ его заблужденіи относительно божества Христа. Въ 247 г. Оригенъ,

---

[1]) Die Anfänge des katholischen Christentums und des Islams. (Nordlinhen 1881, S. 82—83).

присутствуя на епископскомъ соборѣ въ Бострѣ, обратилъ въ православіе нѣкоторыхъ арабскихъ христіанъ, думавшихъ, что душа человѣка умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, но воскреснетъ съ нимъ. Въ тоже время въ Петрейской Аравіи распространилась ересь элкесаитовъ, отвергавшихъ посланія ап. Павла и въ тоже время искажавшихъ другія священныя книги христіанъ, причемъ они похвалялись особою книгою, упавшею къ нимъ съ неба, и считали дѣломъ безразличнымъ наружное отреченіе отъ вѣры, сохраняя ее въ сердцѣ. Неудивительнымъ должно казаться послѣ этого ученіе Мохаммеда о томъ, что Іисусъ Христосъ не имѣлъ божеской природы и что христіане искажали свои священныя книги[1]).

Заслуживаетъ вниманія мысль автора ст. „Христіанство въ сѣверной Аравіи“ о томъ, что эта окраина римской имперіи не отличалась просвѣщеніемъ и что въ эту заброшенную страну стекались подонки римскаго общества—ссыльные преступники и добровольные бѣглецы, а также и гонимые за вѣру[2]). Мохаммедъ, во время своихъ торговыхъ странствованій и остановокъ въ разныхъ пунктахъ сѣверной Аравіи могъ встрѣчаться съ тѣми и другими представителями христіанства и получать отъ нихъ правильныя и ложныя свѣдѣнія о христіанской религіи, слѣды которыхъ сохранились въ Коранѣ[3]).

При другихъ условіяхъ христіанство распространялось въ южной части Петрейской (Каменистой) Аравіи: въ 249 г. по Р. Хр., во время гоненія на христіанъ въ Египтѣ, на Синай бѣжалъ Херемонъ, престарѣлый епископъ Никополя, а вслѣдъ за нимъ тудаже укрылись и многіе другіе христіане, приходившіе въ соприкосновеніе съ кочевыми арабами. Тогда же, на сопредѣльномъ съ Аравіей Синайскомъ полуостровѣ началось христіанское пустынножительство, распространившееся и на Петрейскую Аравію. Во второй половинѣ III вѣка упоминается епископъ Бострійскій Максимъ, присутствовавшій на Антіохійскомъ соборѣ (269 г.). Около этого же времени, къ сѣверу отъ Бостры, въ нынѣшнемъ Хаурамѣ, еменскіе выходцы основали

---

1) Коранъ, гл. 2, ст. 73; гл. 3, ст. 72; гл. 5, ст. 18.

2) Архим. Арсеній въ Правосл. Обозрѣніи 1870 г. Іюль—Сентябрь, стр. 51.

3) См. въ Миссіонер. противомусульм. Сборникѣ вып. VII, VIII и XXI.

Хассанидское царство, въ которомъ было не мало подданныхъ христіанъ.

Въ „Historia anteislamica“ Абульфеды упоминается, что сынъ перваго Хассанидскаго царя—Амру исповѣдывалъ христіанскую вѣру и основалъ въ началѣ IV вѣка нѣсколько христіанскихъ монастырей въ своихъ владѣніяхъ. Во время гоненія (303—312 гг.) св. Киръ удалился изъ Александріи въ Аравію, гдѣ своею святою жизнью и врачеваніями пріобрѣлъ большую извѣстность среди туземцевъ[1]). При Діоклетіанѣ было много пострадавшихъ христіанъ изъ Аравіи. На первомъ вселенскомъ соборѣ (325 г.) присутствовали шесть епископовъ изъ Аравіи, въ числѣ которыхъ названы: Никомахъ изъ Бостры, Петръ изъ Айлы, Киріонъ изъ Филадельфіи (др. страна Аммонитянъ). На четвертомъ вселеннскомъ соборѣ (451 г.) Бостра и Петра были сдѣланы митрополіями аравійскихъ церквей и подъ актами собора подписались нѣсколько епископовъ Бостры и Петры, съ указаніемъ на мѣста ихъ епископій, обыкновенно не извѣстныхъ въ сушествующихъ географіяхъ Аравіи[2]). Вмѣстѣ съ этими извѣстіями церковные историки сообщаютъ, что во второй половинѣ IV вѣка въ Аравіи распространились двѣ ереси: Коллиридіане, признававшіе у Дѣвы Маріи божескую природу, и антидикомаріониты, не воздававшіе ей установленной церковью почести. Кромѣ того, тамъ были извѣстны евтихіяне, несторіане и докеты. Отъ второй половины V в. также извѣстны имена митрополитовъ и епископовъ сѣверной Аравіи: Іоаннъ—митрополитъ Петры, Антипатръ—митрополитъ Бостры, Петръ 2-й—епископъ кочевыхъ арабовъ и Павелъ—архіепископъ Айлы (около 490 г.), упоминаемый въ житіи препод. Саввы Освященнаго.

Въ шестомъ вѣкѣ, вслѣдствіе смутъ въ южной Аравіи, караванная торговля чрезъ Петру прекратилась и получила направленіе чрезъ Персидскія владѣнія. Въ тоже время уменьшились военныя силы въ Петрейской Аравіи вслѣдствіе частыхъ войнъ императ. Юстиніана съ Персіей. Отъ этихъ двухъ причинъ уменьшились городскія поселенія, и самая Петра, бывшая

[1]) Acta sanctorum, 31 Iannuarie. Евсевій, Исторія церкви.

[2]) Таковы: Гераза, Есевонъ, Энъ, Неелъ, Заравена, Неаполь, Герра Неви, Медава, Евтимія, Константиніана, Діонисіада, Максиміанополь Адранъ, Ареополь, Айла, Елуза, Зоаръ и др. (Стр. 55—56 у Арх. Арсенія)

еще въ 562 г. [главнымъ городомъ въ Петрейской Аравіи, сдѣлалась незначительнымъ мѣстечкомъ[1]), а самыя арабскія кочевыя племена были совращены въ монофизитскую ересь и стали враждовать—противъ римской культуры и православнаго христіанства, оплотомъ котораго оставался Синайскій монастырь. Изъ епископовъ этого времени упоминаются: Полихропій Ареопольскій, Петръ Фенонскій, Валентъ—арабскихъ поселеній, Григорій Бакатскій, Ѳеодоръ Петрейскій, Іоаннъ Августопольскій, Макарій Ариндельскій, Стефанъ Ардонскій, Димитрій Харакмовскій, Илія Ареопольскій, Зиновій Елузскій, Іоаннъ Фенонскій, Павелъ Айганскій[2]) и Барахъ Бакатскій. Всѣ они были защитниками православія отъ монофизитовъ. Во второй половинѣ шестого вѣка архіепископская каѳедра изъ Айлы была перенесена въ Синайскій монастырь, очевидно, по недостаточности православныхъ жителей въ этомъ историческомъ пунктѣ[3]). Около 600 года по Р. Хр. упоминается Аѳиногенъ, епископъ Петры, давщій большой біографическій матеріалъ составителю „Лимонаря“ - Іоанну Мосху, а въ 606 году скончался знаменитый составитель „Лѣствицы“ препод. Іоаннъ Лѣствичникъ. Оба эти христіанскіе подвижники окончили свое земное существованіе незадолго до выступленія Мохаммеда на общественную проповѣдь новаго религіознаго ученія (ислама), смѣнившаго въ Аравіи христіанскую вѣру и церковь. Эта смѣна двухъ различныхъ, взаимно исключающихъ себя религіозныхъ ученій произошло естественно подъ вліяніемъ современныхъ историческихъ событій. Можно съ большею вѣроятностью предполагать, что христіанство, насажденное въ сѣверной Аравіи, не успѣло еще пустить глубокіе корни на арабской почвѣ, особенно среди кочующихъ „сыновъ Измаила“, какъ уже было заглушаемо сорными травами—еретическими ученіями. Не говоря собственно

---

[1]) Сочин. Н. Разумова. Миссіонерск. противомусул. Сборникъ вып. XI, стр. 20—20 (Казань, 1876).

[2]) Не напоминаетъ ли это названіе о смутномъ намекѣ, занесенномъ въ Коранъ (гл. 38, ст. 12; гл. 50, ст. 13) о жителяхъ Айка? См. настоящ. сочин. стр. 90.

[3]) Сел. Айла упоминается у Страбона подъ именемъ Бѣлой деревни (см. выше, стр. 49 и слѣд.). Очевидно, она занимала важный пунктъ на древнемъ караванномъ пути, а въ христіанскую эпоху сдѣлалась центральнымъ мѣстомъ для окрестныхъ новообращенныхъ арабовъ и на Халкидонскомъ соборѣ (451 г.) была переименована въ архіепископію.

объ арабахъ, которые едва ли могли сознательно проникнуться высокимъ ученіемъ христіанской церкви безъ просвѣщенія, безъ школъ (о чемъ въ историческихъ памятникахъ не упоминается), приходится остановиться на личностяхъ самихъ руководителей новопросвѣщенныхъ арабовъ на епископахъ и пресвитерахъ, изъ которыхъ многіе сами колебались въ своихъ религіозныхъ взглядахъ и вѣрованіяхъ. Такъ, Бострскій епископъ Бериллъ самъ нуждался въ увѣщаніяхъ, какъ заблудшій. Могло ли быть дѣйствительное общеніе епископовъ saracenorum civitatis или gentis saracenorum, какъ они подписывались подъ соборными актами, съ кочевниками арабами[1]) искони жившими грабежами и поклонявшимися небеснымъ свѣтиламъ, особенно Утренней Звѣздѣ, которой приносили человѣческія жертвы[2]). Не ограничивалось ли въ этомъ обращеніе арабовъ однимъ формальнымъ крещеніемъ ихъ безъ достаточнаго наученія новопросвѣщенныхъ истинамъ вѣры? Не было ли такое же формальное отношеніе къ нимъ со стороны пастырей? Кто были эти пастыри и какъ они поучали свою полудикую паству?—Знали ли они языкъ пасомыхъ? Имѣли ли арабы переводы св. книгъ и богослужебныхъ на родной языаъ? Гдѣ и какъ они молились и учились? Вотъ вопросы, остающіеся безъ отвѣта и допускающіе невыгодныя для дѣла предположенія по аналогіи съ подобными же фактами изъ жизни крещеныхъ инородцевъ Россіи.

Результаты такого печальнаго положенія дѣла не замедлили сказаться: Петрейская Аравія уже въ началѣ VII вѣка по Р. Хр. стала испытывать запустѣніе, а политическія событія того времени способствовали этому: опустошительные походы персидскихъ войскъ, сопровождавшіеся грабежами и раззореніемъ городовъ, селъ, монастырей и церквей, избіеніемъ и уводомъ въ плѣнъ жителей всякаго возраста и пола обезлюдили страны новопросвѣщенныхъ арабовъ, наполнивъ ихъ развалинами и обративъ въ дикія пустыни. Петра уже не воста-

---

[1]) Такъ можно утверждать, что митрополиты Петры Аравійской „носили только титулъ митрополитовъ" и позднѣйшему митрополиту Мелетію, сконч. въ 1867 году, пришлось потрудиться о своихъ арабскихъ пасомыхъ, о которыхъ его предшественники мало заботились. (См. Странникъ, Январь 1869 года).

[2]) Такъ былъ приговоренъ въ жертву Утренней Звѣздѣ сынъ преподобнаго Нила Синайскаго Ѳеодулъ въ 411 году по Р. Хр.

вала изъ своихъ развалинъ, какъ и многія другія епископскія каѳедры. При этомъ замѣчательно, что епископъ Бакатскій Антоній и Фаранскій епископъ Ѳеодоръ сами впали въ моноѳелитскую ересь и въ половинѣ VII в. были послѣдними епископами тѣхъ мѣстъ, о которыхъ упоминается въ церковныхъ памятникахъ[1]). Окончательный ударъ христіанству въ Петрейской Аравіи былъ нанесенъ овладѣвшими ею арабами-мусульманами. Въ 624 году самъ Мохаммедъ, только еще начавшій свою политическую карьеру въ Мединѣ, обѣщалъ покровительство христіанамъ сѣверной Аравіи, которыхъ онъ разсчитывалъ склонить на свою сторону, а въ 630 году христіанскій князь Айлы—Іоаннъ попросилъ у него мира за плату ежегодной дани. Но обаяніе ислама—національной религіи арабовъ—произвело свое отрицательное дѣйствіе на христіанское населеніе страны: извращенное примѣсью монофизитства, несторіанства и разныхъ персидскихъ и отечественныхъ суевѣрій, христіанство греческой церкви испытало то, что испытываетъ въ настоящее время церковь русская—отпаденія новообращенныхъ христіанъ... Въ 632 году, въ годъ смерти Мохаммеда, христіанскій князь царства Гассанидовъ былъ вынужденъ бѣжать изъ предѣловъ Бостры въ Константинополь, а римскія войска потерпѣли пораженіе отъ мусульманъ при Мутѣ... Тогда уже исчезла всякая надежда христіанства на внѣшнюю поддержку въ Аравіи, а внутренней силы арабское христіанство, очевидно, не имѣло для неизбѣжной внутренней борьбы съ исламомъ... На сколько слабо укоренилось христіанство въ сѣверной Аравіи видно изъ того факта, что въ правленіе халифа Абдулъ-Малика (конецъ VII в.) исламъ проникъ даже въ семейства монастырскихъ рабовъ, поселенныхъ импер. Юстиніаномъ близъ Синая, которые вступили въ междуусобную борьбу съ христіанами. Въ этой борьбѣ часть христіанъ погибли, часть бѣжали, а среди оставшихся христіанство постепенно угасало и въ 1750 году по Р. Хр. скончалась послѣдняя представительница христіанства среди сѣверныхъ арабовъ, какъ утверждаетъ Арх. Порфирій[2]).

---

[1]) Въ ст. Архим. Арсенія, стр. 67 [Правосл. Обозр. 1870 г. Второе полугодіе].

[2]) Второе путешествіе въ Синайскій монастырь [См. ст. Архим. Арсенія].

Судьба христіанской Айлы была не болѣе отрадна: находясь на пути египетскихъ мусульманскихъ паломниковъ въ Мекку, она постоянно подвергалась нападеніямъ мусульманъ, такъ какъ считалась важнымъ пунктомъ[1]). Крестоносцы завладѣли было Айлой, но въ 1170 году египетскій султанъ Саладдинъ изгналъ оттуда крестоносцевъ, а съ ними и христіанскихъ жителей города. Черезъ 659 лѣтъ, въ сосѣдней Раифѣ, послѣ чумы 1829 года, оставались только 80 православныхъ христіанъ. Въ самомъ гор. Петрѣ христіанскій храмъ подвергся запустѣнію въ 1834 году. О полуразрушенной христіанской крѣпости временъ крестоносцевъ—Station Керакѣ, въ Каменистой Аравіи, также извѣстно, что тамъ до 19 столѣтія уцѣлѣло не болѣе 200—300 душъ христіанъ обоего пола, которые, вслѣдствіе рѣдкихъ сношеній съ христіанами сосѣдней іерусалимской патріархіи и невольнаго (?) безучастія послѣдней къ судьбѣ арабскихъ христіанъ, сдѣлались не то мусульманами, не то христіанами. Замѣчательно, что только въ 1849 году митрополитъ Петрейскій Мелетій рѣшился построить въ Керакѣ вмѣстѣ съ церковью и школу! Когда церковь и школа были отстроены, митрополитъ Мелетій, какъ истинный просвѣщенный пастырь самолично отправился на мѣсто, освятилъ храмъ, открылъ школу, рукоположилъ двухъ священниковъ (одного—изъ мѣстныхъ христіанъ), привезъ съ собой учителя для новой школы изъ Іерусалима, и въ двухмѣсячное пребываніе въ Керакѣ наставилъ, одарилъ всѣхъ и каждаго и своими отеческими ласками и убѣжденіемъ успѣлъ возвратить въ православіе нѣсколько омусульманившихся семействъ, совратившихся въ исламъ вслѣдствіе своего глубокаго невѣжества, по неимѣнію опытнаго руководителя въ лицѣ священника. Въ послѣднемъ христіанско-арабскомъ пунктѣ—Филадельфіи (др. Равафа Аммонитская) въ 1838 году числилось христіанъ до 400 человѣкъ, окруженныхъ 3000 мусульманъ: христіане имѣли тамъ церковь и священника, но ихъ существованіе было едва замѣтно. О современномъ состояніи христіанъ этихъ мѣстностей свѣдѣній нѣтъ.

[1]) У папы Геласія (Opera Gelasii Migne) упоминается Ипполитъ, Митрополитъ Аравійскій. См. Творенія св. Ипполита, еп. Римскаго въ рус. пер. Выпускъ I. (Казань, 1898 г., стр. XII—XIII).

Не менѣе печальна исторія христіанства въ южной Аравіи. Древніе христіанскіе писатели (Оригенъ, Руфинъ, Іеронимъ, Софроній и Филосторгій) утверждаютъ, что христіанство въ южной Аравіи было впервые проповѣдано ап. Варѳоломеемъ, который оставилъ новообращеннымъ арабамъ-химьяритамъ евангеліе отъ Матѳея. Около 190 года по Р. Хр. новообращенныхъ арабовъ посѣтилъ извѣстный философъ-стоикъ Пантенъ. Химьяритскій царь Абдъ-Джелаль бенъ-Максубъ (около 250 г. по Р. Хр.) былъ тайнымъ христіаниномъ, а при внукѣ его Вакіѣ, около 320 г. по Р. Хр., христіанство имѣло уже значеніе въ Еменѣ, жители котораго, по свидѣтельству Евсевія, относились человѣколюбиво къ христіанамъ, бѣжавшимъ къ нимъ отъ сирійскихъ и египетскихъ гонителей, а также и къ плѣннымъ. Въ правленіе Вакіи, персидскій царь Сапоръ 2-й воздвигъ гоненіе на Еменскихъ христіанъ и казнилъ ихъ тыскчами, такъ что въ половинѣ IV вѣка въ южной Аравіи, повидимому, изчезли слѣды христіанства. Но съ утвержденіемъ христіанства въ Абиссиніи, императоръ греческій Констанцій[1]) послалъ къ химьяритамъ миссіонера Ѳеоѳила, подъ вліяніемъ котораго царь ихъ принялъ христіанство и построилъ три церкви въ Зафарѣ, Аденѣ[2]) и Ормузѣ (334—356 г.). О городѣ Наджранѣ, находившемся между Аденомъ и Хадрамаутомъ, верстъ 200 отъ гор Сана, сохранились извѣстія, какъ о городѣ большомъ и многолюдномъ, въ которомъ были церкви и процвѣтало благочестіе— ученіе христіанское распространялось, умножалось число иноковъ и устроялись монастыри. Среди жителей города не было никакихъ иновѣрцевъ, а были только „единыя матери соборныя апостольскія церкви чада“. Въ V вѣкѣ христіане-химьяриты были настолько проникнуты духомъ христіанства, что ходили за духовнымъ наставленіемъ къ извѣстному Ливанскому подвижнику Симеону Столпнику[3]). Въ началѣ VI в. византійскіе

[1]) Сынъ Константина Великаго, ум. 3 ноября 391 г. по Р. Хр.

[2]) У Петра Даміани упоминается еп. Адена Ипполитъ, обратившій въ христіанство 3.000 сарацынъ. (См. Творенія св. Ипполита, еп. Римскаго въ рус. пер. Вып. I. (Казань, 1898 г., стр. XII—XIII).

[3]) См. Житіе св. Симеона подъ 1 сентября. Вѣроятно, это извѣстіе надо принимать съ большимъ ограниченіемъ, относившимся къ отдѣльнымъ личностямъ, а не ко всей массѣ христіанъ-химьяритовъ

императоры Юстинъ I и Юстиніанъ I (518—527), въ видахъ противодѣйствія персамъ[1]), оказывали поддержку абиссинскому вассалу въ Еменѣ; но христіанство имѣло злѣйшихъ враговъ въ лицѣ мѣстныхъ представителей власти—князей Емена, стремившихся распространить среди своихъ подданныхъ іудейство. Такою враждой и даже гоненіямм на христіанъ еменскихъ особенно былъ извѣстенъ Тобба Зу-Навасъ[2]), власть котораго была уничтожена Абрахой, погибшимъ послѣ неудачнаго похода на Мекку, въ годъ рожденія Мохаммеда. При жизни Мохаммеда христіанство навсегда утратило свою историческую миссію въ Аравіи. Поэтому поводу цитированный выше католическій авторъ H. I. Bestmann говоритъ, что превосходство христіанскихъ идей надъ религіознымъ міровозрѣніемъ арабовъ было, а подъ вліяніемъ этихъ идей среди арабовъ распространилось скептическое отношеніе къ своей вѣрѣ, какъ это видно изъ разсказа Ибнъ-Хишама[3]): „Въ одномъ изъ языческихъ праздниковъ, посвященныхъ одному почитаемому идолу, собралось много корейшитовъ, которые передъ этимъ идоломъ приносили жертвы и совершали свои торжественные обходы вокругъ идола, какъ это бывало ежегодно. При этомъ четыре араба держались вдали отъ сборища: Варака бенъ Науфалъ, Абдулла бенъ Хаджашъ, Османъ бенъ Альховайритъ и Зяйдъ бенъ-Амръ бенъ Найфаль. Каждый изъ нихъ говорилъ своему товарищу: „истинно, нашъ народъ потерялъ правую вѣру. Религія Авраама измѣнена. Къ чему намъ „камень“, который не слышитъ, не видитъ, не можетъ ни вредить, ни пользы приносить“. Послѣ этого они разошлись по разнымъ странамъ, чтобы найти истинную вѣру Авраама.

Варака, вслѣдствіе своихъ связей съ евреями и христіанами, среди которыхъ онъ постоянно вращался, превосходилъ своихъ товарищей энергіей и послѣдовательностью мышленія. Отъ евреевъ онъ часто слышалъ объ имѣющемъ явиться Мес-

---

[1]) Изъ Персіи въ Еменъ проникли несторіане и яковиты.

[2]) Характеристика его представлена выше на стр. 53—58.

[3]) Полнѣе имя его—Абу-Мухаммедъ Абдулъ-Маликъ Ибнъ-Айюбъ, арабскій ученый изъ Басры. Онъ обработалъ жизнеописаніе Мухаммеда, составленные Ибнъ-Исхакомъ (ум. въ 768 г.) изд. Вюстенфельдомъ въ 1858—1860 гг. (Перев. на нѣм. яз. Вейлемъ въ 1864 году).—Ибнъ Хишамъ умеръ въ 833 г. въ Каирѣ.

сіи, посланникѣ Божіемъ, который спасетъ евреевъ и очиститъ старую вѣру; многіе іудействующіе христіане говорили ему въ томъ же смыслѣ, и Варака былъ глубоко убѣжденъ, что этотъ посланникъ произойдетъ изъ арабовъ. Существуетъ указаніе, что Варака подъ конецъ жизни своей принялъ христіанство, прилежно изучилъ ветхій завѣтъ и часть Евангелія перевелъ на арабскій языкъ.

Осмалъ-бенъ-Аль-ховайритъ, двоюродный братъ Вараки, за свою храбрость былъ глубоко уважаемъ своими современниками; но это была слишкомъ глубокая натура, чтобы довольствоваться своей славой и удовлетвориться безсмысленной вѣрой арабовъ. Такимъ образомъ онъ тоже отправился путешествовать и, какъ говорятъ, также перешелъ въ христіанство.

Абдулла, владѣвщій въ Меккѣ большими помѣстьями, хотя только съ материнской стороны принадлежалъ къ корейшитамъ, но также пользовался большимъ почетомъ среди нихъ Однако его исканія истинной вѣры остались къ его глубокому огорченію безуспѣшными, и онъ не могъ придти ни къ какому рѣшительному убѣжденію. Но когда Мохаммедъ выступилъ пророкомъ, Абдулла полагалъ, что нашелъ столь давно и тщетно искомую истину и тотчасъ послѣдовалъ за Мохаммедомъ. Впослѣдствіи онъ оставилъ исламъ и перешелъ въ христіанство.

Наконецъ, четвертый изъ названныхъ арабовъ, Зяйдъ-бенъ-Амръ, двоюродный братъ Омара (впослѣдствіи Халифа), также хотѣлъ отправиться путешествовать съ цѣлью розысканія истины; но родной его дядя Аль-Хаттабъ (отецъ Халифа Омара) упорный послѣдователь меккскаго политеизма, узнавъ о намѣреніи своего племянника, котораго глубоко презиралъ, принялъ всѣ находившіяся въ его распоряженіи мѣры, чтобы помѣшать Зяйду. Поэтому, какъ ни старался Зяйдъ, Аль-Хаттабъ всегда умѣлъ останавливать его, и Зяйдъ былъ вынужденъ оставаться въ Меккѣ. Но у Зяйда было слишкомъ глубоко желаніе найти истинную вѣру: онъ ежедневно отпраллялся къ Каабѣ и тамъ молился о просвѣщеніи его ума и сердца. Прислонившись спиной къ стѣнѣ меккской святыни (Кааба), онъ предавался религіозному размышленію и постоянно восклицалъ: „Боже! Еслибъ я зналъ, какъ Тебѣ служить и молиться, я былъ бы послушнымъ Твоей волѣ; но я не знаю“.. Зяйдъ

не могъ примириться ни съ вѣрой евреевъ, ни съ вѣрой христіанъ, и путемъ собственнаго размышленія искалъ ту вѣру, которую, по его мнѣнію, исповѣдывалъ Авраамъ. Поэтому онъ составилъ собственную религіозную систему, главнымъ догматомъ которой была вѣра въ единство Божіе. Онъ энергично боролся противъ многобожія и безнравственныхъ поступковъ своихъ согражданъ, какъ напримѣръ, противъ—обычая ихъ хоронить заживо своихъ малолѣтнихъ дочерей, чтобы избавиться отъ заботъ по воспитанію ихъ. Бодро выступалъ онъ противъ господствовавшаго въ Меккѣ суевѣрія и бозвѣрія и, вѣроятно, имѣлъ большое вліяніе на своихъ согражданъ. Только этимъ можно объяснить, почему Аль-Хаттабъ нашелъ нужнымъ удалить своего племянника изъ Мекки, отведя его на гору Хиру, гдѣ и содержалъ его подъ строгимъ арестомъ. Но Зяйду удалось бѣжать изъ этого заключенія, и онъ отправился искать вѣру Авраама и распрашивалъ о ней еврейскихъ раввиновъ и христіанскихъ монаховъ. Онъ проѣхалъ Месопотамію, былъ въ Моссулѣ, посѣтилъ Сирію и нашелъ тамъ монаха, считавшагося однимъ изъ ученѣйшихъ христіанъ. Зяйдъ спросилъ монаха объ истинной религіи Авраама, и монахъ отвѣтилъ ему: „ты ищешь религію, которой тебя никто теперь научить не можетъ; но близко время, когда въ странѣ, изъ которой ты пришелъ, появится пророкъ, посылаемый Богомъ съ истинной вѣрой Авраама; послѣдуй за нимъ“... Послѣ этого Зяйдъ уѣхалъ домой, но на дорогѣ подвергся нападенію арабовъ-лахмитовъ, былъ ограбленъ и убитъ ими[1]).

Сколько бы ни существовало сказаній о судьбѣ этихъ четырехъ замѣчательныхъ арабовъ до-Мохаммедова времени, но общая имъ всѣмъ черта несомнѣнно вѣрна исторически, именно: стремленіе ихъ къ чему-то новому, лучшему въ области религіи,—надежда, что появится пророкъ, который сумѣетъ положить конецъ безотрадному состоянію религіи, чья проповѣдь будетъ въ состояніи воодушевить къ новой духовной жизни заблудившійся народъ. Они удалились отъ шумнаго меккскаго

---

[1]) О Зяйдѣ разсказываютъ, что онъ не ѣлъ околѣвшихъ животныхъ, крови и мяса жертвенныхъ животныхъ... Все это было запрещено правилами апостольскаго собора, бывшаго въ Іерусалимѣ (Дѣян. 15, 20).

идолопонлонства, такъ какъ не могли найти въ немъ нравственнаго успокоенія для себя. Неудовлетворенное состояніе ихъ духа съ неотразимой силой влекло ихъ къ чистому, высшему религіозному познанію, къ познанію высшей чистой вѣры, коророй жили ихъ предки и которая была затеряна современнымъ поколѣніемъ, довольствовавшимся внѣшнимъ почитаніемъ Высшаго существа и идолопоклонствомъ и не стремившимся познать это Высшее существо. Мысль о безсмертіи души у ихъ современниковъ была соверш нно поглощена другими постоянными думами объ удовольствіяхъ и радостяхъ ежедневной жизни[1]).

Хотя эти четыре араба стоятъ обособленно, но мысли ихъ и сознаніе ненормальности существующаго порядка были присущи и многимъ другимъ арабамъ, которые болѣе или менѣе ясно сознавали это. Для Аравіи наступало новое время; новыя религіозныя идеи съ неотразимой силой охватывали сперва единичныхъ мыслителей, затѣмъ все болѣе и болѣе водворялись и распространялись, пока, наконецъ, не появился Мохаммедъ, который былъ въ состояніи открыто выступить съ своимъ ученіемъ и бороться за него.

Большинство мекканцевъ не соглашались съ нимъ и не хотѣли отказаться отъ своихъ идоловъ. Они находили страннымъ, что Мохаммедъ хотѣлъ поставить одного Богя на мѣсто ихъ многочисленныхъ боговъ; не могли допускать и разныхъ другихъ оттѣнковъ христіанскихъ вѣрованій; только ханифская вѣра удержалась среди арабовъ, и Мохаммедъ считалъ первоначально свою религію ханифской[2]).

Но большинство мекканцевь не было расположено отказаться отъ своихъ идоловъ. Они находили страннымъ, что Мохаммедъ хочетъ цѣлый рядъ ихъ прежнихъ боговъ замѣнить однимъ только Аллахомъ и себя выдаетъ за посланника Божія, обѣщаннаго арабамъ и предсказаннаго въ св. книгахъ евреевъ и христіанъ[3]); но онъ настаивалъ на этой мысли, утверждая,

---

[1]) См. въ соч. М. А. Машанова (стр. 543–544) стихи арабскаго поэта Тарафы, удостоенныя всеобщей народной похвалы.
[2]) См. Коранъ, гл. 2, ст. 129; гл. 3, ст. 60; гл. 4, ст. 124 и друг.
[3]) Коранъ, гл. 7, ст. 156; гл. 46, ст. 9; гл. 6.

что самъ Богъ избралъ его какъ Мессію для арабовъ[1]). Эта мысль находила благопріятную почву среди арабовъ,—хотя ихъ вожди и сомнѣвались въ каноническомъ значеніи пророческихъ писаній. Именно іудействующіе христіане находились достаточно близко къ сѣвернымъ арабамъ, чтобы склонить арабовъ на свою сторону. Близъ Петрейской Аравіи были извѣстны Сампсеи, которые поклонялись единому Богу, строго исполняли омовенія—(воду почитали почти какъ божество),—но не признавали пророковъ и апостоловъ. Нѣкоторые изъ нихъ воздерживались также отъ питанія живой тварью. Поэтому имѣетъ основаніе мнѣніе св Епифанія, который ставитъ Сампсеевъ на пограничной линіи между іудействомъ и христіанствомъ,—такъ какъ они все-таки исповѣдывали Христа. Они видѣли въ Немъ существо, обладавшее ангельской силой, которая впервые наблюдалась у Адама и затѣмъ снова проявлялась время отъ времени[2]). Эта идея была усвоена Мохаммедомъ, который построилъ на ней исторію пророчества[3]).

При этомъ возникаетъ вопросъ—насколько глубоко проникло это родственное іудейству христіанство къ арабамъ, живущимъ на сѣверѣ? Въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ для подтвержденія такого предположенія. Во всякомъ случаѣ надо сказать, что небольшое число христіанъ сѣверной Аравіи не могло повліять опредѣляющимъ образомъ на религіозное развитіе арабскаго племени, какъ и на самого Мохаммеда. Онъ значительной долей кораническихъ разсказовъ былъ обязанъ христіанству, только не въ чистомъ его видѣ, какъ это видно изъ сличенія Корана съ христіанскими апокрифами[4]), но тѣмъ не менѣе христіанство было съ корнемъ уничтожено въ Аравіи, и въ настоящее время въ предѣлахъ собственно Аравіи нѣтъ христіанства[5]). Можно сказать съ увѣренностью, что

---

1) Тамъ же, гл. 2, ст. 123 и др.

2) См. у В. Снѣгирева въ соч. „Ученіе о Лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства“. (Казань, 1870).

3) См. Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ [Казань, 1874] въ Миссіонер. Сборникѣ, вып. IV.

5) Коранъ, тл. 2, ст. 140 и 143.

4) См. объ этомъ Миссіонер. противомусульм. Сборникъ, вып. VII и XXI.

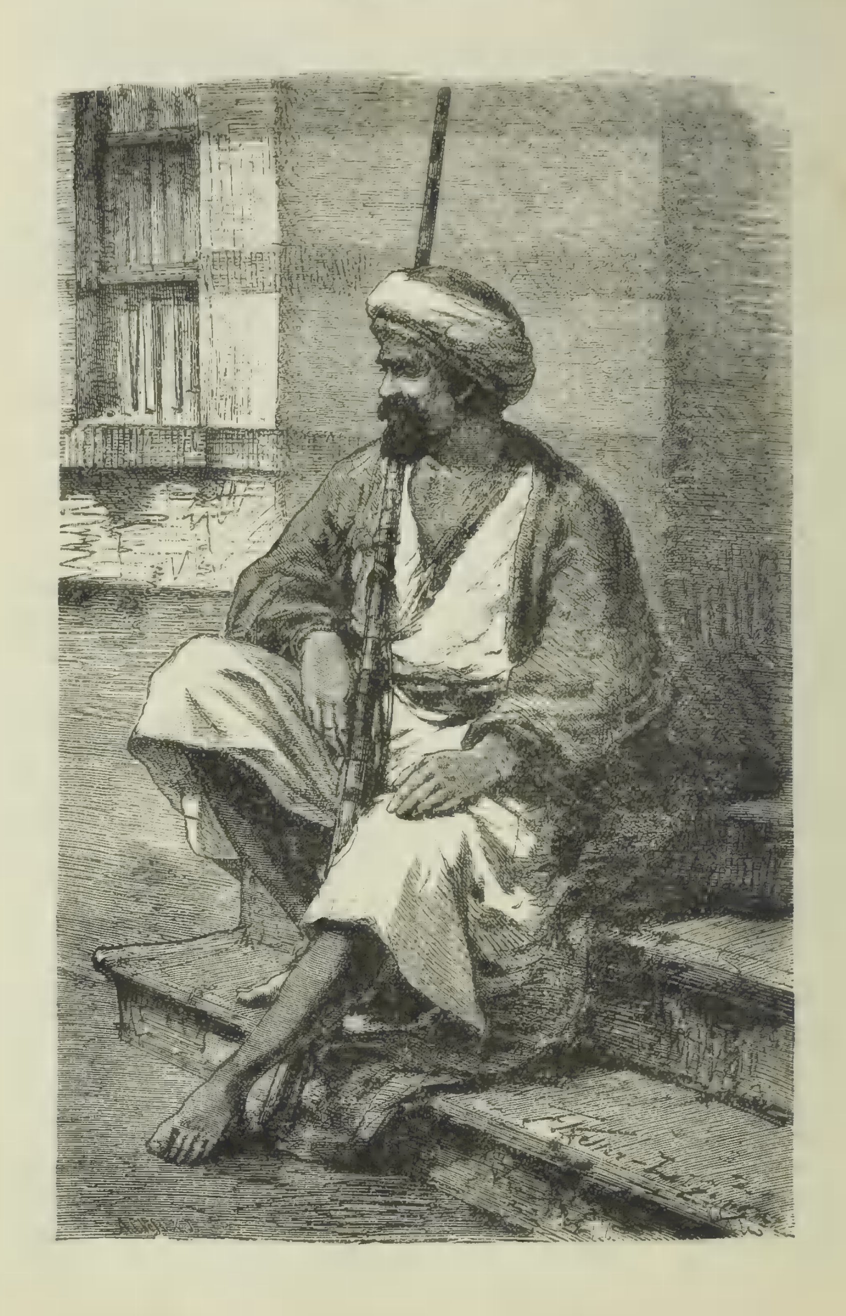
5 Христіанская Сирія и Синайскій полуостровъ не входятъ въ границы Аравіи.

христіанская догматика была недоступна пониманію арабовъ, не отличавшихся наклонностью къ философствованію, а систематическаго просвѣщенія особенно кочевые арабы не знали. И осѣдлымъ арабамъ было трудно изучать сложный и мудреный христіанскій катихизисъ. Въ результатѣ оказалось тоже, что мы видимъ въ приволжской Россіи: огромное число инородцевъ (болѣе 40 тысячъ), когда-то крещенныхъ, но своевременно не просвѣщенныхъ христіанскою школою, формально отказались отъ христіанства и перешли на сторону того же ислама, который въ VII вѣкѣ по Р. Хр. вытѣснилъ слабое христіанство изъ предѣловъ Аравіи[2].

---

[1]) Ср. брошюру „Миссіонерскій Съѣздъ въ Казани 13–26 іюня 1910 года" и „Современное состояніе татаръ-мухаммеданъ и ихъ отношеніе къ другимъ инородцамъ",—докладъ на этомъ съѣздѣ проф. М. Машанова (Казань, 1910).

Каирскій бедуинъ.



X.

Современное положеніе Аравіи и взглядъ на будущую судьбу ислама.

Изъ напечатанныхъ въ этой книгѣ главъ видно, что вся исторія Аравіи проникнута *религіознымъ* характеромъ, именно какъ страна, предназначенная Провидѣніемъ служить религіознымъ цѣлямъ, что она и оправдала фактически, сдѣлавшись колыбелью ислама,—одной изъ главныхъ религій человѣчества. Кромѣ того, Аравія съ ея священными для мусульманъ всего міра городами—Меккой и Мединой—до сихъ поръ служитъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ во время хаджа встрѣчаются и сближаются представители ислама всѣхъ частей свѣта и откуда разносятъ потомъ по всѣмъ странамъ міра объединяющій ихъ принципъ: „мусульмане—братья другъ другу и самый лучшій народъ изъ всѣхъ“. Изъ этого очевидно всемірное политическое значеніе хаджа.

Не вдаваясь въ разъясненіе этого факта, понятнаго каждому, замѣтимъ только, что святыня христіанъ—Іерусалимъ и другіе города Палестины никогда не имѣли, а въ наши дни тѣмъ менѣе оказываютъ политическое вліяніе на христіанскую Европу, оставаясь для удовлетворенія исключительно религіозной потребности посѣщающихъ „Святую Землю“ христіанъ. Въ этомъ заключается огромное и притомъ существенное отличіе мусульманскаго хаджа отъ христіанскаго паломничества, тѣмъ болѣе, что Палестина находится во власти турокъ-мусульманъ и что мечеть Омара высится и красуется надъ постройками св. города, а храмъ Воскресенія Христова, охраняемый турецкими солдатами, напоминающими евангельскую кустодію, почти не примѣтенъ среди другихъ городскихъ зданій. Столь неисповѣдимы судьбы Божіи! При этомъ Палестина и ея святыя мѣста, по самому характеру универсальнаго христіанства, одинаково доступна христіанамъ и всѣмъ иновѣрцами, между тѣмъ какъ св. города мусульманъ, по исключительному, фанатическому духу ислама, не доступны посѣщенію иновѣрцами,—и только немногіе христіане имѣютъ правильное представленіе о Хиджазѣ. Воспользуемся поэтому живымъ словомъ

современнаго публициста Т. Холмскаго, описавшаго впечатлѣнія паломниковъ въ Меккѣ[1]).

„Хиджасъ или Геджасъ священная земля мусульманъ, гдѣ зародилось и откуда разлилось по всему Востоку ученіе Магомета, гдѣ жилъ, учился и умеръ создатель одной изъ распространеннѣйшихъ религій міра, — представляетъ собой безотрадную, выженную солнцемъ полосу земли въ 1,500 верстъ длины и отъ 150 до 300 верстъ ширины. Глубокіе, почти зыбучіе пески, безъ малѣйшаго признака растительности, съ очень рѣдкими скудными источниками полусоленой воды, тянутся вдоль моря; параллельно имъ, въ 50—60 километрахъ отъ берега, идутъ горы, сплошь каменистыя, голыя, такія же безжизненныя, какъ и пустыня.

„Но если природа обдѣлила эту печальную землю своими дарами, за то вѣра и воображеніе человѣка щедро скрасили ее легендами и преданіями, превративъ ея знойные пески и сѣрые камни въ колыбель человѣческихъ религій. Черезъ весь Геджасъ, на Синай и далѣе до Палестины, идутъ мѣста, которыя сначала евреи, потомъ христіане, и наконецъ мусульмане связывали съ библейскими воспоминаніями, или почитали за священныя мѣста, гдѣ Богъ являлся человѣку. Уже въ самой Джеддѣ показываютъ курганъ Мона-Хава, гдѣ по преданію была погребена Ева; нѣсколько далѣе на сѣверо-востокъ отъ Мекки, у подножья горы Арафатъ, Адамъ и Ева соединились послѣ своего изгнанія изъ рая, и здѣсь Ева родила своего первенца; недалеко отсюда находится гора Мина, особенно почитаемая мусульманами, — мѣсто, гдѣ Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву своего сына. Печальныя пустыни Геджаса приковывали къ себѣ вниманіе не только религіозной мысли человѣка, но и вдохновеніе поэтовъ; именно въ Джеддѣ было мѣсто дѣйствія столь воспѣтаго восточными стихотворцами романа между „Мажнунъ и Ляйля“ — этихъ „Наль и Дамаянти“ Аравіи.

„Поэтому постоянной мечтой и задачей турецкихъ султановъ было подчинить отечество пророка своему владычеству. Подъ мечемъ султана Селима въ 1517 г. палъ наконецъ араб-

---

[1]) Ст. „Съ паломниками въ Мекку“ V (Нов. Время отъ 8 апрѣля 1910 года № 12,236).

скій калифатъ, и сѣверная Аравія вошла въ составъ Турецкой имперіи, какъ часть Багдадскаго вилаета. Трудность управленія многочисленными арабскими племенами и значительная отдаленность отъ имперіи дѣлали владычество турокъ въ Геджасѣ номинальнымъ. Религіозное, пуританскаго оттѣнка движеніе, вспыхнувшее въ срединѣ XVIII столѣтія среди арабскаго племени вахабитовъ, въ сосѣдней съ Геджасомъ провинціи Наджд, уничтожило надолго даже послѣдніе слѣды этого владычества; крайне воинственные и фанатичные вахабиты взяли въ 1799 г. Мекку, а четыре года спустя и Медину, совершенно изгнавъ турокъ изъ всей страны. Только съ этого времени турецкое правительство рѣшаетъ начать серьезное наступательное движеніе. По приказу изъ Константинополя, египетскія войска, подъ начальствомъ Ибрагимъ-паши, снова завоевали Геджасъ и въ 1818 г. вторглись въ самый Наджд и разрушили столицу вахабитовъ—гор. Дарайя. Однако, съ уходомъ египтянъ возстаніе вспыхнуло съ новой силой, и въ 1876 г. потребовалась новая экспедиція Митхадъ-паши, которому удалось привести арабскіе кабили (племена) въ нѣкоторое повиновеніе. Въ 1884 г. Геджасъ былъ преобразованъ въ самостоятельное валійство, подчиненное только Константинополю.

„Несмотря на свое долголѣтнее господство въ этой части Аравіи, турки, до провозглашенія іюльской конституціи, ничего не сдѣлали, чтобы водворить и упрочить въ ней порядокъ, успокоить и привязать къ себѣ населеніе. Администрація, начиная отъ мелкихъ чиновниковъ до самаго вали, получая назначеніе на свои посты за очень большія деньги, смотрѣла на нихъ, какъ на доходныя мѣста, откуда нужно и можно выжать какъ можно больше денегъ. Эта система управленія получила особенно широкое развитіе при Абдулъ-Гамидѣ, которому геджасскіе вали были обязаны ежегодно посылать „подарки“ въ нѣсколько сотъ тысячъ турецкихъ лиръ. Чтобы выжать эти деньги съ населенія, турецкая администрація не останавливалась ни передъ какими средствами; такъ, наприм., послѣдній передъ конституціей вали Ахметъ-Радифъ-паша приказалъ, не смотря на то, что гор. Джедда очень страдаетъ отъ отсутствія воды, завалилъ камнями и мусоромъ найденный въ окрестностяхъ города источникъ только для того, чтобы на вѣсъ золо-

та продолжать продавать воду изъ своихъ цистернъ. Такихъ примѣровъ самой беззастѣнчивой и даже преступной эксплоатаціи числится за каждымъ турецкимъ чиновникомъ въ Аравіи безъ счета. Единственный турецкій вали, о которомъ въ населеніи сохранилась добрая память, былъ знаменитый Османъ-паша; но онъ оставался весьма недолго и мало что успѣлъ сдѣлать. Непрерывные поборы администраціи, произволъ и насилія ихъ надъ арабскимъ населеніемъ и были главными причинами постоянныхъ волненій и возстаній. Арабы жалуются, что и конституціонное правительство Турціи идетъ въ этомъ отношеніи по старому пути и незаконно пользуется тѣмъ, что ему не принадлежитъ; въ частности они указываютъ, что турецкія власти даже теперь не отдаютъ населенію тѣ 3—4 тысячи лиръ, которыя египетское правительство ежегодно уплачиваетъ арабскимъ племенамъ, какъ плату за проходъ священнаго каравана по принадлежащей послѣднимъ територіи. Съ другой стороны надо указать, что дѣйствительно Турція до сихъ поръ ничего не сдѣлала ни въ дѣлѣ поднятія народнаго образованія, ни упорядоченія суда, ни проведенія путей и т. д. Единственно, что имъ устроено—это турецкая начальная школа въ Джеддѣ, куда арабы не отдаютъ своихъ дѣтей благодаря грубо-тюркозаторской ея тенденціи. Единственная желѣзная дорога, проведенная турками въ этой громадной по пространству странѣ — дорога отъ Бейрута на Медину, или, какъ ее называютъ, Геджасская. Но не смотря на то, что на постройку ея были собраны громадныя деньги, дорога весьма плохо выстроена, еще хуже оборудована, а правительство не только не думаетъ о сооруженіи новыхъ путей сообщенія, но и не поддерживаетъ даже существующую дорогу. Въ этомъ году на ремонтъ послѣдней, кстати сказать безпрерывно разрушаемой то бедуинами, то муравьями-термитами, ассигнована до смѣшного малая сумма — 160 тысячъ лиръ. Охрана дороги весьма слабая такъ же, какъ и охрана тракта отъ Джедды въ Мекку; привезенный $1^1/_2$—2 года назадъ желѣзнодорожный матеріалъ для проектированной дороги изъ Джедды въ Мекку цѣликомъ давно уже расхищенъ и отъ него не осталось и слѣда. Притомъ военныя силы, имѣющіяся въ странѣ, слишкомъ ничтожны, чтобы не только обезопасить сообщенія и внушить полудикимъ арабскимъ

кабилямъ страхъ и уваженіе къ власти, но наоборотъ, своей слабостью и малочисленностью они подталкиваютъ арабовъ на самыя дерзкіе грабежи и нападенія, такъ какъ всѣ они остаются безнаказанными. Новый режимъ въ Турціи въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, мало сказался. Разсказываютъ, что когда въ прошломъ году арабскія племена подступили къ самой Джеддѣ, и нѣкоторые европейцы совѣтывали каймакаму города воспользоваться имѣвшимися въ его распоряженіи 32 вполнѣ исправными пушками, въ гарнизонѣ Джедды нашлись всего два солдата знакомыхъ, и то весьма слабо, съ артиллерійскимъ дѣломъ.

„Не лучше и въ этомъ году: вдоль всего побережья Геджаса идетъ очень сильная контрабандная торговля оружіемъ, доставляемымъ французскими купцами изъ Джибутти на столько открытая и дерзкая, что на глазахъ у всѣхъ были выгружены 2 пулемета; стоявшая на рейдѣ Джедды турецкая канонерка, съ специальной цѣлью наблюденія за побережьемъ, безсильна что-либо предпринять противъ контрабанды, потому что у ея пушекъ нѣтъ снарядовъ.[1])

Еще болѣе вызываетъ удивленія продолжающаяся здѣсь торговля рабами. Одинъ прогрессивный мусульманинъ, много лѣтъ проживающій въ Джеддѣ, такъ писалъ объ этомъ грубомъ остаткѣ древнихъ временъ: „Да, да, не удивляйтесь: у насъ продаютъ живыхъ людей, какъ барановъ... И это въ то время, когда Турція сбросила ужасное прошлое и стала въ ряды цивилизованныхъ государствъ... Мы давно ожидали, что правительство раньше всего обратитъ вниманіе на позорный обычай, существующій, къ сожалѣнію, въ самомъ сердцѣ нашей святыни, а именно въ Меккѣ,—продажу рабовъ. И что всего обиднѣе, этотъ ужасный торгъ происходитъ около Каабы, на базарѣ Зуунка.

Здѣсь нѣсколько лавокъ торгуютъ спеціально людьми, и можно наблюдать, какъ пріѣхавшие на богомолье хаджіи толпятся вблизи этихъ лавокъ. Продаютъ мужчинъ и женщинъ, причемъ первые обыкновенно закованы въ желѣзо. Иногда просто не вѣрится, что дѣло происходитъ въ такія времена. Необ-

---

[1]) См. Нов. Время отъ 8 апрѣля 1910 за № 12236.

ходимо объ этомъ кричать повсюду и, можетъ быть, наше правительство[1]) рѣшительно прекратитъ позоръ не только для него, но и для всѣхъ мусульманъ Негры и негритянки очень дешевы, а цѣна на нихъ колеблется, отъ пяти до десяти турецкихъ лиръ[2]); но абиссинянки, въ особенности чуть-чуть смазливыя, доходятъ до ста лиръ[3]). На нихъ всегда покупатель налицо. Позорно, что продаютъ нашихъ единовѣрцевъ, въ особенности у святыни, потому что всѣ эти несчастные—исключительно мусульмане[4]). Само собою (разумѣется), что не всѣ ходятъ на свой позоръ, но любители толпятся съ утра и до утра. Рабовъ продаютъ для разнаго употребленія, и вы дагадаетесь—для чего пріобрѣтаютъ рабовъ. Достаточно этимъ негодямъ-работорговцамъ пробраться вдоль берега, потому что, гдѣ расположены французскія, итальянскія и англійскія колоніи, туда работорговцамъ пробратся трудно, и они набрасываютъ цѣну на живой товаръ. Стоитъ послушать, какъ они убѣждаютъ покупателя, объявляя трудности подобной торговли. Мерзопакостный покупатель съ вожделѣніемъ смотритъ на молодыхъ дѣвушекъ, глаза которыхъ полны слезъ, а нѣкоторыя видимо много страдали и сопротивлялись раньше, чѣмъ окончательно отдаться въ руки покупателя.. Есть на видъ еще дѣти, и сердце невольно сжимается отъ негодованія противъ этого возмутительнаго насилія. Въ самой Джеддѣ, гдѣ я живу, рабовъ провозятъ тайно, потому что европейскіе консулы какъ-то протестовали противъ этого, но видимо протесты ихъ чисто случайные: преслѣдуя свои цѣли, консулы не хотятъ рѣшительно воспрепятствовать позорному торгу, чтобы тѣмъ самымъ не нарушить своихъ отношеній съ мѣстными властями.

---

[1]) Разумѣется-турецкое. Авт.

[2]) Въ турецкой лирѣ считается 100 піастровъ. Поэтому, на наши деньги цѣна негровъ колеблется отъ 25 до 50 руб. Авт.

[3]) То-есть до 500 руб. Авт.

[4]) Замѣчательно, что прогрессивный мусульманинъ возмущается работорговлею только потому, что въ продажу поступаютъ мусульмане... Значитъ, мусульманскій прогрессъ только для мусульманъ, хотя въ коранѣ и шаріатѣ рабство разрѣшается, а въ христіанствѣ отмѣнено. Авт.

[5]) Зная восточные нравы, трудно возлагать на европейскихъ консуловъ такую щекотливую задачу. Авт.

Но рабство—прибавляетъ корреспондентъ-очевидецъ, еще долго будетъ принадлежностью черной расы, потому что, какъ это было въ день Малаго Байрама[1]) въ Джеддѣ, негры, подобно другимъ дикарямъ, устроили процессію по городу, съ воемъ и визгомъ. Чему они радовались, трудно сказать, но тяжело было видѣть людей въ положеніи настоящихъ скотовъ, да еще въ почитаемомъ мусульманскомъ мѣстѣ. „Это одна изъ печальныхъ страницъ нашей исторіи. Есть все-таки надежда, что просвѣщенные оттоманы прекратятъ торговлю людьми и постараются очистить святое мѣсто отъ паразитовъ. Вѣдь, теперь не старыя времена, и достаточно одного приказанія изъ Константинополя, и вся эта гнусть исчезнетъ[2])“.

Будетъ ли такъ, какъ говоритъ прогрессивный мусульманскій корреспондентъ изъ Джедды, и когда уничтожится рабство въ мусульманскихъ странахъ,—объ этомъ трудно предсказывать въ настоящее время, не смотря на то, что въ Турціи объявлено конституціннное правленіе. Во первыхъ: институтъ рабства, очевидно, соотвѣтствуетъ природѣ Аравіи и арабовъ и потому существовалъ тамъ всегда и не былъ отмѣненъ Мохаммедомъ[3]). Во вторыхъ: сами арабы, очевидно, не переросли въ XX столѣтіи тѣхъ соціальныхъ рамокъ, въ какихъ застал ъ ихъ основаель ислама Наконецъ, въ третьихъ: турецкое управленіе въ Аравіи всегда было неудовлетворительно; такимъ же неудовлетворительнымъ признатся и современный административный турецкій режимъ въ Аравіи, не смотря на обновленную форму правленія въ Турціи.

Причину этого нужно видѣть въ характерѣ управленія Аравіей. Собственно Хиджазскій вилаетъ управляется великимъ шарифомъ Мекки, подъ непосредственнымъ контролемъ турецкаго паши (генералъ-губернатора) и совѣта шейховъ мюшейхетъ) гор. Медины. Шарифъ Мекки, по происхожденію своему—потомокъ Мохаммеда и является высшимъ охранителемъ св. мѣстъ

---

[1]) Разумѣется праздникъ, наступающій послѣ посѣщенія Арафата.
[2]) Изд. въ Парижѣ татарскій журналъ „Мусульманинъ“ отъ 30 января (12 февраля] 1910 годв № 1. ст. „Съ береговъ священнаго Геджаса“ [стр. 96—97].
[3] См. Коранъ и Шаріатъ.

Хиджаза и потому пользуется особымъ почетомъ и вліяніемъ: онъ выше и важнѣе константинопольскаго шейху-ль-ислама и не подчиняется турецкому генералъ-гулернатору, назначаемому Высокою Портою.

Но при всей независимости и неограннченности своей духовной власти, шарифъ Мекки всетаки получаетъ свою инвеституру отъ турецкаго султана, а иногда долженъ отвѣтствовать и предъ народомъ. Корреспондентъ парижскаго мусульманскаго журнала[1]) разсказываетъ, что не особенно давно великій шарифъ Саидъ-паша, соблазнившись золотомъ, или желаніемъ показать себя просвѣщеннымъ, разрѣшилъ двумъ европейскимъ орьенталистамъ посмотрѣть Мекку и, главнымъ образомъ, священную для мусульманъ Каабу и за такую неслыханную дерзость погибъ среди бѣла дня подъ кинжаломъ фанатика, уложившаго шарифа въ лѣтней его резиденціи —гор. Таифѣ, находящемся недалеко отъ Мекки, въ горахъ.

Опредѣленнаго жалованія шарифъ не получаетъ, но зарабатываетъ, по словамъ арабовъ, больше самого султана.— Такое положеніе шарифа и выгоды, соединенныя съ этимъ положеніемъ, вызываетъ зависть у его соперника по власти —геджазскаго валія (турецкаго генер.-губернатора): соревнующія власти находятся почти въ ежедневномъ столкновеніи, что продолжается издавна, со временъ турецкаго султана Селима, подчинившаго Аравію Турціи. Извѣстный путешественникъ по Аравіи XIX в. Бертонъ такъ описывалъ положеніе меккскаго шарифа: „Шарифъ, притязающій, подобно папѣ, на высшую свѣтскую и духовную власть, пытается повелѣвать всѣми властями... Паша, т. е. валій, стоитъ во главѣ турецкой, теперь правящей партіи, а шарифъ заботится объ арабахъ и бедуинахъ. Оба начальника пререкаются другъ съ другомъ по всякому поводу и ведутъ нескончаемые и ярые споры.

За время Гамидова режима шарифомъ Мекки состоялъ чрезвычайно способный и чрезвычайно беззастѣнчивый въ средствахъ эль-Рафикъ. Тогда взяточничество царило въ Стамбулѣ, и шарифъ умѣлъ покупать и подкупать наибо-

1) „Мусульманинъ“ № 13 отъ 10/23 іюля 1910 года. Ст. „Съ береговъ св. Геджаса“.

лѣе вліятельныхъ изъ приближенныхъ Абдулъ-Гамида. Его вліяніе господствовало и онъ пользовался такой властью въ странѣ, что генералъ-губернаторъ и всѣ военныя и гражданскія должностныя лица должны были склоняться передъ его волей. Онъ былъ безспорнымъ владыкой Геджаса. Но для того, чтобы закрыть глаза Порты всѣмъ въ Константинополѣ, надо много денегъ. Къ паломникамъ относились совершенно безчеловѣчно. Деньги вымогались у нихъ всячески. Они должны были платить погонщикамъ и собственникамъ верблюдовъ непомѣрныя суммы на покрытіе тяжелыхъ налогогъ, установленныхъ для послѣднихъ шарифомъ. Проводники по святымъ мѣстамъ обирали паломниковъ до послѣдней копѣйки. Бедуины также участвовали въ грабежѣ.

„Таково было положеніе дѣлъ, когда въ Турціи была провозглашена конституція. Турецкіе чиновники въ Меккѣ и повсюду въ Геджасѣ почувствовали приливъ смѣлости и. во имя „единенія и прогресса", попытались оказать давленіе на шарифа и бедуиновъ. Шарифъ Али отказался подчиниться людямъ, на которыхъ смотрѣлъ, какъ на выскочекъ, и которые не имѣли ничего общаго съ комитетомъ единенія и прогреса. Тщетно попытавшись сопротивляться имъ, онъ ушелъ въ отставку и направился въ Константинополь для оправданія своей дѣятельности. Въ настоящее время онъ живетъ въ довольствѣ и богатствѣ въ Каирѣ. Теперешній шарифъ Гуссейнъ—человѣкъ другого характера. Истый арабъ изъ арабовъ и при томъ насквозь турецкій дипломатъ, онъ жилъ при Абдулъ-Гамидѣ въ Константинополѣ, находясь въ ежедневномъ соприкосновеніи съ наиболѣе вліятельными сановниками Илдыза. По словамъ каирскаго корреспондента, онъ производитъ впечатлѣніе искренняго арабскаго патріота, дѣйствительно озабоченнаго благосостояніемъ своей страны[1]).

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что во внутренней жизни арабовъ до 1910 года не замѣчалось какихъ-либо политическихъ движеній, кромѣ появленія такъ называемыхъ „махдіевъ", подъ ферулой которыхъ организовывались возстанія во внутренней Аравіи. Кочевые арабы, съ голода и по привычкѣ,

---

[1]) Россія отъ 14 февраля 1910 года № 1299.

нападали на паломниковъ, грабили ихъ, а нерѣдко и убивали и притомъ чаще—нападенія направлялись на караваны бѣдныхъ паломниковъ. По словамъ корреспондента париж. журнала „Moussoulmanine“, сотни случаевъ можно привести, какъ погибали цѣлые караваны по пути въ Мекку или Медину, подвергшись нападенію кочевыхъ арабскихъ племенъ. Админи.трація ничего не могла сдѣлать при старомъ режимѣ, а теперь и говорить нечего. Дикіе кочевники, опасаясь, что новый строй допуститъ въ ихъ святыя мѣста невѣрныхъ, стараются убійствами и грабежами запугать даже своихъ единовѣрцевъ. Рѣшительно пока съ ними ничего сдѣлать нельзя. Единственный исходъ—заранѣе сговорится и уплатить выкупъ[1])...

Начиная съ 1910 года, и среди кочевыхъ арабовъ пробудилось національное сознаніе: на базарахъ, въ кофейняхъ и другихъ мѣстахъ народныхъ сборищъ,—по словамъ цитированнаго выше г. Холмскаго, обсуждался вопросъ о халифатѣ въ томъ смыслѣ, что турецкій султанъ не является настоящимъ халифомъ и т. д. Совершенное въ 1910 году египетскимъ хедивомъ паломничесгво въ Мекку поддержало эти толки въ арабской народной массѣ, послѣ чего многіе стали указывать на хедива, какъ на будущаго султана-халифа. Возмущеніе еменскихъ арабовъ и прокламаціи еще болѣе поддержали народную молву. Въ Еменѣ возстаніе продолжалось цѣлый годъ; возстаніемъ воспользовался ковейтскій шейхъ, задумавшій прямо отложиться отъ турецкаго подданства, а его примѣру послѣдовалъ эмиръ Надждскій и нѣсколько другихъ арабскихъ вождей. Турецкое правительство было очень обезпокоено волненіями, происходившими въ Аравіи и 1 февраля, въ особомъ совѣщаніи министерствъ морского и внутреннихъ дѣлъ, новому коменданту Емена Мехмедъ-Али-Пашѣ было поручено покончить съ арабскимъ мятежемъ путемъ энергичныхъ мѣръ.—Подъ вліяніемъ народно-арабскаго движенія, въ Хеджазѣ, Еменѣ и частью въ Сиріи распространялись рѣзкія воззванія, изданныя отъ имени „высшаго арабскаго національнаго комитета“. Въ этихъ прокламаціяхъ турки называются варварами, пришедшими изъ центральной Азіи и вмѣстѣ съ тѣмъ указывается, что ара-

---

1) № 13 отъ 10/23 іюня 1910 г. Ст. „Съ береговъ свящ. Геджаса“.

бы въ прежнія времена были завоевателями и правителями, а теперь находятся въ подчиненіи у торокъ и угнетаются ими. Воззваніе приглашаетъ всѣхъ арабовъ присоединиться къ лигѣ „Арабская Родина“ и проводитъ ея политическую программу. Она заключаетъ въ себѣ слѣдующіе пункты: отдѣленіе отъ Турціи съ цѣлью образованія особой арабской имперіи въ предѣлахъ отъ долины Тигра и Евфрата до Суецкаго перешейка и отъ Средиземнаго до Оманскаго морей. Вновь образованная имперія будетъ представлять конституціонный, прогрессивно-либеральный султанатъ, съ арабомъ во главѣ; гиджаскій вилаетъ и городъ Медина явятся независимымъ халифатомъ, мѣстопребываніемъ всемірнаго халифа ислама. Въ дальнѣйшемъ программа обѣщаетъ сохраненіе автономіи Ливана, равно всѣхъ правъ и привиллегій христіанъ въ Палестинѣ, амнистію за всѣ преступленія и т. д. Возваніе этой лиги производитъ среди арабскихъ племенъ, правда—полудикихъ, но умныхъ по природѣ, гордыхъ и свободолюбивыхъ, къ тому же презирающихъ и ненавидящихъ Турокъ,—весьма сильное впечатлѣніе.

„Говорить о партіяхъ и политическихъ теченіяхъ среди племенъ Геджаса не приходится. Всѣ эти многочисленныя племена нерѣдко враждующія между собой, еще слишкомъ дики для сознательной политической жизни; ихъ можно поднять противъ Турокъ или во имя религіознаго фанатизма, или возбудивъ ихъ національное самолюбіе. Среди же арабской интеллигенціи и буржуазіи можно подмѣтить въ этомъ отношеніи два теченія: болѣе крайнее и умѣренное. Первые настаиваютъ отдѣленіе Аравіи отъ Турціи и готовы для этого признать владычество всякой другой державы, если Египетъ, освободившійся отъ англійской окупаціи, не станетъ во главѣ панъарабскаго движенія; умѣренные же довольствуются требованіемъ для Геджаса реформъ и полу-автономіи.

Г. Холмскій отказывается предсказать, въ какой формѣ выльется въ Геджасѣ националистическое арабское движеніе. Это трудно потому, что сейчасъ оно только въ зародышѣ, но такъ какъ на Востокѣ событія развиваются съ страшной быстротой, то очень можетъ быть, что мы будемъ вскорѣ свидѣтелями паденія турецкаго владычества въ Аравіи. Энергичная,

хотя и разрозненная и непланомѣрная работа, которая идетъ сейчасъ въ Сиріи, Мессопотаміи и Еменѣ, служитъ вѣщимъ признакомъ. Въ частности, по отношенію къ Геджасу, авторъ говоритъ, что оборотъ могущихъ тамъ разыграться событій весьма зависитъ отъ образа дѣйствій шарифа Мекки—хранителя Каабы и высшаго представителя ислама. Вліяніе его на всѣ арабскія племена всегда было очень большое. Теперешній шарифъ Гуссейнъ-паша ставленникъ младо-турокъ, какъ говорятъ, умный и ловкій человѣкъ. Сумѣвъ внушить молодому турецкому правительству довѣріе къ своей личности, онъ сумѣлъ сохранить и довѣріе арабовъ. Въ народѣ его считаютъ его націоналистомъ, который можетъ стать во главѣ движенія; покамѣсть же онъ ничѣмъ не проявляетъ своихъ истинныхъ чувствъ и весьма ловко лавируетъ между Сцилой и Харибдой — турецкими властями и пробуждающимся самосознаніемъ арабскаго народа[1]).

Заканчивая свою книгу, авторъ возвращается къ ея заглавію: „Аравія—колыбель ислама“ и считаетъ своимъ патріотическимъ долгомъ обратить вниманіе соотечественниковъ на важное значеніе, какое имѣетъ исламъ для Россіи, насчитывающей въ своихъ предѣлахъ до 20 милліоновъ исповѣдниковъ этой религіи. На происходившемъ 13—26 іюня настоящаго года въ Казани миссіонерскомъ съѣздѣ, въ которомъ принимали участіе представители болѣе 20-ти внутреннихъ губерній имперіи съ инородческимъ населеніемъ тюрско-финскаго племени, былъ съ разныхъ сторонъ разсмотрѣнъ вопросъ объ опасности, грозящей русской православной церкви и неразрывно соединенному съ ней русскому государству со стороны ислама. Ссылаясь въ этомъ случаѣ на факты, приведенные въ докладахъ разныхъ членовъ съѣзда[2]), авторъ заканчиваетъ ссылкой

---

[1]) Нов. Вр. отъ 9 апрѣля 1910 года № 12240.

[2]) См. докладъ еп. Алексѣя (доктора богословіи) о современ. движеніи въ исламѣ; докладъ проф. Машанова о современ. состояніи татаръ-мухаммеданъ о ихъ отношеніи къ другимъ инородцамъ; два доклада автора настоящей книги о колебаніяхъ русскаго духовнаго и гражданскаго начальства во взглядахъ на миссіонер. дѣло и на мусульманскія школы и др.

на замѣтку уже цитированнаго въ настоящей книгѣ прогрессивнаго русско-мусульманскаго, издаваемаго въ Парижѣ журнала „Мусульманинъ“. Замѣтка эта напечатана въ № 14 названнаго журнала и имѣетъ заглавіе: „Роль ислама среди народовъ“. Въ ней авторъ-мусульманинъ приводитъ главныя мысли проф. университета въ Льежѣ, востоковѣда Брикте, о современномъ значеніи и вліяніи мусульманской религіи. По его словамъ, исламъ и въ настоящее время распространялся съ неменьшей силой, чѣмъ въ первые вѣка своего существованія на землѣ. «Правда—читаемъ въ «Мусульманинѣ»—исламъ исчезъ въ Испаніи и Сициліи, повидимому, падаетъ въ другихъ европейскихъ странахъ, но неизмѣнно преуспѣваетъ на своей родинѣ, въ гигантской Азіи, пробужденія которой въ Европѣ многіе ждутъ съ опасеніемъ; ежегодно, безъ всякаго шума, исламъ пріобрѣтаетъ тамъ тысячи сторонниковъ, восторженныхъ до фанатизма; въ Китаѣ онъ насчитываетъ 20 милліоновъ вѣрныхъ и угрожаетъ замѣнить собою буддизмъ; чрезвычайно быстро онъ преобразуетъ положеніе вещей на Зондскихъ островахъ. Въ самой Индіи, покоренной великой христіанской націей, исламъ распространяется въ ущербъ буддизму съ изумительнымъ успѣхомъ; число его приверженцевъ, согласно офиціальнымъ отчетамъ, за 30 лѣтъ возрасло съ 20 до 60 милліоновъ. Все это ясно указываетъ, что распространеніе ислама продолжается и послѣ періода завоеваній, не нуждаясь, какъ это неоднократно утверждалось, въ поддержкѣ ятагана. Но успѣхи ислама въ Азіи—ничто, по сравненію съ его торжествомъ на огромномъ африканскомъ материкѣ. Африка—избранная арена мусульманской пропаганды.

„Слѣдовательно, изученіе вѣрованій и культа шестой части обитателей земного шара, замѣчаетъ Брикте, представляется дѣломъ весьма интереснымъ, и многіе посвятили ему свое ввиманіе; необходимо выяснить явные и скрытые недостатки и преимущества мусульманскаго міропониманія, столь часто оказывавшагося поперекъ пути европейской цивилизаціи, съ которымъ въ будущемъ придется имѣть дѣло. Наиболѣе важный въ практическомъ отношеніи и наиболѣе связанный съ текущей жизнью вопросъ, по мнѣнію Брикте,—вопросъ о причинахъ наблюдаемаго среди мусульманъ застоя. Чѣмъ объясня-

ется этотъ застой: внѣшними причинами, или гибельными принципами ученія арабскаго пророка? Полезно выяснить: обречены ли народы, воспріявшіе исламъ, на вѣчную дремоту, или же они могутъ до нѣкоторой степени приноровиться къ требованіямъ современной жизни?

„Отрицаніе свободы воли, фатализмъ, отчасти объясняетъ такое вліяніе ислама. Вѣра въ судьбу - предназначеніе, распространенная и среди голландскихъ и швейцарскихъ кальвинистовъ и пресвитеріанъ Шотландіи, правда, не мѣшаетъ имъ быть наиболѣе дѣятельными народами міра; но умственныя качества азіатовъ не таковы. Люди Востока обладаютъ невѣдомой въ нашихъ странахъ силой характера и съ чудовищной логикой доводятъ свои принципы до послѣднихъ практическихъ выводовъ. Магометане полны религіознаго самоотреченія по отношенію къ волѣ Бога, къ тому „исламу", которому религія Магомета обязана своимъ названіемъ. Несомнѣнно, что фаталистическій духъ, которымъ столь поразительно проникнутъ мусульманскій міръ, сильно содѣйствовалъ подавленію въ мусульманахъ энергіи. Слѣдуетъ замѣтить, что азіаты, даже не мусульмане, весьма склонны, по природѣ, къ фатализму. Причины этого весьма сложны: вліяніе климата, деспотизма, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ и т. д.

„Тщетно думать объ обращеніи мусульманъ въ христіанство. Это—несомнѣнный фактъ. Всѣ усилія миссіонеровъ, какъ католическихъ, такъ и протестанскихъ, не привели ни къ чему. Ихъ роль въ мусульманскихъ странахъ ограничена тѣмъ, чтобы являть примѣръ христіанскихъ добродѣтелей, милосердія къ слабымъ и нисшимъ. На обращеніяхъ, выполненныхъ въ Россіи XVI вѣка посредствомъ меча и принужденія[1]), говоритъ Брикте, не стоитъ останавливаться. Эти пріемы, не согласные съ духомъ христіанства, дали больше мучениковъ, чѣмъ обращенныхъ.

„Какъ объяснить невозможность обращенія магометанъ въ христіанство? Имѣется нѣсколько причинъ этого. Прежде всего,

[1]) Мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ иностраннаго профессора, никогда въ Россіи не бывавшаго и съ церковною исторіей Россіи не знакомаго. Съ увѣренностью можно сказать, что столь односторонній взглядъ подсказанъ французскому ученому прогрессивными татарами, проживающими во Франціи. Авт.

какъ не разъ утверждалось,—большая простота мусульманскаго ученія, идеалъ, ограниченный практической нравственностью, считающійся съ нашими страстями и не требующій большихъ усилій и какого-либо отреченія. Къ этой первой причинѣ можно добавить религіозныя предписанія, регулирующія жизнь мусульманина. Для него порвать съ вѣрой значитъ въ тоже время порвать со всѣми своими привычками, перевернуть всю свою жизнь. Для мусульманина столь же трудно одобрить религію Христа, какъ для христіанина—стать израелитомъ: отступленія бываютъ рѣдки.

Объяснивъ, такимъ образомъ, упорство мусульманъ въ своей вѣрѣ, Брикте замѣчаетъ, что идеалы народовъ различаются, какъ и идеалы отдѣльныхъ лицъ. Одинъ лелѣетъ величественныя мечты, стремится къ богатству, славѣ, власти и почестямъ и толкаетъ къ этому своихъ ближнихъ; другой довольствуется малымъ, презираетъ богатство, мірскую суету и живетъ себѣ спокойно и тихо. Кто правъ изъ нихъ? Возможно, что счастье во взаимной привязанности и умѣренности желаній: тогда мусульманскому міру нельзя сильно жаловаться.

Главный рычагъ нашей цивилизаціи профессоръ-востоковѣдъ видитъ въ недовольствѣ, создающемъ новыя потребности и новые источники прогресса; мусульманинъ же не требуетъ многаго и легко удовлетворяется.

Мы съ своей стороны прибавляемъ къ этому, что главная бѣда христіанскихъ странъ заключается въ неудержимо распространяющемся по всему цивилизованному міру „безвѣріи“, такъ что М. Гюйо издалъ большую книгу[1]), въ которой спокойно трактуетъ этотъ жестокій вопросъ, забывая, что съ паденіемъ и исчезновеніемъ религіи среди христіанскихъ народовъ прекратится и христіанская культура на землѣ, возникшая и развивавшаяся на христіанской почвѣ, потому что одна философская мысль не можетъ доставить полнаго удовлетворенія народной душѣ, какъ это уже доказано исторіей исчезнувшихъ цивилизацій и въ частности римской. Ясно, что на

1 М. Гюйо. Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе. Съ біографической замѣткой о Гюйо Ал. Фулье и съ предисловіемъ проф Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Перев. съ франц. подъ редакціей Я. Л. Сакера. [С.-Петербургъ, 1908. 1—507].

смѣну современной европейской культурѣ можетъ явиться другая, можетъ быть сродная христіанской, по закону эволюціи, но не христіанская. А потому отъ христіанскаго общества и въ частности отъ русскаго зависитъ продолженіе и прогрессъ въ Россіи христіанской образованности и христіанской жизни, въ послѣдніе годы сильно поколебленныхъ въ своихъ основахъ и все болѣе отклоняющихся въ сторону язычества[1]). Исламъ въ этомъ отношеніи имѣетъ то преимущество, что, оставаясь религіей, онъ можетъ служить крѣпкимъ цементомъ для семейной и общественной жизни своихъ послѣдователей и можетъ уживаться съ просвѣщеніемъ. Доказательствомъ этого служитъ націоналистическое движеніе, недавно начавшееся и неудержимо развивающееся по всему міру въ средѣ прогрессивной партіи образованныхъ мусульманъ. Можно поэтому серьезно опасаться, что исламъ не только восторжествуетъ среди тюркскихъ и финскихъ инородцевъ Россіи, но и будетъ служить соблазномъ для нѣкоторыхъ русскихъ людей, не твердыхъ въ своихъ религіозныхъ взглядахъ и національныхъ чувствахъ. Случаи такого шатанія русскихъ умовъ уже наблюдались въ Россіи и притомъ не только среди рабочаго люда[2]), но и въ кругахъ съ достаточнымъ обезпеченіемъ. Особенно бросается въ глаза увлеченіе исламомъ со стороны образованныхъ женщинъ Западной Европы[3]) и Россіи. Вотъ наиболѣе характерный случай въ этомъ родѣ. Баронесса фонъ-Розенъ изъ Ялты обратилась въ редакцію Бахчисарайской газеты „Терджиманъ“ съ такимъ заявленіемъ:

„Передъ вами знающая нѣкоторые языки и литературу и получившая возможное образованіе нѣмецкая женщина. Съ давнихъ поръ я интересуюсь вопросами философіи и религіи;

---

[1]) См. ст. А. Лукинскаго въ газ. „Россія“ (отъ 1 авг. 1910 г. № 1442) подъ заглавіемъ „Христіанство безъ Христа“.

[2]) Такихъ примѣровъ въ Туркестанскомъ краѣ было нѣсколько. Послѣдній случай насильственной выдачи за мусульманина русской дѣвушки ея собственнымъ отцомъ за 500 р. калыма описанъ въ № 180 Туркест. Курьера отъ 12 авг. 1910 года. Нѣсколько въ другомъ родѣ случай описанъ въ № 183 той же газеты отъ 15 авг. 1910 г,

[3]) Такіе случаи извѣстны среди образованныхъ женщинъ Германіи, Франціи, Англіи, Америки и Австраліи, какъ объ этомъ заявлено въ газ. „Каспій“ со словъ нѣмецкаго журнала (№ 47) „Über Land und Meer“. См. нашу ст. „Колебанія во взглядахъ на образованіе туземцевъ въ Туркестанскомъ краѣ“ (Сборн. имени К. П фонъ Кауфмана. Москва. 1910).

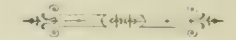
помимо того, я ознакомилась до извѣстной степени съ ученіемъ ислама и шаріатомъ. Какъ слѣдствіе всего этого, я полюбила исламъ. Къ сожалѣнію, въ исламѣ есть одно обстоятельство, не осудите, которое меня приводитъ въ недоумѣніе. Говорятъ, что въ тотъ день, когда я стану мусульманкой, я должна буду закрывать свое лицо и удалиться отъ свѣта. Не знаю, быть можетъ, это необходимо. Скажу только, что я достигла тридцати лѣтъ; за это время одна-одинешенька я посѣтила съ открытымъ лицомъ многія страны Европы, Америки и Азіи. Сама я управляла и своимъ имѣніемъ и долей въ большой фабрикѣ. При такихъ обстоятельствахъ, вдругъ теперь закрыть свое лицо и поручить всѣ свои дѣла постореннему человѣку, для меня было бы весьма тяжело. Вотъ то обстоятельство, которое удерживаетъ меня отъ перехода въ исламъ. Этого духовный мой міръ не можетъ принять. Какъ вамъ самимъ извѣстно, если теперь я выйду замужъ за мусульманина, съ условіемъ сохраненія моей религіи, то посѣщеніе мною по праздничнымъ днямъ церкви, а равно открытая жизнь и веденіе своихъ дѣлъ не встрѣчаетъ препятствій (?) со стороны ислама; но съ переходомъ въ исламъ, я принуждена буду закрыть лицо, отказаться отъ дѣлъ и общественной жизни. Такъ ли это?

„Признанная мною въ душѣ мусульманская религія, есть свѣтлое, справедливое и правдивое ученіе. Потому я не сомнѣваюсь, что въ ней долженъ быть исходъ для моего недоумѣнія. Вѣдь, оставаясь въ христіанствѣ, я свободна, а переходя въ исламъ, теряю свободу и права, съ чѣмъ духъ мой никакъ не можетъ примириться. Простите мнѣ мои сомнѣнія. Если есть какой-либо способъ разрѣшить данный вопросъ, то осчастливьте меня сообщеніемъ его. По принятіи ислама,—намазъ, хаджъ, закятъ, постъ и др. религіозныя требованія будутъ исполняться мною съ благоговѣяіемъ и любовью. И при всемъ томъ, неужели кусокъ кисеи, которымъ я должна прикрыть лицо, станетъ неодолимымъ препятствіемъ вступленію м ему въ семью мусульманокъ? Прошу васъ отвѣтить на этотъ вопросъ“.

Въ своемъ отвѣтѣ на письмо баронессы Розенъ, „Терджиманъ“, находя данный вопросъ вообще весьма важнымъ и сложнымъ, полагаетъ, что отвѣтъ долженъ воспослѣдовать отъ всѣхъ

мусульманскихъ духовныхъ ученыхъ Россіи, Турціи, Египта, Персіи[1]).

Каковъ будетъ отвѣтъ ученыхъ мусульманъ на вопросъ баронессы Розенъ, мы не знаемъ, но предполагаемъ, что — успокоительный для эксцентричной нѣмецко-русской дамы. Мы же можемъ увѣрить ее, что, если она выйдетъ замужъ за мусульманина, то въ церковь ей не позволятъ ходить; не позволятъ, вѣроятно, и еще что-нибудь... И тогда эксцентричная баронесса разочаруется въ составленномъ ею религіозномъ идеалѣ... Но таковъ нашъ очаровательный Крымъ, что русскія барыни увлекаются имъ до готовности измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ. Грустно и стыдно!



[1]) (Турк. Кур. 1910 г. № 167 отъ 27 іюля).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РИСУНКИ ВЪ КНИГѢ.

Duke University Libraries
D00637776-

D00637776 -
Duke University Libraries